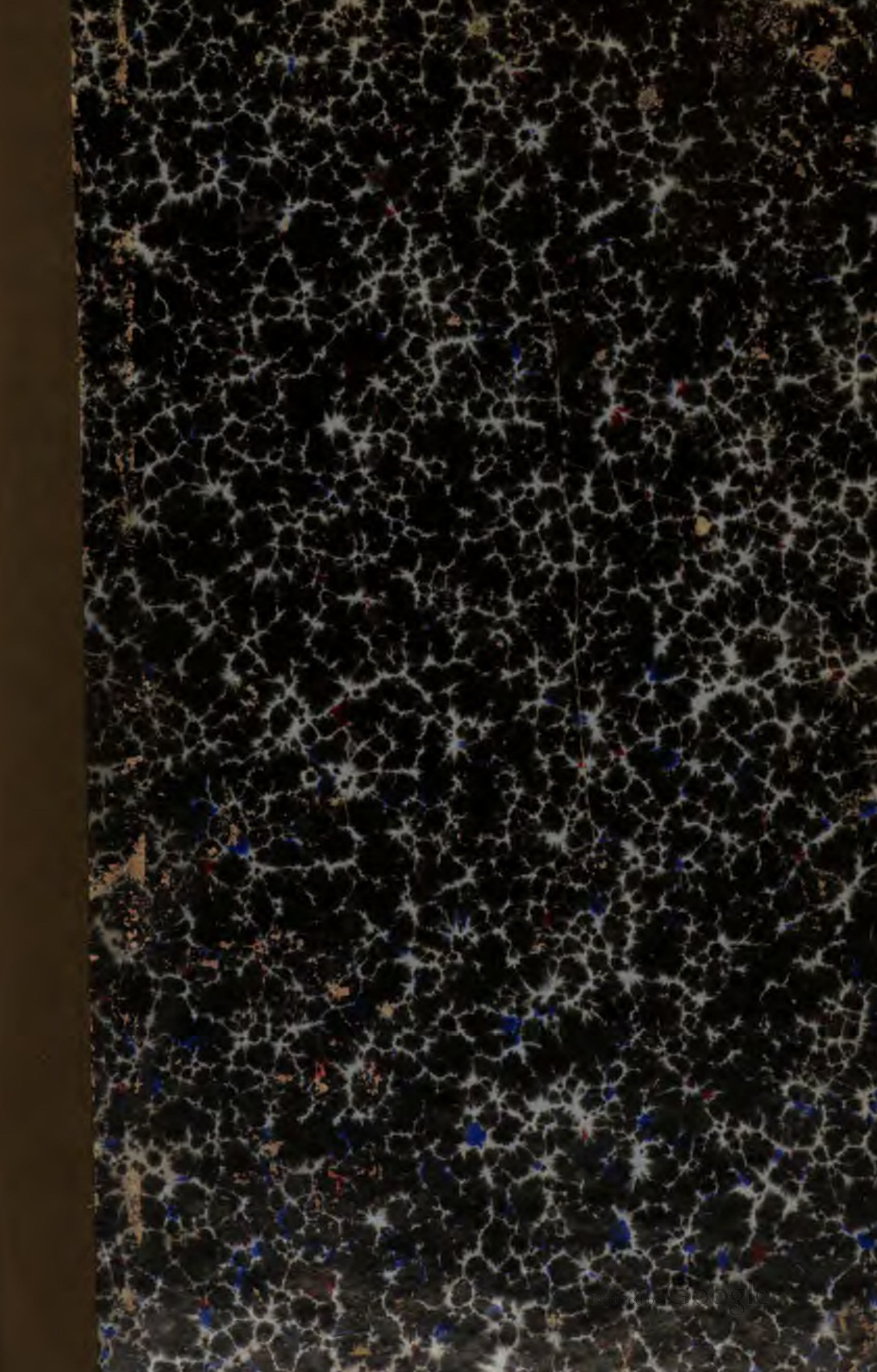

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

276

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

1901.

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

НОЯБРЬ.

1901.

о типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1901.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТАГО ТОМА.

Русскій Вѣстникъ.

НОЯБРЬ.

Стр.

БИБЛІОГРАФІЯ:

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ПОМИНАЛЬНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

— Ты сдѣлалъ въ жизни все чтобы въ сердцахъ осиротѣлыхъ друзей оставить по себѣ добрую, незабвенную память. Ты не помнилъ о себѣ, ты заботился только о томъ чтобы твоему ближнему было хорошо; помня завѣты Писанія ты былъ рѣдкимъ семьяниномъ; всѣ свои силы ты посвящалъ на служеніе дорогому отечеству, но коса смерти не пощадила лучшаго изъ гражданъ! Покойся же въ мирѣ, добрый другъ, и знай что на землѣ осталось много людей которые почтутъ тебя благодарной слезой и съ глубокимъ чувствомъ умиленія передадутъ потомству память о твоемъ благородномъ незапятнанномъ имени! Миръ праху твоему!

При послѣднихъ словахъ голосъ оратора, плотнаго мущины съ круглымъ бритымъ лицомъ, дрогнулъ, и онъ грустно покачалъ головой надъ открытой могилой; потомъ бросилъ въ нее три горсти глинистой земли, обтеръ платкомъ кончикъ носа и съ глубокою скорбію сказалъ:

— Спи до радостнаго утра!

Раздалось истерическое женское рыданіе; ораторъ съ нѣсколькими другими лицами бросился къ рыдавшей молодой женщинѣ, жгучей брюнеткѣ, и сталъ приводить ее въ чувство. Другіе присутствующіе лѣзли къ могилѣ, бросали горсти земли и разбредались по разнымъ концамъ кладбища. Духовенство снимало облаченіе. Могильщики бойко принялись работать лопатами, и комья сырой земли глухо застучали по гробовой крышкѣ.

Солнце пекло во всю мочь. Высокій пожилой бѣлокурый мущина съ длинной жидкой бородой, въ выцвѣтшей размахайкѣ и широкополой мягкой шляпѣ, отошелъ довольно далеко отъ отдававшихъ послѣдній долгъ усопшему; приподнимаясь на ципочки и вытягивая длинную шею онъ старался что-то разсмотрѣть между массой могилъ и надгробныхъ памятниковъ.

— Василій Сократовичъ, что̀ высматриваете? подходя сзади окликнулъ его шатенъ среднихъ лѣтъ съ бородкой клинышкомъ, въ свѣтломъ пальто, съ зонтикомъ въ рукахъ.

— Александра Ивановича потерялъ, отвѣтилъ тотъ.—Шатается гдѣ-то, слова на памятникахъ читаетъ... Звалъ онъ меня съ нимъ въ паркъ проѣхать закусить въ Мавританію...

— А здѣсь не останетесь? перебилъ шатенъ.

— Нѣтъ, Григорій Павловичъ, брезгливо замотавъ головой отвѣтилъ тотъ. — Я на этихъ похоронныхъ обѣдахъ ни одного куска съѣсть не могу. Эти вѣчные холодные блины съ прокислой икрой, отъ которыхъ пахнетъ можжевельникомъ, невозможная прислуга, потомъ эта заупокойная чаша... Брр!.. Богъ съ ними!

— Да, и я до этого небольшой охотникъ, съ улыбкой промолвилъ шатенъ.—Я бы съ удовольствіемъ присоединился къ вамъ... Вонъ онъ, Александръ Ивановичъ-то!

Онъ показалъ зонтикомъ вправо на согбенную спину человѣка читавшаго надпись на низкомъ памятникѣ. Василій Сократовичъ и Григорій Павловичъ цѣликомъ шагая черезъ могилы подались впередъ.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете? крикнулъ Василій Сократовичъ остановясь шагахъ въ двадцати отъ него передъ рѣшеткой ограничивавшей мѣсто упокоенія многочисленныхъ членовъ какой-то купеческой фамиліи.

Александръ Ивановичъ, близорукій бритый блондинъ въ очкахъ, выпрямился и нѣсколько времени вертѣлъ головой отыскивая вопрошавшаго и потомъ увидя его сказалъ:

— Ахъ, вотъ вы гдѣ!..

— Чего вы тамъ ищете? спросилъ Василій Сократовичъ.

— Дядю.

— Какого дядю?

— Дядя у меня тутъ гдѣ-то схороненъ, да вотъ никакъ не найду...

— А онъ вамъ нуженъ? шутливо спросилъ Григорій Павловичъ.

— Не нуженъ, а такъ...

— Ну, въ другой разъ найдете, перебилъ Василій Сократовичъ,—дядюшка вашъ никуда отсюда не уйдетъ. Поѣдемте! Вотъ и Григорій Павловичъ хочетъ съ нами.

— Отлично! отозвался Александръ Ивановичъ.

И всѣ трое выбрались на большую дорожку ведущую къ церкви. По пути они обгоняли группы другихъ присутствовав-

шихъ при погребеніи двигавшихся по направленію къ воротамъ; слышались отрывочныя фразы:

— Да, большая потеря! Такого дѣльца не скоро найдешь!

. . . .

— Не знаете, сколько бюро взяло?

. . . .

— Забыть не могу, какъ онъ у себя на именинахъ польку танцовалъ!

. . . .

— А денегъ у него, у шельмы, много было!..

— Въ купеческомъ банкѣ на текущемъ счету лежали.

— Будетъ вамъ! Охота ему держать деньги изъ грошевыхъ процентовъ, когда есть вторыя закладныя!

— Да, этимъ способомъ пріобрѣтено четыре домика да имѣніе по Брестской дорогѣ.

. . . .

— Однако, Анна Алексѣевна-то того... раза четыре въ обморокъ падала!..

— Еще бы! Безъ обмороковъ что̀ за похороны!

. . . .

— А что это сына его не видать?

— Да, онъ ни на одной панихидѣ не былъ.

. . . .

— Не знаю, оставилъ онъ завѣщаніе или нѣтъ?

— Оставилъ все женѣ; мнѣ Вавилонскій говорилъ, онъ былъ свидѣтелемъ.

— Ловко обдѣлано!

. . . .

— А это черный кто такой? родня?

— Ну, на роднаго-то онъ не очень похожъ, должно-быть, другъ дома.

. . . .

— А вѣдь не мало покойникъ и добра сдѣлалъ!..

— Кому?

— Вообще...

— Да! Вообще!..

. . . .

— Однако, господа, намъ надо какъ-нибудь поискуснѣй ...шмыгнуть, вонъ Василій Алексѣевичъ стоитъ! сказалъ Гри...ій Павловичъ указывая на оратора который уже въ одномъ ...ртукѣ съ крепомъ на рукавѣ стоялъ на крыльцѣ гостиницы ...говаривалъ съ рослымъ дьякономъ курившимъ папиросу.

Всѣ трое пріостановились.

— Ахъ, чортъ его возьми! отозвался Александръ Ивановичъ.—Смотрите, какой стратегическій пунктъ занялъ... Вѣдь онъ насъ поймаетъ.

— Ну, поймаетъ или не поймаетъ, а я ни за что̀ не останусь, рѣшительно произнесъ Василій Сократовичъ. — Не улизнуть ли намъ какъ-нибудь по одному?

— Зачѣмъ? возразилъ Григорій Павловичъ. — Пойдемте прямо, скажемъ ему что-нибудь, а тамъ какъ выберемся за ворота, давай Богъ ноги!

— Господа, куда же это вы? кричалъ увидавшій ихъ ораторъ.—Не откажитесь помянуть усопшаго. Сестра велѣла покорнѣйше просить... Пожалуйте, сейчасъ за столъ садятся.

— Непремѣнно, непремѣнно! ускоряя ходъ отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.—Мы сейчасъ... Мы только извощиковъ отпустимъ чай пить...

Въ самыхъ воротахъ они встрѣтили только-что соскочившаго съ извощика господина съ эксцентричной растительностію на лицѣ и съ торчавшимъ на концѣ носа пенснэ.

— Какъ? Уже? воскликнулъ онъ здороваясь съ Александромъ Ивановичемъ за руку, а двухъ его спутниковъ привѣтствуя прикосновеніемъ къ довольно поношенному цилиндру.— Я опоздалъ?

— Не опоздали, не опоздали, торопливо отвѣтилъ ему Александръ Ивановичъ махая рукой своему извощику, — къ самому обѣду попали.

— Представьте себѣ, скоро заговорилъ словоохотливый господинъ,—кто меня задержалъ?.. Ха-ха!.. Я ѣхалъ на отпѣваніе, вдругъ у Никитскихъ воротъ попадается Сергѣй Иванычъ Прихвостневъ... Знаете, который женатъ на Оконцевой?.. Ха-ха!..Она разошлась съ мужемъ... Затащилъ къ себѣ, домъ сталъ показывать... Ха-ха!.. Знаете, онъ черезъ меня домъ купилъ у Прончищева?.. Я тогда заработалъ хорошія деньги... Ха-ха!.. Прончищевъ вѣдь женатъ на племянницѣ жены моего брата, на дочери Мутырина который, помните?.. Ха-ха!.. стрѣлялся съ Благохватовымъ...

Три бѣглеца не слушая его розказней усѣлись на перваго попавшагося извощика и поѣхали, а господинъ съ эксентричной растительностію, вертя по-женски бедрами, скорымъ ходомъ направился къ гостиницѣ; онъ вошелъ въ столовую, когда небольшое количество поминальщиковъ уже сидѣло за

столомъ; онъ остановился въ дверяхъ, скрестилъ на груди руки, повинно опустилъ голову и скромно произнесъ:

— Повинную голову и мечъ не сѣчетъ... Представьте себѣ что̀ меня задержало...

— Просимъ садиться, пожалуйста... перебилъ его ораторъ указывая на свободный стулъ между сухощавой высокой старухой и среднихъ лѣтъ бѣлокурымъ русакомъ въ длиннополомъ сюртукѣ.

Небритые, плохо одѣтые офиціанты разносили остывшіе блины и икру, при чемъ подталкивали другъ друга и потихоньку перeругивались. Главнымъ потребителемъ былъ діаконъ который раньше стоялъ съ ораторомъ на крыльцѣ и курилъ папиросу; онъ положилъ себѣ сразу десятокъ и отправлялъ въ ротъ по два блина разомъ. Вдова, молодая, полная, красивая женщина съ опухшими отъ слезъ глазами и красными ноздрями, меланхолически смотрѣла на лежавшій передъ ней блинъ и по зернышку медленно ѣла вилкой икру; слѣва отъ нея сидѣлъ ея братъ ораторъ; онъ ѣлъ торопливо и старательно подчивалъ другихъ; справа рядомъ со вдовой помѣщался высокій курчавый брюнетъ съ томными глазами; онъ часто наклонялся къ ея уху и что-то шепталъ, на что̀ та отвѣчала или меланхолическимъ взглядомъ, или утвердительнымъ наклоненіемъ головы. Всѣ были серіозны и въ молчаніи доѣли плохіе блины; только прожорливый діаконъ счелъ своей обязанностію похвалить ихъ и обтирая салфеткой масляныя губы густымъ басомъ промолвилъ:

— Весьма удачные блины.

— Еще прикажете, отецъ діаконъ? подбѣгая къ нему спросилъ хлопотавшій около стола кондитеръ, пожилой человѣкъ въ сюртукѣ съ маленькими бачками на кругломъ лицѣ.

— Я болѣе, признаться, не хотѣлъ-было̀, но впрочемъ попрошу два блинка... Попробую съ паюсной.

Онъ пронзилъ вилкой цѣлую стопу блиновъ, отхватилъ большой кусокъ паюсной икры и съѣлъ все въ три пріема. Подали потомъ какое-то бѣловатое мутное хлебово; представительный благообразный батюшка съ наперснымъ крестомъ поглотилъ нѣсколько ложекъ, слегка пожалъ плечами и отдавая тарелку офиціанту тихо спросилъ:

— Что̀ это за супъ?

— Пюрей даспержъ! буркнулъ офиціантъ и пошелъ обирать тарелки.

Видимо молчать всѣмъ надоѣло; въ разныхъ концахъ стола

слышались покашливанія, покряхтыванія и сдержанный шопотъ, но заговорить громко еще никто не рѣшался. Первымъ нарушилъ молчаніе ораторъ; онъ съ пріятной улыбкой обратился къ священнику:

— А позвольте васъ спросить, батюшка, который годъ вы у Николы священствуете?

— Уже 26-й годъ, пріятнымъ баритономъ отвѣтилъ тотъ.— Ранѣе я три года въ пріютѣ священствовалъ...

— Двадцать шесть лѣтъ! съ умильной улыбкой качая головой произнесъ ораторъ.—Не даромъ вы себѣ снискали такую любовь и уваженіе всѣхъ прихожанъ!

— Не жалуюсь, со скромной, но довольной улыбкой отвѣтилъ священникъ,—паствою своею вполнѣ доволенъ и равномѣрно взысканъ ея расположеніемъ.

— Вѣдь вы, кажется, очень хороши были съ нашимъ незабвеннымъ, нынѣ покойнымъ Петромъ Михайловичемъ?

— О, да! Я даже священнодѣйствовалъ еще при вступленіи Петра Михайловича въ первый бракъ съ г-жею Крупицыной. И съ тѣхъ поръ до послѣднихъ дней былъ вхожъ въ его домъ...

— Почтеннѣйшій былъ человѣкъ! воскликнулъ охочій до разговоровъ господинъ съ эксцентричной растительностью.— Такіе люди въ наше время рѣдкость!.. Это радушіе, патріархальность... Какъ онъ умѣлъ принять!.. Ахъ!.. Вы, батюшка, должны знать тестя моего брата, ему теперь 82-й годъ... Ха-ха... Онъ женатъ на Окурковой... Дядя моей жены и...

— Отзывчивый былъ человѣкъ, съ чувствомъ перебилъ словоохотливаго господина ораторъ.—Христіанинъ въ полномъ значеніи этого слова. Не правда ли, батюшка?

Священникъ отвѣтилъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы и съ нѣкоторой конфузливостію произнесъ:

— Мнѣ приходилось очень многихъ христіанъ напутствовать, но такой исповѣди не встрѣчалъ, не смотря на то что отходившій былъ почти совершенно лишенъ употребленія языка.

Вдова слегка заморгала глазами и высморкалась: нѣкоторые вздохнули и потянулись къ бутылкамъ.

— Да, не продлилъ Богъ ему вѣку! съ чувствомъ произнесъ ораторъ.—Много бы могъ добра еще сдѣлать ближнимъ!..

— Хересъ, мадера!.. буркнулъ надъ ухомъ священника офиціантъ съ двумя бутылками въ рукахъ.

— Попрошу мадеры, отвѣтилъ священникъ.

Офиціантъ налилъ рюмку и пошелъ далѣе; прожорливый дьяконъ потребовалъ хересу и вмѣсто рюмки подставилъ фужеръ.

— И какая жалость, прихлебывая вино сказалъ пожилой господинъ въ вицъ-мундирѣ, съ большой красной бородавкой между бровями и съ крестомъ на шеѣ,—какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ не дожилъ до звѣзды!

— А, съ Прохоринымъ еще лучше было, опять заговорилъ словоохотливый господинъ,—его въ 8 часовъ выбрали въ директоры правленія, а въ половинѣ девятаго умеръ... ха-ха...

— Да, перебилъ его ораторъ,—представленіе ужь было сдѣлано, но коса смерти сразила!..

Въ разныхъ концахъ стола послышались вздохи.

— А позвольте спросить, послѣ небольшаго молчанія съ присущей ему мягкостію обратился священникъ ко вдовѣ,—почему Ивана Петровича не было видно? Ни за панихидами не присутствовалъ, ни за литургіей... Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ отъѣздѣ находится?

Вдова меланхолически закатила красные глаза и съ сокрушеннымъ вздохомъ отвѣтила:

— Иванъ Петровичъ такой недобрый... Онъ насъ совсѣмъ забылъ.

— То-есть... какъ?

Вдова только горько усмѣхнулась и пожала плечами, за нее отвѣтилъ ораторъ:

— Онъ, батюшка, уже около двухъ лѣтъ покинулъ родительскій домъ... Духъ времени!.. Теперь сыновняя непочтительность стала обычнымъ явленіемъ.

— Теперь сынки-то ой-ой! попробовалъ поддержать его словоохотливый.—Вонъ у Солончакова гимназистъ 17-ти лѣтъ и вдругъ... ха-ха...

Господинъ съ бородавкой и крестомъ бросилъ на него непріязненный взглядъ, перебилъ его и обратился къ оратору:

— Онъ вѣдь женился на комъ-то?

— Да, женился... съ недовольной гримасой отвѣтилъ ораторъ.—Не только это нежелательный бракъ, но и все ... поведеніе несомнѣнно ускорило кончину Петра Михайлича.

— Скажите на милость! покачивая головой произнесъ ...щенникъ.—Я его всегда считалъ молодымъ человѣкомъ ...мѣрной скромности... и вдругъ...

— Хороша скромность! иронически фыркнувъ отвѣтилъ

ораторъ.—Даже отдать отцу послѣдній долгъ не пожелалъ!.. Это, батюшка, не скромность, а злоба сердца называется!.. О чадахъ своихъ люди пекутся, воспитываютъ, образовываютъ, а чада вмѣсто благодарности осуждаютъ дѣянія своихъ родителей!

— Не ожидалъ услышать подобное! задумчиво промолвилъ священникъ.

— Покойникъ, надо прямо сказать, для ближняго себя забывалъ! горячо съ чувствомъ говорилъ ораторъ.—И что̀ жь мы видимъ? Избавился ли онъ отъ враговъ?.. Отнюдь!

— И святой на всѣхъ не угодитъ! со вздохомъ замѣтилъ русакъ.

— Не угодитъ-съ! еще съ бо́льшей горячностію и возвышая голосъ подтвердилъ ораторъ.—И первые враги—ближайшіе родственники!.. Не далѣе какъ третьяго дня, то-есть, въ день кончины, еще усопшій, что называется, остыть не успѣлъ, является племянница, покойной Анны Михайловны дочка... И что̀ бы вы думали? Осѣнила она себя крестнымъ знаменіемъ? Испустила скорбный вздо́хъ? Оросила горячей слезой прахъ почившаго благодѣтеля и родственника?

Онъ остановился и обвелъ глазами присутствующихъ, какъ дѣлаютъ адвокаты при произнесеніи защитительныхъ рѣчей и актеры въ патетическихъ монологахъ готовясь поразить слушателей особеннымъ эфектомъ; выдержавъ надлежащую паузу онъ строго сдвинулъ брови и съ особенной отчетливостью продолжалъ:

— Ничего подобнаго! Отнюдь! Съ изступленнымъ видомъ, со сверкающими отъ гнѣва глазами она кидается къ убитой горемъ вдовѣ и вопіетъ: „гдѣ мои деньги?“

— Ай-ай-ай, какъ дерзко! покачивая головой сказалъ священникъ.

— Боже мой, Боже мой! всплескивая руками воскликнулъ словоохотливый.

— Моя бѣдная сестра, указавъ рукой на вдову продолжалъ ораторъ,—такъ растерялась что только могла крикнуть мнѣ: „братъ, спаси меня!“ Я поспѣшилъ на помощь и кроткимъ голосомъ говорю этой разсвирѣпѣвшей родственницѣ: „сударыня, вашъ настоящій поступокъ не согласуется ни съ мѣстомъ, ни со временемъ; такая демонстрація при гробѣ ближняго должна назваться неприличной. Потрудитесь въ спокойной и благопристойной формѣ объяснить ваши желанія“. И вмѣсто смиренія, вмѣсто простаго логическаго отвѣта я слышу: „Разбойникъ! Грабитель! Двадцать тысячъ отнялъ!“...

— Къ кому же относились эти позорные эпитеты? спросилъ священникъ.

— Къ покойному нашему незабвенному Петру Михайловичу!

— Ай-ай-ай...

Разговоръ на нѣкоторое время пресѣкло появленіе традиціонной ветчины съ горошкомъ; ораторъ пережевывая кусокъ продолжалъ:

— Неистовство ея не знало предѣловъ; истощивъ всѣ способы увѣщеванія я наконецъ категорически заявилъ что буду вынужденъ удалить ее черезъ посредство мѣстной администраціи...

— Съ такими госпожами нечего церемониться! вставилъ словоохотливый.—Послать за околоточнымъ и... ха-ха...

— Воображаю какъ это всѣхъ разстроило! перебилъ его господинъ съ бородавкой.

— Я былъ страшно взволнованъ... Помилуйте: съ одной стороны, неутѣшное горе сирой вдовы, съ другой, озлобленное поруганіе памяти почившаго!.. Но негодованіе мое достигло прямо высшихъ предѣловъ когда мнѣ стало ясно что въ основѣ всего лежитъ шантажъ!..

Въ разныхъ концахъ стола раздались восклицанія:

— Можетъ ли быть... Вообразите!.. Какое нахальство!..

— Да-съ! уже какимъ-то торжественнымъ тономъ говорилъ ораторъ.—Нахальное желаніе сорвать, больше ничего!.. Призвавъ на помощь весь остатокъ хладнокровія я говорю ей: „повѣрьте, сударыня, что наслѣдники поспѣшатъ удовлетворить всѣхъ кредиторовъ покойнаго, вамъ стоитъ только предъявить документъ". И, разумѣется, вмѣсто всякаго документа я услыхалъ какую-то дикую басню о томъ что у Петра Михайловича имѣются деньги взятыя отъ сестры на сбереженіе... Ну, скажите, господа, я васъ всѣхъ спрашиваю: похоже ли это на него? Могъ ли человѣкъ который всю жизнь помогалъ постороннимъ обидѣть такимъ образомъ своихъ близкихъ?

Опять раздались восклицанія:

— Разумѣется!.. Развѣ возможно?.. Такой христіанинъ и вдругъ... C'est drôle!..

Французская фраза принадлежала словоохотливому господину.

— Эта самая племянница, томно и медлительно произнесла вдова,—каждый мѣсяцъ приходила къ покойному мужу и онъ ей выдавалъ на прожитіе...

— И вообразите, перебилъ ее ораторъ, — она теперь утверждаетъ что эта ежемѣсячная помощь была производима изъ ея денегъ въ видѣ процентовъ... Боже мой, до чего можетъ дойти ложь и клевета!.. Человѣка который всякому постороннему... Не хочу быть голословнымъ и обращаюсь къ вамъ, Иванъ Иванычъ: что̀ для васъ сдѣлалъ усопшій?

Слова эти относились къ тощему, пожилому брюнету у котораго отъ фистулы ротъ былъ скошенъ на лѣвую сторону; шепелявя и запинаясь онъ заговорилъ:

— Отъ смерти меня спасъ. Я обязанъ ему всей своей жизнію!.. Когда со мной случилось несчастіе и пришлось оставить службу, никто не откликнулся. Какъ отъ чумы, отъ меня всѣ отворачивались... Я былъ близокъ къ самоубійству...

— Столь тяжкое отчаяніе овладѣло вами? прихлебнувъ мадеры спросилъ священникъ.

— Помилуйте, батюшка, горячо, задыхаясь заговорилъ криворотый брызжа слюнями въ широкое усатое лицо своего сосѣда слѣва,—полная гибель и потеря чести!.. Легко это?.. А Петръ Михайловичъ меня спасъ!.. Онъ мнѣ сказалъ: „живи! Я буду давать тебѣ занятія согласныя съ твоимъ характеромъ!“ И вотъ благодаря ему я не только ожилъ, но даже и имѣю кліентовъ которые мнѣ довѣряютъ...

— Однако, какъ вы горячитесь! замѣтилъ ему лѣвый сосѣдъ откидываясь на спинку стула и обтирая салфеткой заплеванную щеку.

— Извините! спуская тонъ и передохнувъ отвѣтилъ криворотый. — Не могу объ своей крови говорить хладнокровно.

— Слышали, какой страшный случай произошелъ съ Лыжниковымъ? воспользовавшись минутной паузой заговорилъ-было словоохотливый, но на него никто не обратилъ вниманія.

Явились официанты съ новымъ блюдомъ.

— Это что̀ такое? спросилъ священникъ у кондитера.

— Коклеты изъ пулярдъ, соусъ биригуль, отвѣтилъ тотъ подставляя ему соусникъ съ какой-то красноватой жидкостью.

— Биригуль? почему-то переспросилъ священникъ поливая котлету соусомъ.

— Такъ точно-съ; даже довольно тонкій, вполнѣ гастрономическій соусъ.

Челюсти принялись за работу; довольно тонкій и вполнѣ

гастрономическій соусъ оказался настолько пропитаннымъ каенскимъ перцомъ что нѣкоторые не соблюдавшіе въ обращеніи съ нимъ должной осторожности поперхнулись и закашлялись.

— А у меня, Василій Алексѣевичъ, до васъ словечко есть, скромно тонкимъ голосомъ произнесъ бѣлокурый русакъ въ длиннополомъ сюртукѣ.

— О чемъ, Василій Прохоровичъ?

— Какъ собственно мы упокойнымъ были много обязаны, на распѣвъ полутонами заговорилъ русакъ, — и завсегда видѣли отъ нихъ помочь по своей промышленности... то-есть, что касаемое до нашихъ дѣловъ... Но это даже намъ прискорбно зрить что вокругъ ихней могилки рѣшетка деревянная и при томъ пришедшая въ ветхость... Они были такіе отъ всѣхъ уважаемые господа что имъ слѣдуетъ состроить что-нибудь поделикатнѣе...

— Я рѣшила поставить мужу хорошій памятникъ и обнести могилу новой рѣшеткой, томно со вздохомъ произнесла вдова.

— Я собственно подъ это и подгонялъ, продолжалъ русакъ.—Рѣшетку по ихъ званію безпремѣнно слѣдоваетъ сорудить желѣзную-съ... Монументальная часть не наша, на это существуютъ мраморщики; что касамое рѣшетки, такъ ужь этимъ дозвольте намъ заняться... Изъ уваженія нашего мы одной монеткой не попользуемся, возьмемъ только за одинъ матеріалъ... Осчастливьте!

Василій Алексѣевичъ сморщилъ лицо, какъ-будто былъ готовъ заплакать, заморгалъ и съ чувствомъ дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Вотъ, господа, трогательный примѣръ нелицемѣрной благодарности!.. Вотъ благородный порывъ простой души!.. Ты истинно русскій человѣкъ, Василій Прохоровичъ!.. Благодарю тебя, благодарю отъ имени покойника! Твое здоровіе!

Онъ выпилъ стаканъ краснаго вина и отеръ рукой совершенно сухіе глаза; Василій Прохоровичъ скромно всталъ, хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время вскочилъ словоохотливый и голосомъ близкимъ къ изступленію закричалъ:

— Браво! браво! Спасибо тебѣ, Прохоръ Иванычъ!.. Ты р-р-р-у-сс-кій человѣкъ.

Онъ стиснулъ русскаго человѣка въ объятіяхъ, вмѣсто губъ прямо поцѣловалъ его въ правую ноздрю и оба грузно опустились на свои стулья.

Благородный порывъ русака вдохновилъ еще больше и безъ того уже достаточно вдохновленнаго оратора; онъ съ чувствомъ заговорилъ:

— При умилительныхъ хвалебныхъ рѣчахъ по адресу почившаго невольно воскресаетъ въ памяти стихъ безвременно угасшаго поэта: „Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный...“ Какая поразительная аналогія между поэтомъ и нашимъ дорогимъ Петромъ Михайловичемъ! Всѣ эти безкорыстныя, глубоко-прочувствованныя, исходящія изъ глубины сердца изліянія чувствъ суть не что̀ иное какъ тотъ памятникъ о которомъ говорилъ великій Пушкинъ. Что̀ могутъ значить передъ такой памятью всѣ саркофаги и мавзолеи?.. Правда, батюшка?

— Вы произнесли глубокую истину, съ вѣжливымъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ священникъ,—и я не могу воздержаться чтобы не выразить похвалу вашей элоквенціи.

Василій Алексѣевичъ благосклонно улыбнулся и продолжалъ:

— Повторяю: не въ роскошныхъ монументахъ живетъ память о человѣкѣ, а въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ которыя онъ содѣялъ при своей жизни. Я такъ понимаю высокое призваніе христіанина: алчущаго накормилъ, жаждущаго напоилъ, нагаго одѣлъ, неимущему протянулъ руку помощи... Да, такъ чтобы шуйца не вѣдала что̀ дѣлаетъ десница!.. И насколько умилительны подвиги христіанскаго смиренія, насколько отрадны слуху гимны благодарныхъ сердецъ, настолько же больно, грустно и обидно встрѣчаться съ мрачнымъ безсердечіемъ родственныхъ лицъ!.. Боже, Боже!..

Онъ грустно покачалъ головой, налилъ себѣ стаканъ вина и скорбно-дрожащимъ голосомъ обратился къ присутствующимъ:

— Предлагаю почтить глоткомъ вина память дорогаго покойника!

Память была почтена; словоохотливый господинъ вздумалъ разсѣять мрачное настроеніе общества и началъ-было разказывать что-то, но въ это время появились офиціанты съ послѣднимъ блюдомъ и пресѣкли его рѣчь.

— Кисель? спросилъ священникъ у кондитера.

— Миндальный бламанжетъ-съ.

— Это я люблю, сказалъ батюшка и положилъ себѣ на тарелку двѣ ложки.—А молоко тоже миндальное?

— Такъ точно-съ, на подобіе аршада. Положите еще, батюшка, пирожное замѣчательное по своей легкости.

Батюшка положилъ еще ложку; офиціантъ передвинулся къ дьякону который отворотилъ полъ-формы и черезъ край налилъ молока въ тарелку. Словоохотливый по секрету просилъ кондитера дать ему къ пирожному коньяку; вдова сохраняла унылое выраженіе лица, но въ то же время не безъ удовольствія слушала тихія рѣчи разительнаго брюнета; съ появленіемъ киселя благоговѣйное настроеніе трапезующихъ стало проходить, явилось нѣкоторое оживленіе, разговоръ начиналъ становиться общимъ; словоохотливый господинъ былъ красенъ и съ безпрестаннымъ повтореніемъ своего „ха-ха" говорилъ уже какія-то нескладныя риѳмы, только Василій Алексѣевичъ находился въ меланхолическомъ настроеніи, теръ себѣ лобъ и вдругъ воскликнулъ:

— О, до чего дошло въ нашъ вѣкъ растлѣніе нравовъ! Сколько разврата въ нашемъ обществѣ!

— Это вѣрно-съ, откликнулся русакъ.—Существуетъ у насъ одна сродственница, не было ничего себѣ и вдругъ, напримѣръ, пѣвчій изъ духовнаго хору...

— Ахъ, ты, Василій Прохоровичъ, совсѣмъ не объ томъ, со строго-брезгливой гримасой перебилъ его Василій Алексѣевичъ.—Какое намъ дѣло до вашего пѣвчаго?.. Вы скажите, куда дѣлись тѣ устои, тѣ принципы нравственности на которыхъ покоились патріархальныя родственныя отношенія?... Боже, Боже!.. Единственный сынъ, предметъ безконечныхъ родительскихъ заботъ, является хулителемъ дѣяній своего отца!

— Basile, taisez vous! слегка тронувъ его локтемъ сквозь зубы сказала вдова.

— Не бойся, пожалуйста, я лишняго не произнесу, серіозно отвѣтилъ тотъ.—Я говорю: какъ бы вы назвали сына, который приходитъ въ отчій домъ и женщину, призванную занять мѣсто его матери, называетъ такимъ именемъ...

— Basile! уже крикнула вдова и грозно сверкнула на него глазами.

— Виноватъ!.. Молчу! покорно склоняя голову голосомъ отвѣтилъ захмелѣвшій Basile.

Священникъ предчувствуя возможность непріятныхъ разговоровъ, покосился влѣво на стоящій въ углу столъ уставленный стаканами со смѣсью пива и меда; онъ крякнулъ и обратился ко вдовѣ:

— Не время ли и вставать?

Вдова отвѣтила молящимъ взглядомъ, священникъ поднялся, за нимъ встали и всѣ присутствующіе. Причетникъ

подалъ батюшкѣ епитрахиль, надѣвая ее онъ тихо сказалъ дьякону:

— Рясу въ киселѣ запачкали, оботрите.

— Поторопился нѣсколько, отвѣтилъ дьяконъ и вытеръ животъ салфеткой.

Всѣ стали передъ иконой и началось пѣніе. Василій Алексѣевичъ придерживаясь за стулъ благоговѣйно опустился на колѣна. По окончаніи пѣнія Василій Алексѣевичъ благодарилъ гостей отъ имени покойника и все общество послѣ взаимныхъ прощаній тронулось къ выходу.

Словоохотливый господинъ не безъ ловкости подскочилъ ко вдовѣ, подхватилъ ее подъ локоть и подсадилъ въ коляску. Пока онъ разсыпался передъ ней въ какихъ-то увѣреніяхъ, всѣ экипажи разъѣхались, осталась одна линейка; словоохотливый вскочилъ на нее и обратившись къ какому-то простому человѣку съ узломъ на колѣнахъ сказалъ:

— Это удивительно, ни на однихъ похоронахъ мнѣ не случалось пить хорошаго коньяку. C'est drôle, n'est ce pas?

Человѣкъ съ узломъ поглядѣлъ на него изподлобья и произнесъ:

— Обнаковенно, кондитеръ завсегда старается чтобы ему польза была...

Слабосильная лошадь извощика съ трудомъ тащила черезъ поле трехъ бѣглецовъ; припекаемые почти отвѣсными лучами солнца они ничего между собой не говорили, только время отъ времени въ краткихъ выраженіяхъ бранили жару, отдувались отъ пыли и обтирали платками мокрыя лица; при въѣздѣ въ паркъ они отпустили извощика, а сами тихимъ шагомъ побрели въ Мавританію. Жара давала себя чувствовать во всю, и апетитъ пропадалъ, и расположеніе духа какое-то было угнетенное; особенную мрачность проявлялъ Василій Сократовичъ. Придерживаясь тѣневой стороны тріо дошмыгало до алеи ведущей къ Мавританіи; время было еще раннее и потому рѣшили потомить себя и въ ожиданіи пришествія апетита посидѣть на скамеечкѣ. Кругомъ тихо было и безлюдно; изрѣдка по главной алеѣ по направленію къ городу двигался какъ отравленная муха ломовикъ или дребезжала извощичья пролетка, черезъ дорогу на лужку бродила толстая старая нянюшка съ двумя очень маленькими дѣвочками, а по шосе усиленно тренировалъ себя на велосипедѣ гимназистъ

съ раскраснѣвшимся мокрымъ лицомъ и въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ; когда онъ чуть не въ десятый разъ пронесся мимо нашего тріо, Василій Сократовичъ раздраженно замѣтилъ.

— Ишь, какъ старается, каналья, а изъ латыни, гляди, двойки получаетъ!

— А, можетъ-быть, пятерки съ крестомъ? съ улыбкой возразилъ Григорій Павловичъ.—Этакій вы придирчивый человѣкъ! И гимназистъ вамъ помѣшалъ!..

— Да мнѣ чортъ съ нимъ, съ гимназистомъ, насупливая свои кусто-подобныя брови мрачно отвѣтилъ Василій Сократовичъ,—я теперь на все озлобленъ... Эти похороны...

— А что̀ такое? перебилъ его Александръ Ивановичъ.— Похороны какъ похороны, что̀ въ нихъ особеннаго?

— Особеннаго ничего нѣтъ, волнующимся голосомъ сказалъ Василій Сократовичъ,—всѣ на одинъ покрой и вездѣ одна и та же пошлость!..

— Ну, ужь вы всегда заведете... махнувъ на него рукой промолвилъ Григорій Павловичъ.

— Вы на меня своей рукой не махайте, еще горячѣе, уже съ азартомъ заговорилъ Василій Сократовичъ.—Это маханіе преждевременное... Вы знаете, о чемъ я хочу говорить?

— Нѣтъ, не знаю, закуривая папироску спокойно отвѣтилъ Григорій Павловичъ.

— Ну, а не знаете, такъ и не махайте, а лучше слушайте, съ нѣкоторымъ успокоеніемъ въ тонѣ замѣтилъ Василій Сократовичъ.—Дайте мнѣ свою спичечницу.

Тотъ подалъ ему спичечницу; Василій Сократовичъ закурилъ, глубоко затянулся и выпустилъ густую струю дыма; потомъ съ серіозной миной задумчиво посмотрѣлъ въ пространство, попыхтѣлъ папиросой и послѣ довольно долгой паузы ни къ кому не обращаясь словно самъ про себя спросилъ:

— Что̀ такое смерть?

Григорій Павловичъ, врачъ по професіи, мелькомъ взглянулъ на Александра Ивановича и очень безстрастно отвѣтилъ:

— Cyanosis.

— Что̀-съ? не понявъ отвѣта спросилъ Василій Сократовичъ.

— Cyanosis, скрывая невольную улыбку повторилъ Григорій Павловичъ.

— Это что̀ такое значитъ?

— Синюха.

— Какая такая синюха? опять впадая въ нѣкоторое раздраженіе спросилъ Василій Сократовичъ.

— Извольте, я вамъ объясню, отвѣтилъ Григорій Павловичъ.—Жизненныя функціи организма кончаются съ прекращеніемъ дѣятельности сердца, кровь перестаетъ двигаться, охлаждается и получается синюха, то - есть, смерть. Поняли?

— Понялъ-съ, съ ехиднѣйшей улыбкой промолвилъ Василій Сократовичъ. — Вамъ угодно было мнѣ объяснить что когда человѣкъ перестаетъ жить, то дѣлается трупомъ? Такъ это и безъ вашей латыни всякому извѣстно... Къ вашему просвѣщенному сообщенію могу добавить новость что трупы обыкновенно зарываются въ землю или сжигаются... По этому закону кончается существованіе всякаго животнаго, отъ мышонка до слона... А я вамъ говорю о человѣкѣ, о существѣ мыслящемъ, для котораго переходъ отъ бытія къ небытію есть актъ великой важности... Тутъ одной вашей физіологіи мало-съ, тутъ есть цѣлая куча всякихъ нравственныхъ комбинацій.

— Такъ вы бы и начинали съ нравственныхъ комбинацій, сказалъ Григорій Павловичъ, — а то спрашиваете...

— Ну, хорошо, хорошо, нетерпѣливо перебилъ его Василій Сократовичъ.—Я виноватъ, извольте... Могу я продолжать?

— Продолжайте, Василій Сократовичъ, продолжайте, одобрительно сказалъ Александръ Ивановичъ,—мы васъ слушаемъ.

Василій Сократовичъ выдержалъ паузу, нѣсколько разъ затянулся, мрачно пошевелилъ бровями и продолжалъ:

— Переходъ отъ бытія къ небытію трагедія; не стало человѣческой души и церковь молится о ея упокоеніи; совершается трогательный обрядъ погребенія, вмѣстѣ съ кадильнымъ ароматомъ возносится молитвенное пѣніе, а рядомъ съ этимъ разыгрывается пошлый фарсъ и слухъ вашъ оскорбляется гнуснымъ сквернословіемъ!

Онъ съ сердцемъ швырнулъ на дорожку окурокъ и плюнулъ: слушатели его вопросительно переглянулись, послѣ чего Александръ Ивановичъ спросилъ:

— Вы это про Василія Алексѣева?

— Несомнѣнно, отвѣтилъ Василій Сократовичъ. — Подумайте только, какимъ животнымъ надо быть чтобы съ чувствомъ, со слезами въ голосѣ говорить подобныя мерзости!

— Ну, что жь... Это онъ по - родственному... нерѣшительно послѣ небольшаго молчанія промолвилъ Александръ Ивановичъ.—Къ тому же говорятъ: de mortuis aut bene...

Лицо Василія Сократовича вдругъ исказилось въ какую-то плачевную гримасу, онъ защурилъ глаза, заткнулъ обѣими руками уши, часто затопалъ ногами и пронзительнымъ страдальческимъ голосомъ перебилъ:

— Ай, ай, ай! Молчите, молчите! Какъ вамъ не стыдно произносить эту безсмыслицу? Неужели вы не можете или не хотите понять что это только громкая фраза не имѣющая никакого практическаго значенія?

— Однако, ее у насъ часто примѣняютъ... началъ-было Александръ Ивановичъ, но Василій Сократовичъ сейчасъ же рѣзко перебилъ его:

— И врутъ! Безсовѣстно врутъ! Сама природа человѣка не позволяетъ замалчивать о недостаткахъ другаго... Да и господа Римляне врядъ ли эту фразу сдѣлали для себя правиломъ, еслибы это было иначе, не существовало бы исторіи! Вы это понимаете? Стало-быть, фраза осталась пустой фразой, а безпристрастное отношеніе живыхъ людей къ умершимъ сохраняло свою силу; если въ хронографѣ попадала иногда льстивая ложь, то послѣдующія поколѣнія своимъ пытливымъ умомъ умѣли отдѣлить ее отъ правды. Поняли?

Александръ Ивановичъ испустилъ какое-то неопредѣленное мычаніе, въ которомъ однако же можно было предположить согласіе съ доводами горячаго собесѣдника; но Григорій Павловичъ былъ, видимо, не совсѣмъ удовлетворенъ и въ отпоръ пустилъ такого рода сентенцію:

— Ну, хорошо-съ, наплюемъ мы на Римлянъ... Мнѣ ничего не стоитъ сдѣлать для васъ это удовольствіе... Мы обратимся лучше къ нашимъ христіанскимъ воззрѣніямъ...

— Къ какимъ-съ? лихо уперевъ руки въ бока и подскочивъ къ нему съ вызывающимъ видомъ спросилъ Василій Сократовичъ.

— А вотъ въ писаніи, напримѣръ, говорится что мертвые срама не имутъ...

— Дальше-съ! почти крикнулъ Василій Сократовичъ.

— А дальше, нисколько не смущаясь его рѣзкостью продолжалъ Григорій Павловичъ,—мнѣ интересно знать какъ вы на это смотрите?

— Никакъ не смотрю, это само по себѣ вполнѣ ясно.

— Для васъ ясно, но...

Василій Сократовичъ вдругъ отпрянулъ назадъ на проѣзжую дорогу и съ азартомъ закричалъ:

— А для васъ не ясно?

— Представьте себѣ что нѣтъ. Повторяю вамъ что мнѣ интересно услышать ваше воззрѣніе. Я въ этихъ вопросахъ профанъ...

— И я не професоръ духовной академіи, съ прежней горячностію говорилъ Василій Сократовичъ. — Я такой же профанъ какъ и вы... Мертвые срама не имутъ потому что они перестали существовать, слѣдовательно...

— Гопъ! раздалось справа отъ него и тренирующійся гимназистъ полнымъ ходомъ прошмыгнулъ мимо на своемъ двухколесномъ конѣ.

— По-латыни-то хорошенько бы учился! крикнулъ ему въ догонку Василій Сократовичъ съ испугомъ вскочивъ опять на дорожку.

— Учу-у-усь! съ ожесточеніемъ работая ногами не повертываясь нараспѣвъ прокричалъ въ отвѣтъ гимназистъ и скрылся за поворотомъ алеи.

Александръ Ивановичъ съ весслой, добродушной улыбкой обратился къ своему горячему пріятелю:

— Садитесь-ка лучше, Василій Сократовичъ, а то что̀ хорошаго? Прыгаете, скачете, гимназисту кататься мѣшаете... Будемте бесѣдовать спокойно.

Василій Сократовичъ сначала посмотрѣлъ-было на него непріязненно, но сейчасъ же передохнулъ, опустился на скамейку, закурилъ и началъ въ болѣе уравновѣшенномъ тонѣ:

— По-моему это выраженіе знаменуетъ то что о человѣкѣ умершемъ можно или даже должно говорить вполнѣ свободно...

— Такъ ли это? съ лукаво-скептической улыбкой спросилъ его Александръ Ивановичъ.

— Можетъ-быть, и не такъ, отвѣтилъ Василій Сократовичъ, — я высказалъ только свое мнѣніе. Я завелъ рѣчь съ цѣлью высказать свои собственныя, лично мнѣ принадлежащія, внушенныя моимъ чувствомъ сужденія безо всякихъ ссылокъ...

— Ну, хорошо, мы больше ссылокъ дѣлать не будемъ, заговорилъ Григорій Павловичъ, — но вы мнѣ позвольте сдѣлать одинъ вопросъ?

— Сколько угодно, но только прошу чтобы ваши вопросы относились къ дѣлу.

— Вы сейчасъ высказали что объ умершихъ можно говорить все свободно, то-есть, не стѣсняться и хулой. Такъ вѣдь?

Василій Сократовичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Но мнѣ думается, мягко продолжалъ Григорій Павло-

вичъ,—что врядъ ли удобно предъявлять какія-нибудь требованія или обвиненія къ личности прервавшей всѣ отношенія съ окружающей жизнію и слѣдовательно лишенной возможности заступиться за себя. У насъ даже часто говорятъ: „вали на него какъ на мертваго“...

— Боже мой, какое благородство! всплескивая руками и иронически фыркнувъ воскликнулъ Василій Сократовичъ. — А позвольте полюбопытствовать, если у васъ на какого-нибудь усопшаго раба Божьяго осталось долговое обязательство, что̀ вы съ нимъ дѣлаете? Предъявляете ко взысканію?

— Разумѣется.

Василій Сократовичъ вдругъ точно ужаленный вскочилъ на ноги, разразился злораднымъ смѣхомъ и тонкимъ не идущимъ къ нему голосомъ нараспѣвъ затянулъ:

— Неужели? Видите ли, какая штучка выходитъ!.. Миленькая штучка!.. Если вы такъ сострадательно относитесь къ беззащитности умершихъ что даже говорить о нихъ не позволяете, такъ вамъ и документъ свой слѣдовало бы уничтожить.

— Что̀, Григорій Павловичъ? Попались? весело воскликнулъ Александръ Ивановичъ.

— Ничего я не попался, отвѣтилъ тотъ,—вопросы денежные и сужденія о личности, двѣ вещи разныя.

— Неужели? съ прежнимъ злорадствомъ продолжалъ Василій Сократовичъ.—Да вѣдь вы не допускаете никакихъ сужденій потому что мертвый не можетъ возражать, а почемъ вы знаете что будучи живымъ вашъ должникъ не сталъ бы оспаривать своего документа?

— Это ужь натяжка, возразилъ Григорій Павловичъ,— подлинныхъ документовъ оспаривать нельзя, а подложныя подлежатъ оцѣнкѣ наслѣдниковъ, точно такъ же какъ и самому должнику.

— Никакой натяжки я не признаю, возразилъ Василій Сократовичъ, — вамъ самимъ-то не мѣшаетъ хотя немножко быть послѣдовательнымъ... Гдѣ у васъ логика, когда вы допускаете взысканіе съ мертвыхъ денежныхъ долговъ, а о нравственныхъ долгахъ заставляете молчать?

— О какихъ нравственныхъ долгахъ? спросилъ Григорій Павловичъ.

— А о такихъ, запальчиво шумѣлъ Василій Сократовичъ,— которые являются результатомъ пакостной жизни!.. Поняли!.. Кого мы сегодня хоронили?

— Дѣйствительнаго статскаго совѣтника... началъ-было

Александръ Ивановичъ, но Василій Сократовичъ сдѣлалъ брезгливую гримасу и сейчасъ же перебилъ его:

— Не паясничайте пожалуйста! Не хотите разговаривать какъ слѣдуетъ, такъ лучше бросимте!..

— Ну, да вѣдь ужь и вы хороши! вставилъ Григорій Павловичъ.

Василій Сократовичъ вдругъ повернулся къ нему, широко развелъ руками, раскланялся и съ ехидной вѣжливостію произнесъ:

— Извините, ради Бога, извините, но природы своей для васъ передѣлывать не намѣренъ!

Онъ обернулся опять къ Александру Ивановичу и реторически отбивая каждое слово продолжалъ:

— Сегодня было зарыто тѣло человѣка о которомъ двухъ мнѣній существовать не можетъ; и вы, и я, и пятый, и десятый, всѣ очень хорошо знаютъ что этотъ господинъ былъ...

Онъ поправилъ съѣхавшую съ плеча размахайку и загибая при каждомъ словѣ на лѣвой рукѣ по пальцу продолжалъ:

— Казнокрадъ, убійца, ростовщикъ, палачъ, предатель!..

Когда послѣдній палецъ былъ завернутъ и рука сложилась въ кулакъ, онъ потрясъ имъ въ воздухѣ и громко возгласилъ:

— Вотъ-съ! Пожалуйте, полюбуйтесь, въ каждомъ пальцѣ сидитъ преступникъ!

— Вы, Василій Сократовичъ, лишняго перста не загнули? спросилъ Григорій Павловичъ.

— Я-съ? строго обратился къ нему Василій Сократовичъ.— Я, милостивый государь мой, шулеромъ никогда не былъ, подтасовками не занимался!..

— Я не о шулерствѣ, не о подтасовкѣ, успокоилъ его тотъ,—а такъ какъ вы человѣкъ возбужденный, то, можетъ-быть, сгоряча...

— Сколько бы я ни горячился, съ достоинствомъ возразилъ Василій Сократовичъ,—неправды никогда не скажу. Разъ вы подняли такой вопросъ, я вамъ отвѣчу по пунктамъ. Что онъ былъ казнокрадъ и взяточникъ, этого вы отрицать не будете; а если вамъ угодно получить отъ меня болѣе точныя указанія, такъ я попрошу васъ припомнить его дружескій союзъ съ Прохоромъ Петровымъ Кутяповымъ; какъ во имя этого союза изобрѣтались самые невозможные подряды и какъ послѣ смерти Прохора тѣ же манипуляціи продолжались съ его сыномъ Васькой. Такъ это?

— Было, утвердительно кивнувъ головою отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.—А вотъ вы убійцей его назвали...

— Назвалъ и своего слова назадъ не беру. Онъ убійца, онъ убилъ свою первую жену Наталью Степановну! Пятнадцать лѣтъ онъ ее тиранилъ, держалъ въ четырехъ стѣнахъ...

— За что̀? спросилъ Григорій Павловичъ.

— Вотъ этого подлинно сообщить не могу, но знаю что онъ хотѣлъ эксплоатировать покойницу въ какой-то скверной продѣлкѣ, а та уклонилась... Кромѣ того, какъ извѣстно, у него было довольно всякихъ шашней на сторонѣ...

— Зачѣмъ же она терпѣла? Отчего не ушла? спросилъ Григорій Павловичъ.

— А оттого что былъ сынъ для котораго она жила. Что̀ онъ съ ней дѣлалъ!.. Водилъ въ ситцевыхъ платьяхъ, за столъ съ собой не сажалъ, а послѣдніе годы ея жизни, когда онъ снюхался съ теперешней чернавкой, онъ ее окончательно истиранилъ и даже къ умиравшей врача не позвалъ.

— Экое животное! воскликнулъ Александръ Ивановичъ.— А что̀ у него съ сыномъ-то вышло?

— Что̀ же сынъ? Наглядѣлся онъ на материнскія страданія, намучился; а тутъ новая мамаша объявилась, родитель требуетъ почтенія къ мачихѣ, а какое можетъ быть почтеніе когда онъ видитъ какъ подлѣ нея торчитъ какой-то кузенъ... Та, дура, тоже вздумала тону задать, стала предъявлять требованія на какое-то уваженіе; парень не вытерпѣлъ, вавакнулъ ей что-то не по шерсти, и въ результатѣ, изгнаніе изъ родительскаго дома съ содержаніемъ въ сорокъ рублей!.. Курса, бѣдняга, не кончилъ, женился на консерваторкѣ, служитъ гдѣ-то за семьдесятъ пять рублей... Сестра моя вчера говорила, онъ у ней въ домѣ живетъ, что къ нему прибѣжала родственница какая-то, двоюродная или троюродная сестра... тоже жертва...

— Чья? спросилъ Григорій Павловичъ.

— А все этого же благороднаго господина, съ озлобленіемъ продолжалъ Василій Сократовичъ, — который, по словамъ оратора Васьки, свершилъ все что̀ нужно человѣку для спасенія души!.. Онъ, изволите видѣть, подъ видомъ благочестія взялъ у нея какія-то деньжонки съ обѣщаніемъ выдавать проценты, но та по довѣрчивости и неопытности документа никакого не взяла, явилась къ Васькѣ, а онъ „знать не знаю!“ Можно тутъ палецъ загнуть?

— Можно, согласился Александръ Ивановичъ.

— Прикажете дальше разказывать?

— Нѣтъ, ну его къ чорту! Слушать-то это все противно.

— Вотъ то-то и оно-съ!.. А криворотый его фактотумъ Иванъ Ивановичъ? Сколько лѣтъ онъ держалъ его подъ Домокловымъ мечемъ!

— Какой такой Домокловъ мечъ? спросилъ Григорій Павловичъ.

— Не знаете? Это очень интересно. Служилъ у него этотъ криворотый и проворовался, надѣлалъ подлоговъ какихъ-то; спасенія ему не было никакого; но добрый начальникъ взглянулъ на это дѣло инымъ окомъ: онъ сообразилъ что осужденіе криворотаго по законамъ не будетъ особеннымъ торжествомъ Ѳемиды и что этотъ фруктъ можно будетъ не безъ успѣха эксплоатировать въ свою пользу. Онъ такъ и сдѣлалъ: до суда не довелъ, велѣлъ криворотому выйти въ отставку и нашелъ ему какое-то мѣстишко; вещественныя доказательства содѣяннаго криворотымъ остались у него въ рукахъ, такъ онъ и припустилъ его къ разнымъ своимъ милымъ продѣлкамъ и прятался за его спиной; чуть только попробуетъ криворотый что-нибудь возразить, онъ ему сейчасъ: „а въ Сибирь хочешь?“ Такимъ манеромъ онъ его лѣтъ семь маялъ и когда эту золотоносную жилу исчерпалъ, великодушно предалъ всѣ обличительные документы уничтоженію.

— Вотъ скотина-то! съ особеннымъ чувствомъ произнесъ Александръ Ивановичъ.

— Вотъ вамъ доблестныя качества его души! Въ каждомъ пальцѣ сидитъ преступникъ, а вы проповѣдуете какія-то римскія изреченія! Вамъ желательно чтобы всѣ называли превосходнымъ человѣкомъ мерзавца который самъ-то ушелъ, а послѣдствія своихъ мерзостей всѣ оставилъ на землѣ. Ему, канальѣ, хорошо, онъ сгніетъ себѣ и вся недолга, а живые расхлебывай! Можетъ тутъ быть какое-нибудь aut bene, aut nihil?

Александръ Ивановичъ и Григорій Павловичъ расхохотались, а послѣдній сказалъ:

— Успокойтесь, Василій Сократовичъ, тѣ которымъ придется расхлебывать не поцеремонятся и по мѣрѣ возможности перемоютъ его косточки!

— Нѣтъ, мнѣ этого мало, послѣ небольшаго раздумія произнесъ Василій Сократовичъ.

— Мало? удивленно спросилъ Александръ Ивановичъ.— Чего же вамъ еще-то надо?

— Я вамъ еще не высказалъ своей мысли, отвѣтилъ Василій Сократовичъ,—мое размышленіе идетъ гораздо глубже... Дайте мнѣ спички.

Александръ Ивановичъ подалъ ему спичечницу. Василій Сократовичъ закурилъ папиросу и понизивъ голосъ почти до драматическаго шопота заговорилъ тономъ проповѣдника:

— Было время когда примитивное человѣчество жило одними инстинктами и не имѣло надлежащаго представленія ни о грѣхахъ, ни о порокахъ; прошли тысячелѣтія, огромное большинство населенія земнаго шара озарилось свѣтомъ христіанства, которое преподало ясное понятіе о порокахъ и добродѣтеляхъ; казалось бы что человѣчество должно идти по пути исправленія, а оно продолжаетъ коснѣть въ порокахъ. Гдѣ причина?

Александръ Ивановичъ переглянувшись съ Григоріемъ Павловичемъ нерѣшительно произнесъ:

— Во-первыхъ, вѣроятно грѣхъ сидитъ въ самой природѣ человѣка, а во-вторыхъ... обстоятельства и условія жизни слагаются иногда такъ что приходится грѣшить и невольно...

— Это все возможно, согласился Василій Сократовичъ,— но мы видимъ худшее, мы видимъ какъ люди стараются усовершенствовать себя во всевозможныхъ продѣлкахъ. Скажите вы мнѣ, добрые люди, почему же это человѣческая совѣсть непрерывно очищаемая свѣтомъ прогреса упорнѣйшимъ образомъ лѣзетъ во мракъ, въ грязь, въ тину самооскверненія? Гдѣ причина?

Слушатели сдѣлали серіозныя лица и глубокомысленно промолчали.

— А причина въ томъ, продолжалъ Василій Сократовичъ,—что каждая каналья, каждый проходимецъ думаетъ только о томъ какъ бы ему прожить день, какъ бы его ктонибудь не поймалъ и не ославилъ мерзавцемъ... Въ былое время всетаки было религіозное настроеніе, сдерживалъ страхъ отвѣтственности въ будущей жизни, теперь это все утратилось, теперешній дѣятель ничего не боится кромѣ столкновенія съ Немезидой; удалось ему избѣжать этого столкновенія, онъ счастливъ и переходитъ въ небытіе съ такимъ разсужденіемъ: „пожилъ я въ свое удовольствіе, съ совѣстію своею не церемонился, кого было можно надулъ, обобралъ, намерзилъ и могу околѣть не безъ достоинства; пусть перемываютъ мои кости, пусть ругаютъ и клянутъ, ничего я этого не услышу, не почувствую, какъ не почувствую и того

какъ мою многогрѣшную плоть будутъ точить черви. Да и долго ли эта ругань будетъ продолжаться? Не два вѣка проживутъ и потерпѣвшіе отъ меня и свидѣтели моихъ дѣйствій; поругаютъ-поругаютъ да, глядишь, и сами въ свое время отойдутъ въ вѣчность, а такъ какъ я человѣкъ дюжинный, заурядный, то безпристрастная Кліо не начертаетъ моего имени на своихъ страницахъ, а родные мои и присные воздвигнутъ надъ моимъ прахомъ посильный мавзолей и пропишутъ на немъ мои титулы съ присовокупленіемъ всѣхъ похвальныхъ отзывовъ; тутъ будетъ и „добрый отецъ", и „примѣрный супругъ", и „любитель ближняго", и „безкорыстный слуга отечества"...

— Вѣрно, Василій Сократовичъ, вѣрно! съ веселымъ смѣхомъ поддержалъ его Александръ Ивановичъ.

— Да еще не ограничатся прозаическими-то похвалами, поэзію на помощь призовутъ! прибавилъ Григорій Павловичъ.

— Будьте покойны, и на лирѣ возбряцаютъ! съ восторженнымъ злорадствомъ воскликнулъ Василій Сократовичъ.— Стоитъ походить по нашимъ некрополямъ да почитать надписи на памятникахъ, вѣдь съ ума можно сойти отъ несмѣтнаго скопища лжи! Что ни тѣло, то праведникъ!.. Ни одного подлеца нѣтъ! Куда же они всѣ дѣвались, вы мнѣ скажите?

При послѣдней фразѣ онъ привскочилъ, опять уперся руками въ бока, уставился на своихъ смѣющихся собесѣдниковъ и громко возопилъ:

— Куда мошенники-то пропали?

— Ау, Василій Сократовичъ! весело отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.—И мошенниковъ, и честныхъ людей, всѣхъ подровняла курносая!

— Курносая? строго сдвинувъ брови и походкой тигра устремляясь къ Александру Ивановичу заговорилъ Василій Сократовичъ.—Смерть, хотите вы сказать? Такъ это клевета! Клевета, милостивый государь мой! Смерть свершила только свою задачу, а фарисейство, подлогъ, гнусная ложь принадлежатъ тѣмъ негодяямъ которые еще не попали къ ней въ лапы... Вѣдь нужно же выдумать такую комбинацію чтобъ живые мошенники являлись укрывателями мертвыхъ мошенниковъ! А гдѣ пишутъ-то свои подлости? Подъ крестомъ, рядомъ съ евангельскими изреченіями!.. Ну, не гадость это?

— Гадость-то это гадость, согласился Григорій Павловичъ, —но только если посмотрѣть на это съ другой стороны, такъ, пожалуй, выйдетъ какъ-будто и неловко мертвыхъ-то судить...

Вѣдь всетаки человѣку свойственно и прощать и предавать забвенію.

— Предавайте забвенію, горячо возразилъ Василій Сократовичъ,—прощайте, сколько вашей душѣ угодно, но не забывайте того что вамъ природой дана не только способность, не только право, но обязанность умѣть отличать добро отъ зла, ложь отъ правды. Не будь въ людяхъ этого качества, у нихъ не было бы представленія о честности.

Онъ въ волненіи прошелся по дорожкѣ, потрубилъ что-то губами, снова остановился передъ скамейкой и ни къ кому не обращаясь со злою ироніей заговорилъ:

— У насъ зачастую въ родѣ вашего любятъ въ оправданіе разныхъ продѣлокъ говорить: „умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ“. Честность не только продуктъ чувства, но и разума... Всѣ господа цитирующіе грибоѣдовскій стихъ забываютъ что подобное сужденіе могло родиться только въ головѣ такой безструнной балалайки какъ Репетиловъ и что всякій порядочный человѣкъ долженъ говорить наоборотъ: „умный не можетъ быть плутомъ!“... Такого ума нѣтъ который могъ бы сказать что мошенникомъ быть лучше нежели честнымъ человѣкомъ. Такого ума нѣтъ-съ! Поэтому я и говорю...

— Виноватъ, Василій Сократовичъ, перебилъ его Александръ Ивановичъ поглядѣвъ на Григорія Павловича и на свои часы,—у меня что-то подъ ложечкой защемило; не пора ли трогаться?

— Да, попитаться не мѣшаетъ, поднимаясь со скамейки поддержалъ его Григорій Павловичъ.—Пойдемте!

— Пойдемте! съ непонятнымъ уныніемъ въ голосѣ повторилъ Василій Сократовичъ и понуря голову побрелъ за своими пріятелями.

Александръ Ивановичъ обнялъ его за талію и шутливо промолвилъ:

— Философія хорошая штука, а все ей одной сытъ не будешь! Такъ вѣдь, Василій Сократовичъ? И въ прозѣ жизни есть свои пріятности!

— Да, поѣсть не худо, съ улыбкой отвѣтилъ утихомирившійся Василій Сократовичъ.

Александръ Ивановичъ въ качествѣ одинокаго жуира располагающаго хорошими средствами давно былъ въ Мавританіи своимъ человѣкомъ; войдя въ большую залу ресторана онъ по-пріятельски пожалъ руку распорядителя; публики не

было кромѣ одного посѣтителя, лобастаго, высокаго мущины низко наклонившагося надъ тарелкой и съ трескомъ по-сабачьи пожиравшаго цыпленка вмѣстѣ съ костями; Александръ Ивановичъ сейчасъ вступилъ съ распорядителемъ въ переговоры относительно обѣда; Василій Сократовичъ слегка тронулъ его за локоть и глухо проговорилъ:

— Вы того... полегче... не очень ужь широко...

— Вы о чемъ? спросилъ его Александръ Ивановичъ.

— На счетъ гурманства-то... Полегче, я говорю...

— Будьте покойны, вашъ бюджетъ не поколеблется, съ улыбкой отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.—Идите пока съ Григоріемъ Павловичемъ въ садъ, садитесь въ тѣни на чистомъ воздухѣ.

Василій Сократовичъ что-то промычалъ и вмѣстѣ съ Григоріемъ Павловичемъ направился къ выходу; когда они уже вышли за порогъ, Александръ Ивановичъ крикнулъ имъ:

— Бѣлорыбицы на закуску хотите?

— Еще бы! откликнулся Григорій Павловичъ.—И икры свѣжей непремѣнно!

Они выбрали столъ въ тѣни и усѣлись за нимъ; Василій Сократовичъ снялъ шляпу, отеръ лобъ и мигнувъ по направленію къ ресторану сказалъ:

— Нагородитъ онъ тамъ!

— Пусть городитъ, отвѣтилъ Григорій Павловичъ,—я на это въ претензіи не буду. Во всякомъ случаѣ наша ѣда не будетъ похожа на поминальный обѣдъ достоуважаемаго.

— Ну, ужь какъ онъ тамъ себѣ хочетъ, рѣшительно заявилъ Василій Сократовичъ, — хоть соловьиные языки спрашивай, а я больше четырехъ рублей не дамъ, у меня норма.

Человѣкъ принесъ подносъ съ приборами и началъ ихъ разставлять.

— Часто у васъ бываетъ Александръ Ивановичъ? неизвѣстно зачѣмъ спросилъ его Василій Сократовичъ.

— Современемъ даже такъ случается что на дню по два раза бываетъ-съ, сиплымъ фальцетомъ отвѣтилъ слуга,—днемъ кушаютъ, а вечеромъ ужинаютъ... Они наши завсегдашніе гости-съ. Конечно, по теперешнему лѣтнему времени компанія ихняя не вполнѣ, многіе господа разъѣхались на воду, ну, между прочимъ мы на нихъ пожаловаться не можемъ...

Рѣчь слуги перебилась приходомъ его собрата прита-

щившаго большой подносъ съ водками и закусками; въ то время какъ оба слуги разгружали принесенное, появился Александръ Ивановичъ и прежде чѣмъ пригласить своихъ собесѣдниковъ приступить къ закускѣ бросилъ второму слугѣ:

— Бѣги-ка, Иванъ, проворнѣе въ кухню, тамъ мозги на черномъ хлѣбѣ заказаны.

Слуга опрометью бросился исполнять приказаніе, а компанія заткнувъ за вороты салфетки принялась насыщаться. Выпили по три рюмки и закусили усердно; наливая по четвертой Александръ Ивановичъ спросилъ Григорія Павловича:

— Говорятъ, водку вредно пить?

— Говорятъ, спокойно отвѣтилъ Григорій Павловичъ нацѣпляя на вилку кусокъ бѣлорыбицы съ свѣжепросольнымъ огурцомъ.

— И вы своимъ паціентамъ то же говорите?

— И я то же говорю, опрокинувъ рюмку въ ротъ и отправляя вслѣдъ за ней бѣлорыбицу сказалъ Григорій Павловичъ.

— А сами пьете?

Григорій Павловичъ съ полнымъ ртомъ сначала утвердительно кивнулъ головой, а когда прожевалъ, то совершенно серіозно сказалъ:

— Непремѣнно, потому что я ее люблю.

— Правильно! съ веселымъ смѣхомъ воскликнулъ Александръ Ивановичъ. — Какъ вы находите, Василій Сократовичъ?

— Я ничего не нахожу, мнѣ все равно, отвѣтилъ тотъ.— Мнѣ, знаете ли, вотъ что̀ пришло въ голову: человѣчество не исправится до тѣхъ поръ...

— Вы это про меня? перебилъ его Григорій Павловичъ.

— Нѣтъ, я говорю что отношеніе живыхъ къ умершимъ...

— Ой, ой, ой! закричалъ Александръ Ивановичъ и замахалъ руками. — Ради Бога, пощадите! Ваша мертвечина будетъ совсѣмъ лишней приправой къ нашему обѣду... Обѣдъ хорошій, за что̀ его портить?

— Ну, хорошо, не буду, согласился Василій Сократовичъ и взялъ на вилку одинъ изъ только-что поданныхъ слугой гренковъ съ мозгами изъ костей.

— А обѣдъ скоро будетъ готовъ? спросилъ Григорій Павловичъ.

— Не торопите, потерпите, отвѣтилъ Александръ Ивановичъ,—обѣдъ будетъ такой что останетесь довольны!..

— Предупреждаю что я больше четырехъ... началъ было Василій Сократовичъ, но Александръ Ивановичъ сейчасъ же его перебилъ:

— Будетъ вамъ, Василій Сократовичъ, сочтемся Григорій Павловичъ, правда это, я слышалъ что Громовъ ушелъ?

Начался разговоръ объ уходѣ Громова, потомъ свернулъ на послѣднія политическія событія, потомъ пошла рѣчь объ этуаляхъ Омона и сразу прервалась при появленіи обѣда который, къ великому удовольствію Александра Ивановича, оказался превосходнымъ и заслужилъ восторженное одобреніе потребителей; наибо́льшій успѣхъ имѣли привозные каплунчики... За ѣдой выпили двѣ бутылки краснаго вина которое, по словамъ Александра Ивановича, подавалось только избраннымъ людямъ; по окончаніи обѣда не обошлось дѣло и безъ шампанскаго которое Григорій Павловичъ предложилъ выпить за здоровье „россійскаго Лукулла двадцатаго вѣка". Александръ Ивановичъ чокнулся съ обоими, потомъ убѣжалъ внутрь ресторана и черезъ нѣсколько времени вернувшись назадъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ:

— Знаете вы что̀, господа? День у насъ сегодня все равно пропалъ, теперь ужь пять часовъ, въ городъ возвращаться никакого смысла нѣтъ: поэтому я предлагаю остаться въ паркѣ, потолчемся, поглазѣемъ на народъ, а потомъ пойдемъ, оперетку послушаемъ. Идетъ?

Протеста не послѣдовало. Посидѣли еще, выпили кофею и ликеру.

— Однако, сидѣть здѣсь надоѣло, пора и расплачиваться, обратился къ нему Григорій Павловичъ.—По скольку придется съ физіономіи?

— Не безпокойтесь, за все заплачено, съ любезностію отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.

Григорій Павловичъ запротестовалъ и настоялъ на томъ чтобы Александръ Ивановичъ взялъ съ него половину; Василій Сократовичъ всѣми неправдами всучилъ ему свои четыре рубля. Съ раскраснѣвшимися лицами, съ влажными нѣсколько сонливыми глазами тріо выбралось на большую дорожку и усѣлось на скамейку. Долго глядѣли на гуляющихъ и на проѣзжавшихъ въ экипажахъ; поздоровались съ нѣсколькими знакомыми; сходили напиться сельтерской воды и опять усѣлись. Василій Сократовичъ въ значительной мѣрѣ раскисшій отъ съѣденнаго и выпитаго что-то все думалъ и мрачно глядѣлъ на окружающее.

— Вы мнѣ позволите высказать нѣкоторую мысль? вдругъ обратился онъ къ Александру Ивановичу и Григорію Павловичу.

— Отчего же не высказать? промолвилъ Григорій Павловичъ,—только если вы опять скакаша, играша...

— Неловко, Василій Сократовичъ, шутливо замѣтилъ Александръ Ивановичъ.—Народу много, публика все чистая...

— Не буду я скакать, не безпокойтесь, отвѣтилъ Василій Сократовичъ,—мнѣ только хочется съ вами подѣлиться одной мыслію.

— Ну, дѣлитесь, мы васъ слушаемъ, сказалъ Григорій Павловичъ.

— Чтò вы такое придумали? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— А вотъ чтò: я пришелъ къ тому заключенію что для негодяя самымъ лучшимъ способомъ исправленія было бы то, еслибы на памятникахъ писали объ усопшихъ рабахъ всю правду...

— То-есть, какъ же это? вытаращивъ глаза спросилъ его Григорій Павловичъ.

— А очень просто: умеръ казнокрадъ, пиши: „здѣсь погребено тѣло такого-то который воровалъ казенныя деньги"; умеръ ростовщикъ, пиши: „бралъ по стольку-то процентовъ"; умеръ развратникъ, пиши: „здѣсь лежитъ прелюбодѣй"; умеръ человѣкъ съ злымъ сердцемъ, пиши: „сей прахъ при жизни слопалъ много ближнихъ"; умеръ человѣкъ недалекаго разума, пиши: „здѣсь лежитъ дуракъ"...

Александръ Ивановичъ и Григорій Павловичъ разразились громкимъ смѣхомъ.

— Вотъ такъ средство! воскликнулъ Александръ Ивановичъ.

— Хороши тогда будутъ памятники, прибавилъ Григорій Павловичъ.

— Это смѣшно, я съ вами согласенъ, невольно улыбаясь самъ сказалъ Василій Сократовичъ, — но если бы такую мысль можно было осуществить, такъ, повѣрьте мнѣ, многіе бы поганцы исправлялись!

М. Садовскій.

ОСУЖДЕННЫЙ СУДЬБОЮ.

ПОВѢСТЬ.

III *).

— Какъ вы могли меня узнать? Неужели я не измѣнился? спрашивалъ меня Рогатовъ когда мы, наконецъ, остались съ нимъ вдвоемъ.

— Вы измѣнились мало; да и времени прошло не особенно много послѣ нашего свиданія или, правильнѣе, послѣ случайной встрѣчи въ „Золотомъ якорѣ“ въ Нью-Кестлѣ. Помните? отвѣчалъ я, вовсе не желая посвящать бѣднаго скитальца въ исторію тѣхъ неизгладимыхъ и роковыхъ линій начертанныхъ на его рукѣ, которыхъ я не могъ забыть.

— Однако, съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ.

— Да, около семи. Но я былъ удивленъ, это вѣрно, и вы легко поймете причину моего удивленія. Въ Куллеркотѣ я встрѣтилъ вашего отца и узналъ отъ него о томъ что вы дѣйствительно ушли на „Ахиллесѣ“ въ Австралію, а затѣмъ черезъ недѣлю прочиталъ въ газетахъ извѣстіе о гибели этого „Ахиллеса“ со всѣмъ экипажемъ. Вѣроятно вы спаслись какъ-нибудь и увѣдомили отца объ этомъ?

— Я никого не увѣдомлялъ о себѣ, грустно вздохнувъ отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Согласитесь, это безжалостно. Еслибы знали вы, сколько горя причинили тогда родителямъ своимъ безумнымъ поступкомъ!

— Было бы еще безжалостнѣе увѣдомлять о спасеніи, когда я не могъ вернуться, когда рѣшился навсегда уйти изъ той среды въ которой росъ. Богъ знаетъ, къ чему меня приведетъ эта скитальческая жизнь, и я не раскаиваюсь что обор-

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1901 г.

валъ сразу всѣ свои связи. Для обѣихъ сторонъ лучше и легче. Они считаютъ меня умершимъ, а я знаю что острая боль причиненная имъ моею мнимою смертью миновала. Надѣюсь, вы не захотите огорчить отца и ничего не сообщите ему?

— О, будьте покойны. Не я конечно стану смущать его. Но объясните мнѣ пожалуйста ваше спасеніе. Или вы не пошли на „Ахиллесѣ?“ Корабль дѣйствительно погибъ со всѣми людьми на рифахъ Сцилли.

— О, это удивительная исторія! Два раза я былъ тогда на волосокъ отъ смерти, два раза видѣлъ ее передъ собою и, какъ видите, цѣлъ, здоровъ и невредимъ! На морѣ вообще я замѣчательно счастливъ, не такъ какъ на сушѣ. Здѣсь мнѣ не везетъ.

— Кромѣ васъ еще кто-нибудь спасся?

— За исключеніемъ меня погибли всѣ. Дѣло было такъ. Баркъ вышелъ изъ Саутгамптона не вполнѣ догруженный съ намѣреніемъ принять большую партію испанскихъ винъ для Мельбурна въ Ферролѣ. На высотѣ Сцилли насъ захватилъ штормъ. Капитанъ передержалъ паруса, рангоутъ и снасти были новые и крѣпкіе. Во время шквала баркъ накренило, потомъ положило на бокъ, и когда подошла громадная волна, перевернуло вверхъ килемъ. Все это совершилось ночью въ нѣсколько секундъ среди непрогляднаго мрака. Я стоялъ на рулѣ и такъ крѣпко держался за штурвалъ что вмѣстѣ съ баркомъ ушелъ на глубину. Что̀ было далѣе не могу дать яснаго отчета. Припоминаются только какіе-то отрывки. Вполнѣ же я пришелъ въ себя уже на разсвѣтѣ. Подлѣ меня барахтался еще одинъ матросъ, товарищъ по несчастію, Шведъ Ниссенъ, сильный, здоровый и опытный. Оба мы запутались въ снастяхъ стеньги, бо̀льшая часть которой вмѣстѣ съ салингомъ уцѣлѣла и могла смѣло держать на водѣ чуть ли не весь нашъ экипажъ. Штормъ стихъ совершенно, оставалась лишь громадная мертвая волна высоко подбрасывавшая стеньгу вмѣстѣ съ нами. Я теперь не могу и передать сколько страданій испытали мы въ теченіе этого ужасно длиннаго дня. И сколько разъ впадали въ полнѣйшее отчаяніе и завидовали товарищамъ [illegible]ибшимъ моментально вмѣстѣ съ баркомъ. Но отъ времени [illegible] времени на горизонтѣ появлялся дымокъ, и тогда надежда [illegible] спасеніе снова овладѣвала нами и придавала силу и энер[illegible] онѣмѣвшимъ отъ напряженія рукамъ. Однакожь ожиданія [illegible]правдались и день подходилъ къ концу.

— Я тебѣ совѣтую привязать себя покрѣпче къ салингу,

а то ты задремлешь, выпустишь изъ рукъ стеньгу и пойдешь ко дну какъ лотъ", сказалъ мнѣ Ниссенъ приводившій въ исполненіе свои слова.

Я попробовалъ воспользоваться совѣтомъ казавшимся мнѣ очень практичнымъ, но руки онѣмѣли и не повиновались мнѣ, пальцы не сгибались болѣе.

— Будь что̀ будетъ, а я ничего не могу сдѣлать болѣе для своего спасенія, отвѣчалъ я.

Наступила ночь темная и холодная, и я чаще и чаще сталъ впадать въ безпамятство. На наше счастіе, здѣсь не было акулъ, а то онѣ безъ труда разорвали бы насъ на части. Мы уже не говорили другъ съ другомъ. У меня губы потрескались до того что невыносимо больно было шевелить ими, а въ горлѣ пересохло и вмѣсто словъ вылеталъ только хрипъ, глаза закрывались сами-собою. И вотъ въ одну изъ минутъ безпамятства я услышалъ страшный крикъ Ниссена. Я приподнялъ голову и моментально понялъ что вся наша надежда на спасеніе заключалась именно въ крикѣ. Откуда у меня взялась сила, не знаю, но я заоралъ такъ что надсадилъ себѣ грудь.

Прямо на насъ неслась темная, громадная масса освѣщенная яркими огнями, разбрасывавшая далеко въ стороны сверкавшую фосфорическими искрами серебристую пѣну. Очевидно, это былъ большой океанскій пароходъ. Не слышали насъ на пароходѣ, или не могли быстро остановить машину, не знаю, но не прошло и двухъ минутъ времени ожиданія какъ я съ ужасомъ почувствовалъ что черная громадина сильно ударилась объ стеньгу, затѣмъ волна подхватила меня, отбросила въ сторону и завертѣла въ струѣ пролетѣвшаго парохода.

„Не слышали и не замѣтили насъ", подумалъ я и снова впалъ въ отчаяніе.

Но въ тотъ же мигъ мнѣ показалось что пароходъ остановился. Я пріободрился и сталъ наблюдать не переставая кричать что было силы. Да, не было сомнѣнія, я былъ правъ. Во-первыхъ, не слышно было болѣе ударовъ могучаго винта, а во-вторыхъ, вмѣсто кормовыхъ огней передо мною замелькали бортовые илюминаторы. Затѣмъ въ отвѣтъ на мои крики зажглись фальшфеера и раздались голоса, а черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошла шлюпка. Поиски за Ниссеномъ не привели ни къ чему, несмотря на то что капитанъ парохода остался на мѣстѣ до разсвѣта. Очевидно, пароходъ ударившись носомъ въ стеньгу переломилъ ее и убилъ моего бѣднаго товарища. Черезъ сутки я бродилъ уже въ Ливерпулѣ по на-

бережной рѣки Мерзи и высматривалъ первый отходящій пароходъ. На мое счастіе, недоставало рулеваго на отходившемъ въ Южную Америку пароходѣ „Голіаѳъ“ принадлежавшемъ большой тихоокеанской компаніи. Я поступилъ на это судно подъ именемъ Кернера. Въ Вальтроптѣ мнѣ удалось попасть на великолѣпный стальной парусный клиперъ „Коллингвудъ“ на которомъ благополучно проплавалъ четыре года въ южномъ полушаріи. Мы занимались отчасти китобойнымъ промысломъ, отчасти доставкою дикарей въ Чили. Собственно говоря, это послѣднее было очень дерзкое дѣло и ничѣмъ не отличалось отъ торговли невольниками такъ жестоко преслѣдуемой у береговъ Африки. Но я не былъ заинтересованъ въ барышахъ промысла и не принималъ въ немъ прямаго участія. „Коллингвудъ“ окончилъ свое существованіе очень печально разбившись въ дребезги на „Самоа“. Я былъ въ числѣ немногихъ спасшихся при этомъ крушеніи, но потерялъ все что̀ заработалъ въ четырехлѣтнее плаваніе. Безъ копѣйки денегъ, кое-какъ одѣтый на средства матросскаго дома въ Аппіи, я возвратился въ Ливерпуль, гдѣ снова сталъ бродить по набережной Мерзи отыскивая мѣста. Перемѣнивъ три парохода, я наконецъ попалъ сюда и, кажется, надолго.

— Давно ли вы перемѣнили положеніе рулеваго на положеніе кочегара?

— На пути къ Самоа я сталъ прямо въ кочегарную и теперь получаю уже пять фунтовъ. Это гораздо выгоднѣе, хотя и тяжелѣе.

— Однако, вы достаточно вынесли и испытали. Не довольно ли, Поль? Не лучше ли вернуться домой? Я понимаю что васъ интересовалъ міръ Божій, вы желали видѣть иныхъ людей, иную природу, желали испытать свои силы, наконецъ, по неизвѣстнымъ причинамъ любили выше всего море. Но мы, Русскіе, не моряки по природѣ, да и согласитесь со мною, какая же прелесть въ морской жизни въ положеніи кочегара на срочной линіи „Англія—Гамбургъ“?

— Нѣтъ, я не утомленъ плаваніемъ и до сихъ поръ люблю море, какъ любилъ его въ дѣтствѣ. На линіи „Англія—Гамбургъ“ я временно въ ожиданіи событій. Что̀ же касается возвращенія въ Россію, то для меня это немыслимо, по крайней мѣрѣ теперь. Быть-можетъ, впослѣдствіи, когда все уладится, представится возможность побывать на родинѣ. Теперь я не воленъ болѣе располагать собою, отвѣчалъ Рогатовъ опуская глаза и краснѣя.

— Чтò уладится? Чтò связываетъ васъ теперь, когда вы еще мальчикомъ считали себя свободнымъ располагать собою не справляясь съ желаніями и волею вашихъ родителей?

Рогатовъ не отвѣчалъ мнѣ и протянулъ руку за шапкою.

— Вы молчите, но я догадываюсь въ чемъ дѣло, Поль. У васъ романъ? Ну, да, конечно! И объ этомъ романѣ знаютъ всѣ, начиная съ вашего капитана и оканчивая послѣднимъ мальчишкой на набережной. Вы влюблены въ эту красавицу Мери которую не велѣно было пускать на пароходъ? Какъ ея фамилія?

— Вы правы, хотя и не все знаете. Я ее люблю давно и она меня любитъ также. Мало того, у насъ уже все рѣшено и свадьба наша будетъ завтра. Какъ же можно думать теперь о возвращеніи въ Россію? наконецъ отвѣчалъ мнѣ Рогатовъ.

— Вы говорите, свадьба ваша завтра?

— Да, завтра утромъ. Это рѣшено безповоротно. Надѣюсь, вы извините меня что я прощусь съ вами сейчасъ же. Мери меня навѣрное ждетъ внизу. Впрочемъ, я еще зайду къ вамъ.

— Одну минуту, Поль! Свадьба ваша завтра, а черезъ три дня вы ѣдете снова въ рейсъ на пароходѣ чтобы достать денегъ для жены, такъ или нѣтъ?

— Да, пока такъ. Но у насъ все уговорено и условлено заранѣе. Мы проживемъ порознь недолго. У меня уже есть дипломъ и я скоро получу бригъ купивъ себѣ два или три пая. Деньги на это нашлись неожиданно. Мы будемъ плавать вмѣстѣ и безвыходно въ Средиземномъ морѣ. Развѣ это не блестящее положеніе для меня? говорилъ ужь съ увлеченіемъ Рогатовъ не замѣчая что я внимательно разсматриваю его руку.

Удивительное дѣло! Всѣ линіи на ней, казалось, поблѣднѣли и сдѣлались тоньше за исключеніемъ двухъ давно указанныхъ докторомъ: скитальческой и страшной, рѣдкой линіи убійцы!

„Немудрено сдѣлаться убійцей изъ ревности, оставляя жену красавицу въ приморскомъ портѣ посѣщаемомъ толпою разгульныхъ моряковъ“, подумалъ я припоминая рѣчи стараго хироманта.

— Бригъ въ Средиземномъ морѣ это журавль въ небѣ, въ дѣйствительности черезъ три дня вамъ придется стать у котла и подбрасывать уголь до Гамбурга. Вы навѣрное замучаете себя ревностію оставивъ жену здѣсь одну.

— О, нѣтъ! Моя Мери не похожа на остальныхъ женщинъ, очень разсудительна, практична и любитъ меня, горячо возразилъ Рогатовъ.

— Вы влюблены въ нее, Поль, это самое главное, а любовь слѣпа. Надобно много, долго наблюдать чтобы судить о молодой женщинѣ.

— Я уже два года считаюсь ея женихомъ. Наша свадьба назначалась нѣсколько разъ и откладывалась.

— Отчего же откладывалась?

— Странное стеченіе обстоятельствъ! Меня каждый разъ обкрадывали наканунѣ свадьбы, покраснѣвъ и потупивъ глаза отвѣчалъ Рогатовъ.

— А теперь у васъ снова много денегъ и вы увѣрены что васъ не обокрадутъ снова?

Рогатовъ не успѣлъ отвѣтить. За дверью раздался легкій стукъ и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ лакей сообщившій что молодая дама ожидаетъ на улицѣ м-ра Кернера и проситъ его немедленно сойти внизъ.

— Это Мери! Извините меня пожалуйста и до свиданія. Когда къ вамъ лучше забѣжать?

— Самое лучшее время полдень. Заходите и мы вмѣстѣ позавтракаемъ. Въ которомъ часу ваша свадьба?

— Часовъ въ пять, шесть. Непремѣнно приду позавтракать, а пока до свиданія! проговорилъ Рогатовъ крѣпко пожимая мою руку и стремительно выбѣгая изъ комнаты.

Проводивъ его, я открылъ окно выходившее на море. Вѣтеръ стихъ, море успокоилось, по голубому небу еще бродили кое-гдѣ обрывки тучъ, но весеннее солнце разливало столько тепла и свѣта что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія что и эти обрывки скоро растаютъ безслѣдно. Все населеніе мѣстечка высыпало къ морю подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Въ толпѣ гуляющихъ по набережной я тотчасъ же отличилъ красивую парочку, Рогатова съ его невѣстою. Они шли подъ руку тѣсно прижавшись другъ къ другу и весело болтая между собою. Вся ея легкая фигура была такъ граціозна и мила что приковывала къ себѣ общее вниманіе многолюдной толпы, и мнѣ понятно стало увлеченіе молодаго человѣка такъ беззавѣтно полюбившаго золотоволосую красавицу Мери. Но я тотчасъ же вспомнилъ отзывъ капитана парохода о ней, и мнѣ стало искренно жаль бѣднаго, одинокаго Рогатова.

IV.

На слѣдующій день я всталъ очень рано чтобы съ первымъ же утреннимъ поѣздомъ отправиться на машиностроительный заводъ, а оттуда на верфь. День выдался прекрасный, теплый и тихій. Благодаря этому работы на верфи шли такъ успѣшно что я повѣрилъ честному слову заводчика исполнить въ срокъ принятыя имъ на себя обязательства и въ близкую возможность вернуться наконецъ въ Россію изъ Англіи. Долженъ признаться что на этотъ разъ я просто задыхался въ дыму фабрикъ и заводовъ страны лицемѣровъ и фарисеевъ, шесть дней въ недѣлю принимавшихъ всевозможные способы обидѣть, ограбить и обездолить все человѣчество на земномъ шарѣ и въ седьмой замаливавшихъ свои тяжкіе грѣхи. Около полудня я прибылъ обратно въ N* съ хорошимъ апетитомъ и съ увѣренностію прекрасно позавтракать въ столовой гостиницы вмѣстѣ съ Рогатовымъ. Но только что я вышелъ изъ вагона, какъ мимо меня пронесся ураганомъ босоногій газетчикъ выкрикивавшій новости дня напечатанныя въ мѣстномъ листкѣ. Въ числѣ ихъ были „murder case“, „the wilful murder by a russian sailor“ и „russian atrocity“.

Въ первый моментъ я испыталъ очень непріятное чувство боязни за вновь прибывшихъ моихъ матросовъ, нравъ и привычки которыхъ мнѣ были давно хорошо знакомы. Чего не можетъ натворить русскій матросъ оказавшійся на свободѣ, безъ начальства, послѣ долгаго пути и съ лишними деньгами въ карманѣ въ приморскомъ мѣстечкѣ полномъ кабаковъ и притоновъ? Ожидать возвращенія газетчика у меня недостало терпѣнія, и я вмѣсто гостиницы почти бѣгомъ направился въ помѣщеніе своей команды. На порогѣ его я издали увидѣлъ улыбающееся, чисто выбритое, доброе лицо штурмана.

— Доброе утро! привѣтствовалъ онъ меня идя навстрѣчу.— Я только-что распорядился на счетъ обѣда команды. На этотъ разъ мы немного запоздали...

— Благополучно ли у насъ? Всѣ ли люди въ сборѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ? торопливо спросилъ я не давая ему закончить рѣчи.

— Да чтò съ вами? Почему же у насъ можетъ случиться неблагополучіе? Люди со мною все скромные и хорошіе, всѣ дома и здоровы. Слава Богу, пожаловаться на нихъ я не могу, спокойно отвѣчалъ штурманъ.

— Вы читали газеты?

— Читалъ мѣстный листокъ. Здѣсь онъ появляется рано.

— А убійство? Тамъ обвиняется русскій морякъ въ страшномъ, жестокомъ убійствѣ.

— Ахъ, да! И представьте себѣ, несчастіе произошло съ нашимъ общимъ знакомымъ. Убійца-то молодой Финляндецъ Кернеръ съ которымъ такъ подружились наши матросы.

— Навѣрное кого-нибудь приревновалъ къ невѣстѣ и въ запальчивости убилъ? Такъ?

— Вовсе не такъ. Убилъ онъ не кого-нибудь, а невѣсту свою. Все произошло ночью.

Я былъ пораженъ не такъ этимъ извѣстіемъ, какъ неопровержимымъ доказательствомъ правильности теоріи стараго хироманта. Или это была простая случайность?

— Извините меня пожалуйста, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, я не въ силахъ сегодня заниматься никакими дѣлами. Распоряжайтесь какъ угодно, а завтра увидимъ что̀ и какъ надобно сдѣлать. До свиданія, сказалъ я наконецъ рѣшившись помочь бѣдному Рогатову въ самую тяжкую минуту жизни.

Мнѣ надобно было ознакомиться съ дѣломъ, и въ гостиницѣ я прочиталъ разказъ мѣстнаго хроникера о катастрофѣ и показаніе убійцы на слѣдствіи произведенномъ коронеромъ. Репортеръ не пожалѣлъ несчастнаго Поля и отчасти враждебно, отчасти насмѣшливо отнесся вообще къ русскимъ людямъ. „Замѣчательно что сознаваясь откровенно въ своемъ дикомъ и жестокомъ преступленіи, русскій матросъ проливалъ горькія слезы и признавалъ себя кругомъ виновнымъ. Публично плакать и раскаиваться въ только-что содѣянномъ и неисправимомъ злѣ есть характерная черта всѣхъ Русскихъ. Они мало размышляютъ и даже вовсе не думаютъ о томъ что̀ дѣлаютъ, но когда имъ внушатъ что сдѣланное дурно, что оно считается преступнымъ по законамъ и нравамъ всякой культурной страны, тотчасъ же признаютъ себя виновными и плачутъ, а вмѣстѣ съ преступниками плачутъ и всѣ ихъ соотечественники, присяжные, судьи и адвокаты. Это вѣрнѣе всего признакъ распущенности нравовъ, а не благодушія и всепрощающей любви къ ближнему“, писалъ мѣстный философъ-хроникеръ. Изъ той же газеты я узналъ что въ виду сознанія преступника слѣдствіе не могло затянуться надолго, сесія суда ожидалась вскорѣ и дѣло должно было пройти и окончиться на моихъ глазахъ. Для меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ приговорѣ суда. Съ формальной точки зрѣнія Рогатовъ былъ

виновенъ въ убійствѣ, именно въ такомъ преступленіи которое въ Англіи отмщается только смертью. Но я не могъ примириться съ англійскими воззрѣніями на такое немудрое рѣшеніе закона. Преступленіе Рогатова въ моихъ глазахъ было фатальнымъ результатомъ всей его жизни, чѣмъ-то неизбѣжнымъ, признаки чего были начертаны на его рукѣ еще съ перваго момента появленія его на свѣтъ Божій.

Я обратился къ знакомому юристу м-ру Томсону за совѣтомъ какъ помочь моему соотечественнику въ бѣдѣ.

— Такого рода дѣла не моя спеціальность. Однако жь не скрою отъ васъ что и спеціалисту помочь здѣсь трудно. Случай самый обыкновенный, разборъ его не займетъ много времени, приговоръ, смерть, внѣ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ мнѣ юристъ.

— Но посудите сами, м-ръ Томсонъ, молодой человѣкъ убилъ свою невѣсту которую любилъ давно и убилъ за нѣсколько часовъ до свадьбы. Очевидно, это случай необычайный, афектъ, положеніе въ которомъ человѣкъ пересталъ владѣть собою. Присяжные должны оправдать, если имъ будетъ доказано что они имѣютъ дѣло съ парализованною волею, съ изступленіемъ, а не съ умышленнымъ преступленіемъ. Не такъ ли?

— Наши присяжные на подобныя дѣла смотрятъ проще. Гдѣ трупъ, тамъ смерть. Если смерть естественна, преступленія нѣтъ, нѣтъ и кары за него; если насильственна, долженъ быть отвѣтчикъ и искупитель. Все это понятно и логично; иначе мы не думаемъ.

— Итакъ ничѣмъ нельзя помочь молодому человѣку? Нельзя попытаться спасти его отъ висѣлицы?

Адвокатъ закрылъ глаза и задумался не отвѣчая мнѣ ни однимъ звукомъ. Это молчаніе продолжалось минутъ пять. Затѣмъ онъ всталъ и подойдя ко мнѣ вплотную сталъ медленно излагать свои соображенія по пунктамъ, на каждомъ сгибая палецъ лѣвой руки.

— Отчего же не попытаться помочь? Все возможно. Но для этого необходимо: во-первыхъ, пригласить какую-нибудь знаменитость въ адвокатскомъ мірѣ что̀, конечно, требуетъ денегъ; во-вторыхъ, надобно доказать ненормальность умственныхъ способностей чрезъ свидѣтелей и, въ-третьихъ, наконецъ, убѣдить вашего соотечественника безгранично довѣриться адвокату и повиноваться лишь его указаніямъ и совѣтамъ.

— Для исполненія всѣхъ этихъ требованій мнѣ надобно

прежде всего повидаться съ Рогатовымъ или, какъ его называетъ газета, съ Кернеромъ, и спокойно переговорить. Средства могутъ найтись, если онъ пожелаетъ и предоставитъ мнѣ право искать ихъ въ Россіи, отвѣчалъ я.

— Попробуемъ. Я ни за что̀ не ручаюсь, пока не посовѣтуюсь кое-съ-кѣмъ. Во всякомъ же случаѣ долженъ предупредить васъ что если вы настаиваете на необходимости свиданія съ преступникомъ, вамъ придется сначала съѣздить въ Лондонъ и тамъ похлопотать объ этомъ.

— Я готовъ ѣхать куда угодно по первому вашему слову, готовъ просить всѣхъ на кого мнѣ укажете.

На этомъ мы разстались, а часа черезъ три Томсонъ зашелъ ко мнѣ и сообщилъ что я долженъ ѣхать немедленно въ Лондонъ и обратиться съ моею просьбою о свиданіи къ одному высокопоставленному лицу м-ру Робертсу.

— Онъ легко доступенъ, принимаетъ и выслушиваетъ внимательно всѣ просьбы. Только имѣйте въ виду что этотъ человѣкъ очень занятъ государственными дѣлами, дорожитъ минутами и дѣйствительно не можетъ терять ихъ на многословныя объясненія. Не раздражайте его ненужными фразами, объявите категорически, о чемъ просите. Онъ задастъ вопросы, если для него потребуются какія-либо объясненія.

— Все это прекрасно, но если вашъ великій человѣкъ удѣлитъ мнѣ одну минуту, а я буду имѣть несчастіе не понравиться ему въ этотъ короткій промежутокъ времени, или начну не съ того слова, онъ откажетъ въ моей просьбѣ.

— Никогда. Робертсъ слишкомъ уменъ для того чтобы поддаться мимолетному впечатлѣнію, когда рѣчь идетъ объ участи человѣка, о жизни. Онъ быстро усвоиваетъ себѣ сущность всякаго сложнаго дѣла, очень сообразителенъ и при всей кажущейся черствости добръ и снисходителенъ къ людямъ. Но повторяю, не отнимайте у него времени излишнимъ многословіемъ. Боже мой, еслибы щадили этого человѣка, сколько бы онъ сдѣлалъ полезнаго и добраго!

— Позвольте, однако! Я не знаю вовсе вашего великаго человѣка и не могу судить о томъ, что̀ бы онъ сдѣлалъ еслибы былъ окруженъ иначе. Но м-ръ Робертсъ занимаетъ высокій постъ, на которомъ люди сами создаютъ обстановку и имѣютъ всѣ средства для устраненія препятствій, конечно, если эти препятствія не стихійнаго свойства.

— М-ръ Робертсъ стоитъ цѣлою головою выше своихъ коллегъ съ которыми обязанъ работать. Страна знаетъ его и

ожидаетъ именно отъ него разрѣшенія труднѣйшихъ проблемъ въ экономической и политической жизни. Не легко ему исполнить эти ожиданія, когда его товарищи отчасти по скудости ума, отчасти изъ честолюбія прилагаютъ все свое искусство чтобы вставлять ему палки въ колеса. Люди вездѣ люди и людьми останутся.

Обдумавъ все сказанное Томсономъ, я рѣшился пригласить его въ качествѣ моего переводчика въ Лондонъ.

— Во-первыхъ, вы, м-ръ Томсонъ, знаете вашего министра, во-вторыхъ, я не такъ точно выражаюсь по-англійски. А согласитесь сами что такой дѣловой разговоръ, какой мнѣ придется вести съ Робертсомъ, требуетъ самаго отчетливаго знанія языка. Подарите мнѣ завтрашній день, обратился я къ юристу.

— Хорошо, я согласенъ. Но на меня какъ на защитника въ судѣ не разчитывайте. Уголовныя дѣла не моя спеціальность. Итакъ до свиданія, завтра въ семь часовъ утра выѣзжаемъ въ Лондонъ, а въ три будемъ въ пріемной министра.

V.

На слѣдующій день ровно въ три часа мы вступили въ скромную пріемную Робертса и нашли ее переполненною. Здѣсь были и видные, солидные джентльмены въ сюртукахъ и фракахъ, и сгорбленные старцы въ поношенныхъ пиджакахъ, и дамы въ траурныхъ платьяхъ, и какіе-то юнцы въ смокингахъ. Серіозный, тщательно выбритый и прямой какъ шестъ молодой человѣкъ, личный секретарь великаго человѣка, записалъ наши фамиліи, спросилъ меня два раза какой я національности, откуда прибылъ въ Англію и зачѣмъ желаю видѣть министра. Затѣмъ, когда наступила наша очередь, тотъ же молодой человѣкъ кивкомъ головы указалъ на маленькую дверь. Переступивъ порогъ кабинета я увидѣлъ въ креслахъ за громаднымъ письменнымъ столомъ заваленнымъ книгами, газетами и кипами бумагъ самого хозяина кабинета. Онъ быстро писалъ что-то на большомъ листѣ почтовой бумаги, но при нашемъ появленіи всталъ и пожавъ молча намъ руки своею узкою, красивою съ длинными пальцами рукою опустился въ свое кресло и снова принялся за письмо, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія. Видно было что какая-то мысль

въ эту минуту занимала его болѣе всего, поглотила всецѣло и онъ боялся упустить дорогія мгновенія. Товарищъ мой, м-ръ Томсонъ, поднялъ руку къ губамъ, давая мнѣ этимъ знать что надобно молчать и ждать. Предупрежденіе было совершенно излишнимъ, я вовсе не торопился заговорить съ Робертсомъ, интересуясь не столько моимъ дѣломъ, какъ самимъ великимъ человѣкомъ. Это былъ мущина лѣтъ пятидесяти, крупныхъ размѣровъ, широкоплечій, высокаго роста и умѣренной толщины, съ большою головою, съ правильными чертами лица. Въ его густыхъ черныхъ волосахъ на головѣ и въ бородѣ кое-гдѣ пробивалась сѣдина. Рука быстро писавшая на почтовомъ листѣ обращала на себя особенное вниманіе. Это была маленькая, бѣлая, узкая, съ длинными, тонкими коническими пальцами рука которой позавидовала бы любая красавица.

Прошло минуты три молчанія нарушавшагося тиканіемъ столоваго хронометра и легкимъ шуршаніемъ быстро ходившаго по бумагѣ пера.

— Чтò угодно отъ меня джентльменамъ? наконецъ промолвилъ Робертсъ не поворачивая къ намъ головы и въ то же время передавая оконченное и запечатанное письмо какъ изъ-подъ земли выросшему передъ нимъ человѣку во фракѣ.

— Пошлите по адресу немедленно и распорядитесь чтобы карета была подана черезъ двадцать минутъ, въ полголоса приказалъ министръ и затѣмъ повернулся къ намъ. По глазамъ видно было что онъ въ эту минуту ждалъ нашихъ объясненій и былъ готовъ внимательно слушать насъ.

Я очень коротко отрекомендовался и попросилъ выслушать мою просьбу изъ устъ Томсона. Юристъ сначала говорилъ короткими фразами безъ лишнихъ риторическихъ украшеній и восклицаній. Но это продолжалось недолго Вниманіе ли къ нему великаго человѣка, или адвокатская привычка увлекаться собственнымъ краснорѣчіемъ сбили съ истиннаго пути моего товарища И только-что я подумалъ что Томсонъ могъ бы вовсе не говорить того, о чемъ онъ такъ подробно сталъ распространяться, какъ замѣтилъ что глаза Робертса устремленные прямо на насъ разсматривали что-то иное, видѣли не меня и Томсона, а кого-то другаго, о комъ или о чемъ думалъ въ это мгновеніе ихъ господинъ. То же самое почувствовалъ и Томсонъ поймавъ этотъ пристальный, неподвижный взглядъ и перешелъ снова къ простой сжатой рѣчи. Глаза Робертса въ ту же минуту измѣнили свое выраженіе и можно было поручиться что онъ опять внимательно слушаетъ Томсона. Я

никогда не видѣлъ чтобы самые обыкновенные, сѣрые глаза такъ категорически выражали волю, желанія и ощущенія человѣка, какъ это дѣлали глаза Робертса.

— Изъ вашихъ словъ я заключилъ, во-первыхъ, что молодой человѣкъ, соотечественникъ этого джентльмена, морякъ по професіи, совершилъ преступленіе при особыхъ условіяхъ, а во-вторыхъ, что для изысканія средствъ на уплату защиты необходимо предварительно переговорить съ преступникомъ и убѣдить его отказаться отъ инкогнито, дать знать о себѣ ближайшимъ родственникамъ въ Россіи. Не такъ ли? кивая на меня головою спросилъ Робертсъ, когда Томсонъ наконецъ замолчалъ.

— Да, сэръ, я прошу разрѣшенія повидаться съ моимъ соотечественникомъ. Онъ дѣйствительно морякъ по професіи и глубоко несчастный человѣкъ, отвѣчалъ я.

— Каждый самъ куетъ свое счастіе, разсѣянно молвилъ Робертсъ приподнимаясь съ кресла и кивкомъ головы прощаясь съ нами.

— Джентльменъ самъ морякъ и въ качествѣ таковаго суевѣренъ и думаетъ иначе по этому предмету. Онъ, напримѣръ, убѣжденъ что преступникъ не болѣе, не менѣе какъ „doomed seaman“ [1]). Джентльменъ увѣряетъ что вся судьба этого несчастнаго предначертана, что черты ясны и неизгладимы на его рукѣ, улыбаясь и какъ бы не замѣчая движенія Робертса развязно проговорилъ Томсонъ.

Я потупилъ глаза и кусалъ себѣ губы съ досады на болтливость моего товарища. Самъ же онъ предупреждалъ меня о значеніи времени для великаго человѣка, и самъ теперь занималъ его безполезными рѣчами. Очевидно, думалъ я, насъ попросятъ немедленно удалиться. Но вышло совершенно иначе.

— Джентльменъ морякъ и хиромантъ? обратился прямо ко мнѣ Робертсъ пытливо осматривая меня съ ногъ до головы своими умными, сѣрыми глазами и снова усаживаясь въ кресло.

— О, сэръ, мои свѣдѣнія изъ хиромантіи ничтожны. Но я давно знаю молодаго человѣка, съ самаго дѣтства его, и могу увѣрить васъ что he was really doomed and his doom is fulfilled now [2]), что дѣйствительно каждая черта на рукѣ его предсказывала то что̀ произошло съ нимъ до сихъ поръ,

[1]) Осужденный судьбою, жертва рока.

[2]) Онъ дѣйствительно осужденъ судьбою и приговоръ судьбы нынѣ осуществился.

отвѣчалъ я вѣроятно очень убѣжденнымъ тономъ, такъ какъ живо припомнилъ предсказанія стараго доктора которому не вѣрилъ до послѣдняго дня.

Еще внимательнѣе посмотрѣлъ на меня Робертсъ и затѣмъ опустилъ глаза на свою красивую лѣвую руку обращенную ладонью кверху.

— Совершенно вѣрно, сэръ, надобно изучить сначала черты лѣвой руки, невольно вырвалось у меня замѣчаніе.

Съ минуту онъ сидѣлъ задумавшись, какъ бы не слыша моихъ словъ, затѣмъ молча поднялся и пожавъ намъ руки проводилъ до двери.

— Извините, сэръ, вы не дали категорическаго отвѣта на просьбу, уже въ самыхъ дверяхъ заговорилъ снова юристъ.

— Я разрѣшу свиданіе и не одно, а сколько потребуется по ходу дѣла. Объ этомъ будетъ сообщено сегодня же, объявилъ Робертсъ выпуская Томсона и удерживая меня за руку въ кабинетѣ.

— Итакъ вы суевѣрный морякъ и хиромантъ, ласково улыбаясь заговорилъ онъ подводя меня къ окну.

Глаза его выражали и дѣтское наивное любопытство, и чуть ли не безграничное довѣріе, какимъ только изрѣдка, случайно дарятъ дѣти незнакомымъ взрослымъ.

— Я дѣйствительно морякъ, но не знаю, могу ли назваться суевѣрнымъ. Все зависитъ отъ взгляда на вещи, все условно. Я много плавалъ и много видѣлъ, и несогласенъ съ мнѣніемъ большинства сухопутныхъ людей что на свѣтѣ все просто и ясно, все поддается ариѳметикѣ, подсчету и обмѣру. Конечно, каждый куетъ самъ свое счастіе. Однакожь не у всѣхъ людей одинаковы шансы на него и не всѣ одинаково могутъ ковать одно и то же, хотя бы и лично для себя. Жизнь очень тяжелое бремя для большинства и лишь для немногихъ пріятное препровожденіе времени. Еслибы дѣло зависѣло только отъ умѣнія ковать, человѣчество давно выработало бы науку такой ковки.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе. А теперь взгляните на мою руку. Вамъ нужна лѣвая, не такъ ли? Пожалуйста, говорите ямо, не стѣсняясь ничѣмъ, я фаталистъ и не трусъ, все ыбаясь промолвилъ Робертсъ поднося къ моимъ глазамъ ю красивую, узкую, маленькую ладонь.

Въ первую минуту я былъ слишкомъ пораженъ и сконкенъ этимъ неожиданнымъ довѣріемъ. Но рука была такъ ересна и характерна что я быстро оправился и сталъ из-

учать линіи о которыхъ мнѣ когда-то читалъ лекціи мой старый знакомый докторъ. Морщинистый бугоръ подъ большимъ пальцемъ, большое количество бороздокъ подъ мизинцемъ сразу бросились мнѣ въ глаза; тонкая, отчетливая, безъ развѣтвленій линія посрединѣ ладони тянулась отъ запястья почти до половины втораго сустава средняго пальца и прерывалась сразу; цѣлая сѣть мельчайшихъ морщинокъ отдѣляла суставъ отъ сустава всѣхъ пяти пальцевъ. Передо мною несомнѣнно стоялъ человѣкъ обладавшій громаднымъ творческимъ талантомъ, почти геній, съ характеромъ твердымъ и настойчивымъ, съ душою нѣжной, благородною и отзывчивою, довѣрчивый какъ дитя въ своихъ личныхъ дѣлахъ и осторожный и подозрительный въ дѣлахъ общественныхъ, государственныхъ. Средняя линія, главное, ея перерывъ безъ утонченія были очевиднымъ указателемъ внѣзапнаго, мгновеннаго прекращенія государственной дѣятельности ея хозяина отъ стеченія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, стихійныхъ или самыхъ естественныхъ и простыхъ въ тотъ моментъ, когда онъ достигнетъ апогея, станетъ предметомъ зависти и удивленія. Передъ моими глазами была уже не рука, а цѣлая картина, живое, блестящее, роскошное изображеніе величія и ничтожества, мощи и безсилія.

— Говорите же! Меня, впрочемъ, интересуетъ только одна линія, мягко и улыбаясь проговорилъ Робертсъ.

— Вотъ что̀ интересуетъ васъ, отвѣчалъ я указывая на среднюю линію.—Она удивительна и рѣдко встрѣчается у людей, но въ ней, къ сожалѣнію, есть и недостатокъ. Отсутствіе постепенности исчезновенія, обрубленность, это, по-моему, признакъ.

— О, да. Я знаю признакъ чего. Это признакъ внезапнаго переворота въ жизни, быть можетъ, сумашествія, перебилъ меня Робертсъ.

— Но не жизни, сэръ! Посмотрите какъ полна и отчетлива линія отдѣляющая большой палецъ отъ остальной ладони!

— Что̀ въ жизни безъ дѣятельности, безъ власти! Удивительно какъ мнѣнія всѣхъ хиромантовъ одинаковы на счетъ средней линіи, тихо говорилъ Робертсъ не глядя уже на меня и повидимому думая совершенно о другомъ.

Я тихо выпустилъ его руку и сталъ откланиваться.

— Наши присяжные не идеалисты и строги, наши законы еще строже, почти жестоки. Но у насъ существуютъ извѣстные обычаи, и правительство чутко прислушивается къ обще-

ственному голосу выражающему мнѣнія и желанія большинства. Поэтому не отчаивайтесь даже въ случаѣ и смертнаго приговора и ободрите молодаго человѣка. Хочу думать что онъ не злодѣй, а несчастный. Прощайте, благодарю васъ, проговорилъ Робертсъ крѣпко пожимая мою руку.

На самомъ порогѣ комнаты я оглянулся еще разъ назадъ. Великій человѣкъ уже сидѣлъ въ своемъ креслѣ и быстро писалъ что-то толстымъ краснымъ карандашомъ на поляхъ тетради формата законопроектовъ обыкновенно вносимыхъ въ парламентъ.

VI.

Вечеромъ того же дня, когда я сидѣлъ снова въ своей гостиницѣ въ N*, мнѣ подали телеграму открывавшую свободный доступъ въ тюрьму гдѣ томился Рогатовъ. Я не замедлилъ воспользоваться ею, и на слѣдующее же утро въ указанный часъ передо мною открылись двери тюрьмы. Какой-то угрюмый и молчаливый, чисто выбритый индивидуумъ встрѣтилъ меня на порогѣ и проводилъ въ камеру заключеннаго. Это была небольшая узкая, но высокая, свѣтлая, очень опрятная и хорошо вентилированная комната. Столъ, табуретъ и желѣзная койка составляли всю ея обстановку. Впрочемъ, долженъ сознаться здѣсь что меня тогда слишкомъ интересовалъ самъ Рогатовъ, а не его мѣсто заключенія, и потому я многаго и не замѣтилъ въ этой образцовой тюрьмѣ. Трехдневное заключеніе такъ измѣнило Рогатова что я съ трудомъ узналъ бы его еслибы встрѣтилъ на улицѣ. Онъ страшно похудѣлъ, глаза его ввалились и потеряли свой блескъ, смертельная блѣдность замѣнила здоровый цвѣтъ лица, а въ густыхъ, коротко выстриженныхъ волосахъ на половину сверкали серебряные. Онъ молча пожалъ мнѣ руку и не выразилъ ни малѣйшаго ни удивленія, ни удовольствія, оставшись со мною съ глаза на глазъ вопреки самымъ кореннымъ правиламъ тюрьмы. Онъ не спросилъ меня, какъ я попалъ къ нему, и вообще, казалось, не хотѣлъ говорить со мною.

— Вы не совсѣмъ здоровы, Поль? спросилъ я.

— Къ несчастію, вполнѣ здоровъ, было отвѣтомъ.

— Пожалуйста, не падайте духомъ и надѣйтесь на лучшее будущее.

— Какія же надежды на лучшее будущее могутъ быть у меня? Вы сами прекрасно знаете это мое будущее. Оно чрезвычайно ясно и просто. Впрочемъ, и въ немъ есть хорошая сторона, конецъ близокъ, весело и не глядя на меня проговорилъ Рогатовъ.

— Не совсѣмъ ясно, просто! Именно по поводу этого будущаго я и пришелъ говорить. Вамъ необходимъ талантливый и опытный защитникъ, а это вѣдь стоитъ дорого, въ Англіи же въ особенности. Ни у васъ, ни у меня нѣтъ денегъ для найма знаменитости. Выводъ отсюда такой...

— Что слѣдуетъ на все махнуть рукою и спокойно ждать конца. Я такъ и сдѣлалъ и убѣжденъ что лучше и нельзя было сдѣлать. Зачѣмъ хлопотать? Для чего и для кого жить?

— Не говорите такъ, Поль! Я никогда и ни за кѣмъ не признавалъ права на собственную жизнь. Рисковать ею ради спасенія другихъ или на войнѣ, или въ морѣ, прекрасно и похвально. Но въ жизни человѣка воленъ лишь одинъ Богъ и каждый обязанъ защищаться до послѣдняго издыханія. Только трусы и малодушные сдаются безъ боя. Говорятъ что овца сама бѣжитъ за волкомъ.

— Послѣ того что я сдѣлалъ развѣ можно жить?

— Должно жить, Поль, должно цѣпляться всѣми силами за жизнь, бороться во что бы то ни стало. Вѣдь это только по ихъ мѣстнымъ законамъ кровь за кровь, только по ихъ убѣжденію жизнь за жизнь. По нашимъ же, кровь требуетъ инаго возмездія, болѣе тяжкаго раскаянія и самопожертвованія. Жизнь всегда и для всѣхъ была и будетъ болѣе или менѣе тяжкимъ бременемъ. Несите безропотно это бремя и не суйтесь сами въ петлю. Напишите сейчасъ же письмо къ вашимъ въ Россію, сознайтесь во всемъ и просите помощи.

— Не могу. Я давно умеръ для нихъ, давно острая боль этого горя миновала для моихъ близкихъ. Неужели вы посовѣтуете мнѣ ради спасенія ненужной и испорченной жизни возобновить ту же боль? Какое ту же! Тогда они оплакивали преждевременную смерть взбалмошнаго мальчишки, а теперь на ихъ бѣдныя, старыя головы свалится позоръ, и я напомню о себѣ наканунѣ неизбѣжной, унизительной смерти. Оттого-то я и не хочу писать что не трусъ. Поймите меня, Бога ради, и не настаивайте на томъ, чего не долженъ дѣлать ни одинъ человѣкъ дѣйствительно любящій своихъ кровныхъ, съ неожиданнымъ оживленіемъ отвѣчалъ Рогатовъ.

— Я потому, Поль, и заговорилъ съ вами что вы не

трусъ. Унизительная смерть дѣйствительно неизбѣжна, если вы не достанете защитника. Если же онъ будетъ у васъ, вамъ предстоитъ иная участь, искупленіе и новая жизнь въ новомъ краю, въ кругу новыхъ людей иной природы. Вы еще слишкомъ молоды и сильны чтобы не надѣяться на лучшую участь.

— Нѣтъ, я никогда не рѣшусь сдѣлать то что̀ вы мнѣ совѣтуете, хотя и вѣрю вамъ что мое упрямство можетъ сто̀ить мнѣ жизни. Пусть будетъ что̀ будетъ. Я несу кару за то что ошибся и давно понялъ ошибку, умышленно закрывалъ глаза и увѣрялъ себя что мнѣ удастся современемъ исправить бѣдную Мери. Это была роковая ошибка и непростительная самоувѣренность, такъ какъ я самъ-то во сто кратъ былъ хуже и испорченнѣе моей невѣсты.

— Какъ вы сошлись съ нею и что̀ васъ толкнуло на такой ужасный поступокъ?

— Все произошло случайно. Почти три года тому назадъ, въ бурный и ненастный день мы сидѣли покойно въ своей теплой и уютной каютѣ и пили чай, слушая интересные разказы нашего стараго боцмана о его плаваніяхъ на судахъ бывшей Остъ-индской компаніи. Спокойствіе наше было неожиданно нарушено необычайнымъ толчкомъ отъ котораго подпрыгнули чашки и чайникъ на столѣ.

„— Сходи-ка наверхъ, Кернеръ, и посмотри что̀ тамъ случилось и цѣлы ли наши швартовы. Если надобно, вызови насъ, а съ разказомъ я подожду“, обратился ко мнѣ съ приказаніемъ боцманъ.

Швартовы наши оказались въ полномъ порядкѣ и толчокъ я объяснилъ себѣ тѣмъ что только что отвалившій отъ той же пристани, у которой стоялъ и нашъ корабль, пароходъ развелъ большую волну толкнувшую насъ. Долѣе оставаться на палубѣ у меня не было никакой охоты; холодный вѣтеръ дулъ по прежнему, а дождь лилъ не переставая, и я уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ каютѣ, какъ до моего слуха донесся крикъ съ отвалившаго парохода, и затѣмъ въ бѣлой пѣнѣ стлавшейся вслѣдъ за нимъ я увидѣлъ барахтавшуюся женскую фигуру. Сильнымъ теченіемъ ее несло къ лѣвому берегу. По близости не было ни одной шлюпки, а пароходъ моментально остановившій ходъ не могъ справиться съ вѣтромъ и теченіемъ и безпомощно лежалъ бокомъ къ волнѣ. Для меня ясно было одно что пройдетъ много времени прежде нежели пароходъ повернетъ назадъ, и выбивавшаяся изъ силъ женщина не дождется его помощи. Плаваю я очень хорошо, а раз-

стояніе которое отдѣляло меня отъ погибавшей было невелико. Недолго размышляя, я вызвалъ товарищей снизу и прежде нежели они выскочили бросился въ воду. По правдѣ сказать, я не ожидалъ чтобы рискъ былъ такъ великъ и борьба за жизнь оказалась слишкомъ тяжелою. Теченіе вмѣстѣ съ отливомъ относило меня въ сторону, руки и ноги окоченѣли въ ледяной водѣ, дождь хлесталъ по глазамъ и закрывалъ горизонтъ. Но я надѣялся не только на свои силы, а также и на сообразительность моихъ товарищей. И дѣйствительно, они выручили меня въ самый критическій моментъ, когда я сталъ изнемогать поддерживая безчувственную женщину. Это и была Мери упавшая за бортъ по неосторожности.

— Ну, конечно, съ этого дня и началось ваше сближеніе съ нею. Сколько лѣтъ ей было тогда?

— Семнадцатый. Вы совершенно правы, въ тотъ же день я былъ и у ея отца, слесаря работавшаго на одномъ изъ здѣшнихъ кораблестроительныхъ заводовъ, а черезъ недѣлю считался уже женихомъ Мери. Прошелъ еще мѣсяцъ, и день моей свадьбы былъ назначенъ. Но наканунѣ его со мною произошелъ непріятный случай разстроившій всѣ мои планы надолго: у меня украли деньги. Правда, сумма была невелика, сто фунтовъ. Но оставшись безъ копѣйки, я не могъ жениться на Мери. Она спокойно отнеслась къ этому несчастію и согласилась ждать, пока я заработаю кое-что въ морѣ. А такъ какъ заработокъ рулеваго малъ, то я перешелъ въ кочегары. Прошелъ годъ, и у меня снова лежало въ карманѣ около ста фунтовъ съ которыми наканунѣ свадьбы повторилась вторая исторія.

— Согласитесь однако что это странное совпаденіе случайностей! Оба раза васъ обкрадываютъ наканунѣ свадьбы.

— Да, очень странное, возбудившее во мнѣ нѣкоторыя подозрѣнія. Я не сказалъ вамъ, каковы были мои отношенія къ Мери, но вы легко поймете сами изъ дальнѣйшаго разказа. О томъ что у меня были деньги знали только невѣста и ея отецъ. Вмѣстѣ съ ними я провелъ весь день, за ужиномъ мы выпили больше обыкновеннаго, и Мери отвела меня къ себѣ. Когда же я проснулся, карманы мои оказались пусты. Меня могли обокрасть или въ ресторанѣ, или у моей невѣсты. Послѣдствія были тѣ же что̀ и въ первый разъ.

„— Я не пойду за тебя замужъ, пока у тебя не будетъ двухсотъ фунтовъ въ карманѣ. Безъ такихъ денегъ нельзя ни одѣться прилично, ни обзавестись хозяйствомъ“, объявила мнѣ Мери.

„— Я уже старъ и не могу работать на фабрикѣ. Не умирать же мнѣ съ голода, когда моя дочь сдѣлается вашей женою. Вы должны подумать и обо мнѣ“, отвѣчалъ мнѣ отецъ моей невѣсты, когда я жаловался на мою несчастную судьбу. Итакъ мнѣ ничего не оставалось дѣлать болѣе какъ снова идти въ море зарабатывать деньги. Я такъ и поступилъ.

— Очевидно, Мери съ отцомъ эксплоатировали васъ. Неужели вы не подозрѣвали что они и обкрадывали васъ?

— Поймите меня хорошенько: я любилъ Мери! Дурное вліяніе на нее ея отца было очевидно для меня, и чѣмъ болѣе я убѣждался въ этомъ, тѣмъ болѣе мнѣ хотѣлось разлучить ихъ.

— Чтò въ свою очередь требовало денегъ?

— О, да, и много денегъ! Я перешелъ въ кочегары, и жалованіе мое удвоилось, потомъ и утроилось. Однакожь сбереженія мои не увеличились. Каждый разъ какъ я возвращался изъ рейса, мое жалованіе почти цѣликомъ переходило въ руки Мери встрѣчавшей меня на пристани и проводившей со мною все время до ухода парохода въ новый рейсъ.

— Чтò же, вы полагали что она лучше и вѣрнѣе сохранитъ ваши деньги?

— Онѣ уходили на ея наряды и на содержаніе ея отца бросившаго фабрику. Я уже сталъ приходить въ отчаяніе, не предвидя никакой возможности отложить двѣсти фунтовъ и жениться, какъ совершенно неожиданное обстоятельство измѣнило мое положеніе и, къ несчастію, ускорило катастрофу.

— А вы уже предвидѣли катастрофу?

— Да, но иную. Дни и долгія ночи въ морѣ, стоя у штурвала и подкидывая уголь въ топку, работая въ машинѣ или въ котлѣ, я думалъ только о Мери, ждалъ только той минуты, когда встрѣчусь съ нею. Я не боялся работы, не чувствовалъ усталости, но когда, возвращаясь изъ рейса, не видѣлъ въ толпѣ на берегу Мери, для меня терялся весь смыслъ жизни.

— Какой же случай ускорилъ катастрофу?

— Въ Альтонѣ я столкнулся съ Іогансеномъ и, несмотря на то что мы не видѣлись почти десять лѣтъ, тотчасъ же призналъ его. Конечно, мы встрѣтились какъ друзья и тотчасъ же усѣлись за столикъ пивной.

„— А вѣдь я считалъ тебя погибшимъ на „Ахиллесѣ““, объявилъ мнѣ старый товарищъ.

„— Видишь, однако, что я не погибъ. И не тебѣ бы уди-

вляться, Іогансенъ, такому случаю. Лучше разкажи мнѣ долго ли искали меня въ Нью-Кестлѣ и узнали ли о томъ что я ушелъ на „Ахиллесѣ?“

„— Постой пожалуйста, не перебивай меня, а то я все забуду. Вѣдь ты напомнилъ мнѣ о томъ, о чемъ слѣдуетъ переговорить сейчасъ же. Вотъ удивительное дѣло, какъ это случилось что я десять лѣтъ къ-ряду ни разу не подумалъ о порученіи твоего отца? А дѣло-то важное и, пожалуй, интересное для тебя“, потирая свой лобъ говорилъ Іогансенъ.

„— Разказывай, въ чемъ же дѣло? Едва ли, впрочемъ, оно интересно теперь, черезъ десять лѣтъ много воды утекло. Подумай, сколько разъ ты обошелъ вокругъ свѣта, сколько перемѣнилъ капитановъ и флаговъ?“

„— О тебѣ рѣчь, только о тебѣ, повторяю, не перебивай. Знаешь ли ты, въ сберегательной кассѣ, въ Нью-Кестлѣ, хранится на твое имя сумма въ двѣсти фунтовъ?“

„— Конечно, не знаю! Но еслибы деньги и лежали въ Нью-Кестлѣ, то какъ же я получилъ бы ихъ? Подумай, Іогансенъ, я теперь не Рогатовъ, а Кернеръ, отвѣчалъ я и радуясь, и не вѣря неожиданной помощи которая, казалось, устраняла всѣ препятствія къ моему благополучію“.

„— Дай припомнить все хорошенько. Вѣдь прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, а у меня память слаба“.

Іогансенъ думалъ довольно долго, молча потягивая пиво, и въ концѣ-концовъ додумался.

„— У меня въ сундукѣ на шкунѣ хранится книжка сберегательной кассы въ которой обусловлено право полученія денегъ. Какія тамъ условія, не знаю, но книжку я тебѣ передамъ сегодня же, такъ какъ шкуна уходитъ ночью въ Бразилію“.

Шкуна стояла недалеко, и когда Іогансенъ вернулся съ нея, въ моихъ рукахъ оказался документъ удостовѣрявшій меня въ томъ что предъявитель его имѣетъ право получить двѣсти фунтовъ стерлинговъ съ процентами наросшими со дня внесенія денегъ въ кассу. Въ тотъ день когда я встрѣтился съ вами по возвращеніи изъ Гамбурга, я дѣйствительно получилъ около трехъ тысячъ рублей. Но въ два часа ночи у меня снова въ третій разъ украли деньги!

— Васъ обокрала Мери?

— До сихъ поръ не могу дать себѣ отчетъ какъ все произошло. Помню что мы наканунѣ ходили по магазинамъ и сдѣлали много покупокъ, затѣмъ вечеръ провели и ужинали

втроемъ: я, Мери и ея отецъ. Что̀ было дальше, не могу припомнить. Припоминаю обстоятельства лишь съ того момента, когда я проснулся и увидѣлъ передъ зеркаломъ Мери. Она торопливо подбирала свои густые волосы, закалывала ихъ длинными блестящими булавками.

„— Теперь не время гулять, Мери,“ замѣтилъ я.

„— Почему не время? Да и какое тебѣ-то дѣло до меня? Хочу гулять, иду, а ты спи себѣ сколько нравится“, рѣзко отвѣчала она справившись наконецъ съ уборкою волосъ и протягивая руку за новенькою шляпою которую мы купили вечеромъ.

„— Полагаю что мнѣ есть до тебя дѣло. Что же касается до того что теперь гулять поздно, лучше всего справиться съ часами,“ возразилъ я шаря подъ подушкою, гдѣ лежали часы и бумажникъ. Но такъ какъ я не могъ найти часовъ, то приподнялъ подушку. Бумажника не было.

„— У меня пропали деньги! Не подшутила ли ты, Мери?“ закричалъ я быстро соображая всѣ несчастныя послѣдствія этой новой бѣды.

Вспомните что свадьба наша нѣсколько разъ откладывалась именно потому что наканунѣ меня обкрадывали, что пай брига мнѣ былъ обезпеченъ, а съ нимъ командованіе бригомъ и счастливая жизнь въ Средиземномъ морѣ. Я моментально понялъ что теперь все рушилось, что Мери не будетъ моею женою и съ ужасомъ ждалъ отвѣта. Насколько я помню себя, страшнѣе этой минуты не было въ моей жизни.

„— Если тебя опять обокрали, то и оставайся одинъ, а мнѣ съ тобою нянчиться нечего. Ты надоѣлъ мнѣ давно“, грубо отрѣзала Мери, сердито вскидывая на меня глаза.

Я вскочилъ и заперъ дверь на ключъ.

„— Это что̀ за новости? Зачѣмъ ты заперъ дверь на ключъ?“

„— Ты взяла мои деньги, Мери, и я тебя не выпущу пока не найду ихъ. Бога ради, умоляю тебя, не шути и не раздражай меня болѣе, не доводи до отчаянія,“ пробовалъ я уговорить ее.

„— Отопри дверь и выпусти меня сію минуту, я болѣе не хочу тебя знать“, былъ отвѣтъ.

— И вслѣдъ затѣмъ она бросилась на меня и стала силою вырывать ключъ изъ рукъ. Между нами началась борьба. Здѣсь память снова измѣняетъ мнѣ. Я обезумѣлъ отъ отчаянія и когда наконецъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ что Мери лежала неподвижно на кровати безъ признаковъ жизни. Что̀ было дальше, не стоитъ говорить. Впрочемъ, вы навѣрное читали въ мѣстной газетѣ всѣ подробности и показанія

свидѣтелей. Докторъ вѣроятно объяснилъ причину смерти и разказалъ подробно то, чего не видѣлъ и чего я самъ не могъ бы ни за что̀ разказать не потому чтобы не желалъ или находилъ неудобнымъ для себя, а потому только что не могу припомнить. Мнѣ до сихъ поръ не вѣрится что я самъ собственными моими руками задушилъ любимую женщину, и еслибы дверь не была заперта на замокъ, еслибы ключъ не лежалъ у меня въ карманѣ въ тотъ моментъ, когда я пришелъ въ сознаніе, я бы поклялся что кто-нибудь третій былъ между нами и что этотъ третій и совершилъ страшное дѣло! Теперь я сказалъ вамъ все. Бога ради дайте мнѣ отдохнуть и вѣрьте что жизнь для меня утратила смыслъ.

Съ этими словами Рогатовъ упалъ почти безъ чувствъ на койку.

Два раза при слѣдующихъ свиданіяхъ я пытался уговорить его написать въ Россію о своемъ положеніи и постоянно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „мнѣ жизнь не надобна“.

* * *

Черезъ мѣсяцъ я съ Томсономъ присутствовалъ на судебномъ разбирательствѣ Рогатова. Зала была переполнена публикою. Но, въ виду полнаго признанія имъ своей вины, дѣло тянулось очень недолго, рядъ свидѣтелей прошелъ въ полчаса, и присяжные удалились въ совѣщательную комнату.

— Что̀ говоритъ ваша хиромантія о продолжительности жизни этого молодаго человѣка? обратился ко мнѣ Томсонъ.

— Почему вы мнѣ задаете этотъ вопросъ?

— Чтобы провѣрить теорію съ практикою. Черезъ четверть часа появятся присяжные съ обвинительнымъ приговоромъ, и я не даю вашему земляку болѣе недѣли жизни.

— На все воля Божія, м-ръ Томсонъ, отвѣчалъ я увѣренный какъ и онъ въ роковомъ исходѣ.

И дѣйствительно, присяжные сказали то что̀ должны были сказать, и судья произнесъ смертный приговоръ какъ справедливое возмездіе за преступленіе.

Но и приговоръ хиромантіи оказался справедливымъ. Не прошло недѣли какъ по рукамъ цѣлаго округа пошла петиція о помилованіи Рогатова. Нѣсколько тысячъ подписей на этой петиціи убѣдили министра юстиціи что гласъ народа есть гласъ Божій. Рогатовъ былъ помилованъ.

А. Бѣломоръ

РАННІЯ НЕВЗГОДЫ.

ПОВѢСТЬ.

VIII *).

Настя въ самомъ дѣлѣ точно накликала бѣду. Уже въ сочельникъ дѣлая разныя заготовленія къ празднику Елена Павловна чувствовала себя дурно, въ день же Рождества она проснулась совсѣмъ больной и черезъ силу поднялась съ постели. Въ церковь она не могла идти и, такъ какъ Вася, участвуя въ хорѣ, отправился въ свою гимназическую, Настя одна очутилась въ приходской церкви.

Въ дни великихъ праздниковъ Настя всегда чувствовала грусть. Но прежде ей казалось что грусть эта происходитъ отъ приниженнаго положенія, отъ бѣдности; ей казалось, имѣй она возможность подарить бездѣлицу къ празднику матери, брату, прислугѣ, и грусти не было бы. Теперь она заработала передъ самымъ праздникомъ цѣлую кучу денегъ и отдавъ сорокъ рублей матери оставила себѣ десять именно для подарковъ. Она такъ давно мечтала объ этихъ праздничныхъ подаркахъ! Кухаркѣ она подарила ситцу на платье, Васѣ портсигаръ, а матери заказала корзину цвѣтовъ въ оранжереѣ. Эта корзина особенно радовала ее. Никогда еще въ ихъ мизерной квартирѣ не было такой изящной, красивой, благоухающей игрушки. И въ первый моментъ когда утромъ принесли корзину, ее радовала мысль что она могла бросить деньги на такую ненужность.

Между окружавшихъ ее людей не было ни одного знакомаго лица, службы она не видѣла, а слышала только пѣніе и

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1901 г.

возгласы священника и одиноко стоя въ толпѣ она мыслію углублялась въ себя. Не изъ суетности ли она сегодня поднесла эту корзину цвѣтовъ матери? Ей припомнился удивленный расширенный взоръ Елены Павловны, когда утромъ, совсѣмъ уже больная, слабая, она увидѣла цвѣты. Она почти испугалась. Что̀ это такое? Откуда это? Она отказывала себѣ во всякомъ пустякѣ. Бѣдная Елена Павловна два года сряду носила однѣ и тѣ же вязанныя перчатки искусно заштопывая дыры, жалѣя семидесяти пяти копѣекъ на новыя, и вдругъ корзина цвѣтовъ стоившая не менѣе трехъ рублей! Кому могла придти такая нелѣпая мысль! Когда она узнала откуда эта корзина, она сдѣлала видъ что обрадовалась. „Бѣдная, милая, милая мама, я не о тебѣ думала, а о себѣ, когда покупала цвѣты. Хотѣлось похвастаться передъ самой собою, и мы, молъ, не хуже другихъ, и у насъ цвѣты бываютъ. Прости меня, мама!“ Настя знала что ни за что̀ на свѣтѣ, будь она лицомъ къ лицу съ матерью, не стала бы просить у нея прощенія, не высказала бы ей того что̀ теперь тѣснило ей умъ. Когда она была одна сама съ собою, она всегда больше любила мать, прощала ей ея слабости, жалѣла ее. „Бѣдная моя, милая, въ первый разъ въ жизни хотѣла потѣшить тебя и не сумѣла!“

Настя чувствовала себя несчастной. Молиться ей не хотѣлось. Она хотѣла было уйти изъ церкви къ матери, но толпа людей заграждала ей путь и, хотя она не молилась, ей было совѣстно уйти изъ церкви въ такой торжественный день. И какъ бывало въ раннемъ дѣтствѣ, во время отсутствій матери, когда сердцемъ она влеклась къ ней и не видя ея чувствовала себя одинокой, покинутой, несчастной, слезы наполняли ей глаза.

Какъ бы была тронута Елена Павловна, еслибы отгадала что̀ происходитъ въ сердцѣ дочери, но Настя знала, навѣрное знала что мать никогда не узнаетъ этого, она менѣе чѣмъ кто-либо другой!..

Настя вернулась домой черезъ кухню чтобы не тревожить матери звонкомъ, и тихо ступая вошла въ столовую. Въ комнатѣ, вмѣстѣ съ самоварнымъ паромъ, стоялъ запахъ гіацинтовъ. На диванѣ, за чайнымъ приборомъ, въ свѣтломъ платьѣ и чепцѣ сидѣла Елена Павловна.

— Мама, побойся Бога, зачѣмъ ты встала? воскликнула дѣвушка.

— Что̀ же я въ праздникъ лежать стану, Настенька, вѣдь и зайти кто-нибудь можетъ.

Настя сейчасъ же почувствовала раздраженіе, того чувства растроганной нѣжности къ матери чтò испытывала она въ церкви какъ бы и не бывало.

— Кто зайдетъ къ намъ, кому мы съ тобою нужны! сказала она рѣзко бросая на стулъ шляпу и перчатки.

— Ну, какъ это не зайти, Евгеній Александровичъ уже непремѣнно зайдетъ.

— Не зайдетъ, обрѣзала Настя безъ всякихъ объясненій, хотя могла бы пояснить почему она знала что не зайдетъ художникъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ говорилъ что ненавидитъ праздничное шатаніе по визитамъ и не придетъ къ нимъ въ первый день. А какъ бы ей самой хотѣлось чтобы онъ пришелъ сегодня навѣстить ихъ, одинокихъ!

Прибѣжалъ изъ гимназіи Вася, наскоро напился чая, почистилъ свой и безъ того свѣжій и чистый мундирчикъ и побѣжалъ дѣлать визиты, сказавъ что по всѣмъ вѣроятіямъ не будетъ обѣдать дома

— Конечно, конечно, сказала Елена Павловна, — ступай къ Озеровскимъ, да и ты, матушка, не выдумай со мною сидѣть, обратилась она къ Настѣ, — я все равно обѣдать не стану.

— Чтò жь, я тебя одну брошу въ первый день Рождества? хмуря брови вымолвила Настя.

— Да не нужна ты мнѣ совсѣмъ, ради Бога иди, болѣзненно раздражаясь говорила Елена Павловна.

Но Настя не пошла къ Озеровскимъ. Она убѣдила мать лечь въ ея комнатѣ, а сама въ своемъ дешовенькомъ, но новомъ платьицѣ сѣла въ гостиной; благоухали гіацинты, красовалась по праздничному мебель безъ чехловъ, а въ душѣ дѣвушки была тоска. Она ждала что придетъ Павлуша или студентъ Озеровскій, но никто не шелъ и ей было обидно за мать. „Шатаются по разнымъ княгинямъ", думала она, „а тетку не могутъ навѣстить". И опять поднималось въ ней то нехорошее, мелкое чувство которое умѣлъ побѣдить въ ней только Евгеній Александровичъ. „Княгини кормятъ обѣдами и ужинами, принимаютъ въ великолѣпныхъ хоромахъ, а намъ гдѣ же сумѣть васъ принять, о, презрѣнные, презрѣнные! И будутъ вѣдь извиняться, скажутъ: вы родственницы, съ вами нечего церемониться, и мать будетъ улыбаться и соглашаться съ ними что съ нею нечего церемониться".

Однако, у Рожанскихъ были три гимназиста, Васины товарищи, съ визитомъ и одинъ даже все время продрожалъ на

стулѣ и не вымолвилъ ни одного слова, такъ какъ былъ сильно влюбленъ въ Настю, былъ священникъ съ крестомъ, да какой-то старичекъ, которому несмотря на свою бѣдность Елена Павловна ухитрялась помогать.

Къ обѣду Елена Павловна встала съ постели, но ровно ни до чего не дотронулась.

— Тебѣ хуже? спросила Настя,—мама, у тебя жаръ?

— Совсѣмъ нѣтъ никакого жара, даже холодно немного; не безпокойся обо мнѣ, ступай къ Озеровскимъ.

— Я съѣзжу за докторомъ, сказала Настя.

— Вотъ вздоръ-то выдумала. Уйдешь ты, я завалюсь въ постель, высплюсь и все какъ рукой сниметъ. Уходи ты только скорѣй, ради Бога.

IX.

Настя явилась къ Озеровскимъ въ тотъ самый моментъ какъ зажгли елку и двери въ залу торжественно растворились впуская дѣтей и взрослыхъ. Настя вошла за остальными не успѣвъ поздороваться. Павлуша первый замѣтилъ ее.

— Настасья Васильевна, наше вамъ, обратился онъ къ ней по обыкновенію кривляясь,—вы не въ претензіи что не былъ у васъ съ визитомъ? Пятьдесятъ два сегодня отмахалъ!

Настя улыбнулась не безъ гордости: она вѣрно отгадала что̀ ей будутъ говорить кузены.

Когда Настя здоровалась съ теткой, та глядя поверхъ нея задала ей два вопроса:

— Что̀ такъ поздно?.. А мама?

— Развѣ не говорилъ вамъ Вася, мама больна...

— Ахъ, да, да... Какъ жаль, какъ жаль... Ну, веселись же, душечка.

И обратившись къ дамѣ въ бархатномъ платьѣ и бриліантахъ, она своимъ добродушно-жирнымъ голосомъ сказала:

— Я люблю елки; не правда ли, безъ елки праздникъ не въ праздникъ.

Дѣти и взрослые толпились вокругъ елки съ нѣсколько натянутыми улыбками; сестры Озеровскія слѣдили за тѣмъ чтобы всюду казалось весело. Наталья въ группѣ молодыхъ людей и барышень съ большимъ оживленіемъ, съ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, разказывала о томъ, какого труда

стоило удержать маленькихъ племянниковъ въ гостиной до зажженія елки. Анна на колѣнахъ передъ группой дѣтей показывала жестяную прыгающую лягушку и тоже, какъ сестра, была необыкновенно оживлена.

— Смотрите, смотрите, вѣдь это царевна-лягушка. Помните въ сказкѣ царевну-лягушку? Сейчасъ, сейчасъ она превратится въ Василису премудрую.

Дѣти отлично знали что никакого превращенія не будетъ и лягушка никого изъ нихъ не интересовала, но изъ снисхожденія къ тетѣ Анѣ они дѣлали видъ что лягушка ихъ радуетъ.

Собственно елка своимъ свѣтомъ искренно радовала только самаго меньшаго внука Озеровскихъ, годовалаго мальчика, остальныя дѣти, болѣе взрослыя оглядывали другъ друга и находившіеся на столѣ подарки. Подарки всѣхъ интересовали, на елку же не обращали никакого вниманія.

Настя отошла къ дверямъ и пряталась за портьерой, она чувствовала и грусть и какое-то раздраженіе противъ всѣхъ этихъ людей. Все казалось ей неестественнымъ, играннымъ. Шурочка подошла къ ней, поцѣловала ее и спросила: „ты весело встрѣтила праздникъ?“ Она вся вспыхнула, этотъ вопросъ оскорбилъ ее: она весело встрѣтила праздникъ! Можно ли имѣя сердце спрашивать это!

Но Шурочка не поняла что оскорбляетъ Настю, она съ недоумѣніемъ взглянула на ея покраснѣвшее лицо.

— Пойдемъ туда поближе, сказала она,—сейчасъ будутъ раздавать подарки.

Настя только отрицательно мотнула головой и осталась за портьерой.

Александра Григорьевна дѣйствительно вскорѣ стала раздавать подарки; она величественно стала у стола заваленнаго вещами и сиповато-жирнымъ голосомъ вызывала того чье имя было написано на вещи, между тѣмъ какъ mademoiselle громко и фальшиво играла „персидскій маршъ“.

Зала оживлялась. Игрушки заняли дѣтей; нѣкоторые поывали другъ другу подарки, другіе не обращая никакого иманія на елку всецѣло отдавались игрѣ, заводили, возили, ставляли на полу и на диванчикахъ свои игрушки.

Каждый изъ взрослыхъ членовъ семьи тоже получилъ по чному подарку; Анѣ съ Наташей были поднесены брошки, рочкѣ часы.

Настя съ замираніемъ сердца ждала что дойдетъ и до нея

чередъ. Имя ея было произнесено. Она подалась впередъ, но сейчасъ же рѣшила что не пойдетъ, ни за что̀ не рѣшится пройти черезъ всю залу, и притаилась за портьерой. Персидскій маршъ былъ уже оконченъ и mademoiselle теперь стояла у стола съ подарками.

— Настя Рожанская! произнесла она громогласно, и Настя видѣла какъ Шурочка Ухлимову показала ея засаду. Нечего дѣлать, надо было идти.

Она не отличалась робостію, но теперь ей почему-то было страшно пройти этой пустыней, отъ двери до стола, подъ взорами всего общества и какое-то странное нервное безпокойство овладѣло ею.

Она какъ во снѣ сдѣлала нѣсколько шаговъ, и вдругъ Ухлимовъ съ разбѣга подкатилъ къ ней и подставилъ руку. Она машинально не думая ни о чемъ положила свою руку на его. Дорогой онъ нагнулся къ ней и прошепталъ:

— Какъ давно, давно не видались! Вы помните...

Онъ прижалъ ея руку къ груди. Тутъ только Настя вспомнила что не видалась съ Ухлимовымъ со времени сеанса и возмущенная дерзкимъ напоминаніемъ хотѣла оттолкнуть его, но было уже поздно, онъ самъ съ глубокимъ поклономъ оставилъ ее у самаго стола.

Дѣвочка стояла ошеломленная, когда тетка вручила ей маленькій ящичекъ и какой-то свертокъ матеріи сказавъ: „это тебѣ, художница, а это твоей мама̀ на кофточку“. Настя не поблагодарила, а только какъ-то безпомощно взглянула на тетку. Обѣ руки ея были заняты и она не знала куда дѣваться съ своими подарками. Въ это время, думая что самая скучная процедура раздачи подарковъ кончена, Петръ Николаевичъ выходилъ изъ своего заточенія въ залу. Настя первая бросилась ему въ глаза.

— Покажи, покажи, что̀ получила, маленькая художница? воскликнулъ онъ и взявъ дѣвушку за подбородокъ прибавилъ:— какой чудесный ящикъ съ красками и матерія прекрасная!

И улыбнувшись ей, убѣжденный что осчастливилъ ее, онъ оставилъ Настю посреди залы.

И Настя вдругъ почувствовала такое одиночество среди этой многолюдной залы, почувствовала что-то такое жгуче-обидное что бросилась вонъ изъ комнаты. Всѣ были заняты, никто не остановилъ ее, никто не замѣтилъ ея бѣгства.

Она пробѣжала пріемной, гостиной, красной комнатой и

остановилась въ маленькомъ угловомъ кабинетикѣ, бѣжать уже больше было некуда.

Она бросила на столъ подарки и, ежась и дрожа, прижалась къ спинкѣ маленькаго диванчика огороженнаго ширмами.

Огромное пустое пространство залы, Ухлимовъ подставляющій локоть, его дерзкое напоминаніе о послѣдней съ нимъ встрѣчѣ, подарки, даже обращеніе съ ней дяди, все казалось ей обидой, обидой, обидой. Особенно эти подарки, и зачѣмъ, зачѣмъ ихъ нужно! Она отлично помнила происхожденіе ящика съ красками. Два года тому назадъ, когда она съ Шурочкой начинали учиться у Евгенія Александровича, разъ во время урока Александра Григорьевна принесла ящикъ съ водяными красками. Ардашевъ открылъ ящикъ, посмотрѣлъ краски и сказалъ что онѣ никуда негодны. Александра Григорьевна удивилась, но тѣмъ не менѣе прибрала ящичекъ сказавъ: „ну, еще дождутся своего помѣщенія". Вотъ и дождались! Происхожденіе темненькаго съ разводами фуляра вѣроятно похоже на ящикъ съ красками. Это какой-нибудь остатокъ купленный на дешевкѣ, долежавшій до своего настоящаго назначенія. Вѣроятно, для всякаго другаго этого фуляра слишкомъ мало, а „бѣдная Елена" какъ-нибудь да выкроитъ, „бѣдной Еленѣ все пригодится".

„Несчастная мама", думала Настя, „милая моя несчастная, зачѣмъ нужно тебѣ терпѣть это униженіе, зачѣмъ, когда ты рождена для роскоши? Какъ они смѣютъ, какъ смѣютъ, когда знаютъ..."

И Настя начинала вѣрить въ первородство своего происхожденія, въ исторію о несправедливомъ присвоеніи наслѣдства, въ ту легенду которая по желанію такъ мѣнялась въ устахъ ея матери.

Слезы стояли въ горлѣ, но что-то мѣшало имъ пролиться.

Изъ залы доносились веселые звуки вальса и тѣмъ грустнѣй, тѣмъ одиноче было на душѣ Насти. Вдругъ она услышала чьи-то спѣшные шаги и, прежде чѣмъ успѣла соскочить съ дивана и спрятаться за ширму, Шурочка и Аня входили въ комнату.

— Настя, куда ты спряталась? сказала Шурочка, — тебя ищутъ, ты какая-то странная стала, ужь не обидѣлась ли опять?

Настя отрицательно замахала головою, но не могла произнести ни слова, слезы все время стоявшія близко вдругъ подступили къ самому горлу, захватили его, дышать стало трудно, ноздри раздвинулись и влага наполнила глаза.

— Полно, сказала Шурочка,—право, непонятно изъ-за чего ты плачешь.

Но Аня подсѣла къ Настѣ, обняла ее и сказала сестрѣ:

— Нѣтъ, очень понятно. Первый день праздника, а тетя Елена больна, очень понятно.

Это объясненіе показалось Настѣ еще печальнѣе, Аня считала ее лучше чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, слезы ея были вызваны не болѣзнію матери, а другимъ гадкимъ, очень гадкимъ чувствомъ, признаться въ которомъ было невозможно, и между тѣмъ было такъ тяжело врать, выставлять себя не тѣмъ чтò есть на самомъ дѣлѣ. И она сильнѣе плакала, безъ словъ махала головою отрицая этимъ жестомъ предположеніе Ани. Ласка сѣренькой дѣвушки трогала, Настю тянуло прижаться къ ней, выплакаться на ея плечѣ, но она не могла забыть что Аня и Шурочка принадлежали къ семьѣ постоянно оскорблявшей ее, и она не отвѣчала на ласку Ани.

— Домой, домой!.. произнесла она.

— Сейчасъ я велю позвать тебѣ извощика, мы проведемъ тебя коридоромъ, никто не увидитъ.

Аня дѣйствительно провела Настю коридоромъ до передней, такъ что никто не встрѣтилъ ее, и когда лакей доложилъ что извощикъ готовъ, вручила ей тщательно завернутые въ газетную бумагу подарки.

На морозѣ обливаясь слезами Настя прижимала свертокъ ненавидя его, себя и всѣхъ на свѣтѣ.

Когда она черезъ кухню вошла въ квартиру, Елена Павловна заслышавъ возню въ передней встала съ Настиной постели и дотащилась до дверей гостиной.

— Кто это? спросила она со страхомъ; ея больному воображенію уже представились воры-грабители.

— Это я, плаксивымъ голосомъ отвѣчала Настя,—я подарки привезла, вотъ они...

Она вдругъ разразилась громкимъ неудержимымъ плачемъ, свертокъ она хотѣла бросить на стулъ, но не завязанный газетный листъ развернулся, ящикъ скользнулъ на полъ, краски разсыпались.

Елена Павловна вскрикнула и схватилась за больную голову.

— Господи, чтò такое, чтò случилось? Боже мой!

Въ полутьмѣ этой комнаты освѣщенной только маленькой лампочкой-ночникомъ Еленѣ Павловнѣ казалось что случилось что-то страшное, она повторяла: „чтò такое, чтò такое?“ и собственный голосъ пугалъ ее еще больше.

Испугъ больной матери отрезвилъ дѣвушку, рыданія прекратились, слезы высохли, она бросилась къ Еленѣ Павловнѣ, усадила ее всю дрожавшую въ кресло, стала просить у нея прощеніе, но Елена Павловна очевидно была въ полусознаніи. Настя позвала кухарку, велѣла зажечь большую лампу и вмѣстѣ онѣ отвели Елену Павловну и положили на постель Насти. Елена Павловна все что-то вздрагивала, озиралась, начинала говорить какія-то странныя вещи, опомнилась и просила за что то прощеніе у Насти.

X.

Всю ночь Настя не спала. Елена Павловна бредила, металась, пугалась чего-то, все ей казалось что что-то падаетъ и разбивается, и Настя укоряла себя за испугъ причиненный ей. Вася возвратился домой около двухъ часовъ, сестра выбѣжала къ нему полуодѣтая, разстроенная.

— Мать больна, сказала она, — бредитъ, надо за докторомъ...

— Какой же теперь докторъ, подождемъ до утра, теперь никто не поѣдетъ.

Вася тоже встревожился, его хорошенькое личико приняло озабоченное выраженіе, тѣмъ не менѣе выходя изъ комнаты Насти куда онъ входилъ посмотрѣть на больную онъ какъ-то презрительно выпятивъ губы вымолвилъ:

— А сестрица опять выкинула кунстштюкъ, не можетъ безъ истерикъ!

Настя промолчала, только болѣзненно сдвинутыя брови и краска бросившаяся въ лицо свидѣтельствовали о томъ, насколько она почувствовала укоръ брата.

Ночь дѣвушка провела въ креслѣ около матери и, еле забрезжилъ свѣтъ, разбудила Васю.

— Поѣзжай за докторомъ, сказала она,—скорѣй, скорѣй, ради Бога, ей хуже.

Черезъ часъ Вася привезъ доктора.

Это былъ старикъ Ординскій лечившій и у Озеровскихъ. Онъ не былъ знаменитостію, бралъ за визитъ то что̀ давали, но относился къ своимъ паціентамъ гуманно и добросовѣстно.

Обогрѣваясь въ первой комнатѣ передъ тѣмъ чтобы войти къ больной, онъ припомнилъ что видалъ Васю и Настю у Александры Григорьевны.

— Я и мамашу вашу знаю, прибавилъ онъ,—молодой еще видалъ, пожалуй, не хуже васъ была, сударыня, галантно обратился онъ къ Настѣ,—очень хорошенькая была особа.

Докторъ тщательно осмотрѣлъ и выслушалъ больную, но дѣтямъ ея ничего опредѣленнаго не сказалъ, только дружески, почти съ отцовской нѣжностію пожимая руку Насти на прощаніе вымолвилъ:

— Мужайтесь, барышня, придется походить за матушкой, вы молоды, организмъ здоровый, не жалѣйте себя. Нынѣшняя молодежь куда къ себѣ бережлива, прибавилъ онъ какъ бы въ скобкахъ.

Отъ денегъ неумѣло предложенныхъ ему старикъ отказался.

— Не надо, не надо, сказалъ онъ,—вы лучше за лекарствомъ скорѣй пошлите.

За лекарствомъ въ аптеку Настя побѣжала сама. Ей хотѣлось пройтись, голова была сжата какъ въ тискахъ, въ груди точно втиснутъ былъ какой-то кусокъ мѣшавшій дышать.

Въ аптекѣ дѣвушкѣ сказали что лекарства будутъ готовы черезъ часъ.

Цѣлый часъ! Все время со вчерашняго дня она думала объ Ардашевѣ, ей казалось, будь онъ у Озеровскихъ, единственно его присутствіе воспрепятствовало бы ея нелѣпой выходкѣ. Ему только, ему одному она могла излить свою душу, выплакать свое горе, высказать все накопившееся за эту ночь негодованіе на себя. Цѣлый часъ!.. Она воспользуется этимъ часомъ, она съѣздитъ къ нему.

На извощика у Насти не хватило бы денегъ, но на конку какъ-разъ было достаточно, десять копѣекъ туда и назадъ. Правда, конка возьметъ вдвое больше времени, но разсуждать ужь нечего, надо скорѣй, скорѣй пользоваться свободнымъ часомъ.

Старый лакей Ардашева очень удивился когда увидалъ Настю.

— Какіе же нынче классы, барышня, сказалъ онъ,—теперь праздникъ, баринъ не принимаютъ.

— Петръ Ивановичъ, ради Бога, одну минуту, я не задержу Евгенія Александровича.

Петръ Ивановичъ хорошо зналъ отношенія своего барина къ ученикамъ и ученицамъ, но тѣмъ болѣе онъ охранялъ его отъ „любимчиковъ“, любимчики всегда мѣшали ему работать.

Петръ Ивановичъ покачалъ головою.

— День короткій, сказалъ онъ,—онъ только-что принялся за работу, и отрывать!.. Сами знаете, Настасья Николаевна.

Но Настя съ такой мольбой посмотрѣла на старика своими усталыми воспаленными глазами что онъ какъ-то сомнительно качнулъ головою.

— Что жь дѣлать, пойду, сказалъ онъ.

Настя такъ была убѣждена что Ардашевъ приметъ ее, что скинула шубку и калоши, и едва она успѣла сдѣлать это, какъ Петръ Ивановичъ возвратился сказавъ:

— Просить изволятъ, такъ и зналъ!..

Настя любила мастерскую Ардашева въ ея изящномъ безпорядкѣ, съ картинами, бѣлой статуей на фонѣ тяжелой темной драпировки, съ колекціей древнихъ бронзъ, оружій, серебра. Живя очень скромно, почти бѣдно, весь свой заработокъ Ардашевъ тратилъ на свои колекціи.

Въ своей домашней блузѣ, съ палитрой въ рукахъ, живописецъ стоялъ передъ картиной, которую Настя еще ни разу не видала, хотя не разъ онъ говорилъ съ ней объ этой картинѣ. Въ нее онъ положилъ всю душу свою, всю энергію, работалъ надъ нею уже болѣе двухъ лѣтъ, но по временамъ, какъ онъ говорилъ Настѣ, онъ ослабѣвалъ, его брало сомнѣніе и онъ бросалъ тогда свою излюбленную работу, размѣнивался на мелочи, писалъ портреты, эскизы и т. п.

Теперь она впервые видѣла эту картину и хотя она была полна своей собственной заботой, своимъ гнетущимъ горемъ, картина поразила ее мощью кисти, своей своеобразностію. Въ ней было все таинственно, все сверхъестественно и между тѣмъ все реально. Особенно поразило ее совершенно живое, выходившее изъ рамы, съ открытыми устами, вдохновенное лицо старика. Онъ проповѣдывалъ, и казалось что слышишь его голосъ.

— Какъ чудно хорошо! вымолвила дѣвушка.

Ардашевъ обернулся.

— Здравствуйте, барышня милая, сказалъ онъ, какъ показалось Настѣ, разсѣянно, очевидно недовольный что прерываютъ его работу,—мой церберъ не хотѣлъ васъ пускать, я дѣйствительно занятъ, дни когда работается по-настоящему выпадаютъ рѣдко.

— Извините что прервала васъ...

Настя не въ силахъ была продолжать. Она шла къ Ардашеву съ тѣмъ чтобы излить ему свою душу. Сидя въ вагонѣ конки она представляла себѣ какъ скажетъ ему все, все про

себя, увѣренная что онъ другъ настоящій и вѣрный, и вотъ какъ онъ принимаетъ ее холодно, почти непріязненно... Она помѣшала ему... Настя закрыла лицо руками.

— Дитя мое, что съ вами? Что случилось?

Ардашевъ бросилъ палитру на табуретъ и кинулся къ ней.

— Я помѣшала... простите, простите, бормотала Настя прерывающимся голосомъ.

— Да полно, полно; да о чемъ же вы, Настенька? говорилъ Ардашевъ въ отчаяніи стараясь отнять ея руки отъ лица, — совсѣмъ не помѣшали, ну ее, картину! Работа не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, вы сами знаете.

Онъ суетился вокругъ дѣвушки не зная какъ унять ея рыданія, предлагалъ ей воды, теръ виски.

— Вотъ я какая, сказала она какъ скоро получила возможность говорить,—скверная я, дурная, истеричная, Вася сказалъ, и правда, правда!.. Ахъ, вы не знаете!..

— Да въ чемъ же дѣло-то, голубчикъ мой, въ чемъ дѣло?

— Мама больна, безъ памяти, и я довела ее до этого.

— Да какъ же это возможно! что вы городите!.. Выпейте водицы, вотъ такъ. Садитесь сюда, ну и разказывайте... а если не можете безъ слезъ, я буду ждать.

Онъ сложилъ руки и отвернулся отъ нея чтобы дать ей время успокоиться.

Оправившись нѣсколько Настя разказала о томъ, какъ мать заболѣла, какъ она послушалась ее, отправилась одна къ Озеровскимъ и какъ опять сдѣлала тамъ „скандалъ“.

— Зачѣмъ васъ не было, вы должны были быть, васъ звали, говорила она жалобно.—Когда вы тутъ, я все сознаю ясно, я владѣю собою... но когда васъ нѣтъ, опять находитъ на меня то мелочное, гадкое, когда въ каждомъ ихъ поступкѣ я вижу обиду, чувствую оскорбленіе... И все перемѣшалось вмѣстѣ: мама больна, Ухлимовъ дерзко напомнилъ о послѣднемъ свиданіи, мнѣ подарили завѣдомо никуда негодныя краски и мамѣ матерію купленную на дешовкѣ, и этого было достаточно, ваша хваленая Настенька, которую вы, Ардашевъ, удостоиваете вашей дружбой, которой сулите славу въ будущемъ, художница, артистка, обидѣлась, охъ, Господи, и слово-то какое гадкое; завидно ей стало и перестала владѣть собою... ну, да ужь пусть бы ужь тамъ, а то домой пріѣхала и дома больную, бѣдную маму напугала!.. И она всю ночь бредила, и вздрагивала, и пугалась шума, и это все я, я надѣлала!.. И некому мнѣ пожаловаться на себя, и вотъ я

пришла къ вамъ: браните меня, накажите меня, вбейте въ мою голову, и она стучала себѣ по лбу,—вколотите въ мою душу сознаніе ничтожности, мелочности моихъ чувствъ, огорченій, обидъ... я хочу стать выше этого... Поймите, мать больна изъ-за меня!.. А теперь вотъ пришла къ вамъ и васъ безпокою, отрываю отъ дѣла!..

— Э, что̀ тутъ дѣло! Какое такое дѣло!.. говорилъ Ардашевъ.

И онъ допытывался отъ дѣвушки, какъ и когда заболѣла мать, какъ она напугала ее. Онъ и журилъ дѣвушку, но и ласково старался оправдать, доказывая что мать была уже въ бреду когда она явилась домой.

— Я не оправдываю васъ, да послужитъ это урокомъ вашей обидчивости, несдержанности, нетерпимому отношенію къ людямъ, но я не могу допустить чтобы вы обвиняли себя въ болѣзни матери, это слишкомъ, надо быть справедливымъ и къ себѣ.

И онъ то журилъ ее по-стариковски, то волновался какъ юноша доказывая ей что она ни въ чемъ не виновата.

И въ этомъ его волненіи, въ его ворчливости Настя черпала силу и успокоеніе; она чувствовала что этотъ человѣкъ расположенъ къ ней, что онъ искренно жалѣетъ ее, мать, брата, что горе ихъ ему близко и больно, и она ушла отъ него бодрая, не чувствуя болѣе усталости отъ проведенной безъ сна ночи, успокоенная даже насчетъ положенія матери.

Когда она прибѣжала домой съ лекарствами, нѣсколько запоздавъ, она нашла около матери Александру Григорьевну. Это такъ тронуло ее что она бросилась цѣловать руки тетки.

XI.

Утро было сѣрое, пасмурное, сильно таяло, несмотря на Брюсовъ календарь извѣщавшій о сильныхъ морозахъ. Александра Григорьевна Озеровская скорчила брезгливую минку, когда кучеръ направивъ лошадей прямо въ лужу стоявшую въ воротахъ мимо отвратительной снѣжнонавозной кучи подкатилъ къ крыльцу флигелька Рожанскихъ.

Съ большой осторожностію вышла изъ саней Озеровская и приподнявъ платье поднялась по ступенямъ.

— Удивительно какъ всѣ они не перемрутъ на этомъ грязномъ дворѣ, подумала она и позвонила.

Отворила дверь Настя блѣдная, похудѣвшая. Уже нѣсколько ночей она не раздѣваясь просиживала около матери. Болѣзнь Елены Павловны опредѣлилась и получила свое названіе, у нея было крупозное воспаленіе легкихъ. Несмотря на всѣ старанія старика-доктора ежедневно посѣщавшаго больную, воспаленіе не разрѣшалось, захватывая все большую и большую область.

Александра Григорьевна не пускала дочерей навѣщать больную, но ежедневно являлась сама на четверть часа, привозя то особенный какой-то крѣпкій бульонъ, то сиропъ или лимонадъ для питья.

— Какъ дѣла? спросила она Настю по-французски.

Она скинула ротонду, но не сняла калошъ.

— Надѣюсь, я не наслѣжу, сказала она усмѣхаясь,— это такая долгая процедура это сниманіе калошъ. Ну, какъ же дѣла, что̀ говоритъ нашъ старикъ?

Настя отвѣчала что старикъ все еще ждетъ улучшенія, а силы матери все падаютъ.

— Да, скажи пожалуйста, я все хотѣла спросить, сколько ты даешь ему за визитъ?

— Онъ не взялъ денегъ, сказала краснѣя Настя.

— Не беретъ? Comme c'est gentil de sa part, я говорила что у него прекрасное сердце.

Это извѣстіе успокоило Александру Григорьевну; если докторъ не беретъ денегъ, значитъ все въ порядкѣ и у родственниковъ не *можетъ* быть дефицита, вѣдь такъ недавно еще Настя получила пятьдесятъ рублей за свои рисунки, пятьдесятъ рублей вѣдь это огромная сумма „для нихъ", мысленно разсуждала Александра Григорьевна. Себя она не сопоставляла конечно съ Рожанскими, въ ея кошелькѣ пятьдесятъ рублей ничего не значили... Вотъ и теперь она взяла изъ дома ровно сто и намѣревалась удѣлить изъ нихъ рублей десять Рожанскимъ, но дорогой она разсчитала что и ста рублей не хватитъ на тѣ ничтожныя покупки, которыя ей надлежало сдѣлать, вѣдь предстоитъ встрѣча Новаго года, кой-какіе подарки, положительно не хватитъ! Это очень счастливо что докторъ не беретъ съ Рожанскихъ.

А Настя, покуда тетка давала ей наставленія насчетъ того, какъ и по скольку надо давать привезенный ею крѣпкій бульонъ, съ краской въ лицѣ, разсѣянно слушала думая о томъ что благопріятный моментъ пропущенъ, что опять она не сказала теткѣ что въ кассѣ у нихъ ужь очень-очень

мало денегъ. Праздничные чаи, плата за квартиру, аптека, съѣвшая за нѣсколько дней съ десятокъ рублей, дорогое вино прописанное докторомъ, и вотъ въ ящикѣ стола, гдѣ такъ недавно еще, казалось, было такъ много денегъ, осталось только нѣсколько мелкихъ кредитокъ. Въ шкатулкѣ у матери, Настя знала, хранятся два выигрышные билета, одинъ изъ нихъ можно было заложить, но ключъ отъ шкатулки мать носила на крестѣ, и она боялась растревожить ее попросивъ этотъ ключъ, такъ что вчера еще она сказала себѣ что надо взять у тетки взаймы рублей двадцатьпять, и вотъ представлялся случай сказать ей, она не хотѣла просить, а хотѣла сказать просто и прямо и увѣряла себя что это легко, однако представлялся случай, и она не сумѣла воспользоваться имъ, а Александра Григорьевна о деньгахъ больше не заговаривала.

Вслѣдъ за Александрой Григорьевной вошла Настя въ комнату матери. Стора была спущена. Въ полутьмѣ этой комнаты лицо больной, лежавшей на высоко-приподнятыхъ подушкахъ, казалось мертвенно-блѣднымъ, изъ полуоткрытыхъ губъ вылетало хриплое короткое дыханіе. При появленіи кузины она открыла глаза, слабо улыбнулась и сдѣлала движеніе головою какъ бы кланяясь.

— Какъ дѣла? повторила свою фразу Александра Григорьевна пожимая протянутую больной руку.

Елена Павловна показала на грудь.

— Плохо, прерывисто вымолвила она, — умирать собралась.

— Полно, ma cousine, тебѣ гораздо лучше, авторитетно произнесла Александра Григорьевна. — Апетиту еще нѣтъ, но я привезла тебѣ крѣпкаго бульона, твоя кухарка не умѣла бы его сварить, trés recomfortant!.. Зачѣмъ это у тебя стора спущена?

Она подняла стору и стала по-своему передвигать предметы на столѣ, даже столикъ у кровати переставила, подушки опустила.

— Не правда ли, такъ лучше? говорила она, — удобнѣе?

Болѣзненно сдвинувъ брови, Елена Павловна одобрительно кивала головою, она была польщена и тронута вниманіемъ кузины.

Передвинувъ еще нѣсколько предметовъ, оставшись недовольной способомъ которымъ Настя дѣлала компресы матери, Александра Григорьевна хотѣла было показать на больной какъ надо класть компресъ настоящимъ образомъ, но такъ какъ Настя и сама Елена Павловна воспротивились этому

эксперименту, то она не находя больше почвы для своей дѣятельности простилась и уѣхала, сказавъ:

— Надѣюсь что ты будешь молодцомъ къ Новому году. Поздравляю васъ съ наступающимъ.

Тутъ только вспомнила Настя что прошла уже цѣлая недѣля праздниковъ; семь дней мать была уже больна.

Едва Александра Григорьевна удалилась, какъ Елена Павловна капризнымъ голосомъ потребовала чтобы стора была спущена и столъ передвинутъ по-прежнему.

— Зачѣмъ же ты не скажешь ей, мама, что такъ тебѣ удобнѣе, каждое утро перестановка!

— Нельзя не цѣнить вниманія, матушка, ты не цѣнишь, я же цѣню и подчиняюсь, говорила Елена Павловна плаксиво и прерывисто. И застонавъ откинулась на подушки.

— Подними, Настя, ахъ, Боже мой, да подними подушки-то!

О, какіе это были тяжелые, ужасные дни для Насти, эти дни праздниковъ! Вася хотя и оказалъ нѣкоторую заботливость по отношенію къ матери, но рѣдко сидѣлъ дома. Въ его отсутствіе мать сѣтовала на то что его нѣтъ, называла его эгоистомъ, когда же онъ являлся на короткое время, она жаловалась ему на Настю.

— Ничего не умѣетъ сдѣлать, точно безъ рукъ.

Утро тянулось длинное, длинное въ ожиданіи доктора, а послѣ визита доктора вносившаго нѣкоторое оживленіе и надежду день становился еще длиннѣй и безотраднѣй, потомъ наступалъ вечеръ долгій и томительный съ еле мерцающимъ ночникомъ въ комнатѣ больной. Стоны, хриплое дыханіе, болѣзненныя полукапризныя жалобы Елены Павловны, перемѣна компресовъ, ежечасный пріемъ лекарствъ и незамѣтный переходъ вечера въ ночь, страшную ночь полную томительнаго ужаса передъ неизвѣстностію.

Ардашевъ заходилъ два раза, но оставался недолго, и радость его появленія скоро испарялась.

31-го Ардашевъ не приходилъ совсѣмъ, былъ докторъ, но не сказалъ ничего утѣшительнаго кромѣ „надо ждать, надо ждать“. Но сколько же, сколько же ждать, Господи! Елена Павловна въ этотъ день страдала, кажется, болѣе обыкновеннаго, она безпрестанно звала къ себѣ Настю требуя то одного, то другаго, капризно раздражаясь на нее.

Часовъ въ шесть Настя сидя въ креслѣ около матери задремала, и вдругъ точно кто ударилъ ее по сердцу, она

вскочила не понимая хорошенько, гдѣ она и чтò происходитъ. Елена Павловна въ бумазейной лиловой полинялой кофточкѣ, на крестъ повязанной теплымъ вязанымъ платкомъ, сидѣла на постели и покачиваясь причитала:

— Никто знать меня не хочетъ, всѣ оставили, всѣ покинули, никому до меня нѣтъ дѣла.

— Мама, мама, чтò съ тобою? Чтò съ тобою?

— Спи, спи, голубушка, какое тебѣ дѣло до того что мать съ голоду умираетъ...

Настя поняла и побѣжала въ кухню разогрѣвать бульонъ.

Но когда бульонъ былъ разогрѣтъ и Настя принесла его матери, она приподнялась, отвѣдала одну ложечку и оттолкнула его.

— Разогрѣть не умѣютъ, прерывающимся голосомъ вымолвила она,—хоть съ голоду помирай!..

Натянутые нервы Насти не выдержали, она безмолвно опустилась въ кресло и закрывъ лицо руками заплакала.

— Настенька, да что ты? воскликнула Елена Павловна, и лицо ея изъ капризнаго сдѣлалось жалкимъ,—прости ты меня, Настенька, вѣдь я чувствую, вижу твою доброту ко мнѣ, это все болѣзнь, она приподнялась и сдѣлала усиліе чтобы отнять руки отъ лица дѣвушки, — голубка ты моя, дорогая, вѣдь я чувствую, чувствую...

Слова матери совсѣмъ взволновали дѣвушку, но она уже отняла руки отъ лица и стараясь проглотить слезы строго говорила:

— Хорошо, хорошо, ложись пожалуйста, если капризничаешь, не хочешь ѣсть.

Она встала и стараясь прятать лицо на которомъ стояли невыплаканныя слезы стала поправлять подушки. Елена Павловна поймала ея руку, сжала въ своей и тихонько поднесла къ губамъ.

Настя выбѣжала въ столовую и юркнувъ за буфетъ, гдѣ стояла теперь ея узенькая постелька, спрятала голову въ подушки. И долго вздрагивали ея узенькія плечики и длинные узкіе пальцы впивались въ подушку какъ бы стараясь что-то удержать, чтò рвалось наружу...

XII.

Было около восьми часовъ вечера. Вася приходилъ переодѣться и ушелъ встрѣчать Новый годъ къ Озеровскимъ. Послѣ безпокойнаго, тяжкаго дня Елена Павловна затихла и уснула. И Настѣ какъ настоящему ребенку слезы принесли успокоеніе. Воспользовавшись сномъ матери, она перебралась въ гостиную, зажгла лампу, прибрала нѣсколько комнату и укутавшись въ платокъ прикурнула на диванѣ.

„Люди Новый годъ встрѣчаютъ, и мы его хоть въ прибранной комнатѣ встрѣтимъ“, думала она съ грустной улыбкой, „или лучше спать завалиться и не видѣть и не слышать какъ подкрадется этотъ Новый годъ. Не все ли равно, новый, старый, для насъ все будетъ то же!“ Она говорила себѣ это, но все молодое существо ея протестовало: „нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть чтобы все то же, что-то таинственное и чудесное навѣрное стоитъ уже у двери... А чтó, если это нѣчто, чтò если это таинственное не что иное какъ смерть... Неужели возможно это, Господи?!.“ И ей вспомнилась недавняя сцена нѣжности матери, ея слова благодарности, и растроганная, она заплакала, но заплакала тихими слезами умиленія, слезы скатывались одна за другой на гарусную подушку, а она лежала съ закрытыми глазами и тихо всхлипывала пока всхлипыванія не перешли въ ровное дыханіе сна.

Настя спала безъ сновидѣній крѣпкимъ возстановляющимъ силы сномъ юности. Какъ долго она спала, она не умѣла бы сказать, но проснулась въ смутномъ сознаніи что въ комнатѣ происходитъ какая-то перестановка. Когда она сѣла на диванѣ и протерла глаза, она увидѣла что лампа съ круглаго стола переставлена на обѣденный и заграждена большимъ лексикономъ.

Спиной къ ней стоялъ высокій господинъ и устраивалъ лексиконъ такъ чтобы свѣтъ не достигалъ дивана на которомъ она находилась.

— Евгеній Александровичъ! радостно воскликнула Настя.

— А! вы уже проснулись, горестно вымолвилъ онъ,—а я только-что оградилъ отъ васъ свѣтъ!.. До Новаго года еще полтора часа, поспали бы еще. Вы такъ сладко спали что и звонка моего, и разговоровъ нашихъ не слыхали, я сейчасъ съ Еленой Павловной бесѣдовалъ.

— Чтò, мама? Господи, я и капель ей не давала.

— Безъ васъ приняла. Мамѣ по-моему лучше, совсѣмъ молодцомъ для Новаго года.

Покуда Настя ходила къ матери и съ помощію Домны мѣняла ей компресъ, Евгеній Александровичъ рылся въ буфетѣ, поставилъ на столъ приборы, разложилъ по тарелкамъ принесенную съ собою закуску и откупорилъ бутылку вина. Когда дѣвушка вышла къ нему, онъ раскланялся.

— Пиршественный столъ уже готовъ и ожидаетъ ваше превосходительство.

— Ахъ, милый вы мой, смотрите, какой онъ милый, воскликнула Настя въ наивномъ восторгѣ всплескивая руками,— чтò же это вы съ нами Новый годъ хотите встрѣчать?

— Само собою съ вами, я вѣдь тоже одинокій, Настасья Николаевна, съ кѣмъ же мнѣ Новый годъ встрѣтить?

— Мама, ты слышала, ты знаешь, возвращаясь къ матери сказала Настя,—какая намъ радость, Евгеній Александровичъ съ нами встрѣчаетъ Новый годъ.

— Видишь, добрый какой, пожалѣлъ мою дѣвочку! тихо вымолвила Елена Павловна ласково привлекая къ себѣ дочь.— Ну, Христосъ съ тобою, притвори дверь, а то меня какъ-будто сонъ одолѣваетъ.

И она закрыла глаза.

Настя на ципочкахъ вышла изъ комнаты притворивъ за собою двери.

— Я сейчасъ достану новую скатерть, весело сказала Настя,—мама какъ-разъ купила передъ праздникомъ, на Новый годъ необходимо новое... Ахъ, дай Богъ чтобы вы принесли намъ счастіе и Новый годъ былъ бы лучше стараго.

Глаза ея свѣтились такою надеждой и во всемъ существѣ ея, въ движеніяхъ, въ походкѣ, въ голосѣ, несмотря на то что она старалась двигаться неслышно и говорить тихо, чувствовалось радостное оживленіе.

Она зашла за перегородку, и Евгеній Александровичъ съ улыбкой человѣка чувствующаго что доставилъ счастіе другому слушалъ какъ она отодвинула ящикъ комода и шуршала чѣмъ-то.

— Чтò это вы такъ долго возитесь, говорилъ онъ.

— Вотъ сейчасъ увидите, увидите.

И она вышла къ нему въ новомъ большомъ кружевномъ воротникѣ придававшемъ ей видъ совершенной дѣвочки и со скатертью въ рукахъ.

— Хорошъ воротникъ? говорила она повертываясь передъ Евгеніемъ Александровичемъ, — на свои собственныя деньги купила, въ первый разъ для Новаго года надѣваю. Какъ весело что можно надѣть его сегодня, есть для чего!

И она засмѣялась, но вспомнивъ о матери приложила палецъ къ губамъ и уморительно вытянула лицо.

Она нашла что съ обѣденнаго стола надо перетащить закуску на круглый подальше отъ комнаты матери. Умѣло и быстро она накрыла столъ, изъ корзины недѣлю тому подаренной матери выбрала нѣсколько уцѣлѣвшихъ цвѣтковъ и украсила ими середину стола.

— Провѣримъ наши часы съ вашими. Батюшки, да наши убѣжали на цѣлыхъ десять минутъ, смотрите какъ спѣшатъ къ Новому году... Остановить ихъ, остановить!

И легенькая, граціозная, она вскочила на табуретъ и остановила круглые стѣнные часы. Пока она стояла съ поднятыми кверху руками, Ардашевъ не могъ не любоваться граціозными контурами молодаго гибкаго существа.

— Теперь все въ порядкѣ, сказала Настя легко спрыгивая съ табурета, чувствуя что Ардашевъ любуется ею, — давайте ужинать, передъ нами полчаса времени до Новаго года.

Никогда Настѣ никакой ужинъ впослѣдствіи не казался такимъ вкуснымъ, какъ эта холодная тетерька и колбаса. Она чувствовала что Ардашеву пріятно что она дѣлаетъ честь принесеннымъ имъ припасамъ и потому она кушала съ двойнымъ апетитомъ. И ужиная они говорили вполголоса доходящаго иногда до шопота и о прошломъ, и о будущемъ, и о болѣзни Елены Павловны, и о томъ что ей до очевидности лучше теперь.

— Это вы исцѣлили мою маму, говорила Настя, — съ вашимъ приходомъ ей стало лучше. И ея глаза принимали оттѣнокъ нѣжности.

За минуту до двѣнадцати Настя тихонько прокралась къ постели матери, она спала, дыханіе казалось болѣе ровнымъ.

— Мы не станемъ будить ее, сказала дѣвушка Ардашеву, — а выпьемъ за ея здоровіе.

Въ тотъ моментъ какъ начали бить часы, оба сдѣлались серіозны и не говоря ни слова чокнулись стаканами.

— Что̀ же пожелать вамъ на Новый годъ? спросилъ Ардашевъ.

— Счастія, много счастія, вымолвила она восторженно.

— Да какъ понимаете вы счастіе, дитя мое? Женихъ?

Любовь? Много денегъ? Все это проходящее, счастіе внутри себя...

— Вы хотите подковырнуть меня? шаловливо замѣтила Настя дѣлая маленькій глотокъ изъ своего стакана,—намекая на мою нетерпимость, да знаете ли вы что я въ наилучшихъ отношеніяхъ съ тетушкой Александрой Григорьевной, увѣряю васъ, и посмотрите, съ какимъ терпѣніемъ ежедневно я возстановляю прежній безпорядокъ послѣ ея ухода.

И она смѣясь разказывала какъ тетушка всякое утро силится все устроить по-своему, переставляетъ столы, стулья, поднимаетъ сторы.

— И я все переношу смиренно и покорно, и не завидую ея мѣхамъ, лошадямъ, ни на что̀ не жалуюсь, не дѣлаю исторій и только не могу рѣшиться...

Она остановилась на полусловѣ. Могла ли она вымолвить что не можетъ рѣшиться попросить денегъ у тетки: вѣдь это равносильно просьбѣ у Ардашева.

— На что̀ не можете рѣшиться? спросилъ онъ.

Она смѣло взглянула на него и вымолвила:

— Попросить взаймы нѣсколько рублей...

Ардашевъ покраснѣлъ.

— Вотъ это скверно, вотъ это отвратительно, говорилъ онъ,—какъ будто не у кого вамъ попросить взаймы. Я-то къ чему же существую, я вашъ старый учитель и другъ? Не рѣшаетесь сказать теткѣ, право, грѣшно что же мнѣ-то не говорите! Да и я хорошъ, мнѣ бы давно спросить, не нужно ли, а я молчу, выжидаю чего-то. Ну, хороша барышня, хороша!

— Тише, маму разбудите... Что̀ вы на меня напали?! Вѣдь сказала, не утаила, и возьму, если дадите. И даже долго не отдамъ, теперь мы будемъ безъ денегъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ мамѣ долго нельзя будетъ давать уроки!

— А илюстрація, воскликнулъ Ардашевъ,—вы мнѣ еще илюстрируете книжку, меня уже просили достать хорошаго илюстратора, я обѣщалъ, заемъ вашъ сейчасъ же покроется.

Растроганная его горячностію, Настя благодарно взглянула на него.

— Не выдумывайте, нѣтъ у васъ никакого заказа для меня, но я все равно возьму, отъ васъ я возьму деньги безъ терзаній самолюбія, увѣряю васъ, и быть-можетъ, долго буду держать, вы потерпите.

— Со мною немного, сказалъ Ардашевъ поспѣшно вынимая бумажникъ.

Но тѣнь вдругъ набѣжала на лицо Насти, она съ какимъ-то брезгливымъ чувствомъ отвела руку художника.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не сегодня, не омрачайте денежными разчетами мой милый новогодній праздникъ.

Ардашевъ не настаивалъ, онъ былъ слишкомъ чутокъ чтобы не понять дѣвушку, онъ поспѣшно убралъ свой бумажникъ и не заговаривалъ больше о деньгахъ. А когда онъ собрался уходить, Настя такъ умоляюще взглянула на него.

— Посидите, сказала она,—я, все равно, ночь проведу около мамы въ креслѣ и лягу въ постель только со свѣтомъ, я выспалась вечеромъ, посидите хоть до прихода Васи... такъ хорошо!

И Ардашевъ чувствовалъ тоже что ему хорошо.

И никогда еще Настя не бывала такъ откровенна съ Евгеніемъ Александровичемъ какъ въ этотъ вечеръ. Съ эгоизмомъ ранней молодости она говорила только о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ матери, къ брату, къ семьѣ Озеровскихъ, анализовала свои чувства и мысли, заставляла Ардашева журить себя, переходила къ воспоминаніямъ дѣтства въ которомъ особенно выдавалось два-три лѣта проведенныхъ въ деревнѣ Озеровскихъ, когда она особенно была дружна съ Шурочкой. Вспомнила нѣсколько эпизодовъ горькихъ и обидныхъ и передала ихъ съ присущей ей страстностью.

— Опять за старое, говорилъ Ардашевъ стараясь успокоить дѣвушку,—да не копайтесь вы въ кучѣ сора, воспряньте духомъ.

И вспомнилось Ардашеву его горькое дѣтство, безотрадное отрочество. И несмѣло, волнуясь, съ тайнымъ страхомъ наскучить своему юному слушателю онъ началъ говорить о себѣ.

Съ расширенными глазами, какъ бы удивляясь что и у этого пожилаго человѣка есть прошлое которое онъ помнитъ, Настя въ свой чередъ слушала его.

И разказъ его трогалъ и волновалъ ее.

— Вотъ видите, сказала она, — и васъ не жалѣли люди, добрые люди, близкіе люди. О, они всегда безжалостны!

— Однако, дядюшкѣ вашему я обязанъ поступленіемъ въ академію.

— Это случайность о которой не стоитъ поминать.

— О, нѣтъ, забыть этого нельзя... Моя жизнь началась съ поступленіемъ въ академію. Всѣмъ счастіемъ которое было у меня въ жизни я обязанъ моему искусству, какъ же вы

хотите чтобы я не былъ благодаренъ тому, кто далъ мнѣ возможность завоевать то единственное счастіе которое дано мнѣ было въ удѣлъ. Я принадлежу къ категоріи тѣхъ людей у которыхъ нѣтъ и не можетъ быть личной жизни: область поэзіи, отвлеченная область искусства возмѣщаетъ то счастіе, о которомъ, чѣмъ бы онъ ни былъ, всегда мечтаетъ человѣкъ. Отнимите у меня искусство, и я развалина, я погибъ.

И съ большей еще откровенностію онъ продолжалъ:

— Вѣдь въ сущности отдаваясь искусству мы заглушаемъ жажду жизни, неудовлетворенность личныхъ жизненныхъ потребностей. Вы еще слишкомъ молоды чтобы понять это, но даже и вы въ 15—16 лѣтъ, неудовлетворенная въ вашихъ личныхъ привязанностяхъ, раздраженная, вы безсознательно ищете забвенія въ искусствѣ. Оно одно можетъ утѣшить насъ, убаюкать наше раздраженіе, смирить душу. Оно одно отвлекаетъ насъ отъ насъ же, до того отвлекаетъ что мы становимся безпристрастными зрителями того что̀ происходитъ въ насъ.

Настя съ изумленіемъ слушала Ардашева: онъ не удовлетворенъ жизнью, онъ въ искусствѣ ищетъ забвенія, онъ, этотъ человѣкъ, стяжавшій себѣ славу!..

И Ардашевъ не то что падалъ въ ея глазахъ, но казался ей болѣе близкимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. В. Стернъ.

ДАВНО МИНУВШЕЕ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

III *).

На старомъ фундаментѣ.

Моя баба *все* понимала! Я въ этомъ убѣждена; она даже понимала мои попытки сочинительства, иначе я не могу объяснить себѣ, почему она мнѣ разказала по-своему о Преподобномъ Романѣ Сладкопѣвцѣ въ отвѣтъ на то что я ей сообщала подъ большимъ секретомъ какъ мнѣ хочется „писать исторіи“. Мнѣ тогда было, вѣроятно, около шести лѣтъ, я уже выучилась читать и писала *печатными* буквами. Мнѣ подарили переплетенную тетрадку, и я немедленно на первой же страницѣ начертала печатными буквами такое заглавіе: „Ребенокъ умершій отъ горя въ горахъ Альпійскихъ“, но далѣе мое сочинительство не пошло въ этотъ разъ. Тетрадку свою я тщательно прятала ото всѣхъ и, какъ только могла, все думала о своемъ „романѣ“, какъ я величала свое твореніе. Когда баба пришла, я ей сообщила что начала писать одну исторію и никакъ не могу кончить (мнѣ казалось что главное написано, такъ какъ заглавіе готово!)

— Мнѣ хочется, баба, написать такую исторію чтобы злые люди, когда прочитаютъ, сдѣлались бы сейчасъ добрыми, сообщала я ей свое скромное намѣреніе,—знаешь, баба, совсѣмъ что-нибудь святое!

Баба серіозно смотрѣла на меня и одобрительно кивала головой.

---

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1901 г.

— Чтò жь, душенька, Господь *басловитъ*, такъ напишете, выростете большія.

— А теперь нельзя?

— А можетъ и теперь можно, душенька. Все въ Божьей волѣ!

— Ты мнѣ разкажи что-нибудь, а я напишу! Вотъ будетъ хорошо!

Я увела бабу въ свой любимый уголокъ нашего большаго сада въ Покровскомъ; тамъ, немного поодаль отъ старыхъ, прямыхъ дорожекъ обсаженныхъ столѣтними липами было мѣсто совсѣмъ заглохшее, все изрытое глубокими ямами, на которомъ росли кое-гдѣ березы совсѣмъ изогнутыя, корявыя, но особенно живописныя, молодой осинникъ и во множествѣ черемуха, рябина и орѣшникъ; здѣсь въ прежнее время стоялъ каменный домъ моей бабушки; домъ этотъ сгорѣлъ дотла, а новый, тотъ самый въ которомъ мы жили, выстроенъ былъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на томъ концѣ сада. „Старый фундаментъ“, какъ мы всѣ называли бабушкино пепелище, былъ раскопанъ во всѣхъ направленіяхъ, потому что, по преданію, въ немъ былъ зарытъ кладъ, но клада не нашли, а нашли только нѣсколько штучекъ стариннаго хорошаго фарфора, вѣроятно, во время пожара какъ-нибудь попавшаго туда. Я любила „старый фундаментъ“ больше всего сада, такъ хорошо можно было спрятаться тамъ въ одной изъ ямъ, сидѣть въ тѣни на одномъ изъ кирпичныхъ раскрошившихся уступовъ, заросшихъ травой и мхомъ! Надъ головой шелестѣли такъ ласково березы и осины, въ кустахъ черемухи и орѣшника особенно весело пѣли зяблики и иволга, въ этомъ заброшенномъ уголку никто мнѣ не мѣшалъ, сюда никогда никто не заходилъ; да, здѣсь можно было спрятаться такъ что и не разыщутъ! Я всегда няню тянула сюда, но она не любила „стараго фундамента“.

— Ну, чтò, голубчикъ мой, ноги тамъ ломать по каменьямъ и буграмъ! Чего хорошаго? Тò ли дѣло по гладкой-то дорожкѣ! Смотри какъ славно бѣгать можно!

Но если я гуляла съ бабой, чтò случалось очень рѣдко, или съ кѣмъ-либо другимъ, то я всегда старалась затащить въ свой любимый уголокъ. Мы усѣлись съ Афросиньей половчѣе подъ старою березой, толстые корни которой совсѣмъ обнаженные торчали изъ каменистаго бугра корявыми изгибами.

— Вѣдь какъ здѣсь хорошо, баба! восхищалась я, — просто чудо! Ну, разказывай!

Афросинья засмѣялась своимъ тихимъ, милымъ смѣхомъ.

— Сроду я, душенька, ничего не разказывала, сказала она,—да и не знаю ничего! Грамотѣ я не училась, не привелъ Господь.

Но я къ ней пристала; мнѣ казалось что она знаетъ что-то и хочетъ разказать, только не рѣшается, такъ и вышло! Баба помолчала пристально глядя куда-то въ сторону и старательно отковыривая пальцемъ сухую кору съ корня березы.

— Какъ сумѣю, душенька, такъ и разкажу, извинилась она и разказала мнѣ *по-своему* чудный разказъ о Романѣ прозванномъ Сладкопѣвцемъ; какъ онъ былъ пономаремъ въ богатомъ соборѣ и былъ „картавый и заика", такъ баба разказывала, и надъ нимъ весь причтъ смѣялся и все заставлялъ его нарочно читать и пѣть, а онъ не могъ и очень этимъ огорчался. И какъ одинъ разъ они ужь черезчуръ „доняли" его, такъ что ему „мочи не стало", и вотъ, когда служба отошла, изъ церкви ушли всѣ причетники, Романъ остался одинъ „свѣчки гасить" передъ образами, и сталъ передъ Божіей Матерію на колѣна, „да какъ зальется слезами!"

— Ужь очень обидно ему было! съ воодушевленіемъ разказывала Афросинья.—Душа въ *ёмъ* горитъ, а языкъ не ворочается! Царица Небесная! Матушка Пресвѣтлая! говоритъ, оборони Ты меня отъ ихнихъ насмѣшекъ, не дай Ты меня въ обиду! И до-олго онъ все молился, а самъ все плачетъ! Долго плакалъ, замучился, и не зналъ какъ заснулъ тутъ же, въ церкви передъ иконой. И что̀ жь ему приснилось? Видитъ онъ, словно наяву, отдѣлилась Матерь Божія отъ иконы, будто сходитъ къ нему, вся хорошая такая! Свѣтлая, свѣтлая какъ солнышко! И подаетъ, будто, ему сверточекъ, этакій махонькій, бумажки и говоритъ: „скушай, Романе, эту бумажку и не плачь!" Онъ взялъ изъ Ея ручки бумажку и съѣлъ, такъ сла-адка бумажка была, будто какъ сахаръ, и стало ему легко на сердцѣ, весело таково! Ужь очень онъ обрадовался! А на другой день какъ разъ Рождество Христово было. Вотъ какъ опять заблаговѣстили къ службѣ въ церкву, собрались всѣ дьячки, дьякона, и опять за старое: смѣются надъ Романомъ пуще прежняго, что̀ хошь дѣлай! Онъ ничего не говоритъ, молчитъ себѣ, потомъ какъ время пришло, самъ старшій изъ нихъ приказываетъ ему: „становись", говоритъ, „среди церкви и пой тропарь празднику!" а самъ думаетъ: вотъ-такъ мы посмѣемся! Ну, и что̀ жь бы вы думали, душенька! Выходитъ Романъ на самую середину церкви и вдругъ какъ

запоетъ!! Да совсѣмъ новую пѣснь запѣлъ, кою никто еще допрежь его не пѣлъ: „Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ!“ Да сладко такъ запѣлъ, громко! Всѣ такъ раскрывши рты и стоятъ не наслушаются его, и священники всѣ изъ алтаря выглядываютъ, и на крылосахъ дьячки слушаютъ, головой качаютъ и плачутъ! Потомъ какъ онъ допѣлъ, они всѣ на колѣнки передъ нимъ: „Прости“, говорятъ, „насъ ради Христа, человѣкъ Божій! Николи мы тебя больше мучить не будемъ! Прости насъ и у Бога намъ вымоли прощеніе!“ Съ эстихъ поръ много онъ церковныхъ пѣсней новыхъ сталъ пѣть, ихъ и сейчасъ поютъ вездѣ по церквамъ въ праздники, и память его, святаго Романа, бываетъ въ самый Покровъ Пресвятой Богородицы, кончила моя баба.

Я слушала ее едва переводя духъ, мнѣ казалось что я еще никогда въ жизни ничего такого чуднаго не слыхала! Я совсѣмъ забыла гдѣ я, забыла кто разказываетъ, я вся была тамъ, съ Романомъ, въ той церкви; съ нимъ переживала всѣ его муки, стыдъ насмѣшекъ и всю радость, чувствовала его восторгъ и вдохновеніе, у меня сжимало горло и хотѣлось заплакать.

Я терпѣть не могла показывать свои чувства; чѣмъ глубже и сильнѣе они были, тѣмъ старательнѣе я ихъ скрывала, усиливаясь казаться не только равнодушной, но даже жесткой. Когда позднѣе моя старушка-гувернантка читала мнѣ трогательную исторію вслухъ (она любила нѣсколько сентиментальные разказы) и при этомъ голосъ ея дрожалъ и глаза наполнялись слезами, я сейчасъ же сползала со стула подъ столъ, подъ тѣмъ предлогомъ что уронила наперстокъ или иголку, и тамъ, изъ-подъ стола, грозила ей снизу кулакомъ и шептала сквозь зубы: „противная! противная!“ А бѣдную старушку, между тѣмъ, я нѣжно любила.

Сестра Маша учила меня Закону Божію и если она говорила что-нибудь трогательное, то у меня немедленно являлось желаніе ее побить. Я вообще какъ-то стыдилась своихъ чувствъ, но „бабы“ я не стыдилась, исключительно ея! Она одна, казалось мнѣ, *все* понимала что̀ я думала и чувствовала и выразить не умѣла!

Никогда больше ничего Афросинья мнѣ не разказывала, не смотря на всѣ мои упрашиванія; она говорила что ничего не знаетъ. Поэтому, вѣроятно, этотъ разказъ и вся какая-то исключительная обстановка этого утра запечатлѣлись особенно ясно и неизгладимо въ моей памяти.

— А если я буду молиться Богу, спросила я,—и я могу сочинять?

— Твори Богъ волю Свою, душенька! отвѣтила мнѣ баба своими любимыми словами.

Да, она *все* понимала, но одинъ разъ, одинъ только разъ я была глубоко смущена: *она не поняла!* Вотъ какъ это было.

Я давно уже просила, умоляла, приставала чтобы меня свезли къ бабѣ въ Радумлю (такъ ея деревня звалась). И вотъ одинъ разъ, къ великой моей радости, мы съ маменькой поѣхали туда въ коляскѣ вдвоемъ, мнѣ тогда уже было лѣтъ семь, вѣроятно, а, можетъ-быть, и больше.

Весело было ѣхать такъ далеко въ коляскѣ, главное, сидя, „какъ большая", рядомъ съ маменькой, а не на скамеечкѣ задомъ къ козламъ, и весело, конечно, было ѣхать именно въ Радумлю! Но тамъ оказалось для меня горькое разочарованіе: тѣсная изба была отъ мѣди и мѣдной работы чрезвычайно грязна, въ ней было душно и чадно; Афросиньинъ мужъ, котораго я и такъ всегда побаивалась, маленькій, горбатый, съ взъерошенными, зеленовато-сѣдыми волосами и бородой, какъ-то страшно осклабившись безпрестанно лѣзъ прося поцѣловать ручку, такъ что баба его отгоняла отъ меня, и сама баба мнѣ показалась „дома" совсѣмъ другая! Она суетилась въ хлопотахъ чтобы намъ „собрать" чай на столъ (мы пріѣхали неожиданно), волновалась, извиняясь что изба не прибрана и что нечѣмъ насъ угостить. Я все смотрѣла на ея раскраснѣвшееся отъ хлопотъ лицо, на ея голову туго повязанную по-домашнему ситцевымъ сборникомъ который оставлялъ шею голою; я привыкла видѣть Афросинью всегда въ большомъ платкѣ, мнѣ хотѣлось узнать „мою бабу" которую я любила съ такимъ восторгомъ, тихую, величавую, и почти не узнавала ея въ этой суетливой деревенской бабѣ. Меня смущали и десятки лицъ дѣтскихъ и даже взрослыхъ которыя плотно прижались снаружи къ стекламъ окошекъ и съ жаднымъ любопытствомъ засматривали въ избу.

— Да отогналъ бы ты ихъ, паршивцевъ! сказала Афросинья мужу (я это слово услыхала въ первый разъ!)

Вдобавокъ баба пошепталась со своимъ старикомъ, когда мы собирались ѣхать домой, и торжественно, какъ будто вручаетъ мнѣ что-нибудь драгоцѣнное, подарила мнѣ, какъ она сама назвала, „франта" сдѣланнаго изъ бѣлаго пряника и въ нѣсколькихъ мѣстахъ позолоченаго сусальнымъ золотомъ. Этого „франта" Форафонычъ привезъ изъ Москвы своимъ дѣтямъ,

его прислалъ имъ купецъ куда онъ ставитъ мѣдный товаръ, но такъ какъ мнѣ нечего было подарить, рѣшено было пожертвовать „дѣтскую забаву“ и поднести мнѣ пряничнаго франта. Этотъ подарокъ меня смутилъ донельзя! Смутило, главное, хотя я не поняла этого, то обстоятельство что первый разъ въ жизни баба *не поняла* что пряничный „франтъ“ и не по годамъ мнѣ, и не можетъ вообще представлять для меня никакого интереса! Мнѣ было что-то глубоко обидно, я сама не знала что̀ именно. Я еще не доросла до пониманія что „не подарокъ дорогъ, дорога любовь“.

Уѣзжая изъ Радумли я была совсѣмъ въ другомъ настроеніи чѣмъ когда ѣхала туда. Вся моя радость пропала! Точно я что-то потеряла! Я молча слѣдила глазами за быстро мелькавшими мимо насъ кучками камня сложенными по краю шосе и какъ-то болѣзненно думала все одно и то же, что больше никогда не буду болѣе проситься въ Радумлю. О бабѣ я всячески избѣгала думать, воспоминаніе о ней было мучительно!.. Однако, къ великому моему счастію, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Афросинья пришла ко мнѣ, то тяжелое впечатлѣніе изгладилось, да и она сама была та же прежняя, хорошая, я нашла снова свою милую, несравненную бабу!

IV.

Филиппушка.

Наша Покровская церковь очень старинная, она ровесница липовымъ алеямъ, ей почти полтораста лѣтъ, а можетъ-быть, и гораздо прежде того стояла на этомъ же мѣстѣ другая церковь? Теперешняя, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, судя по ея архитектурѣ относится ко времени знаменитаго Растрелли. Церковь двухэтажная, высокая; нижній этажъ занятъ зимнимъ храмомъ подъ гладкими масивными сводами; лѣтняя наверху, свѣтлая, очень высокая, кончается высокимъ куполомъ. Надъ входомъ чудно построенная колокольня, легкая, вся стремится въ высоту, поддержана на четырехъ углахъ тонкими, высокими колоннами. Въ верхнемъ этажѣ подъ колокольней маленькая, крохотная церковка во имя Николая Чудотворца, удивительная по своей старинѣ и оригинальности. Несомнѣнно, обѣ большія церкви много разъ были обновлены и не мало изуродованы стараніемъ усердныхъ не въ мѣру церковныхъ

старость и невѣжественныхъ подрядчиковъ, одна только крошечная церковь Николая Чудотворца осталась нетронутой. Въ ней рѣдко служатъ; она такая маленькая что когда въ ней стоятъ десять человѣкъ, то уже служащимъ тѣсно. Ни солеи, ни амвона, ни клиросовъ нѣтъ; старинный, окрашенный въ голубой цвѣтъ, деревянный иконостасъ стоитъ прямо на полу весь выцвѣтшій и полинялый, облѣзлые карнизы, когда-то позолоченные, потеряли всякое воспоминаніе о позолотѣ и остались красными; совсѣмъ старая живопись иконъ (онѣ всѣ безъ ризъ) въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ почернѣла, лики едва можно разобрать. Въ церкви служатъ всегда въ „вешняго Миколу", какъ говорятъ (девятаго мая ея храмовой праздникъ), да еще изрѣдка въ случаѣ ремонта большихъ церквей. Девятаго мая народа бывало набиралось очень много, и почти всѣ стояли на широкой площадкѣ лѣстницы за дверями самой церкви, а наша семья и только нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ купеческихъ семействъ составлявшихъ аристократію прихода стояли въ большой свѣтлой ризницѣ, два окна которой выходили въ „Никольскую церковь съ боку". Иногда маменька заказывала лѣтомъ всенощную въ маленькой церкви, и одна изъ такихъ службъ, не знаю почему, особенно ясно со всѣми подробностями хранится въ моемъ воспоминаніи. Въ церкви стояла только одна наша семья, я съ любопытствомъ смотрѣла на всю эту совершенно незнакомую для меня обстановку, вслушивалась въ торжественныя новыя для меня слова всенощной и какъ-то вся проникалась особеннымъ чувствомъ умиленія. Мнѣ шелъ тогда уже седьмой годъ, вѣроятно. Церковь вся залита заходящимъ солнцемъ, въ воздухѣ никакого движенія, ни одинъ листочекъ на деревьяхъ не шевелится; бѣлыя, легкія какъ пухъ облака высоко, высоко въ темно-голубомъ небѣ тоже стоятъ неподвижно, только какъ будто уходя куда-то въ глубь неба, въ высоту, потихоньку таютъ, исчезаютъ. Въ нашей маленькой церкви тихо, торжественно, служба еще не началась. Изъ низенькаго алтаря пахнетъ ладономъ, мимо отворенныхъ настежь оконъ съ масивными чугунными рѣшетками поминутно проносятся стрижи, и ихъ громкій свистъ какъ-то смѣло, даже дерзко врывается въ нашу торжественную тишину. Пожилой священникъ, крупный, какъ будто топоромъ высѣченный изъ цѣлаго обрубка дерева, съ густыми темными съ просѣдью волосами и бородой, громко вздыхаетъ въ алтарѣ, шурша стариннымъ тяжелымъ облаченіемъ и не шепотомъ, а голосомъ даетъ короткія

приказанія дьячкамъ и старому совершенно лысому дьякону. Они оба служатъ неохотно въ маленькой церкви, оба высоки ростомъ и крупны и обоимъ приходится низко наклонять голову проходя въ узенькія, низкія двери иконостаса; оба любятъ благолѣпіе въ службѣ, а здѣсь оно невозможно... Въ окно вмѣстѣ со свистомъ стрижей врывается и теплый вечерній воздухъ полный запаха скошенной передъ церковью травы и смѣшивается съ клубами дыма отъ ладона. Я вдругъ вспоминаю что въ то утро буфетчикъ Михаилъ Васильевъ пришелъ сказать маменькѣ что садовникъ Алферъ, который давно былъ боленъ и которому посылали бульона два раза въ день, „приказалъ долго жить“. Я слышала это выраженіе въ первый разъ. Няня мнѣ сказала что Алферъ умеръ. Въ моей головѣ сложилось такое понятіе что человѣкъ умирая имѣетъ власть приказать кому-нибудь долго жить кому захочетъ, и что, вѣроятно, Алферъ передалъ этотъ даръ долгой жизни маменькѣ за ея къ нему доброту. Нѣчто въ родѣ плаща пророка Иліи сброшеннаго Елисею съ колесницы. Теперь съ размягченнымъ сердцемъ я съ особеннымъ умиленіемъ вспоминаю объ Алферѣ и объ этой удивительной власти данной Богомъ умирающимъ!

Огромный дьяконъ согнувшись появляется налѣво изъ сѣверныхъ дверей, кланяется маменькѣ, становится передъ царскими дверьми и не спѣша три раза крестится широко размахивая надѣтымъ на палецъ ораремъ громко шепча слова молитвы.

„Возстаните! Господи благослови!“ звучитъ его густой басъ извѣстный во всемъ уѣздѣ, теперь сдерживаемый ради тѣсноты церкви, и всетаки кажется какъ будто она сразу наполнилась вся. У самой входной двери въ уголку стоитъ няня, набожно сложивъ руки, ладонь въ ладонь, въ своемъ бѣломъ чепчикѣ и темномъ ситцевомъ платьѣ съ длинной пелеринкой. Я смотрю на нее и думаю что няня идя въ церковь и надѣвая чистый чепчикъ надѣваетъ вмѣстѣ и особое выраженіе „церковное“, какъ я называю, на свое морщинистое, милое старое лицо; это у нея дѣлается безсознательно, но немедленно, какъ только она становится на молитву, голова нѣсколько склоняется на бокъ, лицо выражаетъ какое-то жалостливое умиленіе и жалкую скорбь. Я находила что няня „вкусно молится“ и подолгу изучала ее, когда была еще совсѣмъ маленькая, не моргая глядя въ ея измѣнившееся лицо, и потомъ старательно такъ же какъ она мягко, медленно крестилась и

тихонько низко кланялась. Теперь я сама попрекаю себя что занялась няней и поскорѣе стараюсь вслушаться въ слова всенощной.

„Блаженъ мужъ иже не идѣ на совѣтъ нечестивыхъ. Аллилуія!“ Старый заика пономарь и дьячекъ дрожащимъ голосомъ старательно выводятъ торжественный напѣвъ чуднаго псалма; ихъ плохіе надтреснутые голоса вдругъ совершенно покрываются могучимъ басомъ дьякона помогающаго имъ въ свободныя минуты.

„Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ. Аллилуія!“

Какъ хорошо мнѣ! Такъ мнѣ кажется чудно „работать Господу со страхомъ“ и „радоваться Ему съ трепетомъ!“ Мнѣ скоро надо будетъ говѣть въ первый разъ, я начну совсѣмъ новую жизнь и буду „работать Господу“, размышляю я съ чувствомъ особенной радости и готовности. Дивно сочетаніе въ эту минуту торжественной, не смотря на тѣсноту церкви, службы съ этимъ чуднымъ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ который вонъ тамъ во всей своей красотѣ царитъ за окномъ! Какъ хорошо что жизнь здѣсь на землѣ, какъ мнѣ кажется, долгая, свѣтлая! Такъ можно много успѣть насладиться, нарадоваться! А если сдѣлать добро кому-нибудь и онъ умирая „прикажетъ долго жить“, то вѣдь еще лучше! Я чувствую уже, отъ умиленія что Богомъ все такъ хорошо на свѣтѣ „устроено“, какъ мнѣ сжимаетъ горло и хочется заплакать... А стрижи, кажется, еще громче, совсѣмъ дерзко бросаютъ въ окно свой рѣзкій веселый свистъ описывая круги кругомъ старой колокольни, и прямо-таки на секунду своимъ свистомъ почти заглушая службу. Никогда не было да и не будетъ, кажется, такого хорошаго вечера!..

Вдругъ въ дверяхъ церкви появилась очень странная личность которой я передъ тѣмъ никогда не видывала! Я сначала не поняла мущина ли то или женщина, но потомъ всмотрѣвшись замѣтила жиденькую темную бородку и убѣдилась что стоялъ мущина. Онъ былъ низенькаго роста и къ тому же еще какъ-то странно согнулся, точно его тянула впередъ и книзу какая-то тяжесть; онъ былъ босой и безъ шапки, голова была подвязана узко сложеннымъ желтымъ ситцевымъ платкомъ, съ узломъ подъ подбородкомъ; волосы, жиденькіе, безпорядочными космами спускались до плечъ; на немъ надѣтъ былъ длинный точно юбка черный, порыжѣлый, совсѣмъ изношенный, въ лохмотьяхъ, кафтанъ монашескаго

покроя, оборванный. Подпоясанъ онъ былъ веревкой; въ рукахъ у него была длинная палка которую онъ тотчасъ же поставилъ въ уголъ. Потомъ тутъ же въ дверяхъ онъ медленно опустился на колѣна, сложилъ руки (онѣ мнѣ показались очень худыми и странно блѣдными), поднялъ глаза кверху и весь замеръ въ этомъ положеніи. Лицо его озарилось странной какъ будто дѣтской улыбкой, оно стало почти красиво, широко раскрытые, кроткіе, блѣдно-голубые глаза устремленные кверху точно видѣли что-то, губы слегка шевелились. Онъ стоялъ такъ, не двигаясь, до самаго конца службы. Я не могла оторвать взгляда отъ этого никогда невиданнаго мною лица. Было ясно что этотъ человѣкъ совершенно не чувствовалъ гдѣ онъ и никого не замѣчалъ. Я потянула маменьку за рукавъ, и когда она наклонилась ко мнѣ, я спросила шепотомъ кто это?

— Филиппушка, отвѣчала маменька.

— А кто онъ?

— Онъ блаженный, сказала маменька.

— Чтò это блаженный? съ возрастающимъ любопытствомъ спросила я.

— Послѣ всенощной скажу, а теперь стой смирно.

Но я не дождалась чтобы маменька мнѣ объяснила чтò значитъ „блаженный“; ей въ тотъ вечеръ было некогда. Кто-то неожиданно пріѣхалъ изъ Москвы, и она занялась гостями. Я тотчасъ же придя домой обратилась къ нянѣ съ разспросами.

— Кто Филиппушка?

Объясненія няни повергли меня въ еще большее изумленіе. Она мнѣ сказала что Филиппушка святой человѣкъ, что на немъ надѣты тяжелыя вериги и что желѣзные кресты и цѣпи впились ему въ тѣло.

— Для чего же онъ это дѣлаетъ?

— Тѣло свое смиряетъ чтобы душу спасти.

— А развѣ всѣ такъ должны дѣлать? спросила я.

— Это, голубчикъ, кресты-то желѣзные носить?

— Нѣтъ, няня... да... тѣло смирять, едва припомнила я ея выраженіе.

Но няня какъ всегда не могла дать обстоятельнаго отвѣта на мое возбужденное любопытство; она отвѣтила уклончиво:

— Мы всѣ грѣшны, ангелъ мой, всѣ передъ Господомъ тяжело грѣшны!

И на дальнѣйшіе мои разспросы:

— Вотъ выростите, голубушка, сами поймете.

Я замолчала, но конечно не успокоилась. Въ тотъ вечеръ я долго не могла заснуть: странный видъ Филиппушки съ его удивительно-крѣпкимъ, просвѣтленнымъ взглядомъ, и не полное объясненіе няни, таинственный, „коробившій“ меня разказъ о надѣтыхъ на немъ и впившихся въ тѣло цѣпяхъ и крестахъ не давали мнѣ покоя; потомъ я вспомнила о смерти Алфера котораго я знала такъ хорошо; и это было такъ таинственно тоже! Все непонятно, все страшно! Кто объяснитъ мнѣ все это? У маменьки и сестеръ не стóитъ спрашивать (да странно что мнѣ и не приходило въ голову ихъ спрашивать, вѣроятно, изъ опасенія услыхать ненавистныя слова: „Поймешь когда будешь большая“. А мнѣ казалось что я все могу понять, еслибы онѣ захотѣли объяснить!) Я даже во снѣ видѣла Филиппушку и на другое утро не переставала думать о немъ, о его цѣпяхъ и о томъ чтó значитъ: „смирять тѣло свое“. Въ особенности я не могла понять какъ же можно и зачѣмъ дѣлать самому себѣ такъ больно? Наконецъ, вечеромъ я тихонько отъ няни помолилась Богу чтобы пришла моя кормилица, у ней одной можно было спросить объясненіе всему этому. И вотъ удивленіе! Не прошло и двухъ дней какъ моя баба явилась! А вѣдь она приходила очень рѣдко и только къ извѣстнымъ днямъ. Увѣренность въ томъ что ее послалъ ко мнѣ Богъ именно по моей молитвѣ наполнила мою, уже безъ того какъ-то восторженно настроенную, душу чувствомъ глубокой благодарности къ Богу. Я какъ будто осязательно почувствовала близость Божію и Его доступность для нашихъ молитвъ.

Когда Афросинья приходила, няня обыкновенно пользовалась этимъ рѣдкимъ случаемъ чтобы пойти посидѣть къ мужу во флигель; вѣдь ей бѣдной такъ рѣдко приходилось чувствовать себя на минутку свободной. День и ночь не отходила она отъ дѣтей трехъ поколѣній! Я только и ждала когда она уйдетъ изъ дѣтской! Наконецъ, я усѣлась на низенькій стульчикъ возлѣ „бабы“ опираясь локтями въ ея колѣна.

— Баба! начала я поспѣшно, едва переводя духъ,—я видѣла въ церкви Филиппушку! Ты знаешь Филиппушку?

— Это какого, душенька, странника-то?

Еще новость!

— Какъ странника? Чтó это значитъ странникъ? Маменька и няня говорили что онъ блаженный? Чтó это такое блаженный? засыпала я бабу вопросами.

— Странствуетъ, душенька, Богу молиться ходитъ по монастырямъ.

— Онъ святой?

— Говорятъ, святой жизни.

— А зачѣмъ на немъ цѣпи и кресты отъ которыхъ ему больно?

— Спасается, душенька.

— Какъ спасается, баба?

— Душу спасаетъ.

— А ты баба, спасаешься?

— Гдѣ ужь намъ грѣшнымъ, душенька, спасаться?

— Такъ, значитъ, Филиппушка пойдетъ въ рай, а ты въ адъ?

— Воля Божія, душенька!

Лицо бабы приняло озабоченное грустное выраженіе. Нѣтъ! этого я не могла никакъ понять! Моя баба не могла идти въ адъ! Противъ этого я возмущалась!

— Такъ развѣ только тѣ пойдутъ въ рай которые надѣнутъ тяжелыя цѣпи и кресты? спросила я.

— Господь знаетъ, душенька, Его святая воля!

— А вотъ Алферъ, садовникъ, вспомнила я,—умеръ недавно, помнишь его? Онъ куда? Тоже въ адъ пошелъ?

— Господь милостивъ! Онъ человѣкъ былъ смирный, опять же болѣлъ долго.

— Значитъ, если онъ болѣлъ, такъ ужь не надо цѣпи и кресты?

— Тоже страдалъ, значитъ, человѣкъ!

Я начинала чуточку понимать!

— Такъ за грѣхи это баба?

— За грѣхи, душенька! Болѣзнь Господь безпремѣнно за грѣхи посылаетъ.

— А если нѣтъ, значитъ, человѣкъ долженъ самъ себѣ больно дѣлать? воскликнула я съ радостію, я наконецъ поняла!

— Авось, душенька, Господь милосердый на томъ свѣтѣ помилуетъ, Царь Небесный, если человѣкъ отмаится въ жизни.

И баба глубоко вздохнула. Но я вдругъ вспомнила то чтò было еще непонятно.

— Отчего же няня сказала про Филиппушку что онъ тѣло смиряетъ?

— Ну, чтò жь, душенька, такъ и есть. Смиряетъ тѣло, оно ужь, значитъ, и станетъ смирное.

Это было совсѣмъ непонятно!

— Чтобы не грѣшило! добавила баба.

— Развѣ тѣло грѣшитъ? спросила я.

— А что жь? и тѣломъ и душой грѣшны.

Я подумала.

— А когда я капризничаю? (это былъ мой главный грѣхъ) Грѣхъ капризничать?

— Грѣхъ, душенька, конечно. И маменьку огорчаете и сестрицъ.

— А развѣ тѣло грѣшитъ?

— И душой и тѣломъ, всѣмъ виноваты.

Это сложное понятіе не стало мнѣ ясно; одно только уяснилось что если „сдѣлать больно тѣлу", то оно станетъ „смирное" и не будетъ больше грѣшить, и если себя наказать, то Богъ не накажетъ. Мнѣ было въ это время шесть лѣтъ, я знала что черезъ годъ я буду говѣть и много объ этомъ думала. Я ужасно боялась исповѣдоваться! Конечно, было страшно что надо во всемъ признаться священнику, и стыдно сказать что я такая большая, часто капризничаю, и я боялась что какъ только я скажу, Богъ меня тотчасъ же накажетъ! Я много думала о томъ какъ бы за этотъ годъ который оставался до говѣнія непремѣнно отвыкнуть капризничать чтобы не надо было въ этомъ признаваться на исповѣди! Удивительная мысль осѣнила меня теперь! Я рѣшила что надо попробовать „сдѣлать себѣ больно" чтобы тѣло стало „смирное" и больше не грѣшило. Я думала что результатъ долженъ непремѣнно быть чудодѣйственный тотчасъ же. Долго я придумывала и придумала! Я какъ-то ухитрилась утащить съ письменнаго стола у маменьки кусочекъ краснаго сургуча, и вечеромъ улучивъ минутку, когда няня была занята разборкой бѣлья въ другомъ концѣ комнаты, я растопила на свѣчкѣ кончикъ сургуча и капнула себѣ имъ въ ладонь лѣвой руки. Я даже не ожидала что будетъ такъ больно! У меня слезы брызнули изъ глазъ! Удивляюсь однако своей стойкости: я не вскрикнула! Крѣпко зажавъ въ кулакъ руку и стиснувъ зубы, я, помню, простояла такъ нѣсколько секундъ. Когда я рѣшилась посмотрѣть на свою ладонь и хотѣла отлѣпить кусочекъ сургуча приставшій къ кожѣ, то оказалось что подъ сургучемъ пузырь, и я содрала кожу вмѣстѣ съ каплей сургуча. Весь вечеръ мнѣ было очень больно, и я держала руку крѣпко зажатой въ кулакъ. На разспросы няни: что̀ у меня въ рукѣ? я, конечно, не призналась. Но всего хуже было то что не-

медленнаго „усмиренія тѣла“ и избавленія отъ грѣховъ, какъ я надѣялась, совсѣмъ не послѣдовало! Увы! Вечеромъ когда няня меня умывала передъ сномъ и захотѣла разжать мою руку чтобы намылить, я не согласилась; няня, не подозрѣвая что у меня на ладони „рана“, какъ я мысленно выражалась, нѣсколько неосторожно взяла меня за руку, я заплакала; няня сказала недовольнымъ голосомъ: „Ну, начинается у насъ капризъ!“ Ея несправедливость меня заставила еще болѣе плакать, и „капризъ“, дѣйствительно, разыгрался! И руку-то было больно: мыло очень щипало! И няня была несправедлива, а главное: разочарованіе мое было полное! „Тѣло не усмирилось,“ а продолжало грѣшить! Почему же Филиппушкѣ помогали вериги, а мнѣ нѣтъ? Чтò жь послѣ этого дѣлать оставалось...

Кн. Е. Львова.

ОБЕРНУВШИСЬ ЛИЦОМЪ КЪ КИТАЙЦАМЪ.

I.

Неразумныя минуты.

Воздухъ наполненъ раскаленными солнечными лучами какъ бы бѣловатой, прозрачной движущейся пылью. Вершина высокой каменистой горы кой-гдѣ покрыта налетомъ земли изъ которой проросла низкая слабая трава, и солнце сожгло ее. Въ тяжелыхъ грузныхъ позахъ, въ черной запекшейся крови, выставивъ кверху пышные волосатые затылки, лицомъ внизъ, лежатъ здѣсь два бритые Китайца. Шурша мелкими камушками, собираясь и вытягиваясь тѣломъ, ползетъ между ними гибкая сѣрая змѣя, и ея острые какъ иглы злые глазки боязливо блестятъ. Въ воздухѣ душно и камни горячіе.

Порывисто дыша широкою грудью, загорѣлые, красные, потные, звякая ружьями, спѣшно выбѣжали на вершину горы солдаты манчжурской охраны...

— Отдохни! бросилъ имъ офицеръ приведшій ихъ сюда, и защитивъ ладонью отъ солнца глаза онъ зорко сталъ всматриваться въ мѣстность впереди подъ горой.

Солдаты рукавами лѣтнихъ холщевыхъ рубахъ обтирали съ лица потъ и тоже смотрѣли впередъ. Всего ихъ было семьдесять пять человѣкъ, полурота. Тяжелые, грубые кожаные сапоги и суконныя брюки на нихъ были сильно запылены, и грязныя отъ пыли рубахи прилипли къ ихъ спинамъ. Между ними были все молодыя лица, безусыя и безбородыя, это былъ мясистый и здоровый народъ отъ котораго пахло здоровымъ пѣтомъ.

По лицу офицера тоже лился потъ, но оно у него было болѣзненное, блѣдное, неподвижное и морщинистое. Тѣмъ не

менѣе онъ совсѣмъ не былъ старъ. Тѣло имѣлъ крѣпкое, выносливое, духъ же сильный и смѣлый. Давно у него случился параличъ лицевыхъ мускуловъ: нижняя челюсть отвисла, вѣки не закрывались и все лицо сохраняло полнѣйшую неподвижность, мертвенность, точно бы это было не живаго человѣка лицо, а маска. Ѣсть твердой пищи онъ не могъ, потому что не могъ двигать челюстями, и спалъ съ открытыми глазами, потому что вѣки не закрывались. Доктора долго лечили его электричествомъ и возвратили ему наконецъ возможность двигать ртомъ и вѣками, но лицо у него осталось навсегда блѣднымъ, неподвижнымъ и морщинистымъ. Съ тѣхъ поръ оно ничего не выражало собой, и только большіе сѣрые проницательные глаза на немъ свѣтились силой. Военное начальство знало его за офицера смѣлаго и настойчиваго и всегда давало ему значительныя порученія.

Вотъ и на этотъ разъ. Послѣ непродолжительнаго боя передовой русскій отрядъ заставилъ китайскихъ солдатъ бросить сильную мѣстность которую они занимали и отступить. Офицеру съ неподвижнымъ лицомъ было указано занять со своими солдатами самую высокую гору въ этой мѣстности, и онъ занялъ ее.

Далеко вокругъ было видно съ этой горы. Впереди внизу, подъ горой, раскинулась большая сѣрая деревня. Длинныя крыши, узкія улицы, длинныя каменныя стѣны и запыленныя деревья, все въ ней было сѣрое. Въ сторонѣ отъ деревни стояла кумирня со дворами при ней и съ высокими, масивными воротами. Во дворахъ при кумирнѣ и вокругъ кумирни собралась огромная толпа Китайцевъ, человѣкъ въ шестьсотъ, въ семьсотъ.

Маленькіе, синенькіе, они двигались по всему пространству около кумирни и среди нихъ въ разныхъ мѣстахъ загорались на солнцѣ и тухли опять блестящія точки. Это сверкали желѣзные ножи въ ихъ рукахъ. Люди эти собрались вмѣстѣ, вооруженные, затѣмъ чтобы помолиться въ кумирнѣ небу и потомъ всѣмъ вмѣстѣ пойти и отнять назадъ у Русскихъ ту высокую гору, оплотъ всей мѣстности, которую бросили китайскіе солдаты и которую заняли Русскіе. Люди эти были кулачники изъ здѣшнихъ окрестностей.

Съ самаго начала безпорядковъ въ Манчжуріи они обѣщались разломать желѣзный путь уложенный Русскими въ ихъ мѣстности и убить всѣхъ Русскихъ работавшихъ на этомъ пути. Почему это нужно было сдѣлать, они и сами

хорошо не знали, ибо желѣзный путь и Русскіе давали имъ большіе заработки, и вдругъ ломать это и убивать... Одно для нихъ, правда, было ясно: что Русскіе чужіе. Они и одѣваются, и говорятъ, и пишутъ, и здороваются другъ съ другомъ, и молятся, и съ женщинами обращаются, и жилище строятъ по другому, по чужому. Они были чужіе люди, не свои, неизвѣстные. Пользуясь всѣмъ этимъ китайское чиновничество и китайскіе ученые изъ любви къ отечеству распространяли среди Китайцевъ нехорошіе слухи о Русскихъ. Они лгали, предупреждая Китайцевъ о томъ что Русскіе хитры и злы, что ихъ нужно опасаться и нельзя любить; что пока они не уложили желѣзный путь, что пока ихъ мало въ Манчжуріи, они ласковы къ Китайцамъ и платятъ имъ за работы, но когда они уложатъ желѣзный путь, когда ихъ будетъ много, они будутъ обижать Китайцевъ, и этому нужно помѣшать, и что теперь настало время помѣшать этому.

И по всей Манчжуріи возникло зло.

Китайцы неразумно схватили Русскихъ по линіи желѣзнаго пути, истязали ихъ, надругались надъ ними и отрубили имъ головы. Они сожгли русскія жилища, разломали желѣзный путь, уложенный Русскими съ большими усиліями. Они обрушили мосты возведенные надъ глубокими оврагами и рѣками, и потомъ съ веселыми криками, самодовольнымъ хохотомъ и съ блестящими отъ гордости глазами столкнули туда тяжелые, дорогіе паровозы.

Теперь кулачники изъ окрестностей молились небу у кумирни подъ высокой горой, занятой русскими солдатами, и горячо просили у неба побѣды надъ Русскими. И сверкали на солнцѣ среди нихъ желѣзные ножи.

Склонъ горы съ этой стороны былъ очень крутой, безъ дорогъ, неровный и усѣянъ большими камнями. Русскіе солдаты на горѣ не вѣрили что Китайцы пойдутъ въ атаку на такую высоту. Изрѣдка какой-нибудь солдатъ приложитъ ружье къ плечу, прицѣлится въ Китайцевъ и нажметъ пальцемъ на спускъ. Сухо щелкнетъ выстрѣлъ. Но Китайцы еще далеко, трудно въ нихъ попасть, и офицеръ не велѣлъ стрѣлять даромъ.

Вся мѣстность здѣсь была покрыта разнообразными горами. Самыя дальнія изъ нихъ были синеватыя и закрывали небо точно облака; ближнія были сѣрыя и желтыя, и грубыя; и всѣ онѣ были исполнены какого-нибудь смысла, отчего и офицеръ и солдаты подолгу всматривались въ нихъ.

Невысокіе холмы, далекіе, синеватые, съ мягкими легкими очертаніями какъ бы изображали собой мечту неясную, легкую, далекую. Въ горѣ съ острой вершиной на бокъ, сѣрой, каменистой, грубой, плотно прилегшей къ землѣ своимъ широкимъ, отлогимъ основаніемъ, похожей на полусмятый грязный нѣмецкій ночной колпакъ, было много уродливаго, тяжелаго, животнаго, земнаго. Еще гора изъ широкихъ обнаженныхъ каменныхъ пластовъ, лишь кое-гдѣ покрытая пятнами земли, поднималась снизу все выше, выше на большомъ протяженіи и вдругъ сразу обрывалась, стѣной уходя въ землю. Въ ней было много общаго съ бѣшенымъ конемъ вставшимъ на дыбы, полнымъ силы неудержимой. Нѣсколько деревьевъ на ея хребтѣ походили на разметанную въ ярости короткую гриву.

Небо надъ горами было бѣловатое, и посрединѣ его ослѣпительно блестѣло лучистое пятно, солнце. Воздухъ тоже былъ бѣловатый, наполненный горячими солнечными лучами. И камни, и земля, и тѣла людей были горячіе.

Вдругъ Китайцы внизу подъ горой на которой были Русскіе, всѣ разомъ, толпой пошли къ горѣ сверкая ножами. Они шли неторопливо, медленно и все ближе подходили къ горѣ.

— Полурота, скомандовалъ на горѣ офицеръ и нѣсколько секундъ выждавъ, пока солдаты прицѣлились въ Китайцевъ, громко и отчетливо прибавилъ:—пли!

Раздался сухой, дерущій уши трескъ, и далеко завизжали пули ударившись о камни и отскочивъ отъ нихъ.

А офицеръ опять скомандовалъ:—полурота, пли!

Китайцы все также толпой подошли къ горѣ и стали подниматься на гору, но теперь они уже не шли, а бѣжали легкимъ бѣгомъ. Также бѣгомъ внизъ съ горы они сносили на рукахъ своихъ раненыхъ.

На горѣ разъ за разомъ раздавался сухой, дерущій уши трескъ, и словно шумѣлъ вѣтеръ: это шумѣли пули и визжали ударяясь о камни.

Склонъ горы былъ очень крутой, неровный и покрытъ острыми камнями. Китайцы были синіе, неясные, и блестѣли у нихъ ножи.

И вдругъ они, точно бы вынырнули изъ воды, выбѣжали изъ массы свѣта передъ русскими солдатами совсѣмъ близко, и ясно до мельчайшихъ подробностей стало ихъ видно. Правда, ихъ осталось не больше двухсотъ, остальные были убиты и

ранены, но зато они были очень близко къ Русскимъ. Ноги ихъ скользили съ гладкихъ и острыхъ камней, и камни съ шумомъ скатывались изъ-подъ нихъ внизъ. Головы у нихъ были обвязаны красными платками и они громко пѣли что-то заунывное и зловѣщее. Въ рукахъ у нихъ были большіе желѣзные ножи которыми они воинственно, угрожающе и плавно размахивали. Глаза у нихъ были наполнены безсмысленной злобой; глаза эти какъ-будто не смотрѣли на Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они внимательно слѣдили за ними. Злобой же дышали ихъ лица. Брови у всѣхъ широко раздвинулись въ стороны, ноздри раздулись и всѣ лица словно раздались въ ширину. Многіе изъ нихъ были оголены до пояса чтобы труднѣе было схватить ихъ въ рукопашной схваткѣ за голое, вспотѣвшее, склизкое тѣло. Желтыя тѣла ихъ теперь были мокры отъ пота. Всѣ были подпоясаны красными поясами; широкіе штаны у щиколокъ были обмотаны красными тряпками, и красныя тряпки были привязаны къ рукояткамъ острыхъ блестящихъ ножей.

— Добѣгутъ! мелькнуло сознаніе опасности въ глазахъ у русскихъ солдатъ; и раздался дружный сухой трескъ. Пули зашумѣли и, разбивая камни и взрывая землю, близко завизжали.

— О-о-о!.. послышались стоны упавшихъ Китайцевъ.

Раздался еще одинъ сухой, рѣзкій, дерущій уши трескъ; на этотъ разъ русскіе солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ Китайцевъ. И кучками, человѣкъ по пяти, по восьми, гдѣ два, гдѣ три, добѣжали Китайцы до Русскихъ по всей ширинѣ обороны, и все кончилось.

У Русскихъ былъ раненъ лишь одинъ солдатъ. Онъ схватился бороться съ огромнымъ Китайцемъ: за голое, потное тѣло солдату было трудно схватить Китайца, и тотъ свалилъ солдата на землю и разрубилъ ему ножомъ руку которой онъ закрылся отъ него. Другіе солдаты закололи Китайца.

Вся гора съ этой стороны посинѣла отъ убитыхъ Китайцевъ. Лица у большинства изъ нихъ теперь были спокойныя, обыкновенныя. Много было молодыхъ, здоровыхъ лицъ. Тѣла ихъ лежали неподвижныя, и камни вдавились въ нихъ и окрасились ихъ кровію. Надъ горой было тихо, и солнечные горячіе лучи разлагали тѣла чтобы изъ нихъ воспроизвести жизнь. Неразумныя минуты прошли. Жизнь изъ одного своего состоянія переходила въ другое, хотя бы въ трупныхъ червей. Неразумное, грубое посягнуло на жизнь и погибло само, но жизнь осталась.

Уставшіе солдаты захотѣли пить и многіе изъ нихъ сошли внизъ подъ гору гдѣ былъ колодезь.

Внизу подъ горой, какъ шли толпой Китайцы, съ одной и съ другой стороны лежали убитыя двѣ китайскія дѣвушки. Оружія при нихъ не было, но въ рукахъ онѣ зажали красные платки съ которыми онѣ повидимому и шли въ атаку. Одна была старше, другая моложе. Онѣ были въ бѣлыхъ рубахахъ, въ синихъ широкихъ штанахъ и, какъ всѣ кулачники, въ красныхъ повязкахъ на головахъ, подпоясанныя красными кушаками. Онѣ были убиты въ началѣ атаки подъ горой. Старшая изъ нихъ, большая, мясистая, лежала навзничь, широко раскинувъ руки. Упала она такъ отъ удара пулей въ грудь, и вся рубаха у нея на груди промокла кровяными пятнами засохшими и почернѣвшими отъ солнца. Щеки и нижняя губа у нея были сильно притерты красной краской. Соскочившій при паденіи металическій тяжелый браслетъ откатился немного и лежалъ на камняхъ тутъ же. У нея были смѣло протянутыя брови и чувственный большой ротъ. Все лицо у нея было смѣлое и чувственное. Другая дѣвушка, моложе, худенькая, была убита двумя пулями въ животъ и въ грудь. Она упала на бокъ и широкій острый тазъ у нея сильно поднимался надъ ней. Она лежала головой къ вершинѣ горы и туда же были вытянуты ея худенькія костлявыя руки, и пальцы рукъ судорожно растопырились и скрючились. У нея былъ маленькій пухлый ротикъ и большіе, выпуклые глаза. Навѣрное, въ своей деревнѣ она была очень хорошенькой дѣвушкой, и ужь какой-нибудь юноша да сложилъ пѣвучіе стихи про „весенній нѣжный цвѣтокъ“. Но теперь ея выпуклые глаза застыли и потускнѣли и были похожи на два гнойные нарыва, отчего все лицо ея было отвратительное.

Это были женщины-кулачники. Китайцы ихъ называютъ, въ переводѣ на русскій языкъ: красными фонарями, потому что ночью всякая изъ нихъ имѣетъ съ собой зажженый красный фонарь, а днемъ красный платокъ. По повѣрью у Китайцевъ, на платкѣ такая женщина можетъ перелетать черезъ большія пространства, а куда махнетъ она краснымъ фонаремъ, тамъ все горитъ огнемъ. Махнетъ она въ сторону желѣзнаго пути: загораются шпалы и портится желѣзный путь; махнетъ она на непріятельскій лагерь: зажигается огнемъ непріятельскій лагерь; махнетъ она на деревню: горитъ деревня пожаромъ.

II.

Звенѣли тихіе, задумчивые звуки...

Было темно.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, я остановился передъ высокими каменными воротами подъ крышей съ загнутыми кверху концами. Ворота были масивныя съ глубокимъ проходомъ подъ ними. Два большіе бѣлые бумажные фонаря на которыхъ были вычерчены черные толстые іероглифы горѣли на воротахъ, и около воротъ тьма мѣшалась со свѣтомъ. Мимо меня прошелъ въ ворота какой-то старикъ, сгорбившійся, съ фонаремъ въ рукахъ отъ котораго дрожало на землѣ свѣтлое пятно; потомъ прошелъ юноша, высокій, съ гордымъ лицомъ; потомъ двѣ женщины въ длинныхъ шуршавшихъ шелковыхъ курткахъ, съ блестящими глазами, съ массами волосъ на затылкахъ. Въ волоса у нихъ были воткнуты цвѣты. Онѣ прошли мимо меня, переговариваясь тонкими, тихими голосами, точно бы звенѣли въ колокольчики. Въ такомъ тихомъ, нѣжномъ женскомъ голосѣ очень много ласки, слабости; въ Китаѣ его любятъ, и встрѣчается онъ только въ Китаѣ. Женщинъ сопровождали: впереди приземистый Китаецъ съ фонаремъ и сзади старая сѣдая старуха со свертками въ рукахъ.

Проходившіе въ ворота были серіозны и шли торопливо.

За всѣми я тоже прошелъ въ ворота и попалъ на большой дворъ углы котораго скрывались въ темнотѣ. Вдали же передо мной опять стояли ворота, высокія, масивныя, съ большими фонарями на нихъ, подъ крышей съ загнутыми кверху концами.

На пути слѣдованія отъ однѣхъ воротъ къ другимъ въ темнотѣ на землѣ валялись нищіе, оборванные и больные. Они подымались съ земли передъ проходившими мимо Китайцами, протягивали къ нимъ руки и падали передъ ними ницъ на землю; опять подымались, опять протягивали руки и опять падали на землю, ползли по землѣ и просили. Звякали деньги которыя имъ бросали, и это звяканье мѣшалось съ ихъ хриплыми голосами. Изъ грязной тьмы при свѣтѣ фонарей смѣло выглядывали страшныя, уродливыя лица, засохшіе и распухшіе члены тѣла, язвы, лохмотья. Одинъ нищій забѣжалъ передо мной впередъ и, показывая рукой на огромный наростъ на шеѣ, кланялся падая на землю. Я бросилъ ему деньги; онъ

схватилъ ихъ съ жадностью, споткнулся, чуть не упалъ и опять сталъ кланяться мнѣ. Здѣсь было тяжело среди этихъ больныхъ въ этой тьмѣ, и всѣ спѣшили отсюда пройти во вторыя ворота.

За вторыми воротами тоже былъ дворъ, но по размѣрамъ меньше перваго. По сторонамъ его шли жилыя помѣщенія, низенькія, длинныя съ рѣшетчатыми бумажными окнами и дверями, а прямо впереди поднимались широкія каменныя ступени къ высокому зданію подъ нѣсколькими крышами, одна надъ другой. Три широкихъ двери во всю стѣну зданія передъ каменными ступенями были открыты, и противъ среднихъ дверей вдали, въ глубинѣ зданія, на бѣломъ цвѣткѣ лотоса, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ вызолоченный Будда. Зданіе, храмъ, было ярко освѣщено огнями свѣчей, и синій легкій дымъ наполнялъ его.

На дворѣ передъ храмомъ, на ступеняхъ къ храму и въ самомъ храмѣ было множество Китайцевъ. Мущины, женщины, старики, дѣти приходили сюда и уходили совершивъ короткую молитву. На дворѣ здѣсь въ землѣ была вырыта неглубокая яма обмазанная глиной. Въ ямѣ горѣла бумага. Всякій вновь пришедшій въ храмъ разворачивалъ свертки принесенные съ собой, доставалъ изъ нихъ бумажныя свѣчи и бѣлую бумагу и бросалъ бумагу въ яму. Бумага въ ямѣ шуршала, коробилась и превращалась въ легкій пепелъ. Огонь надъ ямой то увеличивался, то уменьшался. Огненные языки то прозрачные мягко шевелили въ ямѣ бумагу, то красные, закрученные взвивались кверху съ бумажнымъ пепломъ. И свѣтъ и тьма шевелились надъ ямой, и это отражалось на высокихъ воротахъ, на землѣ, на стѣнахъ жилищъ, на ступеняхъ къ храму, на лицахъ людей, и отъ этого и ворота, и жилища, и ступени, и люди, все здѣсь было измѣнчиво, нѣжно, таинственно, необыкновенно.

По широкимъ ступенямъ я поднялся къ храму и остановился у крайнихъ дверей въ сторонѣ чтобы быть возможно меньше замѣтнымъ молившимся, чтобы не оскорбить ихъ молитвеннаго настроенія своимъ постороннимъ любопытствующимъ видомъ. Прямо передъ этими дверями, лицомъ къ дверямъ, такъ что лицомъ ко всякому входившему въ храмъ черезъ эти двери, стоялъ небесный человѣкъ-воинъ. Онъ былъ большой сдѣланный изъ глины и раскрашенный. У него было широкое розовое лицо, тупой носъ и узкіе косые глаза. Онъ былъ изображенъ одѣтымъ въ кольчугу и въ латы поверхъ

цвѣтныхъ рубахи и штановъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ широкій длинный двуострый обнаженный мечъ опущенный внизъ въ бездѣйствіи, но наготовѣ. Лѣвую же руку съ длинными, тонкими пальцами онъ поднялъ ладонію къ двери такъ, какъ поднимаютъ руки матери, когда приказываютъ своимъ дѣтямъ быть тише. И его неподвижные суровые глаза, и его жестъ, и весь онъ какъ бы говорили всякому входившему черезъ эти двери въ храмъ: тише, здѣсь небо! И я невольно старался быть еще незамѣтнѣй и дальше жался въ глубь темноты. У другихъ боковыхъ дверей стоялъ такой же большой по величинѣ небесный воинъ въ кольчугѣ, въ латахъ, съ мечемъ въ рукахъ. На ладони же другой поднятой руки онъ держалъ высокую буддійскую пагоду подъ многими крышами, какъ бы указывая всякому входившему въ храмъ черезъ эти двери на силу и могущество неба. Лицо у него было полно движенія и воли.

А тамъ дальше въ глубинѣ храма былъ изображенъ Будда, весь позолоченный, окутанный синимъ дымомъ, сидящій на бѣломъ цвѣткѣ лотоса, поджавъ подъ себя ноги, въ простой рубахѣ и штанахъ, съ широкимъ лицомъ, тупымъ носомъ, узкими глазами, съ рѣзко-очерченнымъ ртомъ, въ глубокой задумчивости, неподвижно-спокойный. Передъ нимъ стоялъ большой столъ на которомъ горѣли красныя восковыя свѣчи и курилось синимъ прозрачнымъ дымомъ множество бумажныхъ свѣчей.

Всякій пришедшій въ храмъ Китаецъ, развернувъ на дворѣ свертки и бросивъ тамъ въ яму бѣлую бумагу, зажигалъ надъ ямой пачку бумажныхъ свѣчей, входилъ въ храмъ и остановясь передъ этимъ изображеніемъ Будды обѣими руками высоко поднималъ надъ собой дымящіяся свѣчи, потомъ втыкалъ ихъ въ сосудъ съ золой на столѣ, съ молитвой опускался на колѣна и съ молитвой же совершалъ земные поклоны. Монахъ въ сѣромъ одѣяніи, съ бритой головой, съ неподвижными и задумчивыми глазами, какъ у самого Будды, и съ такимъ же тупымъ носомъ, при каждомъ поклонѣ молящагося ударялъ деревянной палочкой по краю металическаго полаго полушарія на столѣ, и раздавался тихій, мягкій звонъ напоминавшій звонъ далекаго колокола.

И бѣдняки въ простыхъ синихъ одеждахъ, и богатые въ шелковыхъ тканяхъ, и маленькія радостныя дѣти, и женщины стуча объ полъ масивными браслетами на рукахъ, вмѣстѣ кланялись передъ Буддой подъ этотъ тихій, задумчивый звонъ.

Но много молившихся также толпилось передъ другимъ изображеніемъ Будды въ видѣ женщины, передъ Гуань-ини олицетворявшимъ собой милосердіе и состраданіе ко всему живущему. При взглядѣ на это изображеніе мнѣ вспомнилась легенда о Буддѣ указывающая насколько ему было свойственно чувство состраданія: разъ какъ-то, проходя одной долиной, Будда увидѣлъ трупъ уже весь съѣденный трупными червями. Тогда Будда вырѣзалъ у себя кусокъ мяса и бросилъ его червямъ чтобы они не испытывали мученій голода. Изображеніе Гуань-ини было все вызолоченное, въ видѣ женщины сидящей на бѣломъ цвѣткѣ лотоса съ красными окраинами лепестковъ. Лицо у вызолоченной женщины было лицомъ Будды: неподвижное, глубоко задумчивое, и одѣта была она также просто какъ и Будда: въ рубаху и штаны. Рубаха у нея была подпоясана тонкимъ пояскомъ подъ грудями. Одна нога у нея была поджата подъ себя, другая согнута въ колѣнѣ. Ноги были маленькія, забинтованныя, какъ у большинства китайскихъ женщинъ. Передъ ней также стоялъ столъ съ зажженными красными восковыми свѣчами и съ бумажными свѣчами. И вся она была окутана синимъ прозрачнымъ душистымъ дымомъ. У стола стоялъ въ сѣромъ платьѣ бритый монахъ. Молившіеся поднимали надъ собой свѣчи, ставили ихъ на столъ и, опускаясь на колѣна складывая руки ладонями вмѣстѣ, молитвенно кланялись Гуань-ини. Монахъ стучалъ палочкой по краю металическаго полушарія, и звенѣли мягкіе, задумчивые звуки, и мѣшались съ другими такими же звуками звенѣвшими у другаго стола.

Синій душистый дымъ; красные огни восковыхъ свѣчей; блестящія вызолоченныя изображенія Будды глубоко задумавшагося, неподвижно-спокойнаго; тихій звонъ; праздничная радость и шопотъ молитвъ въ храмѣ; трепетный огонь на дворѣ надъ горѣвшей въ ямѣ бумагой; шевелившіеся тамъ по стѣнамъ на землѣ, на высокихъ воротахъ тьма и свѣтъ; вверху чистое небо и звѣзды дѣлали людей здѣсь лучше, добрѣе, и люди это знали, и голые, увѣчные собрались здѣсь на первомъ дворѣ.

Но вотъ мимо меня по широкимъ каменнымъ ступенямъ поднялся въ храмъ богатый старикъ. На головѣ у него была круглая шапочка съ краснымъ верхомъ, на плечахъ черная шелковая куртка съ длинными рукавами. Лицо у него было въ морщинахъ, со ввалившимися щеками. Старикъ вошелъ въ храмъ и остановился у дверей. Молодой Китаецъ съ застѣн-

чивымъ взглядомъ, его слуга или родственникъ, бросилъ на дворѣ въ яму бумагу, зажегъ тамъ свѣчи и войдя въ храмъ подалъ ихъ старику. Молча взялъ у него́ старикъ тлѣющія, дымящіяся свѣчи, подошелъ къ столу передъ изображеніемъ Будды, высоко въ обѣихъ рукахъ поднялъ надъ собой свѣчи, подержалъ ихъ такъ немного и поставилъ на столъ; потомъ съ помощью молодаго Китайца опустился передъ Буддой на колѣна и громко нашептывая молитвы сталъ откладывать земные поклоны. И зазвенѣли тихіе, ласкающіе, задумчивые звуки. Рядомъ со старикомъ опустился Китаецъ съ застѣнчивыми глазами и тоже молился. Вся фигура старика была торжественность, строгость, святость; вся фигура молодаго радость и застѣнчивость.

Къ этому же столу подошла женщина и маленькая дѣвочка. Женщина опустилась у стола на колѣна. Густые волосы у нея были собраны на затылкѣ въ сѣтку. Устремленные на Будду глаза молились ему. Крупныя выразительныя губы были крѣпко сжаты. И полныя щеки и губы были притерты красной краской. На сложенныхъ ладонями вмѣстѣ, молитвенно, рукахъ висѣли тяжелые серебряные браслеты. Возлѣ нея маленькая дѣвочка съ наивными глазами въ вышитой шелкомъ курточкѣ все хотѣла поставить на столъ передъ Буддой нѣсколько свѣчей. И тянулась ручонками къ столу, и не могла достать до стола. Просительно взглядывала она на молившуюся женщину, и вдругъ... разсыпала свѣчи на полъ и очень, очень смутилась.

А вызолоченный Будда, неподвижный, спокойный, въ глубокой задумчивости, въ синихъ клубахъ дыма былъ точно живой передъ дѣвочкой и передъ молившимися. И звенѣли въ храмѣ тихіе, задумчивые звуки.

Въ эту ночь въ Китаѣ наступилъ новый годъ, и Китайцы молились.

...Когда я вернулся домой, въ свою тихую простую маленькую комнату, и зажегъ свѣчу въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, мнѣ было жаль разстаться съ тѣмъ праздничнымъ, чистымъ, радостнымъ, чудеснымъ настроеніемъ которое меня охватило въ храмѣ среди Китайцевъ. Очень это было похоже на давнишнее полузабытое состояніе, когда въ дѣтствѣ прочтешь, бывало, какую-нибудь увлекательную сказку, прочтешь ее и проживешь съ ея храбрыми богатырями, ея пригожими да привѣтливыми красавицами, среди дремучихъ лѣсовъ и злыхъ и завистливыхъ колдуній, на кисельныхъ берегахъ, у мо́лоч-

ныхъ рѣкъ, а потомъ оглянешься на комнату въ которой знакома всякая мелочь,—очень жалко станетъ что сказка окончилась.

III.

Ударъ штыкомъ.

Осень. Облачно.

Холодныя вечернія сумерки сгущаются все больше и больше, и если посмотрѣть съ горбатой черной горы внизъ на деревню у ея подножія, то она кажется погруженной глубоко въ быстротекущую чистую воду. Въ деревнѣ гдѣ-то гулко и безпрерывно лаетъ собака, точно кто-нибудь сильно бьетъ въ дно пустой бочки. Вѣтеръ волочится и пылитъ по улицѣ и стучитъ въ затворенныя двери дворовъ. Двери трясутся и наклеенные на нихъ, накрашенные на бумагѣ боги полные стремительности въ движеніяхъ, съ обнаженными мечами въ рукахъ, съ искривленными злобой бородатыми лицами, сидящіе верхами на разъяренныхъ тиграхъ, тоже трясутся вмѣстѣ съ дверями, какъ будто сражаются со злыми духами... И вдругъ раздаются по временамъ надъ деревней тревожные, надрывающіеся крики и стоны и долго не смолкаютъ: то ревутъ ослы.

Посерединѣ одного тѣснаго дворика брошена тяжелая двухколесная телѣга. Ея большія, масивныя колеса часто обитыя желѣзными гвоздями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты засохшей грязью. Очевидно, въ послѣдній разъ телѣга ѣздила по размокшей отъ дождей почвѣ, глубоко по своей тяжести уходя въ нее. Около телѣги на соломѣ лежитъ худой со всклоченной шерстью оселъ. Онъ поджалъ подъ себя свои тонкія сильныя ноги и большая, сѣрая голова у него опущена такъ низко что распустившіяся отвислыя губы достаютъ до земли. Его большіе, покорные глаза полузакрыты, и онъ тихо и тревожно поводитъ своими большими, мохнатыми изнутри ушами, прислушиваясь къ вѣтру который вырываетъ изъ-подъ него солому чтобы бросить ее тутъ же около него. Съ трехъ сторонъ дворъ огороженъ глиняными стѣнами, съ четвертой стороны глиняной избой съ дверью въ видѣ черной дыры и съ рѣшетчатымъ бумажнымъ окномъ во дворъ.

У дверей избы стоятъ старикъ-Китаецъ худой какъ скелетъ и молодая лѣтъ четырнадцати тоненькая дѣвушка-Китаянка. Старикъ весь согнулся, и шея съ головой у него

далеко вытянулась впередъ. Онъ молча куритъ длинную трубку. Вѣтеръ дергаетъ его за сѣдую рѣдкую бороду и выдуваетъ изъ его трубки нагорѣвшій пепелъ, обсыпая имъ и его и дѣвушку. Одѣтъ старикъ въ синіе ватные куртку и штаны. Лицо у него исполнено той спокойной величавой печали которая встрѣчается лишь на лицахъ старыхъ Китайцевъ, въ которой такъ мало земнаго и передъ которой поэтому мятущіеся въ жизни люди чувствуютъ себя ничтожными, пустыми. Тоненькая дѣвушка возлѣ старика, наоборотъ, очень свѣжа и здорова. Она стройна и гибка, точно сочный зеленый камышъ. Черные волосы у нея гладко расчесаны на обѣ стороны головы и, закрывая уши въ которыхъ висятъ большія серебряныя серьги, сзади заплетены въ длинную, толстую, тяжелую косу. Одѣта она въ черную куртку и широкіе штаны на выпускъ, до того широкіе и длинные что они совсѣмъ скрываютъ подъ собой ея забинтованныя ножки, и только лишь при ходьбѣ обнаруживаются изъ-подъ нихъ вышитые желтыми и синими нитками остроконечные башмачки. Изъ узкихъ карихъ глазъ дѣвушки смотрятъ страхъ и тоска.

И старикъ, и дѣвушка напоминаютъ два дерева изъ которыхъ одно старо, покрыто морщинистой грубой корой, безобразно скрючено, умирающее; другое молодой побѣгъ около него налитый сокомъ, прямой, гибкій, душистый. Молодой побѣгъ прильнулъ къ старому дереву, и они стоятъ тихіе, какъ бы передъ грозой.

Оба они слабы и беззащитны.

Въ сѣдой, вытянутой впередъ головѣ старика есть одна мысль: онъ такъ старъ что скоро умретъ. Нужно чтобы его похоронили согласно издавна установленнымъ въ странѣ священнымъ правиламъ; нужно чтобы потомъ всегда заботились о поддержаніи его могилы, жгли на ней въ опредѣленные сроки курительныя душистыя свѣчи и бѣлую мягкую бумагу; нужно чтобы на домашнемъ алтарѣ рядомъ съ узкими дощечками съ надписями на нихъ именъ предковъ старика поставили дощечку съ его именемъ... И все это долженъ былъ бы сдѣлать его сынъ который еще такъ недавно ворочалъ здѣсь на дворѣ тяжелую телѣгу, запрягалъ въ нее осла и лошадь и звонко щелкая длиннымъ кнутомъ и громко крича на животныхъ: уо-уо-іе-іе!.. бодро выѣзжалъ со двора на работы въ поле...

Дѣвушка стоитъ крѣпко ухватившись рукой за куртку старика. Она знаетъ о комъ думаетъ старикъ, и они оба молчатъ.

Долго молчать... Ихъ груди точно обмотаны веревками плотно и туго, и это мѣшаетъ имъ свободно дышать, и отъ этого болятъ у нихъ груди, руки и ноги.

Печаль, тоска и страхъ обуяли ихъ.

Гдѣ же ты, тотъ человѣкъ, о которомъ безпрестанно думаютъ въ этой избѣ, за котораго здѣсь такъ болѣютъ, и тоскуютъ, и тревожатся?

Гдѣ ты, въ одно время сынъ и отецъ?

Въ такой же осенній вечеръ далеко отъ деревни плечистый, согнувшись, онъ роетъ черную яму. Потъ крупными каплями выступилъ на его здоровомъ грязномъ лицѣ, и онъ тяжело дышетъ отъ усталости. Вокругъ него стоятъ солдаты, чужеземцы, въ желтыхъ мундирахъ, въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ съ загнутымъ кверху однимъ бортомъ. Они торопятъ его въ работѣ, понукая ружейными прикладами. И онъ забываетъ усталость, и все копаетъ, и копаетъ яму съ какимъ-то остервенѣніемъ. Скрипитъ и звенитъ лопата въ его рукахъ входя въ землю, и онъ поднимаетъ ее изъ ямы отяжелѣлую и съ силой сбрасываетъ съ нея комья земли въ сторону, а вѣтеръ на лету подхватываетъ ихъ и далеко относитъ отъ ямы.

— Schnell, schnell! толкаютъ его ружьями солдаты. Лица у нихъ тоже грязныя, злыя, и они не смотрятъ другъ на друга.

Сзади за ними насыпанъ невысокій валъ изъ свѣжей бурой земли, а передъ ними разстилается безпредѣльное поле покрытое хлѣбами, движущимися своими тяжелыми вершинами изъ стороны въ сторону.

Онъ „и-хэ-туань“, то-есть, кулачникъ.

Какъ онъ имъ сдѣлался, онъ и самъ не зналъ хорошо. Все лѣто по деревнямъ расклеивались большіе красные листы исписанные черными іероглифами. Іероглифы эти указывали на распутство, злобу и жадность чужеземцевъ живущихъ въ Китаѣ и именами разгнѣванныхъ божествъ призывали населеніе деревень къ оружію противъ нихъ какъ противъ зла. Они требовали изгнанія чужеземцевъ изъ предѣловъ родной земли и сулили страшныя кары тѣмъ, кто въ такое время останется у домашняго очага. Изъ рукъ въ руки, изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню быстро передавались также маленькіе бѣлые листки по содержанію написаннаго въ нихъ сходные съ большими красными листами. Все написанное въ бѣлыхъ листкахъ заканчивалось такъ: „Кто изъ умѣющихъ писать перепишетъ и передастъ другому такой листокъ, или

прочтетъ кому нибудь такой листокъ, тотъ послѣ смерти будетъ взятъ на небо. Кто изъ умѣющихъ писать перепишетъ и раздастъ другимъ десять такихъ листковъ, или прочтетъ такой листокъ десяти человѣкамъ, тотъ послѣ смерти самъ будетъ взятъ на небо и семья его будетъ взята на небо. Кто перепишетъ и передастъ другимъ сто такихъ листковъ, или такой листокъ прочтетъ ста человѣкамъ, тотъ послѣ смерти самъ будетъ взятъ на небо, и семья его будетъ взята на небо, и вся деревня его будетъ взята на небо". Одновременно съ этими листками стали появляться въ деревняхъ неизвѣстныя никому дѣти; на перекресткахъ улицъ они падали на землю и опять поднимались, опять падали и опять поднимались; то порывисто, то плавно размахивали руками; изо рта у нихъ выступала пѣна, а сквозь судорожно сжатые зубы прорывались страшныя слова: „И-хэ-туань сметутъ все до-чиста!" Другіе люди также пришлые, въ красныхъ повязкахъ на головахъ, въ красныхъ повязкахъ на ногахъ, въ красныхъ поясахъ, предлагали всѣмъ оружіе и учили всѣхъ дѣйствовать имъ. Открыто вездѣ они воздвигли свои алтари и воскуривая на нихъ ѳиміамъ молились небу, прося у него силы на чужеземцевъ.

И вездѣ сдѣлалось большое смущеніе.

Мущины, юноши и даже женщины и дѣти брали оружіе, и не зная ясно для чего, собирались въ толпы. Явились вожаки которые съ кривляніемъ дабы доказать толпамъ свою божественность повели ихъ къ Тянь-Цзину, къ Пекину.

Насадивъ большой желѣзный ножъ на длинную палку вмѣстѣ съ другими изъ деревни пошелъ и онъ, также не зная ясно куда и зачѣмъ.

Долго они переходили изъ одной мѣстности въ другую, повсюду расклеивая и раздавая красныя и бѣлыя воззванія и вездѣ грабя чтобы не умереть съ голода. Гдѣ-то онъ перемѣнилъ свой большой ножъ на ружье, запасся патронами и наконецъ встрѣтился съ чужеземцами. Отъ встрѣчи этой у него остались въ памяти лишь трескъ ружейной стрѣльбы, причемъ и онъ куда-то стрѣлялъ, потомъ крики его товарищей и чужеземцевъ... и вотъ онъ роетъ черную яму.

— Schnell, schnell! торопятъ его солдаты вокругъ. Но яма уже глубока... И вдругъ одинъ солдатъ грубымъ и сильнымъ толчкомъ толкнулъ его въ яму и широко замахнулся на него ружьемъ.

Только теперь онъ понялъ зачѣмъ онъ рылъ яму и увидѣлъ вокругъ себя все вдругъ такъ ясно... Далекое движу-

щееся вершинами хлѣбовъ поле... легкіе сумерки внизу, а вверху темныя облака... Онъ вспомнилъ свою деревню подъ высокой горой, старика-отца и тоненькую, худенькую дѣвочку, свою дочь... ея узкіе печальные глаза...

И протянулъ къ чужеземному солдату руки, но тотъ ударилъ его штыкомъ въ животъ. Холодная сталь изорвала его внутренности. Глаза у него широко открылись и такъ закатились что видны были одни бѣлки. Отъ боли онъ заскрежеталъ зубами и, какъ насѣкомое проткнутое булавкой отчаянно хватается за нее лапками, въ судорогахъ онъ схватился руками за воткнутый въ него штыкъ, и такъ сильно его сжалъ что солдатъ не могъ вытащить его назадъ. Тогда другіе стоявшіе тутъ солдаты ударили его еще нѣсколькими штыками. Медленно разжалъ онъ свои руки, перегнулся въ поясницѣ впередъ почти на-двое, точно бы поклонился до земли широкимъ полямъ передъ нимъ, и окровавленный повалился на дно ямы.

Лопатой и ногами солдаты быстро засыпали его землей.

Гдѣ-то близко въ волновавшихся хлѣбахъ протяжно стонала птица и точно бы плакала о комъ-то или жаловалась на кого-то. А на небѣ, закрывая его до горизонтовъ, тѣснились темныя облака какъ распущенныя погребальныя хоругви склоненныя надъ свѣже-засыпанной ямой.

IV.

Въ китайскомъ театрѣ.

„Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды, чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!“ А ночь стоитъ черная, ясно-звѣздная. Въ такую ночь дѣйствительно скорбь глубже, и Богъ ближе, и звѣзды ярче.

Тамъ вверху гораздо свѣтлѣе, чѣмъ здѣсь внизу, гдѣ я стою. Здѣсь внизу грязный красный огонь уличныхъ фона-‥й еще болѣе чернитъ ночную тьму. Возлѣ меня по сторо-‥мъ стѣны домовъ лишь чуть-чуть видны, а вдали по улицѣ, ‥череди меня и сзади меня черная тьма.

— Извощикъ.

— Пожалуйте, господа!

— Въ китайскій театръ.

— Слушаю-съ.

Извощикъ осторожно, почти шагомъ направляетъ лошадей въ темнотѣ по узкимъ улицамъ. Фонари по сторонамъ экипажа ничуть не больше какъ на аршинъ тускло освѣщаютъ вокругъ. Они освѣщаютъ лишь наши ноги, подножки у экипажа, подпрыгивающіе коричневые крупы лошадей, да то что̀ попадается попутно близко къ нимъ: Китайца ли боязливо жмущагося въ узкой улицѣ подальше отъ экипажа, сѣрый ли камень на дорогѣ, или просто сѣрую землю уползающую назадъ.

Въ одномъ мѣстѣ мы переѣхали черезъ мостъ; мостъ былъ худой съ выбоинами и извощикъ особенно тихо пустилъ черезъ него экипажъ. Встрѣтившіеся намъ тутъ солдаты остановились и прижались къ периламъ моста. Свѣтъ отъ экипажныхъ фонарей упалъ на ихъ груди въ сѣрыхъ шинеляхъ, на приклады ружей, на ихъ лица. Изъ темноты на насъ уставились ихъ взгляды. Одинъ взглядъ сытый, но усталый, желавшій покоя и койки, какъ бы нехотя сказалъ: какое мнѣ дѣло до васъ? Другой взглядъ, завистливый, такъ и впился въ насъ: вы куда? И я бы съ вами! Еще одинъ взглядъ былъ весьма сложный, грустный, нервный и что-то неопредѣленное въ немъ стояло, вродѣ какъ бы: ни за что̀ я надъ этимъ думать не перестану. Такъ внезапно всплывшіе изъ темноты взгляды внезапно же и потонули въ темнотѣ. И опять тьма и красные огни фонарей.

...Наконецъ, мы пріѣхали.

Театръ окруженный большимъ помѣстительнымъ дворомъ представлялъ высокое и длинное каменное зданіе въ два свѣта. Окна зданія были ярко освѣщены огнями.

Двери на пружинахъ отворились и захлопнулись за нами. Мы въ театрѣ. Изъ темноты мы попали на свѣтъ. Переходъ очень рѣзкій. Тамъ за дверью театра было темно, здѣсь въ театрѣ сильное керосиновое освѣщеніе. Тамъ тьма, одинокія лица встрѣчныхъ, ночной покой и тишина, здѣсь свѣтъ, блескъ, радость, тщеславіе, веселіе, равнодушіе, злоба, словомъ, все что̀ всегда наблюдается въ толпѣ людской.

Внутренность театра состоитъ изъ просторной высокой залы. Сводъ театра поддерживается толстыми деревянными столбами вверху украшенными вызолоченными драконами. Внизу въ продольномъ направленіи театра по стѣнамъ устроены ложи; вверху надъ ними нависли галереи тоже раздѣленныя на ложи.

Нижняя часть театра съ нижними ложами окрашена въ зеленый цвѣтъ; верхняя часть театра и ложи вверху окра-

шены въ желтый цвѣтъ. Съ потолка опускаются люстры съ лампами; кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ много еще лампъ.

Сцена устроена у противоположной отъ входа стѣны и имѣетъ видъ большаго четырехугольнаго ящика опрокинутаго вверхъ дномъ. Съ трехъ сторонъ сцена ограждена очень низкими перилами. Позади ея возлѣ голубыхъ шелковыхъ занавѣсей расшитыхъ золотыми и серебряными драконами и цвѣтами расположился оркестръ со струнными инструментами, съ флейтами, съ бубномъ и съ мѣдными тарелками.

Передъ сценой между нижними ложами тѣсно разставлены скамьи и столы, и за ними сидитъ много Китайцевъ. Также много Китайцевъ сидитъ въ верхнихъ и нижнихъ ложахъ.

Я былъ нѣсколько разъ въ этомъ театрѣ и всегда видѣлъ всѣ ложи и мѣста между ложами внизу наполненными Китайцами.

Въ ложахъ и между ложами на столахъ разставлены прохладительные напитки, фрукты и сласти которыми Китайцы услаждаютъ себя въ театрѣ. Обладающіе матеріальными достатками молодые мущины въ театрѣ сидятъ съ чисто выбритыми лбами, съ тщательно заплетенными въ длинныя косы волосами, въ богатыхъ шелковыхъ и бархатныхъ платьяхъ. Женщины же всѣ кромѣ лишь сѣдыхъ старухъ изысканно одѣты въ свои лучшія платья, въ искусно сдѣланныхъ изъ волосъ сложныхъ прическахъ, украшены обильно цвѣтами, блестками и серебромъ.

Знакомые переглядываясь между собой и узнавая другъ друга издали съ улыбками киваютъ головами. Женщинамъ въ ложахъ мѣста уступлены впереди. Мущины сидятъ за ними и, если только позволяетъ мѣсто, рядомъ съ ними.

Если обвести взглядомъ всѣ ложи верхнія и нижнія и сидящихъ внизу между ложами, то можно увидѣть красивыя горбоносыя, но чаще тупоносыя мужественныя умныя лица мущинъ съ крупными чертами, и кокетливыя, любовныя, немного притертыя красками женскія личики, съ массами волосъ на затылкахъ, съ цвѣтами и съ металическими шпильками въ нихъ, съ сережками и съ наивными или сладострастными глазами. Можно встрѣтить также горестные, злые, или радостные, или надменные, или робкіе взгляды; и среди здоровыхъ, краснощекихъ и молодыхъ лицъ можно увидѣть худосочныя или дряхлыя, морщинистыя, стариковскія лица съ тщательно или небрежно выбритыми лбами.

Въ одной ложѣ молоденькая Китаянка лѣтъ пятнадцати,

шестнадцати съ удлиненнымъ личикомъ и съ веселыми, любовными, счастливыми большими глазами шутливо обняла одной рукой за крѣпкую шею здороваго пожилаго Китайца съ маслянистымъ толстымъ лицомъ, и вся приблизившись къ нему, заглядывая ему въ лицо снизу вверхъ, что-то нѣжно говоритъ ему и смѣется. Китаецъ улыбается ей снисходительной улыбкой.

А вотъ внизу старикъ-Китаецъ съ сѣдой бородой клиномъ и съ жиденькой сѣрой косичкой на затылкѣ что-то строго выговариваетъ мальчику-Китайцу лѣтъ трехъ, четырехъ, а тотъ долго въ нерѣшительности топчется передъ нимъ на ногахъ и улыбается застѣнчиво, а потомъ вдругъ взялъ да и погрозилъ старику кулакомъ. Старикъ отвернулся отъ мальчика и нарочно сдѣлалъ видъ какъ будто онъ обиженъ, а самъ улыбается себѣ въ бороду тихой стариковской улыбкой.

На сценѣ на китайскомъ масивномъ стулѣ сидитъ молодая женщина. У нея продолговатое блѣдное лицо, прямой носъ, узкіе, полные надменности и женскаго лукавства глаза. Одѣта она въ шелковое платье золотисто-желтаго цвѣта. На черные волосы накинуто длинное узкое золотисто-желтаго цвѣта покрывало. Крошечныя забинтованныя ноги обуты въ вышитую шелкомъ обувь.

Молодая женщина сидитъ склонившись надъ работой. На кускѣ шелковой ткани она вышиваетъ узоръ. Играетъ музыка. Работая женщина дѣлаетъ изящныя тѣлодвиженія.

Между ея тѣлодвиженіями и звуками музыки было много общаго кромѣ ихъ взаимной соразмѣрности. Общее между производимыми женщиной тѣлодвиженіями и музыкой лучше всего опредѣлялось такъ: если одно движеніе руки ея, напримѣръ, вытягиваніе изъ ткани иглы съ ниткой можно было назвать плавнымъ, медлительнымъ, то звуки музыки по времени соотвѣтствовавшіе этому движенію можно было тоже назвать плавными, медлительными. Если другое движеніе руки, сложное движеніе, напримѣръ распутываніе запутавшейся нитки можно было назвать сложнымъ, нервнымъ, торопливымъ, то и звуки музыки ему соотвѣтствовавшіе были сложные, торопливые. Когда она взяла нитку въ зубы и оборвала ее, этому соотвѣтствовалъ громкій, звенящій звукъ музыки.

Къ сказанному о музыкѣ и о тѣлодвиженіяхъ производимыхъ женщиной на сценѣ можно еще прибавить слѣдующее: они рисовали мотивъ музыки, начертывая его въ воздухѣ въ видѣ дугъ, окружностей, прямыхъ, ломанныхъ или извилистыхъ линій.

Громко по всему театру пронесся короткій крикъ: „хао!“ что̀ значитъ: хорошо!

Въ зрительной залѣ нѣтъ ужь лицъ грустныхъ или злыхъ, мужественныхъ или миловидныхъ, горестныхъ или радостныхъ, а увидите всѣ лица похожія одно на другое, ибо на всѣхъ лицахъ разныя выраженія стерты теперь минутнымъ, но̀ сильнымъ, радостнымъ увлеченіемъ тонкимъ искусствомъ.

Но миновали эти минуты, и опять лица сдѣлались обильно разнообразны по своимъ выраженіямъ, и опять здѣсь въ театрѣ тѣ, молоденькая Китаянка и старикъ на которыхъ я обратилъ вниманіе прежде, заняты одна толстымъ жирнымъ братомъ или мужемъ, другой мальчикомъ, можетъ-быть, внукомъ.

Между тѣмъ на сцену вышелъ высокій сановитый чиновникъ въ платьѣ древняго покроя. На немъ была надѣта длинная рубаха изъ краснаго блестящаго шелка съ длинными рукавами; на бедрахъ лежалъ обручъ обшитый шелкомъ, а на ногахъ были бархатные сапоги съ толстыми бѣлыми подошвами. Волосы у него были зачесаны въ шишку и покрыты проволочной сѣткой по формѣ соотвѣтствовавшей верхней поверхности головы и шишкѣ изъ волосъ. Выступалъ онъ по сценѣ „тигровой поступью“, поступью знатныхъ людей, высоко поднимая въ колѣнахъ ноги и разставляя ихъ широко въ стороны, и опускалъ ихъ сначала на носокъ, а потомъ твердо становился на всю ступню.

Лицо у него было красное, налитое кровью и весь онъ былъ преисполненъ власти.

Взглянувъ на молодую женщину за работой, онъ вздрогнулъ всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ и остановился, и взглядъ у него сразу наполнился жестокостію и злобой.

Молодая женщина быстро вскочила передъ нимъ на ноги и отвернувшись отъ него закрыла лицо рукой, а когда она открыла его опять, она вся была отчаяніе.

Очевидно, актеры прошли долгую трудную школу и много работали надъ собой въ этомъ направленіи.

По театру опять пронесся громкій крикъ: „хао!“ хорошо!

Въ театрѣ шла историческая драма понятная только тѣмъ кто зналъ нравы и бытъ китайской старины, исторію Китая и китайскій языкъ.

Разновременно и одновременно на сценѣ появлялись солдаты въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ съ обнаженными мечами, съ луками и стрѣлами; офицеры одѣтые въ шелкъ съ вышитыми золотомъ и чернью драконами и львами на плечахъ,

грудяхъ и спинахъ; бѣдно и богато одѣтыя женщины съ длинными, узкими покрывалами перекинутыми черезъ волосы и развѣвающимися при движеніяхъ; бонзы съ выбритыми на-голо головами; чиновники съ обручами на бедрахъ; опять солдаты, опять чиновники; нищіе въ оборванныхъ одеждахъ, больные, уродливые. Все это двигалось, пѣло, смѣялось, плакало.

Декорація и бутафорскія принадлежности почти совсѣмъ отсутствовали на сценѣ, и если, напримѣръ, кому-нибудь въ драмѣ нужно было изобразить изъ себя пріѣхавшаго на лошади, то онъ на сцену выходилъ просто съ нагайкой въ рукахъ; если же ему нужно было показать что онъ слѣзаетъ съ лошади или садится на лошадь, то онъ дѣлалъ руками и ногами движенія похожія на тѣ какія дѣлаютъ обыкновенно когда садятся на лошадь или слѣзаютъ съ нея.

Наконецъ, на сценѣ опять осталась та молодая женщина которую мы видѣли прежде за вышиваніемъ. На ней было то же шелковое платье золотисто-желтаго цвѣта и длинное, узкое золотисто-желтое шелковое покрывало на волосахъ.

Подъ акомпаниментъ оркестра она запѣла высокимъ, исполненнымъ страданія голосомъ.

Пѣніе ея очень походило на звуки извлекаемые изъ какого-нибудь большаго струннаго инструмента. Очень было похоже на то что вотъ ударили по струнамъ смычкомъ въ порывѣ вдохновенія, и зазвенѣли струны подъ смычкомъ, потомъ звуки оборвались. И снова ударили смычкомъ по струнамъ, и забѣгалъ смычекъ по струнамъ, и опять зазвенѣли струны, и звуки оборвались. Часто окончанія словъ долго тянулись переливающимся голосомъ, и тогда пѣніе напоминало потокъ чистый и прозрачный стекающій съ каменнаго уступа ниже на каменный уступъ, потомъ еще ниже на каменный уступъ, еще ниже и еще ниже, и пѣніе обрывалось. И вдругъ опять какъ будто бы смычкомъ ударяли по струнамъ какого-нибудь большаго инструмента, и струны высоко звенѣли. Звуки были чистые, отдѣланные умѣло. Въ общемъ сложный мотивъ былъ весьма печальный, скорбный.

Когда женщина спѣла, зданіе театра опять дрогнуло отъ общаго короткаго крика: „хао!“

Вслѣдъ затѣмъ на сцену вышелъ тотъ чиновникъ который раньше такъ злобно и съ такою ненавистію смотрѣлъ на молодую женщину. Но теперь онъ шелъ по сценѣ не прежней „тигровой поступью“, а скорѣе какъ-то робко и нехотя.

Одѣтъ теперь онъ былъ очень бѣдно, и выраженіе лица у него было боязливое, просящее.

Молодая женщина обернулась къ нему и бросила на него одинъ короткій взглядъ. Но что̀ это былъ за взглядъ! Сколько въ немъ было любовнаго влеченія къ чиновнику, стыдливости, нѣжности, радости, женскаго лукавства! И не успѣла еще улыбка оставить ея рта, какъ по лицу разлилась грусть, скорбная, правдивая грусть.

И громче чѣмъ во всѣ предыдущіе разы по театру пронесся крикъ: „хао!“

Затѣмъ вскорѣ при страшномъ хаотическомъ шумѣ музыки драма окончилась, и послѣ перерыва началась комедія.

Всѣ въ театрѣ это поняли сейчасъ же, какъ только изъ-за шелковыхъ занавѣсей выбѣжала на забинтованныхъ ножкахъ граціозно покачиваясь на бѣгу изъ стороны въ сторону бедрами молоденькая, тоненькая дѣвушка одѣтая въ пестрое, вышитое цвѣтами платье.

Обведите теперь взглядомъ верхнія и нижнія ложи и внизу пространство между ними, и вы увидите на всѣхъ лицахъ одну и ту же легкую, радостную, нѣсколько сладострастную, любовную улыбку!

Съ опущенными внизъ какъ бы отъ стыдливости глазами дѣвушка остановилась на краю сцены противъ всего театра и потомъ сразу неожиданно подняла глаза и бросила на всѣхъ зовущій, любовный, лукавый, нѣжный, сладострастный взглядъ.

Въ театрѣ всѣ закричали: „хао!“

Дѣвушка взяла со стола небольшой жестяной подносъ съ чайной чашкой на немъ и стала танцовать. Она очень быстро перебирала маленькими забинтованными ножками и все также замѣтно покачиваясь изъ стороны въ сторону бедрами плавно поплыла кругами, изрѣдка ловко присѣдая до самаго пола, держа подносъ съ чашкой все время въ горизонтальномъ положеніи.

Потомъ она опять остановилась передъ всѣмъ театромъ съ потупленными глазами, и опять сразу поднявъ ихъ взглянула на всѣхъ передъ ней такъ, какъ не сумѣла бы взглянуть ни одна изъ русскихъ красавицъ, желая очаровать собой кого-нибудь.

И опять театръ закричалъ: „хао!“

Затѣмъ на сцену вышли важный чиновникъ въ шелковомъ платьѣ съ обручемъ на бедрахъ и два сѣдые бородатые монаха въ рубищахъ, съ бамбуковыми палками въ рукахъ.

Сцена на этотъ разъ, кажется, изображала трактиръ, дѣ-

вушка прислужницу въ немъ, а монахи и важный чиновникъ путниковъ зашедшихъ туда.

Монахи, чиновникъ и дѣвушка вступили въ общій разговоръ который послѣ перешелъ въ споръ о чемъ-то.

Споря съ ними дѣвушка дернула отъ раздраженія плечиками и замѣтивъ, какое пріятное впечатлѣніе это тѣлодвиженіе произвело на важнаго чиновника и на монаховъ, ибо тѣ сейчасъ же съ нею согласились, она стала нарочно дѣлать такія тѣлодвиженія, пустивъ въ ходъ при дальнѣйшемъ спорѣ съ ними руки, плечи и грудь.

И увлеченные ея грѣховной красотой сѣдобородые монахи и важный чиновникъ во всемъ соглашались съ ней, и ихъ груди, плечи и руки заходили такъ же, какъ у дѣвушки.

Но то чтò у нея выходило граціозно, мило, наивно, у нихъ вышло грубо, цинично, смѣшно.

И весь театръ хохоталъ: ха-ха-ха!..

Но богатыя китайскія семьи уже поднимаются и выходятъ изъ ложъ. Значитъ, театръ скоро окончится. Уйдемъ же, читатель, и мы поскорѣй, потому что потомъ, когда будутъ выходить всѣ, въ дверяхъ образуется сильная давка.

Бѣдняки еще не выходятъ, они досидятъ до самаго конца; и пускай ихъ остаются, ибо многіе изъ нихъ не знаютъ, будутъ ли они въ состояніи заплатить гроши за входъ сюда въ другой разъ.

Не представляете ли вы себѣ, читатель, что дѣвушка танцовавшая на сценѣ очень мила? Да, вы правы, но я совсѣмъ забылъ вамъ сказать что въ Китаѣ женщины на сцену не допускаются и ихъ роли обыкновенно исполняютъ молодые люди... Вы не предполагали никакъ?.. Женскія забинтованныя ножки у нихъ приставныя... Чтò?.. Извините, не слышу... въ дверяхъ очень толкаютъ...

Н. А. Радыгинъ.

НА РОДИНѢ НОРМАНОВЪ.

IX. Городъ святаго Олафа *).

Старый замшившійся фортъ съ зубчатыми стѣнами и башнями торчитъ на скалистомъ островкѣ Мункгольменѣ сейчасъ же у входа въ пристань и придаетъ этому мирному торговому центру воинственно-романтическій видъ.

На пристани и далеко вдоль обоихъ береговъ рѣки Нида, прямой, многоводной и широкой какъ морской каналъ, стоятъ тѣсными рядами неизмѣнные и однообразные какъ полки солдатъ товарные склады на своихъ дубовыхъ сваяхъ, характерные для каждаго приморскаго города Норвегіи. Тутъ они особенно велики, все почти пятиэтажные, хотя по обыкновенію узкіе какъ башни, со сквозными входами и выходами на два фронта: на воду, гдѣ они принимаютъ товаръ съ судовъ и наваливаютъ на суда, и на улицу, гдѣ они разгружаютъ и нагружаютъ подводы. На обоихъ фронтонахъ блоки для подъема тюковъ и бочекъ и надписи, кто и чѣмъ торгуетъ. Эти своеобразные элеваторы пахнутъ еще Ганзою, Гамбургомъ, Голандіей.

На пристани защищенной надежными брекватерами громадный паровой пловучій кранъ для поднятія судовъ и большихъ тяжестей. Тутъ же лѣсная верфь заставленная безчисленными ярусами досокъ и бревенъ, окруженная пильнями и лѣсными складами.

Намъ была рекомендована Бейеромъ превосходная гостиница Grand-Hôtel. Прекрасная большая комната въ бель-этажѣ, которую заняли мы съ женою, съ цѣльнымъ ковромъ во весь полъ, съ дорогою мебелью, съ постелями-тронами стоила всего 6 кронъ въ сутки, то-есть, 3 р. 18 к. по нашему курсу. Тонкій обѣдъ изъ 5 блюдъ съ самою деликатною рыбою 3 кроны съ человѣка. Мы спросили къ обѣду бутылку замороженнаго шампанскаго чтобы выпить за

*) Окончаніе, см. *Русскій Вѣстникъ,* октябрь, 1901 г.

благополучный пріѣздъ свой, и съ насъ взяли всего 10½ кронъ, чего никогда бы не получили въ нашихъ петербургскихъ и московскихъ ресторанахъ.

Хотя перепадалъ легенькій дождичекъ, мы наняли коляску и отправились смотрѣть эту древнюю столицу Норвегіи гдѣ до сихъ поръ коронуются ея короли.

Улицы прямыя, хорошо вымощены, дома чистенькіе, но довольно простые, какъ вездѣ въ Норвегіи, особенно въ ея старѣйшихъ городахъ. Конечно, они почти всѣ деревянные и низенькіе, двухэтажные и одноэтажные, каменные попадаются какъ рѣдкость: нѣсколько банковъ, гостиницъ построенныхъ сравнительно очень недавно. Даже домъ Stiftamtsman, гдѣ за неимѣніемъ особаго дворца обыкновенно останавливаются короли когда пріѣзжаютъ въ Трондгеймъ вѣнчаться на царство, деревянный и далеко не изящный. До того были всегда просты и экономны нравы этого „крестьянскаго" царства. Въ Трондгеймѣ, однако, много хорошихъ магазиновъ и особенно съ норвежскими спеціальностями: мѣхами, кожами, деревянными издѣліями, серебряными вещами. Намъ таки пришлось довольно близко познакомиться съ ними, накупая разныхъ туземныхъ воспоминаній для родныхъ и знакомыхъ; особенно понравились намъ по своей характерности одежды и вещи всякаго рода изъ шкуръ разныхъ полярныхъ животныхъ, гагачьихъ перьевъ и т. п. Единственный серіозно интересный памятникъ въ Трондгеймѣ это его знаменитый соборъ. Онъ теперь далеко не въ томъ видѣ въ какомъ онъ долженъ быть, въ какомъ онъ всегда былъ и въ какомъ онъ будетъ по окончаніи обновленія своего. Его главная башня снята, а на ея мѣстѣ стоитъ уродующій все зданіе временный деревянный баракъ прикрывающій внутреннія работы. Но и въ этомъ обезображенномъ состояніи своемъ древній историческій храмъ Норвегіи производитъ большое впечатлѣніе и своими размѣрами, и своимъ характернымъ стилемъ. Тутъ подлинная средневѣковая готика съ ея острыми шатрами крышъ, острыми арками, острыми колонками, острыми амбразурами узкихъ оконъ, съ ея гранеными стѣнками башень и пристроечекъ. Карнизы, пояса, окружія оконъ и дверей неподражаемой каменной рѣзьбы; на остріяхъ каменныхъ шпилей, которыми красиво завершаются верхніе края зданія, статуетки наивнаго рисунка и трогательнаго выраженія, святыхъ, королей, знаменитыхъ людей того времени, впрочемъ слишкомъ мало похожихъ на нихъ чтобы стоило разбирать ихъ имена. Подъ каменными жолобами кровли, подъ арочками карнизовъ, вездѣ гд можно и не можно, каменныя головы, каменныя уродливыя рожи каменныя звѣриныя морды. По всѣмъ стѣнамъ бѣгутъ вверхъ стройныя колонки съ перекинутыми на нихъ арочками чтобы оживить и

облегчить сплошное однообразіе гладкихъ стѣнъ. Вездѣ завитки, розетки, на каждой мелкой подробности видны любовно-благоговѣйное отношеніе старинныхъ строителей къ создаваемому ими жилищу Божію и ихъ дѣтски-простодушное стремленіе одушевить и разукрасить, чѣмъ только они могли придумать, суровую каменную громаду предназначенную стоять цѣлые вѣка.

Войдите внутрь, и васъ уже на порогѣ непобѣдимо охватитъ строгое величіе этого лѣса стройныхъ колоннъ уходящихъ высоко подъ темные своды и тамъ живописно перекрещивающихся своими острыми арками словно переплетающимися вѣтвями тѣнистаго бора. Каждая колонна это цѣлый пучекъ тонкихъ мраморныхъ стволовъ тѣсно связанныхъ въ одинъ высокій зубчатый столбъ, увѣнчанный, словно дерево своимъ обильнымъ цвѣтомъ, кудрявыми завитками художественно вырѣзанной капители. Надъ рядами этихъ громадныхъ колоннъ на хорахъ другіе ряды меньшихъ колоннъ такихъ же стройныхъ, съ такими же стрѣльчатыми сводами, а еще выше ихъ подъ самымъ куполомъ опять готическая галерея своего рода. По стѣнамъ тоже колонны, такъ что, куда вы ни посмотрите, вездѣ тянутся геометрически правильными перспективами эти длинныя алеи мраморнаго лѣса. Алтарь это тоже купа собравшихся полукругомъ мраморныхъ деревьевъ своего рода среди которыхъ бѣлѣется цѣлый пареенонъ бѣло-мраморныхъ статуетокъ святыхъ. И выше всѣхъ ихъ, высоко надъ переднею аркою алтаря, такой же бѣломраморный Христосъ. Двѣнадцать большихъ статуй апостоловъ больше чѣмъ въ человѣческій ростъ стоятъ вдоль входной стѣны, по-право и по-лѣво дверей, вѣрными стражами храма Христова. Какой-то ласкающій и таинственный свѣтъ льется въ эти чащи мраморныхъ стволовъ сквозь чудно расписанныя художниками высоко поднятыя цвѣтныя окна, и эта золотисто-розовая атмосфера еще больше усиливаетъ мистическое обаяніе храма...

Соборъ постепенно обновляется на счетъ всего государства какъ его историческая святыня. Вмѣстѣ съ жертвами города и частныхъ лицъ ежегодно расходуется на постройку около ста тысячъ кронъ. Поперечный нефъ еще не вполнѣ оконченъ, но по выведеннымъ колосальнымъ аркамъ уже видно что готовая теперь часть собора будетъ только однимъ изъ трехъ отдѣленій громаднаго крестообраз-ıго храма. Въ концѣ поперечнаго нефа въ альковѣ стоитъ большая ·атуя Христа съ распростертыми объятіями изумительной художе-.венности. Оказалось что это работа славнаго Торвальдсена. ?ретье отдѣленіе храма подъ сгорѣвшею башнею, самое обширное, ·овсѣмъ еще въ раззоренномъ видѣ; пока здѣсь дѣятельная мастер-·кая для работъ. Стоятъ машины, снуютъ ремни, вертятся блоки;

все завалено тесаными камнями, плитами, бревнами, цѣлымъ безпорядочнымъ музеемъ древнихъ обломковъ, надписей, скульптурныхъ изображеній, тщательно снятыхъ съ разобранныхъ стѣнъ и съ такою же тщательностью размѣщаемыхъ теперь на свои мѣста. Тутъ же продаются фотографіи знаменитаго собора которыми и мы конечно поспѣшили запастись.

Не хотѣлось скоро разстаться съ величественнымъ памятникомъ старины, и мы довольно долго бродили кругомъ его по тихому зеленому кладбищу въ тѣни старыхъ деревьевъ. Ничего нѣтъ особенно богатаго и изящнаго въ этихъ мраморныхъ надгробіяхъ, но зато вездѣ цвѣты, вездѣ зелень, чистота и общее уваженіе къ мѣсту покоя. Могилки необыкновенно малы по размѣру чтобы выиграть больше мѣста въ городской тѣснотѣ, и на каждой безъ исключенія, какъ бы ни была она бѣдна, непремѣнно черная урна съ букетомъ воткнутыхъ въ нее свѣжихъ цвѣтовъ. Это придаетъ особенно-трогательный видъ всему кладбищу. Тутъ же пониже обелискъ съ бюстомъ воздвигнутый благодарнымъ городомъ своему гражданину Томасу Ангелу умершему 130 лѣтъ тому назадъ и множествомъ благодѣтельныхъ дѣлъ на пользу своихъ земляковъ оправдавшему свое имя Ангела. Сейчасъ же противъ его могилки черезъ улицу основанный имъ еще въ началѣ XVIII столѣтія пріютъ для бѣдныхъ.

Трондгеймскій соборъ это олицетворенная въ камнѣ исторія Норвежскаго народа. Можно безъ преувеличенія сказать что онъ наглядно отразилъ въ себѣ всѣ важныя эпохи, всѣ крупныя событія этой исторіи. Недаромъ онъ смотритъ такимъ потерпѣвшимъ отъ времени многовѣковымъ старцемъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ королей Норвегіи Олафъ Тригвесонъ смѣло пѣнившій своими кораблями моря и океаны, наводившій ужасъ на берега Франціи и Италіи, принялъ на чужбинѣ христіанство и построилъ въ Трондгеймѣ, самомъ старинномъ и самомъ любимомъ центрѣ норманскихъ конунговъ, когда онъ еще назывался Нидоросомъ по имени своей рѣки Нида, первую христіанскую церковь св. Климента въ которой былъ погребенъ впослѣдствіи его преемникъ, Олафъ святой. Надъ гробницею этого святаго и воздвигнутъ былъ въ XI столѣтіи третьимъ Олафомъ, по прозванію Кирре, то-есть, Миролюбивый, знаменитый соборъ.

Оригинальные были однако эти „святые“ Норманы.

Олафъ Тригвесонъ, напримѣръ, не смотря на свое христіанство, былъ воплощеніемъ безстрашнаго и безпощаднаго норманскаго разбойника и остался въ памяти народа какъ одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ его сагъ. Въ молодости своей онъ вынужденъ былъ долго бѣдствовать, скитаться по морямъ и изыскивать средства какъ бы

вернуть законное наслѣдіе своихъ отцовъ отъ похитителя королевской власти, Ярла Гокона; два раза его продавали какъ невольника, не разъ онъ подвергался смерти сражаясь въ Англіи. Но тамъ онъ женится на ирландской принцесѣ Гидѣ и возвращается наконецъ въ свою Норвегію восторжествовавъ надъ противникомъ. Онъ теперь христіанинъ и не хочетъ больше терпѣть чтобы его подданные оставались язычниками; и вотъ онъ вводитъ среди нихъ кроткое ученіе любви и мира на свой норманскій образецъ. Какъ-то разъ является онъ передъ капищемъ, гдѣ толпа Норвежцевъ приносила жертву своимъ языческимъ богамъ. Норвежцы приглашаютъ конунга принять участіе въ древнемъ обрядѣ.

— Хорошо! иронически отвѣчаетъ имъ ихъ христіанскій король, —я принесу жертву вашимъ богамъ, но только животныя, которыхъ вы здѣсь закалываете, слишкомъ недостойная пища для нихъ!

И махнувъ рукою онъ приказываетъ своимъ воинамъ перерѣзать главныхъ вождей народа на жертвенникѣ Одену.

Геройская смерть Олафа Тригвесона въ роковой для него битвѣ при Свольде у береговъ Помераніи воспѣта была не только въ народныхъ пѣсняхъ, но и въ прекрасной баладѣ Бьернсона.

Противъ Олафа выступили соединивъ свои силы всѣ его могущественные враги: Свендъ двоебородый, король датскій, Олафъ, король шведскій прозванный королемъ Лапландцевъ, и сыновья умершаго Гакона-Ярла. Буря разбрасываетъ флотилію Тригвесона, и около него остается всего одиннадцать кораблей. Но безстрашный конунгъ смѣло бросается противъ своихъ многочисленныхъ враговъ на своемъ быстроходномъ „Великомъ Змѣѣ“. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами онъ отбрасываетъ лукъ и крушитъ нападающихъ направо и налѣво своею страшною сѣкирою. Однако, кровь его струится изъ множества ранъ и силы слабѣютъ. Олафъ поклялся что вражеская рука не возьметъ его и поднявъ надъ головою щитъ ринулся въ море...

Жена его Тире, родная сестра Свенда датскаго, не захотѣла пережить героя-супруга и заморила себя голодомъ.

Норвежцы не могли вѣрить чтобы ихъ могучій Олафъ могъ сдѣлаться жертвою моря. Они были твердо убѣждены что онъ спасся и еще долго жилъ въ Палестинѣ предаваясь благочестивымъ подвигамъ.

Такого же рода христіаниномъ былъ и святой Олафъ.

Онъ съ такою неумолимою жестокостію обращалъ въ христіанство своихъ языческихъ подданныхъ что вся страна возстала противъ него. Сосѣдъ его, датскій король Канутъ Великій, воспользовался удобнымъ случаемъ завладѣть Норвегіей и поддержалъ воз-

ставшихъ своими войсками. Въ кровопролитной сѣчѣ съ толпами норвежскихъ мужиковъ при Стиклестадѣ Олафъ былъ убитъ. Говорятъ что ратникъ нанесшій ему смертельный ударъ разрыдался надъ его трупомъ, отеръ кровь съ его прекраснаго лица и прикрылъ его своимъ плащемъ. Норвежцы однако скоро перенесли тѣло Олафа съ поля битвы въ Тронгеймскую церковь, потому что стала ходить настойчивая молва о чудесахъ которыя совершались отъ него. Наивные почитатели этого святаго были убѣждены что онъ обладалъ многими дарами бога Тора, что Торъ передалъ ему между прочимъ свою тѣлесную силу и свою красную бороду, вѣнецъ красоты для Нормана тѣхъ временъ.

Гробница Олафа святаго и создала собственно славу и богатство древней норвежской столицѣ. Въ Нидоросъ расположенный чрезвычайно удобно при устьѣ одного изъ безопаснѣйшихъ и многоводнѣйшихъ фіордовъ Норвегіи стали съ тѣхъ поръ притекать многочисленныя толпы богомольцевъ; кромѣ главнаго собора во имя св. Олафа, гдѣ стояла его гробница, въ Нидоросѣ возникло пять монастырей и много церквей. Короли стали завѣщать погребать себя въ томъ городѣ и въ томъ храмѣ, гдѣ покоился ихъ святой предокъ; короли стали вѣнчаться на царство въ храмѣ освященномъ чудесами святаго чтобы заслужить его покровительство и помощь.

Нидоросъ переименованный только въ XVI вѣкѣ въ Трондгеймъ сдѣлался официальною столицею и резиденціею норвежскихъ королей и важнымъ торговымъ городомъ, а въ мѣстѣ съ тѣмъ цѣлью и средоточіемъ всякихъ междоусобицъ и войнъ. Времена реформаціи нанесли непоправимый ударъ славѣ и значенію Трондгеймской святыни. Датчане, тогдашніе владыки Норвегіи, въ своемъ слѣпомъ рвеніи къ принятому ими ученію Лютера, воздвигли безпощадное гоненіе на всѣ священныя изображенія и другія, по ихъ мнѣнію, языческія принадлежности католицизма; рака съ прахомъ св. Олафа содержавшая въ себѣ 3200 унцій серебра и осыпанная драгоцѣнными камнями, которую глубоко чтилъ весь норвежскій народъ и которую обыкновенно обносили въ торжественной процесіи по улицамъ города при всякомъ важномъ событіи 60 почетныхъ гражданъ, была похищена Датчанами, увезена неизвѣстно куда и съ тѣхъ поръ уже не была найдена. Прекратились многочисленныя паломничества въ Трондгеймъ со всѣхъ концовъ Норвегіи и Швеціи, исчезли мало по малу монастыри и церкви.

Лютеране тщательно замазали известью всѣ архитектурныя украшенія Олафова храма, повыкинули изъ его ризницъ и алтарей, содрали съ его стѣнъ собранные въ теченіе вѣковъ разные церковные предметы, дорогую утварь, статуи святыхъ, жертвы богомоль-

цевъ, всякія надписи и изображенія придававшія собору его историческую и художественную физіономію, однимъ словомъ, поступили съ этимъ древнимъ народнымъ святилищемъ какъ истые варвары. Потомъ цѣлый рядъ пожаровъ уничтожавшихъ послѣдовательно Трондгеймъ еще болѣе обезобразилъ и разрушилъ храмъ св. Олафа.

Нынѣшнее обновленіе храма только старается возродить его по возможности въ прежнемъ видѣ; очищаются отъ извести, выкапываются изъ-подъ мусора неподражаемыя скульптурныя украшенія стараго времени, возстановляются статуи и колонны по старымъ образцамъ. Съ 1814 года законодательнымъ актомъ Норвегіи Трондгеймскій соборъ признанъ офиціальнымъ мѣстомъ коронованія норвежскихъ королей, и французскій маршалъ Бернадотъ, простой горецъ изъ Пиринеевъ, короновался подъ именемъ Карла XIV Іоанна королемъ Норвегіи въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ много вѣковъ тому назадъ вѣнчались на царство воспѣтые въ древнихъ сагахъ норманскіе конунги, Олафы и Гаральды.

Туристовъ возятъ еще обыкновенно къ старой цитадели Трондгейма владычествующей надъ городомъ, зàмку Кристіанстенъ, чтобы полюбоваться замѣчательно красивымъ общимъ видомъ города и окрестностей. Нужно было продѣлать и это странствіе. Переѣхали по прекрасному мосту рѣку Нидъ и черезъ предмѣстье Баккландетъ стали подниматься въ гору къ замку стоящему на вершинѣ холма совсѣмъ за городомъ. Отличное шосе ведетъ и къ зàмку, и по разнымъ направленіямъ во всевозможныя окрестности. Зàмокъ построенный въ XIV столѣтіи смотритъ совсѣмъ крѣпостью. Блокгаузы съ амбразурами для пушекъ кругомъ стѣны изъ дикаго камня основательно укрытыя земляными дерновыми валами съ прорѣзами для орудій, и даже часовой съ ружьемъ ходитъ сверху.

Вѣроятно здѣсь и стоялъ въ древніе вѣка замокъ Гакона-Ярла, послѣдняго языческаго короля Норвегіи который, по разказамъ норвежскихъ сагъ, принесъ въ жертву богамъ своего роднаго сына.

Панорама отсюда дѣйствительно очень широкая и живописная и городъ съ его шпилями церквей, темною массою стараго собора, красными крышами домовъ, со сверкающею лентою рѣки и веселыми лѣсными холмами охватившими его кругомъ, и море со своими гаванями, кораблями и картиннымъ зàмкомъ на скалѣ, все тутъ у ногъ вашихъ....

Этотъ картинный зàмокъ Мункгольменъ напоминающій своими средневѣковыми стѣнами „на лонѣ водъ“ стоящій Шильонъ имѣетъ, какъ Шильонъ, свою романтическую исторію и своего героя-узника.

Въ его подземельяхъ томился цѣлыхъ 23 года когда-то всемогущій министръ датскаго короля Христіана V Грифенфельдъ,

своего рода Ришелье Даніи. Отуманенный своимъ безграничнымъ вліяніемъ на короля онъ вошелъ въ преступныя тайныя сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ XI, которыя были скоро открыты, и Грифенфельдъ былъ присужденъ къ смертной казни. Когда онъ лежалъ на плахѣ и палачъ растоптавъ его дворянскій гербъ уже поднялъ сѣкиру чтобы отрубить ему голову, явившійся вдругъ посланецъ короля остановилъ казнь и объявилъ что король замѣняетъ ее вѣчнымъ заточеніемъ. Несчастнаго заключили въ тѣсную келійку Мункгольмена, гдѣ геройски раздѣлила съ нимъ его четвертьвѣковое заточеніе его самоотверженная молодая жена до конца жизни не покинувшая своего мужа....

Окрестности Трондгейма такъ заманчивы даже издали что мы выбрали одинъ денекъ прокатиться къ знаменитымъ водопадамъ его Лилле-Лорефосъ и Сторе-Лорефосъ, что̀ по-русски значитъ малый водопадъ Лоры и большой водопадъ Лоры. Наняли четырехъмѣстную коляску съ веселымъ мальчуганомъ-кучеренкомъ. Мальчишка въ своемъ хозяйственномъ благоразуміи счелъ необходимымъ припречь еще одну лошадь къ своей парѣ и завезъ насъ по сему случаю Богъ знаетъ въ какую подгородвюю глушь къ маменькѣ своей которую мы застали за уборкою цвѣтника. Почтенная дама, вѣроятно довольная заработкомъ своего юнца, любезно поднесла моимъ барынямъ букеты цвѣтовъ и ни за что̀ не хотѣла принять нашей мзды. Кругомъ на улицѣ безпечно играли толпы маленькихъ дѣтокъ изъ сосѣднихъ скромныхъ домиковъ рабочаго люда. Мы невольно залюбовались на нихъ и не безъ досаднаго чувства сравнили съ ними въ своемъ воспоминаніи обычную уличную толпу нашихъ городскихъ дѣтишекъ. Особенно прелестны были дѣвочки, всѣ съ бѣлыми какъ вымытый ленъ распущенными волосами, всѣ съ большими ясно глядѣвшими голубыми цвѣточками глазами, всѣ румяныя и налитыя какъ вишеньки и при этомъ всѣ одѣтыя чистенько и мило, въ сапожкахъ, фартучкахъ, юбочкахъ... платочкахъ. Даже и дальше въ деревняхъ гдѣ бабы и мужики торопливо убирали сѣно пользуясь коротенькою передышкою отъ дождей имъ помогаютъ таскать его такія же прилично одѣтыя, такія же цвѣтущія здоровіемъ крестьянскія дѣтишки...

Мы ѣдемъ пріятнымъ свѣжимъ утромъ и довольно яснымъ для Норвегіи денькомъ по прекрасному шоссе сначала надъ фіордомъ и гаванью, потомъ черезъ милые лѣсные холмы, мимо подгородныхъ дачъ и трудолюбивыхъ фермерскихъ хозяйствъ, по берегу быстраго Нида извивающагося рѣзкими колѣнами глубоко у нашихъ ногъ. Въ воздухѣ 12 градусовъ, ни холодно, ни жарко. Вездѣ тянутся сплошныя стѣны измокшаго и почернѣвшаго отъ дождей сѣна навѣшаннаго на прясла и слеги. Ячмень въ полтора аршина ростомъ

безнадежно повалился на землю. Кто страдаетъ отъ засухъ, а Норвежецъ всегда отъ излишней влаги.

Крутая горка и на столбѣ предупредительная надпись по-англійски: „spare thehorses!“ вѣроятно отъ общества покровительства животныхъ и безъ сомнѣнія по адресу туристовъ посѣщающихъ Лорефосы. Мы послушно исполнили благоразумный совѣтъ и пѣшкомъ взобрались наверхъ, къ удовольствію не только лошадей, но и юнаго возницы. Тутъ и первая станція желѣзной дороги въ Христіанію пересѣкающей шосе. Проѣхали еловымъ лѣсомъ и очутились у красиваго ресторана въ обычномъ древне-норвежскомъ стилѣ, съ павильономъ полнымъ чучелъ сѣверныхъ звѣрей, лосей, медвѣдей, оленей, чернобурыхъ лисицъ, съ мѣхами и мѣховыми издѣліями. Нѣсколько экипажей уже толпились у дверей отеля. Лилле Лорефосъ какъ-разъ у ногъ этого ресторана, такъ что балконы его висятъ надъ пропастью, гдѣ шумитъ водопадъ, и съ нихъ отличный видъ на него. Это не помѣшало мнѣ спуститься внизъ на дно провалья и полюбоваться еще оттуда живописною картиною низвергающейся рѣки. Но чтобы добраться до большаго водопада Сторе-Лорефосъ нужно сдѣлать прогулку пѣшкомъ по лѣсу версты $1^1/_2$ или двѣ. Хотя было и грязновато на узкой тропинкѣ, но такъ было хорошо пройтиться добрымъ шагомъ по старому густому бору все время надъ крутыми берегами Нида, слушая своеобразную музыку невидимыхъ звонковъ подвѣшенныхъ къ коровамъ и овцамъ свободно бродящимъ въ чащахъ лѣса... Хозяева этого лѣса, впрочемъ, ревниво ограждаютъ свои лѣсныя пастбища отъ чужаго скота, и намъ очень часто приходится перелѣзать черезъ высокія загородки, съ обѣихъ сторонъ которыхъ устроено для прохожихъ что-то въ родѣ первобытныхъ лѣсенокъ недоступныхъ скотинѣ. То и дѣло встрѣчаются намъ туристы возвращающіеся отъ водопада; яркіе наряды ихъ дѣтей и дамъ такъ весело оживляютъ суровую полутьму лѣса.

Большой Лорефосъ гораздо эфектнѣе, шумнѣе малаго Лорефоса. Онъ падаетъ двумя широкими каскадами рядомъ раздѣленными скалою. У ногъ его островъ. Голые утесы его скалъ ярко-зеленаго цвѣта; эти зеленые камни повидимому пропитанные какою-нибудь мѣдною солью видны тутъ вездѣ по руслу Нида. Наверху водопада устроены покинутыя теперь пильни и деревянные жолоба которыми отводилась къ нимъ даровая рабочая сила водопада.

Трондгеймъ самый сѣверный большой городъ Европы, и онъ гордится этимъ. Трондгеймомъ, можно сказать, заканчивается плодородная, доступная хозяйству и общежитію часть Норвегіи. Въ

Трондгеймѣ еще встрѣчаются обыкновенныя европейскія деревья, обыкновенные европейскіе цвѣты, громадный фіордъ его глубоко уходящій въ материкъ и широко вѣтвящійся въ немъ никогда не замерзаетъ, и климатъ его еще достаточно мягокъ. Трондгеймъ и по своему положенію на материкѣ можетъ удобнѣе другихъ прибрежныхъ городовъ сообщаться съ главными центрами Скандинавіи, почему онъ былъ связанъ желѣзными дорогами съ Стокгольмомъ, Упсалою и Христіаніею раньше чѣмъ всѣ другія мѣстности соединенныхъ королевствъ.

Но Трондгеймомъ и кончается культурная область Скандинавіи. Къ сѣверу отъ него начинается другая громадная область негостепріимныхъ полярныхъ странъ, голыхъ каменныхъ горъ въ которыхъ почти исчезаетъ всякій слѣдъ цивилизаціи, всякая возможность земледѣлія, всякій признакъ цвѣтовъ и деревьевъ.

Тамъ уже рѣчи нѣтъ о желѣзныхъ дорогахъ, о привычныхъ потребностяхъ культурнаго общества. Только на картѣ эта суровая и скудная страна льдовъ и камней можетъ называться Европою.

Мы съ женою хотѣли испытать жуткія, но своеобразныя впечатлѣнія страны полуночнаго солнца и давно рѣшились продолжать наше путешествіе на полярный сѣверъ до Нордъ-Капа, этой крайней сѣверной точки европейскаго материка.

Но двѣ наши спутницы должны были вернуться изъ Трондгейма по желѣзной дорогѣ прямо въ Христіанію и оттуда черезъ Копенгагенъ и Берлинъ въ Россію. Пообѣдали вмѣстѣ въ послѣдній разъ, выпили за будущее благополучное путешествіе наше по стакану искрометной влаги и съ искреннимъ вздохомъ проводили своихъ милыхъ спутницъ на далекую родину. Наше норвежское путешествіе было закончено, впереди ожидало насъ другое гораздо болѣе суровое, гораздо болѣе опасное странствованіе по Ледовитому океану далеко за полярный кругъ.

Что-то оно скажетъ намъ?

Евг. Марковъ.

БУДДІЙСКІЙ „ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ".

I.

Общій характеръ буддійской этики и ея мѣсто въ ряду другихъ этическихъ системъ.

Исторія философіи показываетъ что когда философствующая мысль отливаетъ съ высотъ умозрѣнія, перестаетъ заниматься вопросами „трансцендентальными", метафизическими и прежде всего вопросомъ о Существѣ Высшемъ, Его бытіи и свойствахъ, тогда она тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ и страстностью отдается вопросамъ нравственно-практическимъ. Въ такія эпохи (эпоха софистовъ или въ новѣйшія времена эпоха „морализма" отмѣченная именами Канта и Фихте), то-есть, въ эпохи теоретическаго скептицизма развитіе этики идетъ быстрыми шагами, потому что совершается на счетъ метафизики. Это явленіе при извѣстныхъ условіяхъ наступаетъ съ такимъ постоянствомъ что въ немъ можно видѣть выраженіе одного изъ законовъ духовнаго развитія человѣчества, одинъ изъ случаевъ проявленія психологической и историко-соціологической закономѣрности. Но тотъ законъ который имѣетъ силу въ примѣненіи къ развитію философскаго сознанія очевидно долженъ имѣть значеніе и по отношенію къ жизни сознанія религіознаго, поскольку въ немъ есть философскій элементъ. Вотъ почему мы уже и заранѣе должны ожидать встрѣтить въ буддизмѣ, метафизика котораго, какъ извѣстно, развита сравнительно слабо, который по праву можетъ быть вслѣдствіе этого разсматриваемъ какъ одна изъ формъ религіознаго скептицизма, преимущественную разработку вопросовъ этическихъ. И дѣйствительно это такъ. Буддійскіе памятники переполнены разъясненіями „четвертой благородной истины" указывающей буддисту „путь ко спасенію", путь „правый" и „святой".

Не слѣдуетъ однако, увлекаясь этимъ внѣшнимъ фактомъ, заранѣе присоединяться къ числу тѣхъ въ наше время очень много-

численныхъ панегеристовъ буддизма которые готовы возводить буддизмъ за его будто бы „универсальную“ мораль на исключительную высоту не только въ ряду религій Индіи, но и въ ряду всѣхъ религій вообще, не исключая и христіанской. Дѣло въ томъ что хотя *формула* буддійской этики иногда дѣйствительно предрасполагаетъ къ такому возвышенію ея, однако смыслъ и духъ ея въ такой же мѣрѣ заставляютъ относиться къ ней сдержанно и безъ всякихъ увлеченій. По справедливому замѣчанію Керна, одного изъ лучшихъ знатоковъ буддизма, если буддійскую мораль судить не по буквѣ, а по смыслу, согласно основнымъ принципамъ буддійскаго вѣроученія, то необходимо будетъ признать что сходство буддизма съ другими религіями лишь внѣшнее, что въ устахъ буддиста заповѣди выражаемыя нашими или сходными съ нашими терминами суть лишь пустой звукъ, что его этика во всякомъ случаѣ представляетъ нѣчто очень своеобразное, во что нужно пристально всматриваться „по началамъ системы“, чтобы не впадать въ неправильное пониманіе сущности дѣла [1]).

Итакъ, чтобы судить объ этикѣ буддизма научно, мы должны разсматривать ее не въ ея поверхностныхъ совпаденіяхъ съ другими моральными кодексами человѣчества, но въ ея собственныхъ внутреннихъ принципахъ. И прежде всего мы должны уяснить себѣ, чѣмъ послѣдовательная (эсотерическая) этика буддизма *не могла быть*, если хотѣла быть вѣрною общимъ началамъ буддизма.

Буддійская этика не могла быть, во-первыхъ, этикою гетерономною, то-есть, основанною на Законѣ Божіемъ и проникнутою сознаніемъ необходимости исполнять его по любви къ Богу, страху предъ Нимъ или благоговѣйному уваженію предъ Его авторитетомъ, такъ какъ

---

[1]) *Kern:* Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien. Leipzig. 1882 B. I, Ss. 570—571. Кернъ между прочимъ пишетъ: Um eine Beschreibung der Moral der Buddhasöhne zu geben und sie oberflächlich zu schildern, genügt es, sich der Worte zu bedienen, mit welchen sowohl die heidnischen Inder, Griechen, Römer, als auch die Israeliten, Christen und Mohamedaner dieselbe, oder beinahe dieselbe Bedeutung verbinden. Um aber zum Wesen durchzudringen, muss man die besonderen Vorschriften an den Hauptprincipien des Dharma prüfen. Wenn wir das thun, dann werden wir inne, dass die Ausdrücke, welche die buddhistische Moral aus der Umgangssprache entlehnt hat, nur Schall ohne Bedeutung sind... Die Moral der Buddhisten hat trotz der äusserlichen Uebereinstimmung in Worten und in der Praxis mit der anderer heidnischen und nicht heidnischen Religionen ganz eigenthümliche Theorien.— Deckt man, пишетъ другой изслѣдователь буддизма (*Robert Falke,* Buddha, Mahammed, Christus etc., B. II, 193), die Wurzel nicht auf, aus denen die Moral Buddha's erwachsen, dann vermag mancher dieselbe kaum von der christlichen zu unterscheiden.

въ системѣ буддизма вообще нѣтъ мѣста для Божества [2]). Не могла быть она этикою гетерономною и въ томъ смыслѣ что не оставляла человѣку проходящему „путемъ ко спасенію" никакой надежды на высшую помощь, не только на помощь Божію, но и на помощь Будды, который для буддиста есть не болѣе какъ „первый пробужденный", первый кто самъ прошелъ путемъ къ блаженству нирваны и другимъ указалъ этотъ путь (*указалъ*, но не болѣе!) [3]). Такимъ образомъ этика буддизма есть *этика автономная*, насквозь проникнутая мыслью о самозаконности и самодостаточности человѣка въ дѣлѣ спасенія, этика автаркіи, которая возлагая на человѣка задачи и требованія несоизмѣримыя съ его испытанно-слабыми силами и предоставляя его при этомъ исключительно самому себѣ именно вслѣдствіе этого *запечатлѣна печатью глубокой покорности, оставленности и безпомощности.*

Во-вторыхъ, какъ это ни странно, но говоря строго, буддійская этика не имѣетъ и не можетъ имѣть, если она хочетъ быть вѣрною своимъ началамъ, собственно этическаго характера, такъ какъ ея формулы лежатъ совсѣмъ въ иной плоскости сравнительно съ категоріями этическими, какъ ихъ понимаетъ общечеловѣческое, религіозное, философское и житейское сознаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ буддизмѣ нѣтъ самаго главнаго что̀ необходимо для того чтобы употреблять въ собственномъ смыслѣ этическія категоріи, нѣтъ по-

---

[2]) См. обстоятельное и подробное разъясненіе этой существенной для характеристики этики буддизма черты въ монографіи-диссертаціи проф. *А. Θ. Гусева*: Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству. Ср. также: 1) *Келлогъ*, Буддизмъ и христіанство. Русск. перев. *Θ. Е. Орнатскаго*, изд. 2-е, Кіевъ 1894, особенно стр. 212—213; 2) Robert *Falke*, Buddha, Mohammed, Christus, ein Vergleich der drei Persönlichkeiten und ihrer Religionen, Gütersloh, 1896 и 1897, B-de I—II; 3) Многочисленныя статьи въ нашихъ духовныхъ журналахъ (напримѣръ, свящ. *Балановскаго*: Буддійская мораль, въ журналѣ *Вѣра и Разумъ*, 1887 г., т. I, ч. II, стр. 702—725, свящ. *Покровскаго*, въ журналѣ *Вѣра и Церковь*, за 1899 и 1890 гг. статьи: „Буддизмъ и современное невѣріе" и „Буддизмъ предъ судомъ Евангелія" и др.).

[3]) *Hardy* (Der Buddhismus nach älteren Pâli-Werken dargestellt, 1890, Münster, S. 60) пишетъ: Eine Erlösung anders als durch das eigene Erkennen giebt es nicht. Weder Autoritätsglauben noch Erlösung durch fremdes Verdienst noch Gehorsam gegen einen höchsten gesetzgeberischen Willen erkennt der Buddhismus an. Gotama-Buddha ist ihm bloss der erste der Erkennenden, einer, der auch andern die Erkenntniss bringt oder sie in ihnen weckt, indem er sie lehrt, wie auch sie sich erlösen können, der sie aber keineswegs durch sein Leben, Lehren und Thun erlöst. Ein jeder, der erkannt und somit sich selbst erlöst hat, wie Gotama sein eigener Erlöser ist, kann von sich sagen: „Ich bin ein Buddha".

нятія нравственной вины, какъ нѣтъ и субъекта подлежащаго вмѣненію, ищущаго свободы отъ вины или „спасенія“ въ нравственномъ смыслѣ термина. О какомъ же, въ самомъ дѣлѣ, субъектѣ вмѣненія и о какой нравственной его виновности (грѣхѣ) можно говорить, когда личность, съ буддійской точки зрѣнія, есть лишь случайный и мимолетный аггрегатъ психическихъ и физическихъ элементовъ которые сегодня даны въ одномъ сочетаніи и одной формѣ, а завтра (въ другомъ существѣ въ которое переродилось первое) въ иномъ сочетаніи и иной формѣ? Но не будучи этикой вмѣненія въ строго-нравственномъ смыслѣ этого слова, *буддійская этика естественно ниспадаетъ на уровень морали простаго житейскаго благоразумія съ его постоянною и неизбѣжною эгоистическо-утилитарною основою* [1]).

---

[1]) *Monier Williams* (Buddism in its connexion with Brâhmanism etc., p. 124) пишетъ: In Buddhism the words *klesa* (kileso), pain, and *akusala*, demeri, take the place of sin, and its perfect saint is said to be free from pain (nishklesa) and from demerit, *not from sin in our sense.* By an unrighteous act it meant an act, producing suffering and demerit of some kind, and it bade every man act righteously in order to escape suffering and to accumulate merit (kusala) and thus work out his own perfection—that is to say his own self-extinction. Ср. у *Dahlmann* (Buddha, ein Kulturbild des Ostens, Berlin, 1898, S. 120 folg.), который обильными выписками изъ текстовъ хорошо илюстрируетъ буддійскую *атомистику сознанія виновности*, какъ онъ выражается (die Atomistik des Schuldbewusstseins, S. 141), признаніе „вины“ (въ очень условномъ смыслѣ, впрочемъ), но не виновныхъ, ибо для послѣдовательнаго буддизма вообще нѣтъ личности свободной и вмѣняемой. Съ своей стороны *Келлогъ* (op. cit.) основательно разъясняетъ что „эгоизмъ въ буддійской морали составляетъ самое существенное“ (стр. 256), что „Будда не сумѣлъ или не смогъ возвыситься надъ системой морали чисто эгоистической по ея основному принципу“ (259), такъ какъ высшимъ благомъ считаетъ *свободу отъ страданій* до полнаго прекращенія ихъ въ *нирванѣ* и т. д. „Буддизмъ“, пишетъ *Спенсъ Гарди* (Manual of Buddhism, p. 526, цит. у *Келлога*, стр. 258), человѣкъ вполнѣ компетентный, такъ какъ онъ прожилъ около четверти столѣтія среди буддистовъ, „буддизмъ вслѣдствіе отсутствія въ немъ высшаго мотива которымъ бы можно было руководиться есть въ сущности система эгоизма... Добродѣтель буддиста столь же своекорыстна, какъ предпріятіе купца озабоченнаго наживою, корыстію. Отсюда и вся практическая жизнь китайскихъ буддистовъ проникнута тѣмъ же корыстнымъ духомъ. Они руководятся въ своей жизни книгой носящей заглавіе „Заслуги и проступки“. Въ этой книгѣ внушается буддисту ежедневно вести счетъ своимъ добрымъ и дурнымъ дѣламъ, а въ концѣ года подводить итогъ тѣмъ и другимъ. Если при этомъ балансъ окажется въ его пользу, то-есть, если добрыя дѣла совершенныя имъ въ теченіе года превысятъ дурныя, то остатокъ относится какъ запасъ къ слѣдующему году, въ противномъ случаѣ дефицитъ долженъ быть восполненъ добрыми дѣлами также слѣдующаго года“. Для илюстраціи положенія о себялюбіи

Дѣйствительно, подлинная природа буддійской этики именно такова. Пользуясь терминологіей Канта, можно сказать что она руководствуется *разумомъ прагматическимъ*, который указываетъ что я долженъ дѣлать *чтобы быть счастливымъ*, но не *разумомъ практическимъ*, не нравственнымъ сознаніемъ которое связываетъ человѣка безусловными требованіями долга. И какъ во всякой вообще оторванной отъ религіозной основы автономно-утилитарной этикѣ заботы о благѣ „ближняго“ хотя и не исключаются, но принимаютъ существенно иной сравнительно съ этикою религіознаго авторитета и нравственнаго вмѣненія характеръ, такъ и въ буддизмѣ хотя и отводится широкій просторъ для предписаній направленныхъ на благо ближняго, но эти предписанія имѣютъ въ немъ существенно утилитарный характеръ и смыслъ. Извѣстно что та специфическая забота о благѣ ближняго, объ „общемъ“ благѣ, которая въ наше время извѣстна и усиленно проповѣдуется представителями автономно-утилитарной этики подъ именемъ альтруизма въ сущности есть не что̀ иное какъ возведенный въ высшую степень эгоизмъ. Не дѣлай другому зла, потому что осложнившись въ соціальной „средѣ“ оно возвратится въ стократно усиленной формѣ на твою же собственную голову; дѣлай другому добро, ибо изъ соціальной „среды“ ты получаешь въ соотвѣтственно усиленной степени лишь то что̀ самъ въ нее вносишь: вотъ формулы альтруизма оторваннаго отъ этики вмѣненія возросшей на религіозной почвѣ. И этика буддизма носитъ на себѣ ясныя черты своей принадлежности именно къ этому типу этики.

Чѣмъ неопредѣленнѣе и эластичнѣе принципъ системы, будетъ ли то система религіозная или философская и изъ философскихъ метафизическая или этическая, чѣмъ менѣе въ ней внутренней законченности и связности, тѣмъ болѣе подпадаетъ она соблазнамъ лег-

---

какъ существенномъ принципѣ буддійской этики приведемъ слѣдующій характерный діалогъ изъ „матеріаловъ“ собранныхъ *Нейманомъ* въ его *Буддійской Антологіи* (Neumann, Anthologie, S. 155). На терасѣ своего дворца сидитъ царь съ царицею. Царь спрашиваетъ: „любишь-ли ты кого-нибудь больше себя“? „Нѣтъ“, отвѣчаетъ царица, „я никого не люблю больше себя“. То же отвѣтилъ и царь, когда тотъ же вопросъ въ свою очередь ему предложила царица. Тогда царь пошелъ къ Буддѣ и передалъ ему свой разговоръ съ царицею. Будда выслушавъ призналъ такое разсужде-е вполнѣ естественнымъ и тѣмъ узаконилъ эгоизмъ: „Я обошелъ всѣ раны“, сказалъ Будда, „и однако я нигдѣ не нашелъ человѣка котоій бы считалъ что-нибудь дороже самого себя. Своя самость каждому ,ществу равно дорога. Пусть посему никто не причиняетъ вреда дру-эму *по любви къ самому себѣ*“. Цит. у *Robert Falke*: Buddha, Mohammed, hristus, B. II, S. 193. Здѣсь ясно такимъ образомъ *эгоизмъ* ставится отивомъ „альтруизма“.

каго и поверхностнаго эклектизма. Этическая система буддизма какъ система неопредѣленная и эластичная естественно не избѣжала поэтому власти этого соблазна. По справедливому замѣчанію Керна, она росла не столько въ глубину, сколько въ широту [5]). Самъ Гаутама-Будда конечно ясно видѣлъ что̀ именно отличаетъ его этическую систему отъ этической системы браманизма. Но и онъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники, былъ вынуждаемъ дѣлать въ данномъ отношеніи уступки общему мнѣнію традиціи [6]). Что̀ же касается его учениковъ и послѣдователей, то эти подпадали соблазну этическаго эклектизма тѣмъ легче, чѣмъ менѣе они чувствовали себя связанными авторитетомъ отходившаго все дальше и дальше въ глубину исторіи „учителя" и чѣмъ больше, съ другой стороны, они входили въ общеніе съ иновѣрцами Индіи, что̀ при индійской религіозной терпимости почти граничившей съ равнодушіемъ было дѣломъ совершенно естественнымъ. Такимъ образомъ случилось что этическая система буддизма (если только о *системѣ* при данныхъ условіяхъ еще остается возможность говорить) вмѣстила въ себя, какъ море впадающіе въ него рѣки и ручейки, все то что̀ въ области вопросовъ нравственно-практическихъ выработала добуддійская философская мысль Индіи, явившись вслѣдствіе этого умственнымъ организмомъ въ извѣстной мѣрѣ чужеяднымъ. Съ точки зрѣнія формально-логической, то-есть, съ точки зрѣнія тѣхъ требованій которыя могутъ быть предъявлены ко всякой системѣ, какъ именно *системѣ*, только-что указанный нами характеръ буддійской этики (ея эклектизмъ) конечно никакъ не можетъ быть ея совершенствомъ. Но зато со стороны предметной, какъ изложеніе и систематизація всего того что̀ въ ряду вѣковъ было выработано индійскою мыслью въ области вопросовъ нравственно-практическихъ, этика буддизма несмотря на ея иногда чрезмѣрный схоластицизмъ и рубрицистику представляетъ явленіе въ высокой степени интересное.

Въ „правомъ" и „святомъ" пути ко спасенію въ буддійскихъ памятникахъ различаются въ порядкѣ восходящемъ три слѣдующія ступени:

1. *Первая ступень* опредѣляемая заповѣдями „десятословія" или добродѣтелями *справедливости*.

2. *Средняя ступень* возводящая человѣка къ чистотѣ, отрѣшающая его ото всего земнаго, чувственнаго и страстнаго, чрезъ погруженіе въ состояніе созерцательнаго *самоуглубленія*.

---

[5]) *Kern*, op. cit., Ss. 516—517.

[6]) *Jbid.* Ss. 556, cfr. 545, 538 и др. Cp. *Kern*: Manual of Jndian Buddhism, 1896, s. 71, гдѣ та же мысль высказана гораздо сильнѣе: Гаутама-Будда иногда просто боялся общественнаго мнѣнія и дѣлалъ ему уступки...

3. *Высшая ступень* возводящая человѣка къ правильному пониманію, „мудрому разумѣнію" жизни, къ *мудрости*.

Разсмотримъ послѣдовательно каждую изъ этихъ трехъ ступеней обращая вниманіе не столько на букву и подробности, сколько на смыслъ этическаго ученія буддизма опредѣляемый его отношеніемъ къ общимъ началамъ вѣроученія.

II.

Первая ступень буддійскаго „пути ко спасенію": добродѣтели справедливости.

Первая ступень на пути ко спасенію состоитъ, по буддійскому ученію, въ исполненіи заповѣдей справедливости. Справедливость есть воздаяніе каждому существу *должнаго*, то-есть, того что̀ соотвѣтствуетъ его природѣ. Такъ понимаетъ ее общечеловѣческое сознаніе. Такъ понимаетъ ее и буддизмъ. Но по требованію основныхъ философскихъ предположеній своей этики онъ уже съ самаго начала выдѣляется въ данномъ отношеніи изъ другихъ этическихъ системъ справедливости выработанныхъ человѣчествомъ тѣмъ что, тогда какъ эти знаютъ справедливое отношеніе не только къ себѣ и ближнимъ, но также и даже прежде всего и къ Существу Высшему, буддизмъ эту послѣднюю группу справедливыхъ отношеній, то-есть, всѣ заповѣди объ отношеніи къ Богу, исключаетъ изъ своего моральнаго кодекса самымъ послѣдовательнымъ и радикальнымъ образомъ. Такимъ образомъ въ его „десятословіи" [7]) остаются лишь двѣ группы заповѣдей: заповѣди объ отношеніи къ ближнему и заповѣди объ отношеніи къ самому себѣ или, по другой класификаціи, *заповѣди повелѣнія* или общеобязательныя и *заповѣди совѣта*, предназначенныя не для всѣхъ вообще, но лишь для тѣхъ которые желаютъ достигнуть высшаго совершенства (для монаховъ).

Заповѣди повелѣнія опредѣляющія отношеніе человѣка къ другимъ въ буддійскомъ кодексѣ излагаются такъ:

1. Не убивай живаго существа. 2. Не бери чужой собственности.

---

7) *Daśaśila*. Иногда впрочемъ тексты говорятъ лишь о *восьми* заповѣдяхъ закона. Ср. у *Келлога* (op. cit., 217 слѣд.), у *Köppen* (Die Religion des Buddha und ihre Enstehung, I, 445 folg.), *Kern* (Der Buddhismus etc., 539—540) изложены паралельно съ заповѣдями браманизма, йоги: совпаденіе почти полное, за исключеніемъ *религіозности*, которой йога требуетъ, но о которой буддизмъ согласно своимъ принципамъ совсѣмъ умалчиваетъ и др.

3. Не вступай въ общеніе съ женою другаго (не прелюбодѣйствуй или, для монаховъ, храни цѣломудріе). 4. Не говори неправды (не лги и не клевещи). 5. Не пей возбуждающихъ напитковъ.

Заповѣди совѣта опредѣляющія обязанности человѣка въ отношеніи къ себѣ самому (для монаховъ желающихъ достигнуть высшаго совершенства):

1. Не принимай пищи въ неположенное (послѣобѣденное) время. 2. Не принимай участія въ танцахъ, пѣніи, музыкѣ и театральныхъ зрѣлищахъ. 3. Не употребляй цвѣтовъ (вѣнковъ и букетовъ), благовоній, притираній и вообще предметовъ роскоши. 4. Не спи на высокой и широкой кровати. 5. Не носи золота и серебра.

Всматриваясь въ приведенный перечень буддійскихъ заповѣдей, нельзя не замѣтить что всѣ онѣ носятъ на себѣ ясную печать этики восточной, *этики недѣланія:* не дѣлай ничего такого что хотя бы и доставляло тебѣ мимолетную радость, но потомъ по неумолимому закону необходимости (изложенному во „второй благородной истинѣ", то-есть, въ ученіи о „цѣпи причинностей") превратится въ тѣмъ большее страданіе. Не дѣлай, ибо зачѣмъ-же увеличивать страданія которыми и безъ того переполненъ міръ? Не дѣлай, ибо во всякомъ случаѣ тебѣ же самому отъ этого дѣланія будетъ хуже.

Съ полною ясностію этотъ смыслъ и мотивъ перечисленныхъ предписаній выразился въ послѣднихъ пяти „заповѣдяхъ": всѣ онѣ направлены именно къ тому чтобы предостеречь человѣка отъ размягченія путемъ погруженія въ удовольствія, отъ привязанности къ жизни и чрезъ то отъ содѣйствія ея закрѣпленію и продолженію (въ послѣдующихъ возрожденіяхъ). Но и первыя пять заповѣдей направленныя повидимому на благо ближняго въ сущности, если ихъ разсматривать съ субъективной стороны, то-есть, въ отношеніи къ дѣятелю, имѣютъ тотъ же смыслъ. Въ браманизмѣ изъ котораго съ легкими измѣненіями эти заповѣди перешли въ систему буддизма [8]) онѣ имѣли еще и другой смыслъ: не дѣлай, потому что это не только служитъ закрѣпленію бытія и увеличенію кошмарныхъ призраковъ и страданій, но и оскорбляетъ Браму-Атмана, чти въ другихъ существахъ и себѣ самомъ искру его сущности или „самости". Но въ буддизмѣ который отрицаетъ не только міръ какъ устойчивую реальность, но и Божество, этотъ мотивъ „недѣланія", очевидно, уже отпадаетъ. Такимъ образомъ буддійская этика является типичнѣйшимъ, безпримѣснымъ выраженіемъ пасивной „женственной" этики недѣланія, квіетизма, самопогруженнаго стоянія въ сторонѣ отъ потока жизни.

---

[8]) *Kern.*, loco cit., cfr. *Manual* etc., p. 70.

Еслибы буддизмъ былъ послѣдователенъ, то исходя изъ началъ своей пасивной квіетистической этики недѣланія онъ пришелъ бы въ концѣ-концовъ къ проповѣди абсолютнаго индиферентизма естественнымъ концомъ котораго, по справедливому замѣчанію. Гартмана [9]), было бы самоубійство. Но къ принципу недѣланія и квіетизма который есть логическій выводъ изъ ученія о призрачности всего кажущагося дѣйствительнымъ въ буддизмѣ присоединяются другіе мотивы этики: мотивъ утилитарный (альтруизмъ, сохраненіе общественнаго порядка и т. д.) съ одной стороны и чувство сострааданія съ другой. Какъ бы убѣдительнымъ для самозамкнутаго теоретизованія ни казался принципъ недѣланія, во всякомъ случаѣ для живаго человѣка остаются ощутительными требованія общежитія и волненія састрадательности. И если первыя мы должны разсматривать какъ своего рода непослѣдовательность въ системѣ буддизма, какъ переходъ съ эсотерической точки зрѣнія на экзотерическую, то вторыя являются въ немъ совершенно логичнымъ и вполнѣ естественнымъ выводомъ изъ ученія *о страданіи всѣхъ*, отраженіемъ въ сферѣ чувства „первой благородной истины" (то-есть, ученія о страданіи какъ основномъ и универсальномъ фактѣ міровой жизни). Всѣ мы съ буддійской точки зрѣнія равны въ своемъ ничтожествѣ и своихъ страданіяхъ (разница лишь въ степени, а не въ существѣ). Всѣ мы *братья въ своемъ ничтожествѣ и призрачности*, всѣ не только люди, но и всѣ вообще чувствующія существа [10]). Зачѣмъ же мы будемъ еще усугублять свои страданія избіеніемъ другъ друга, захватомъ чужой собственности и т. д.? Итакъ, не убивай не только дѣломъ (лишеніемъ жизни или собственности), но и словомъ (злословіемъ, клеветою и т. д.). Не убивай не только человѣка, но и вообще никакого живаго существа, бойся вдохнуть насѣкомое съ твоимъ дыханіемъ, ступай осторожно по землѣ чтобы не раздавить какое-либо живое существо. Не эксплоатируй силы животныхъ и ихъ продукты въ свою пользу и, если въ случаѣ крайней необходимости тебѣ пришлось бы, напримѣръ. ѣхать на животномъ, то отнюдь не понуждай его. Зачѣмъ? Зла и безъ того въ мірѣ много.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія составъ или, точнѣе сказать, архитектоника буддійскаго „пятословія" опредѣляющаго обязанности

9) *Hartmann*: Das religiöse Bewusstsein der Menschheit, S. 337—338.

10) „Терпи, потому что всѣ терпятъ и потому что при данномъ міроустройствѣ ничего другаго не остается": таковъ, такъ сказать, *лейтъ-мотивъ* буддійской этики (ср. Hartmann, op cit., 349) этики *атеистическаго пессимизма*, по выраженію *Келлога* (op. cit. 211). О зависимости характера буддійской этики отъ его песимизма см. *Kern*: Der Buddhismus, 562 etc.

человѣка въ отношеніи къ ближнимъ. Если оставить въ сторонѣ заповѣдь: „не говори неправды“, которая можетъ быть, такъ сказать, раздѣлена на-двое, то остальныя четыре заповѣди расположатся въ двѣ группы представляющія въ своемъ паралелизмѣ дополненіе другъ друга: двѣ первыя заповѣди запрещаютъ *отнимать* у другаго жизнь (прямо убійствомъ и косвенно отнятіемъ имущества или, четвертая заповѣдь, злословіемъ), а двѣ паралельныя заповѣди (пятая и третья которая въ иныхъ кодексахъ занимаетъ четвертое мѣсто), наоборотъ, запрещаютъ *давать* жизнь другому человѣку (не отуманивай себя спиртными напитками и не прельщай женщину ложью чтобы общеніемъ съ нею дать жизнь другому существу). Итакъ, съ буддійской точки зрѣнія одинаково грѣшно и отнимать у другаго существа жизнь и давать ему ее. Даже больше: *давать* жизнь другому существу есть для буддиста болѣе тяжкая несправедливость чѣмъ прекращать жизнь. Отъ тѣхъ страстныхъ возбужденій которыми (особенно при содѣйствіи опьяняющихъ напитковъ) предваряется порожденіе живаго существа происходитъ все міровое зло: ибо не будь жизни, не будь рожденій, не было бы и страданій. Кто пораженъ этою опустошительною страстью, тотъ подобенъ человѣку который противъ вѣтра несетъ зажженный факелъ: его пламя обращается прежде всего на него самаго и жжетъ его. Но не менѣе преступно это порабощеніе себя плотской страсти и въ отношеніи къ тѣмъ существамъ которымъ она даетъ жизнь, такъ какъ вызывая ихъ къ жизни она снова вовлекаетъ ихъ въ круговоротъ перерожденій, въ страшный потокъ неумолимой самсары.

И вотъ почему буддизмъ такъ строго выдерживаетъ принципъ справедливости какъ верховное начало всѣхъ и всякихъ отношеній къ другимъ отнюдь не позволяя себѣ переходить отъ него къ ученію о любви какъ началу дѣятельности въ какой бы то ни было формѣ: оказать справедливость ничтожеству (а вѣдь съ буддійской точки зрѣнія все призракъ и ничтожество) значитъ содѣйствовать разрушенію призрака его реальности, но любить значитъ утверждать ничтожество въ реальности, хотя и призрачной. Вотъ почему буддизмъ не только не учитъ любить, но рекомендуетъ избѣгать любви. Любовь съ буддійской точки зрѣнія, во-первыхъ, низводила бы человѣка на уровень животныхъ которыя также руководятся ею (въ формѣ инстинкта). Во-вторыхъ, любовь, какъ привязанност къ женѣ, дѣтямъ, друзьямъ, неизбѣжно вовлекаетъ человѣка в житейскіе интересы, ослѣпляетъ призракомъ Майи, удерживая чрез то надолго, если не навсегда, въ потокѣ самсары. Поэтому хот буддійскіе памятники и сообщаютъ примѣры самоотверженной любі (особенно въ „джатакахъ“, то-есть, въ легендарныхъ сказаніяхъ (

перерожденіяхъ Будды) столь подкупающіе въ пользу буддійской этической системы людей не достаточно углубляющихся въ ея начала, однако не смотря на все это дѣятельность по мотивамъ любви въ буддизмѣ отнюдь не правило, а скорѣе лишь рѣдкое исключеніе, какъ бы превышеніе нормы немногими избранниками и прежде всего самимъ Буддою. При томъ, и это особенно важно, если мы вчитаемся въ памятники столь цвѣтисто и пышно говорящіе о подвигахъ самоотверженной любви, то увидимъ что это не столько любовь забывающая свою душу чтобы сполна погрузиться въ заботы о благѣ ближняго, сколько проявленія изувѣрскаго и фанатическаго самоистязанія, за которымъ какъ его высшій мотивъ чувствуется все тотъ же протестъ противъ жизни, все та же философія недѣланія, все то же насквозь проникающее буддизмъ стремленіе выйти изъ потока самсары чтобы погрузиться въ нирвану [11]).

---

[11]) Буддійскіе тексты, особенно *Джатаки*, переполнены самыми возмутительными исторіями о мнимыхъ „подвигахъ“ Будды совершенныхъ имъ будто бы во имя любви. То онъ, будучи въ одно изъ своихъ послѣднихъ перерожденій принцемъ, отдаетъ по желанію перваго попавшагося нищаго ему своихъ дѣтей и жену. То, въ одно изъ раннѣйшихъ перерожденій, когда онъ жилъ на землѣ зайцемъ, онъ добровольно отдаетъ даже и самого себя на съѣденіе: „иди, собери вѣтокъ и разложи костеръ“, говоритъ онъ царю боговъ Саккѣ который пришелъ къ нему въ образѣ брамина и просилъ подаянія, *„я самъ себя изжарю и изжареннаго ты можешь съѣсть меня“*. (Ольденбергъ, Будда etc., русск. пер. Николаева, стр. 232—238)... Читая объ этихъ мнимыхъ „подвигахъ“ о которыхъ такъ цвѣтисто и пышно говорятъ тексты, не знаешь чему больше дивиться, изувѣрству ли фанатизма, или слѣпотѣ нравственнаго чувства столь очевидно несостоятельнаго въ своихъ оцѣнкахъ... Во всякомъ случаѣ если и можно усвоять буддизму ученіе о любви какъ мотивѣ отношеній къ другимъ людямъ, то это совсѣмъ не та любовь которую знаетъ міръ христіанскій. „Старались сблизить буддизмъ съ христіанствомъ“, пишетъ Ольденбергъ (тамъ же, стр. 228-9), „и считали ядромъ благочестивой нравственности буддистовъ любовь и милосердіе ко всему сущему. Въ этомъ есть нѣчто справедливое, и однако по своему существу нравственныя потенціи обѣихъ религій существенно различны. Языкъ буддизма не имѣетъ словъ для поэзіи той христіанской любви, похвальную пѣснь которой поетъ апостолъ Павелъ, той любви которая выше вѣры и надежды, безъ которой слова человѣка, еслибы онъ говорилъ даже ангельскимъ языкомъ, есть лишь кималъ ..щающій... Буддизмъ не повелѣваетъ любить своего врага, точно такъ же ..ъ онъ не повелѣваетъ и ненавидѣть его. Буддизмъ возбуждаетъ и подживаетъ настроеніе дружественной доброты и милосердія ко всему міру, ..огда не забывая при этомъ что сердечная привязанность къ другому ..цеству приводитъ къ радости, а, стало-быть, и къ страданію. Для буд..зма основнымъ мотивомъ любви служитъ не таинственное самопожертво..ніе, а разсудочная рефлексія, убѣжденіе что такъ лучше для всѣхъ, а ..кже и не въ малой степени ожиданіе что въ силу естественнаго воздаянія

И опять еслибы буддизмъ былъ логиченъ, еслибы въ частности его этическая система была внутренне связна и послѣдовательна, то исходя изъ своего отрицательнаго отношенія къ началу дѣятельной любви онъ въ лучшемъ случаѣ развѣ лишь терпѣлъ бы тѣ семейныя и соціальныя отношенія которыя ею проникнуты и безъ нея, говоря строго, невозможны, а въ худшемъ прямо и рѣшительно налагалъ бы на нихъ свое veto. Но буддизмъ особенно позднѣйшій и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, непослѣдователенъ и, тогда какъ южный буддизмъ съ большею вѣрностію своимъ основнымъ началамъ дѣйствительно идетъ въ направленіи отрицательномъ относительно принципа любви и всѣхъ вытекающихъ изъ нея требованій сближаясь съ браманизмомъ, буддизмъ сѣверный напротивъ очень усиленно и очень старательно въ мельчайшихъ деталяхъ опредѣляетъ семейныя и общественныя обязанности буддистовъ становясь такимъ образомъ въ открытое съ собою противорѣчіе [12]).

хорошее поведеніе получитъ высшую награду". Поэтому для послѣдовательнаго буддизма *любовь*, строго говоря, *есть не добро*, *но зло*. Въ самомъ дѣлѣ она упрочиваетъ наши привязанности къ жизни, но именно это-то, съ буддійской точки зрѣнія, и есть главный источникъ страданій и главное препятствіе къ достиженію нирваны. Итакъ ни къ чему и ни къ кому не слѣдуетъ питать привязанности и любви, не исключая и людей самыхъ близкихъ, такъ какъ, по выраженію Сутты-Нипаты, и самая семья есть не что иное какъ „клоака нечистоты" (у *Келлога*, стр. 236). Ср. *Falke*, op. cit., S. 204: Die Liebe wird nach buddhistischer Ethik nicht zu einem Gut, sondern zu einem *Übel*.

[12]) Нужно разсматривать какъ рѣшительное доказательство торжества непосредственнаго нравственнаго чувства опирающагося на общечеловѣческую традицію надъ ложнымъ доктринерствомъ теоретической стороны буддизма, когда тексты, особенно позднѣйшіе и при томъ сложившіеся преимущественно на почвѣ *сѣвернаго* буддизма вообще менѣе мирившагося съ этикою недѣланія, даютъ намъ съ изумительною точностію выработанные перечни обязанностей опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ другимъ людямъ болѣе или менѣе ему близкимъ. Эти перечни настолько полны что они охватываютъ всѣ главнѣйшія формы отношеній человѣка къ другимъ, а именно: 1) отношенія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ; 2) отношенія учениковъ къ учителю и учителей къ ученикамъ; 3) мужа къ женѣ и жены къ мужу; 4) отношенія человѣка къ своимъ друзьямъ и товарищамъ и этихъ къ нему; 5) господъ къ слугамъ и слугъ къ господамъ; 6) отношеній къ аскетамъ и браминамъ и, наоборотъ, аскетовъ и браминовъ къ нему. Эти перечни довольно элементарны. Въ нихъ много искусственности, схоластики и рубрицистики. При всемъ томъ они не лишены интереса и поучительности именно какъ выраженіе непосредственнаго нравственнаго сознанія человѣчества въ его *постулятивной всеобщности*. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести изъ нихъ хотя бы лишь нѣкоторые.

Такимъ образомъ въ буддійскомъ ученіи о добродѣтеляхъ справедливости какъ первой ступени на пути ко спасенію мы имѣемъ предъ собою нѣчто двойственное. Съ одной стороны буддизмъ хочетъ быть вѣренъ началамъ традиціонной индійской этики *недѣланія* для него конечно еще болѣе обязательной чѣмъ для браманизма. Съ другой стороны онъ дѣлаетъ постоянныя уступки въ сторону непосредственныхъ внушеній обще-человѣческихъ нравственныхъ инстинктовъ которые заявляютъ о себѣ наперекоръ требованіямъ отвлеченной догмы.

Проф. **Алексѣй Введенскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отношенія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ. Родители должны своихъ дѣтей: 1) удерживать отъ зла, 2) направлять къ добру, 3) отдавать въ ученіе, 4) женить или выдавать замужъ, 5) оставлять съ наслѣдствомъ. За это дѣти должны проникаться рѣшимостью: 1) буду поддерживать тѣхъ кто меня поддерживалъ; 2) буду стремиться удовлетворять тѣмъ семейнымъ обязанностямъ какія на мнѣ лежатъ; 3) буду беречь родительское добро; 4) постараюсь оказаться достойнымъ оставляемаго мнѣ родителями наслѣдства; 5) буду чтить память родителей, когда они отойдутъ изъ жизни.

Отношенія супруговъ. Мужъ долженъ доказывать свою любовь женѣ 1) своею внимательностію, 2) ласкою, 3) вѣрностію, 4) заботою о томъ чтобы ее уважали и другіе, 5) пріобрѣтеніемъ для нея необходимаго платья и даже нарядовъ. Жена должна доказывать свое расположеніе мужу: 1) хорошимъ веденіемъ домашняго хозяйства, 2) гостепріимствомъ въ отношеніи къ родственникамъ и друзьямъ, 3) добродѣтелями жены, 4) хозяйки дома и 5) расторопностью и рвеніемъ во всемъ что̀ ей приходится дѣлать.

Отношенія господъ и слугъ. Господинъ долженъ заботиться о благополучіи своихъ слугъ: 1) давая имъ работу по силамъ, 2) давая имъ необходимую пищу и плату, 3) заботясь о нихъ въ болѣзняхъ, 4) дѣлясь съ ними лакомствами, 5) время отъ времени дѣлая для нихъ праздники и давая имъ отдыхъ. Слуги должны доказывать свою преданность господамъ: 1) вставаніемъ когда они встаютъ 2) засыпаніемъ болѣе позднимъ чѣмъ они, 3) довольствомъ тѣмъ что̀ имъ даютъ, 4) вѣжливостью и прилежаніемъ къ работѣ, 5) почтительнымъ отношеніемъ къ хозяевамъ въ глаза и за глаза.

Какъ видимъ, это именно тѣ обязанности которыя диктуетъ человѣку такъ-называемый *прагматическій разумъ*, непосредственное нравственное чувство или просто здравый смыслъ. Но въ высокой степени интересно дѣсь для насъ что въ этихъ перечняхъ вполнѣ узаконяется то что̀ буддизмъ послѣдовательный и вѣрный себѣ (эсотерическій) запрещалъ или олженъ бы былъ запрещать какъ непозволительное съ его точки зрѣнія редство утверждать себя и другихъ въ жизни и тѣмъ закрывать себѣ и ругимъ путь къ свободѣ отъ страданій и въ концѣ-концовъ къ нирванѣ, тому высшему для буддистовъ благу. Ср. подробности у *Kern*: Der Buddhismus etc. I, Ss. 552 und folg.

ХОМЯКОВЪ И ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ.

Осенью прошлаго года почти одновременно пришлись двѣ литературныя годовщины вызывающія на размышленія: 23 сентября исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины Хомякова († 23 сент. 1860 г.), а 28 сентября двадцать пять лѣтъ со дня кончины графа Алексѣя Толстаго († 28 сент. 1875 г.).

Кому неизвѣстны съ ранняго дѣтства такія стихотворенія Хомякова какъ „Кіевъ“:

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ...

или „Къ дѣтямъ“:

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ...

Но этимъ да еще развѣ двумя-тремя стихотвореніями помѣщаемыми въ нѣкоторыхъ хрестоматіяхъ едва ли и не исчерпывается непосредственное знакомство большинства съ названнымъ писателемъ; извѣстно, правда, еще что онъ былъ „славянофилъ“, но обычное пониманіе этого слова въ свою очередь въ большинствѣ случаевъ оказывается очень неточнымъ и далекимъ отъ истиннаго его значенія...

Художественное значеніе литературныхъ произведеній гр. А. Толстаго, своеобразное изящество его поэтическаго творчества и особенно содержаніе и направленіе его поэзіи также составляли и составляютъ въ извѣстной степени и теперь предметъ не малыхъ пререканій, но сравнительно съ Хомяковымъ это писатель съ несомнѣнно болѣе широкою извѣстностью какъ авторъ, напримѣръ, стихотвореній: „Василій Шибановъ“, „Потокъ-богатырь“, „Садко“, „Ой, кабы Волга матушка да вспять побѣжала“, „У приказныхъ вороть собирался народъ“, „Ходитъ Спѣсь надуваючись“, „Колокольчики мои“, „Грѣш-

ница“ и многихъ другихъ лирическихъ стихотвореній положенныхъ на музыку и въ особенности какъ авторъ „Князя Серебрянаго“ и „Драматической трилогіи“ которая недавно появилась на сценѣ въ полномъ своемъ составѣ и изъ которой „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ выдержалъ въ короткое время больше ста представленій почти ежедневныхъ... Сопоставленіе названныхъ писателей съ извѣстной точки зрѣнія даетъ, на мой взглядъ, поводъ для нѣкоторыхъ любопытныхъ заключеній о судьбахъ литературныхъ идей.

I.

Хомяковъ выступилъ на литературное поприще какъ поэтъ, авторъ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореній и двухъ трагедій: „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“; этими поэтическими произведеніями сначала единственно и опредѣлялось его мѣсто и ограничивалось значеніе его въ литературѣ: съ двадцатыхъ годовъ до начала сороковыхъ имъ была напечатана въ прозѣ только одна, сравнительно незначительная статья: о черезполосномъ владѣніи. Стихотворенія Хомякова цѣнились сначала очень высоко. Пушкинъ отзывался о нихъ какъ о „прекрасныхъ“ лирическихъ произведеніяхъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ трагедіи „Ермакъ“, отмѣчалъ „очаровательную прелесть поэзіи“. Нѣкоторое время имя поэта занимало видное мѣсто въ средѣ „свѣтилъ Пушкинской плеяды“. Но въ сороковыхъ годахъ, когда стали болѣе или менѣе опредѣляться въ литературѣ теоретическія положенія такъ называемаго славянофильства, взглядъ на Хомякова, который являлся однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этого направленія, какъ на поэта рѣзко измѣнился: Бѣлинскій, разбирая въ 1845 году въ *Отечественныхъ Запискахъ* поэтическія произведенія его утверждалъ что въ лирическихъ стихотвореніяхъ Хомякова „нѣтъ ничего похожаго на чувство и поэзію“, нѣтъ истины чувства, истины поэзіи, а лишь „наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ въ которыхъ прозаическая нищета чувства и мысли такъ и бросается въ глаза“, находилъ въ стихахъ поэта „шумиху бѣдныхъ значеніемъ словъ“, „неопредѣленность понятій“, „пустозвонныя фразы“ нанизанныя „на нить какой-нибудь бѣдной рефлексіи“. Суровый критикъ доходилъ даже до того что отказывалъ поэту въ искренности, опредѣляя его какъ „свободнаго отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификатора“, поэта „съ дарованіемъ слагать громкія слова въ звучныя стопы“, поэта „который замѣняетъ вкусъ, жаръ чувства основательность идеи завлекательными для неопытныхъ людей со-

физмами ума и чувства"... Позднѣе Тургеневъ писалъ что въ стихотвореніяхъ Хомякова, при всемъ глубокомъ уваженіи къ почтенному ихъ автору, нельзя найти и на грошъ поэзіи... Въ томъ и другомъ случаѣ оцѣнка поэтическаго дарованія Хомякова не отвѣчала дѣйствительному его значенію. Среди стихотвореній Хомякова не мало найдется такихъ которыя проникнуты истинною поэзіею чувства, согрѣты, можетъ-быть, не особенно яркимъ и горячимъ, но привѣтливо-свѣтлымъ и теплымъ огнемъ творческаго вдохновенія. Таково, напримѣръ, прекрасное стихотвореніе:

Когда гляжу какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ, мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.
Ты знаешь ли какъ глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли что отдалъ безъ возврата
Я жизнь свою?
Когда умретъ предъ хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремятъ правдиваго укора
Мои уста,
Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.
И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,
Узнаетъ міръ что въ ней душа поэта
Схоронена.

Такою же свѣжестью непосредственнаго чувства и искренностію тона дышатъ стихотворенія „Элегія" („Когда вечерняя спускается роса") и „Благодарю тебя" находящіяся по содержанію въ близкой связи съ предыдущимъ и развивающія въ сущности тотъ же мотивъ, только съ нѣсколько новымъ, болѣе мирнымъ разрѣшеніемъ основнаго настроенія:

Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль...

Второе изъ названныхъ стихотвореній заканчивается прекраснымъ поэтическимъ образомъ полнымъ художественной силы и выразительности:

Такъ послѣ ярыхъ бурь моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжей долинъ краса;
Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

Теплотою и свѣжестію чувства и искренностію тона отмѣчены также стихотворенія: „Лампада поздняя горѣла“ напоминающее по основному мотиву извѣстное стихотвореніе Пушкина „Я помню чудное мгновенье“, „Къ дѣтямъ“, „Кремлевская заутреня на Пасху“, „Ночь“, „Труженикъ“, „Давидъ“, „Звѣзды“, „Какъ часто во мнѣ пробуждалась“, „Подвигъ есть и въ сраженьѣ“... Чисто поэтическій характеръ имѣетъ въ стихотвореніяхъ Хомякова и его чувство природы: внѣшнее впечатлѣніе художественно претворяется въ душевное настроеніе, образуя съ нимъ вмѣстѣ одинъ стройный акордъ. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія: „Заря“, „Nachtstück“, „Сумракъ вечерній тихо взошелъ“, „Помнишь, по стезѣ нагорной“, напоминающія большею частію по проникающему ихъ настроенію „Монастырь на Казбекѣ“ Пушкина:

Туда бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

Особенно цѣльно по содержанію и выдержано по выраженію предпослѣднее изъ названныхъ стихотвореній:

Сумракъ вечерній тихо взошелъ,
Мѣсяцъ двурогій звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.
Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ.
Упали вѣтрила.
Небо какъ море лежитъ надо мной,
Море какъ небо блеститъ синевой,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ же свѣтила.
О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

Порою поэтическое сочувствіе природѣ выростаетъ у поэта ъ порывъ къ полному сліянію съ нею. Таково стихотвореніе „Желаніе“:

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ:
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать! [1])

Итакъ, поэтическая стихія не была чужда Хомякову; не чуждъ былъ ему и даръ художественнаго выраженія идеи, художественнаго вкуса, поэтическаго языка, красоты формы и звучности стиха. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ конечно поэтомъ-художникомъ въ строгомъ смыслѣ слова и не былъ, какъ сказалъ Самаринъ,

Не потому чтобы ему недоставало чего-нибудь существеннаго чтобъ быть художникомъ, а наоборотъ, потому что по обилію другихъ даровъ онъ не могъ быть *только* художникомъ, слѣдовательно не могъ быть и *вполнѣ* художникомъ. Нельзя про него сказать чтобы мысль его непремѣнно просилась въ поэтическую форму, чтобы эта форма была ей прирождена и чтобы только въ ней она могла явиться на свѣтъ и узнать себя. Если, какъ намъ кажется, именно въ этой особенности заключается тайна творческой силы художника, то у Хомякова ея не было. Родись онъ не въ Пушкинскую эпоху, не будь онъ подъ неотразимымъ вліяніемъ этого чародѣя властвовавшаго надъ душами и помыслами цѣлыхъ поколѣній, можетъ-быть, онъ бы вовсе не писалъ стиховъ. По крайней мѣрѣ смѣло можно сказать что мысль его искала другаго способа выраженія, болѣе строгаго чѣмъ художественный образъ, и прибѣгала къ стиху только мимоходомъ, въ первой порѣ своего развитія, прежде чѣмъ она вполнѣ уяснилась себѣ самой...

[1]) Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній „Молодость“ Хомяковъ говоритъ:

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятьяхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И оно желанью
Сердца отзовется
Юною любовью..

Самъ Хомяковъ не преувеличивалъ своего поэтическаго дарованія и не придавалъ большаго художественнаго значенія своимъ поэтическимъ произведеніямъ: „безъ притворнаго смиренія,—писалъ онъ сравнивая себя съ Тютчевымъ который, по его мнѣнію, былъ „насквозь поэтомъ“,—я знаю про себя что мои стихи, когда хороши, держатся мыслію, то-есть, прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца“. Дѣйствительно, поэтическія произведенія Хомякова имѣютъ въ большинствѣ характеръ проповѣди согрѣтой искренностію убѣжденія и огнемъ горячаго одушевленія высокой мыслію, представляютъ глубоко-прочувствованныя думы на философско-историческія, нравственно-религіозныя, политическія или общественныя темы увлекающія возвышенностію духовнаго строя автора, но не блещущія самостоятельной красотой внѣшняго образа. Порою поэту, по его собственному вырвавшемуся съ болью признанію, повидимому недоставало и средствъ для художественнаго выраженія идеи:

Есть часъ блаженства для поэта,

говоритъ Хомяковъ въ стихотвореніи „Два часа“:

Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта
Какъ будто огненной струей:
Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья
Какъ сладкозвучная волна.
Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой...

Конечно, безкорыстная преданность идеѣ, особенно религіозной, цѣлостное, благородное увлеченіе высокою мыслію имѣетъ само по себѣ характеръ поэтическаго настроенія, но чтобы его понять и проникнуться имъ, нужно отправляться изъ отвлеченнаго міро-

созерцанія автора, до нѣкоторой степени по крайней мѣрѣ раздѣлять его исходную точку зрѣнія на вещи: процесъ пониманія въ данномъ случаѣ не художественный, а отвлеченно-научный отправляющійся отъ идеи къ образу, а не обратно.

II.

Теоретическимъ основаніемъ и живымъ средоточіемъ міросозерцанія Хомякова была проникавшая все его существо глубокая, цѣльная вѣра и непосредственная, простая, свободная жизнь въ Церкви православной, какъ живомъ организмѣ истины и любви: здѣсь лежали самые глубокіе корни всѣхъ его философско-историческихъ идей, политическихъ и общественныхъ убѣжденій, всего духовнаго содержанія его замѣчательно многосторонней личности. Вслѣдствіе такой цѣльности духовнаго склада въ его поэзіи звучали отголоски его отвлеченнаго міросозерцанія, а въ его историческо-философскомъ и нравственно-богословскомъ ученіи чувствуется истинно-поэтическій порывъ къ свѣту вѣчной истины и красоты: одна часто неотдѣлима отъ другой... Вѣра, по убѣжденію Хомякова, составляетъ предѣлъ внутренняго развитія человѣка, окончательный выводъ всей полноты его разумнаго и всемірнаго существованія; она же, проникая все существо человѣка и опредѣляя всѣ его отношенія къ ближнему, есть также высшее общественное начало. Отсюда ходъ историческаго развитія человѣчества, смыслъ всемірной исторіи опредѣляются сущностію дѣйствующаго въ данный моментъ въ жизни и сознаніи того или другаго народа религіознаго начала обусловливающаго тотъ или другой складъ народнаго ума и народной жизни. Какъ внутреннее начало, около котораго такъ или иначе сосредоточиваются всѣ мысли человѣка, заключается въ категоріяхъ воли, свободѣ и необходимости, такъ и всѣ религіи опредѣляются въ той, либо другой формѣ или началомъ необходимости, или началомъ свободы, или случайнымъ, неорганическимъ смѣшеніемъ въ той или другой степени (синкретизмомъ) этихъ двухъ началъ. Начало духовной свободы проявляющееся вѣрою въ личнаго, внѣ вещества стоящаго Бога и признающее міръ произведеніемъ Его творческой воли, начало присущее племенамъ арійскимъ и веего неприкосновеннѣе изъ нихъ сохраненное народомъ еврейскимъ, получило совершенную полноту своего божественнаго откровенія въ христіанствѣ, воплотилось въ Церкви православной и живетъ въ народахъ ее составляющихъ. Начало вещественной и логической необходимости въ которомъ Божество представляется лишь чисто разсудочно постигаемымъ закономъ ве-

щественнаго міра и, хотя облекается въ личный образъ, но въ сущности не имѣетъ самостоятельнаго личнаго бытія и слѣдовательно не только не сотворило и не творитъ міра, но само подчиняется дѣйствующимъ въ мірѣ, угаданнымъ или пока сокровеннымъ для человѣка, законамъ, возникнувъ у племенъ Кушитскихъ или Хамидовъ и создавъ въ свое время ихъ внѣшнее могущество и славу, проникло въ Западный міръ чрезъ посредство культурныхъ стихій дѣйствовавшихъ въ до-христіанской исторіи этого міра, сказалось въ западныхъ исповѣданіяхъ христіанства и наконецъ нашло себѣ полное выраженіе въ логически-разсудочныхъ построеніяхъ новѣйшихъ философскихъ системъ въ Германіи... Въ конечномъ своемъ выводѣ западная философія пришла къ заключенію что ни далѣе идти по своему отвлеченно-разсудочному пути она не можетъ, ибо сознала односторонность отвлеченной разсудочности, ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи, ибо вся сила ея заключалась въ развитіи этой именно разсудочности... Послѣднее изъ великихъ племенъ выступившее до сихъ поръ на историческое поприще, племя Славянское, свободное отъ вліяній подъ которыми слагалась вѣками духовная жизнь Западной Европы, отчасти въ силу природныхъ своихъ свойствъ которыя ему въ большей части своего состава удалось сохранить въ неприкосновенности, болѣе же всего подъ спасительнымъ воздѣйствіемъ православной вѣры Христовой, хранитъ въ себѣ если не зародышъ, то возможность обновленія всемірно-историческаго процеса духовнаго развитія человѣчества, въ томъ опредѣленіи этого процеса какое онъ получилъ въ данную минуту... Задачи и чаянія Славянства въ этомъ отношеніи отчасти уже осуществляются Россіей, и въ осуществленіи ихъ ея призваніе во всемірной исторіи...

Вставайте, славянскіе братья,

писалъ Хомяковъ въ своихъ стихотвореніяхъ,

Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!..
. . . .
Скажите: „Мы люди свободны,
Да будетъ свободна земля,
И горы, и глуби подводны,
И долы, и лѣсъ, и поля!“
. . . .
Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!..
Вскипите жь, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

Въ стихотвореніи „Орелъ“ поэтъ образно указалъ то значеніе, какое, по его мнѣнію, можетъ имѣть Россія въ этомъ освободительномъ движеніи и національномъ возрожденіи Славянства.

Одною изъ ближайшихъ задачъ въ указанномъ направленіи представлялось поэту національное объединеніе самаго русскаго народа: велика и обширна Россія, вмѣщающая въ своихъ предѣлахъ и „тихій Донъ, красу степей, и безпредѣльный Енисей“, и „теплый брегъ Эвксина“ и „брегъ тѣхъ дальнихъ странъ“,

Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.

Такова была схема всемірной исторіи, какъ ее представлялъ себѣ Хомяковъ: попытка обнять внутренній смыслъ развитія человѣчества сдѣланная имъ въ „Запискахъ о всемірной исторіи“, не свободная по условіямъ времени когда она возникла отъ болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ и заблужденій со строго-научной точки зрѣнія, представляется замѣчательною по богатству отдѣльныхъ блестящихъ и глубокихъ мыслей, внутренней стройности и поэтическому характеру широкаго замысла.

III.

Въ сознаніи величія духовнаго подвига предстоящаго родной странѣ и родному народу, Хомяковъ исходилъ въ своей вѣрѣ въ великую будущность Россіи не изъ горделиваго пренебреженія западною культурою и народнаго самовосхваленія и превознесенія какъ это принято часто думать о представителяхъ одного съ нимъ направленія русской мысли и литературы. Какъ и другіе славянофилы самъ европейски образованный, онъ живо и съ болью сознавалъ отсталость Россіи сравнительно съ Западною Европой въ отношеніи науки и искусства, хорошо видѣлъ и зналъ всѣ недостатки современной жизни русской, объясняя ихъ либо утратой коренныхъ началъ самобытнаго ея развитія, либо тою же необразованностію.

Въ письмѣ своемъ одному изъ друзей (А. Попову) писанномъ въ трудную пору осады Севастополя, Хомяковъ прямо называетъ „самовосхваленіе“ однимъ изъ самыхъ страшныхъ и опасныхъ пороковъ современной Россіи, „противнымъ Богу и чуждымъ народному духу“; въ другомъ письмѣ, къ графинѣ Блудовой, онъ указываетъ на общее „усыпленіе совѣсти“ какъ на болѣзнь современнаго русскаго общества... И не о современной только Россіи высказывался онъ въ этомъ смыслѣ. Онъ признавалъ безусловно истиннымъ

и единственно жизненнымъ самое просвѣтительное начало древне-русской жизни въ его духовной цѣльности, православіе, но обращаясь къ родной исторіи не находилъ для быстраго и полнаго развитія этого начала соотвѣтственной цѣльности и стройности въ древне-русской жизни и ея общественномъ строѣ: по его мнѣнію, Византія откуда пришло на Русь начало просвѣщенія, сама не могла послужить образцомъ христіанскаго общества, а внутренняя общественная разъединенность Руси происходившая съ самаго начала государственности отъ сопоставленія и противопоставленія дружины и земщины и отъ противорѣчія между естественнымъ стремленіемъ къ мѣстному обособленію и высшимъ стремленіемъ къ общему единенію, наконецъ недостаточность и неполнота усвоенія значительною частію народа самаго просвѣтительнаго начала и отсутствіе вполнѣ опредѣлительнаго сознанія не являлись благопріятными условіями для цѣлостнаго развитія жизни въ духѣ христіанскаго ученія; отсюда и въ древней Руси, какъ и въ новой, существовало несогласіе между закономъ и жизнію, между учрежденіями писанными и живыми нравами народными, постоянно обнаруживалось потемнѣніе идеала и односторонность его развитія. Созданіе крѣпкаго объединеннаго государственнаго строя явившееся послѣдствіемъ московскаго періода родной исторіи было дѣломъ великой важности не только потому что внѣшнее спокойствіе обусловливаемое наличностью такого строя имѣетъ важное значеніе для благоденствія общества, и не только потому что вещественное величіе родины и мысль „что другіе народы могутъ ее бояться и ей завидовать“ льститъ народному самолюбію и содѣйствуетъ народному самосознанію, но потому

что великая держава болѣе друдихъ представляетъ душѣ осуществленіе той высокой и доселѣ недосягаемой цѣли мира и благоволенія между людьми къ которой мы призваны; потому что душевный союзъ съ миліонами, когда онъ осуществленъ, выше поднимаетъ душу человѣка, чѣмъ связь даже самая близкая съ немногими тысячами; потому что видимая и безпрестанная вражда всегда рыщетъ около тѣсныхъ границъ мелкаго общества, и что удаленіе ея облагораживаетъ и умиротворяетъ сердце; и потому наконецъ что по тайному (но, можетъ-быть, понятному) сочувствію между духомъ человѣка и объемомъ общества самое величіе ума и мысли принадлежитъ только великимъ народамъ.

Но торжество Москвы, устраняя одно изъ указанныхъ неблагоіятныхъ условій древне-русской жизни, недостатокъ государственго единства, далось странѣ не легко и куплено было ею не дешево:

безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжнныхъ; гордость и склонность къ злоупотребленію торжества вкрались душу побѣдителей. Тутъ было опять глубокое раздвоеніе въ ду-

шевномъ настроеніи, въ бытѣ и характерѣ образованности. Областная земская жизнь, покоясь на старинѣ и преданіи, двигаясь въ кругу сочувствій простыхъ, живыхъ и, такъ-сказать, осязаемыхъ, состоя изъ стихіи цѣльной и однородной, отличалась особенною теплотою чувства, богатствомъ слова и фантазіи поэтической и вѣрностью тому бытовому источнику отъ котораго брала свое начало; дружина и стихіи стремящіяся къ единенію государственному, двигаясь въ кругу понятій отвлеченныхъ (ибо цѣль была еще не достигнута и не получила осуществленія) или выгодъ личныхъ и принимая въ себя безпрестанный приливъ иноземный, были болѣе склонны къ развитію сухому и разсудочному, къ мертвой формальности, къ принятію римскаго византійства въ нравѣ и всего чужеземнаго въ обычаѣ.

Отсюда шаткость и непослѣдовательность, постоянное искаженіе и одичаніе права гражданскаго и особенно уголовнаго, проникновеніе, напримѣръ, явленій западной инквизиціи (сожиганія колдуновъ и еретиковъ) въ общество исповѣдующее кротость чистой вѣры, усвоеніе закономъ нѣкогда дорожившимъ жизнію человѣка какъ святымъ даромъ Божіимъ постановленій о страшныхъ пыткахъ и кровавыхъ казняхъ которыми наполнены русскіе юридическіе памятники XVII в.; расколы, когда наступило время исправленія вкравшихся ошибокъ или отмѣны безполезныхъ формъ, какъ слѣдствіе недостатка въ сознаніи народа разумнаго опредѣленія свято чтимаго сердцемъ начала и показатель преобладанія обрядности и формальности общественной и религіозной, неясность и грубость понятій общежительства и обычаевъ и т. п. Единство было даже силою, или, по крайней мѣрѣ, съ помощью силы сила и страхъ были признаны надежнѣйшими пружинами и для сохраненія тѣхъ благъ которыя были достигнуты ихъ помощію; благотворная жизнь христіанскаго начала не переставала, какъ и прежде, сказываться въ отдѣльныхъ явленіяхъ высокихъ и утѣшительныхъ: князья отказывались отъ законныхъ правъ своихъ чтобы упрочить престолонаслѣдіе московское; люди всѣхъ сословій ревностно исполняли въ отношеніи къ обществу обязанности къ которымъ не были принуждаемы положительнылъ закономъ; такъ при Іоаннѣ Грозномъ Салосъ въ Псковѣ, Сильвестръ и многіе другіе въ Москвѣ, цѣлый рядъ обличителей при Самозванцѣ представляли примѣры освященія понятій о долгѣ гражданскомъ святостію Евангельскаго ученія; но для обобщенія такихъ явленій какъ сознаннаго закона недоставало въ обществѣ христіанскаго просвѣщенія... Понималась необходимость государства, но мало кто понималъ его святость: когда обычаи старины и сословій были принесены въ жертву государственному единству, люди отступившись отъ своей мятежной и ограниченной дѣятельности

въ удѣлахъ и областяхъ не могли еще перенести къ новосозданному цѣлому теплаго чувства любви и, ограниченные вещественною властію,

стали жить не другъ съ другомъ, а такъ сказать, другъ подлѣ друга, и язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно, всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, честолюбіе въ боярахъ, властолюбіе духовенства... Петръ съ этой точки зрѣнія былъ страшною, но благодѣтельною грозою; направленіе котораго онъ былъ представителемъ не было совершенно неправымъ и сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ: средства имъ употребленныя были грубыя и вещественныя, но не слѣдуетъ забывать что силы духовныя вообще принадлежатъ народу и Церкви, а не правительству...

Съ другой стороны, Хомяковымъ живо сознавалась сила и историческая значительность западной культуры. Признавая паденіе того что̀, по его убѣжденію, было высшимъ проявленіемъ западно-европейскаго просвѣщенія: германской философіи, Хомяковъ въ самомъ паденіи германской школы видѣлъ „ея величайшее торжество“.

Она пала, говорилъ онъ, не отъ истощенія своихъ дѣятелей могущихъ до конца, не отъ ослабленія вниманія въ обществѣ которое за нею слѣдило съ постояннымъ и почти суевѣрнымъ вниманіемъ, не отъ распаденія на мелкіе расколы порожденные шаткостію и темнотою положеній выведенныхъ главными учителями; она не была вытѣснена новымъ ученіемъ возставшимъ въ силѣ:—нѣтъ. Она одна изъ всѣхъ философскихъ школъ совершила свой путь вполнѣ, строгая до последняго вывода. Она остановилась и пала только передъ невозможнымъ, передъ возстановленіемъ, или, лучше сказать, передъ возсозданіемъ сущаго изъ отвлеченнаго закона. Ей принадлежитъ неотъемлемая и безсмертная слава въ исторіи науки. Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ: законы ею опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ. Нѣтъ мыслителя который могъ бы говорить о ней иначе какъ съ благоговѣйною признательностью, и счастливыми назовемъ мы тѣхъ людей которые закалили свои діалектическія силы въ холодныхъ, но крѣпкихъ струяхъ Кантовскаго ученія.

Неразумно бы было, говоритъ Хомяковъ, не цѣнить того множества полезныхъ знаній которыя мы почерпали и почерпаемъ изъ томимыхъ трудовъ западнаго міра; а пользоваться этими знаніями оворить о нихъ съ неблагодарнымъ пренебреженіемъ было бы не ько не разумно, но и нечестно... Мы должны принимать, сохранять, вивать науку въ всемъ томъ умственномъ просторѣ котораго она ебуетъ, но въ то же время подвергать ее постоянно своей собствен і критикѣ просвѣщенной тѣми высшими началами которыя намъ тари завѣщаны православіемъ нашихъ предковъ.

Не западная культура съ ея наукою отрицалась Хомяковымъ, а лишь обличалась односторонность началъ западной науки и культуры и направленія въ развитіи ихъ обѣихъ; односторонность эта усматривалась въ исключительномъ развитіи отвлеченной разсудочности, въ господствѣ раціонализма. Хорошо зная темныя стороны современной и древней жизни русской, не закрывая отъ нихъ глазъ и не скрывая ихъ отъ другихъ, Хомяковъ вѣрилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу того „духа жизни“ который открывался его уму и сердцу въ основѣ „былаго“ и въ глубинѣ современнаго сознанія народнаго и, видя будущность родной страны въ просвѣщеніи, находилъ что просвѣщеніе это какъ „разумное просвѣщеніе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или въ народѣ“, какъ „жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ“, какъ „общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа“, не можетъ и не должно въ Россіи ограничиваться одною пересадкою западной культуры на русскую почву, а должно развиваться изъ коренныхъ началъ народной жизни и въ связи со всею совокупностью исторической образованности страны... Міровое призваніе и великая будущность Россіи и русскаго народа въ Славянствѣ обусловливались, въ убѣжденіи Хомякова, не внѣшнимъ могуществомъ государства и не исключительными свойствами народности, но прежде всего вѣрностью историческому просвѣтительному началу: православію, въ его полнотѣ вѣчной истины первобытнаго христіанства, то-есть, въ тождествѣ единства и свободы проявляемомъ въ законѣ духовной любви.

Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись;
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Призванье и удѣлъ Россіи иные:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ...
. . . .
О, вспомни свой удѣлъ высокой,

обращается поэтъ къ своему отечеству:

Былое въ сердце воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко

Ты духа жизни допроси!
Внимай ему, и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

Осуществленіе призванія требуетъ подвига, и тѣмъ болѣе тяжкаго что цѣль его не допускаетъ и мысли о примѣненіи какой-либо силы кромѣ живой силы свободнаго духа и любви: „костеръ мученика — торжество вѣры, писалъ Хомяковъ, крестовый походъ — ея могила“.

Въ убѣжденномъ призывѣ къ этому подвигу мысли и жизни запечатлѣнномъ собственнымъ личнымъ подвигомъ и заключалась прежде всего литературная и общественная заслуга Хомякова.

IV.

Въ поэтическомъ творчествѣ графа А. К. Толстаго оказывается не мало элементовъ коренящихся въ міросозерцаніи очень сходномъ въ главныхъ чертахъ съ міросозерцаніемъ Хомякова. Конечно, начало Церкви, вѣры составляющее средоточіе міросозерцанія Хомякова не имѣетъ, повидимому, вполнѣ соотвѣтсвеннаго значенія въ поэзіи графа А. Толстаго, но религіозная стихія все же занимаетъ въ ней довольно видное мѣсто. Такъ, въ поэмѣ своей „Іоаннъ Дамаскинъ“, воплотивъ свой идеалъ поэта въ личности великаго церковнаго пѣснопѣвца, графъ А. Толстой далъ нѣсколько живыхъ примѣровъ искренняго религіознаго воодушевленія.

Въ поэмѣ „Грѣшница“ поэтъ въ прочувствованныхъ стихахъ рисуетъ трогательный образъ Христа-Спасителя („Любовью къ ближнимъ пламенѣя“). Первое начало религіозности есть начало добровольнаго подчиненія Богу или согласія съ Нимъ, или молитва, и графъ А. Толстой въ своихъ письмахъ къ женѣ оставилъ свидѣтельство живаго присутствія въ его душѣ религіознаго чувства въ этомъ смыслѣ, говоря что „ни въ какомъ положеніи душа не пріобрѣтаетъ болѣе обширнаго развитія какъ въ приближеніи ея къ Богу“, или молитвѣ Богу съ вѣрою. „Я вѣрю Богу, писалъ графъ А. Толстой [въ] другомъ своемъ письмѣ, и у меня не высокое мнѣніе о разумѣ [че]ловѣческомъ, и я не вѣрю тому что онъ называетъ возможнымъ [и] невозможнымъ: я вѣрю больше тому что я *чувствую*, чѣмъ тому [чт]о я *понимаю*, такъ какъ Богъ намъ далъ чувства чтобъ идти дальше [че]мъ разумъ“... Мистическая струя въ смыслѣ начала непосредст[вен]ности въ отношеніи человѣческаго чувства къ міру сверхчеловѣ-

ческому или трансцендентному, является однимъ изъ видныхъ и живыхъ элементовъ въ творчествѣ графа А. Толстаго. Особенно ясное выраженіе эта сторона міросозерцанія получила въ драматической поэмѣ его „Донъ-Жуанъ". Поэтъ говоритъ въ прологѣ поэмы:

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенья вещества,
Все лишь отблескъ Божества
Отраженьемъ раздробленный!..
Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ Немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога
Сила борется со тьмой;
Въ Немъ могущества покой,
Вкругъ Него временъ тревога!..

Наличность въ мірѣ зла есть проявленіе „мстительности" первобытнаго предвѣчнаго „хаоса" „раздвинутаго міозданіемъ" и дѣйствительность злаго начала въ міровой жизни является условіемъ бо́льшаго совершенства непрерывно продолжающагося мірозданія имѣющаго конечною цѣлью свободное торжество вѣчной жизни, вѣчнаго царства любви и красоты.

Основной законъ творческаго процеса развивающагося въ совершенную полноту вѣчной жизни есть любовь: взнесенный „на крыльяхъ любви" въ „горнюю высь" и проникнутый ея лучами, поэтъ видитъ и слышитъ незримое для другихъ и неуловимое для слуха:

И вѣщимъ сердцемъ понялъ я
Что все рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ Нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя
Любви покорная закону
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что́ бы любовью не дышало...

Недоступная для отвлеченнаго разсудка, эта сущность міровой жизни ясно открывается въ глазахъ поэта непосредственности чувства.

Въ страстномъ и пламенномъ „исканіи небеснаго совершенства" во „всечасно рвущихся нитяхъ" которыми связаны съ нимъ раскинутыя врозь по мірозданью отраженія этого совершенства на землѣ

и заключается смыслъ поэтическаго образа Донъ-Жуана графа Толстаго:

Въ тревожномъ жизни колебаньѣ
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озаритъ Твое сіянье
Стезю блудящаго, Господь!..
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

Сущность философско-мистическаго элемента съ заключающимся въ немъ оттѣнкомъ положительнаго религіознаго начала въ творчествѣ графа А. Толстаго впервые, сколько мнѣ извѣстно, была прекрасно выяснена Вл. С. Соловьевымъ со свойственною покойному философу-поэту глубиною пониманія предмета въ статьѣ „Поэзія гр. А. К. Толстаго" (*Вѣстникъ Европы*, май, 1895 г.). „Божество", опредѣлялъ критикъ конечный выводъ изъ своихъ изученій поэтическихъ произведеній графа Толстаго въ указанномъ направленіи, „вѣчно *обладаетъ* полнотою совершенства; природа въ своихъ формахъ *отражаетъ* это совершенство и въ своей жизни *тяготѣетъ* къ нему; человѣкъ свободнымъ дѣломъ *достигаетъ* его для себя".

V.

Другая черта сближающая поэзію графа А. Толстаго съ міросозерцаніемъ Хомякова заключается въ живомъ сочувствіи его родной старинѣ и исторіи и безыскусственной поэзіи русскаго народа. Графъ А. Толстой съ особенною любовію бралъ сюжеты для своихъ поэтическихъ произведеній изъ древней русской жизни и области народныхъ преданій, искалъ вдохновенія въ далекомъ родномъ прошломъ, успѣшно проникаясь духомъ эпохи, усваивая древне-русскій пѣсенный складъ рѣчи. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ произведеній при сопоставленіи современной жизни съ древнею слышится опредѣленно сочувствіе ко второй и сатирическій тонъ въ отношеніи къ первой. Особенно характерна съ этой точки зрѣнія извѣстная балада „Потокъ-гатырь".

Было бы конечно неосновательно изъ приведенныхъ данныхъ ...ать вполнѣ опредѣленное заключеніе объ отношеніи поэта вообще ... общественнымъ движеніямъ такъ-называемыхъ шестидесятыхъ ...овъ, но отрицательный характеръ этого отношенія къ извѣ...ымъ направленіямъ въ современныхъ теченіяхъ общественной

мысли въ данномъ случаѣ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Основной мотивъ здѣсь, разумѣется, не во враждѣ къ наукѣ и прогресу правовыхъ отношеній въ общественной жизни, а въ отрицаніи и сужденіи слишкомъ разсудочнаго и внѣшняго пониманія благъ цивилизаціи безъ должнаго вниманія къ высшимъ духовнымъ началамъ жизни и историческимъ преданіямъ и завѣтамъ страны; принципамъ отвлеченной научности и формально-правоваго порядка предпочитаются принципы характера этическаго, нравственнаго... Въ этомъ случаѣ графъ А. Толстой и Хомяковъ стояли на одной точкѣ зрѣнія... По мнѣнію Хомякова высказанному имъ въ статьѣ „Мнѣнія иностранцевъ о Россіи" право получаетъ свой смыслъ и значеніе не отъ закона внѣшняго который есть не что иное какъ ограничивающая сила, но отъ закона внутренняго, признаннаго самимъ человѣкомъ, иначе, признанной имъ нравственной обязанности, а понятіе объ этой послѣдней находится въ прямой зависимости отъ общаго понятія человѣка о всечеловѣческой или всемірной нравственной истинѣ; отсюда, напримѣръ, идея о правѣ не можетъ разумно соединяться съ идеею общества, основаннаго единственно на личной пользѣ огражденной договоромъ. Съ этой точки зрѣнія различные толки о такъ-называемомъ освобожденіи женщины или правахъ женщины, на которые есть шутливый намекъ въ баладѣ графа А. Толстаго, Хомяковъ съ своей стороны признавалъ разумно вытекающими изъ чувства справедливости возмущеннаго дѣйствительностію жизни, но безсмысленными въ отдѣльности отъ общей системы правды и обязанности въ которой нравственныя обязанности опредѣляющія взаимныя отношенія женщины и мущины являются тождественными для той и другой стороны въ глазахъ всякаго съ точки зрѣнія здраваго смысла... Строфы балады въ которыхъ поэтъ смѣется надъ „уваженіемъ къ мужику что смиреньемъ великъ" находятся лишь въ кажущемся противорѣчіи со взглядами Хомякова на русскій народъ. Хомяковъ, какъ и другіе такъ-называемые славянофилы, находилъ существеннымъ недостаткомъ современнаго направленія общественной образованности пренебрежительное отношеніе къ народу какъ къ грубому матеріалу подлежащему обработкѣ по новѣйшимъ иностраннымъ образцамъ, и презрительное невниманіе къ его вѣковой внутренней, разумной и духовной жизни, природному здравому смыслу и нравственнымъ убѣжденіямъ являющимся слѣдствіемъ долговременнаго историческаго развитія: эта внутренняя народная жизнь, говорилъ Хомяковъ, полная силы, преданія и вѣры, создала громаду Россіи прежде чѣмъ иностранная наука пришла позолотить ея верхушки, но онъ вовсе не идеализовалъ дѣйствительности народной жизни ни въ ея прошломъ, ни въ настоящемъ, и тѣмъ менѣе каждаго отдѣльнаго явленія этой

жизни. Хомяковъ свято чтилъ просвѣтительное начало, православіе, которое признавалъ неприкосновеннымъ въ глубинѣ народнаго міросозерцанія, уважалъ тотъ высшій нравственный законъ которымъ въ его глазахъ управлялась народная совѣсть, дорожилъ въ народѣ чистотою родной рѣчи и нравовъ, крѣпостію живыхъ преданій и быта, здоровою непосредственностью смысла, но не отрицалъ что вслѣдствіе шаткаго пониманія всѣхъ требованій вѣры личныя добродѣтели далеко не оказываются развитыми въ народной средѣ въ той степени въ какой представляются въ ней развитыми добродѣтели общежительныя, что недостатокъ опредѣлительнаго сознанія, невѣжество отнимаетъ нерѣдко у жизни и убѣжденія народа ихъ разумную послѣдовательность и крѣпость... Соглашаясь въ одной изъ своихъ статей съ замѣчаніемъ Кирѣевскаго что „иногда русскій человѣкъ, сосредоточивая всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать болѣе чѣмъ осторожный Нѣмецъ въ тридцать“ и что „часто для русскаго человѣка самый ограниченный умъ Нѣмца размѣряя по часамъ и табличкамъ мѣру и степень его трудовъ можетъ лучше чѣмъ онъ самъ управлять порядкомъ его занятій“, Хомяковъ полагалъ что это происходитъ не отъ внѣшняго недостатка „руководительныхъ заботъ высшаго ума“ необходимыхъ для людей не достигшихъ до самобытной зрѣлости внутренней жизни, какъ думалъ Кирѣевскій, но отъ внутренняго недостатка „въ строго и логически сознанномъ законѣ укрѣпляющемъ шаткую волю...“ Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго Хомяковымъ о шаткости и непослѣдовательности выраженія въ жизни народа признаваемаго имъ высшаго нравственнаго закона, Кирѣевскій, съ своей стороны, въ одной изъ своихъ статей съ грустью находилъ что русскій народъ „потерялъ одну изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели, уваженіе къ святынѣ *правды*“, что „къ несчастью, русскому человѣку легко солгать...“ Русскій человѣкъ, говорилъ Кирѣевскій,

почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ, какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній на которыя онъ смотритъ какъ на какую-то неразумную силу. Потому онъ не задумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того чтобы не запятнать своей совѣсти, и въ то же время лжетъ за копѣйку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ боязни, лжетъ изъ выгоды, лжетъ безъ выгоды... А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ?

Итакъ, Хомяковъ и другіе такъ-называемые славянофилы вовсе не дѣлали себѣ изъ народа кумира или фетиша, такъ что можно было бы къ нимъ примѣнить стихи графа А. Толстаго:

Править Русью призванъ только черный народъ:
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ,

если же они и видѣли „только въ народѣ спасенье", то въ томъ же смыслѣ въ какомъ, напримѣръ, думали о народѣ въ Германіи Ю. Мёзеръ или Штейнъ: въ возстановленіи прерваннаго общенія образованныхъ русскихъ людей съ русскимъ народомъ и русскою землею Хомяковъ и люди одного съ нимъ образа мыслей видѣли залогъ развитія истиннаго просвѣщенія въ странѣ; личность отдѣленная отъ жизни народной представлялась Хомякову „совершеннымъ безсиліемъ и внутреннимъ непримиреннымъ разладомъ", народное начало онъ считалъ первымъ, главнымъ элементомъ въ воспитаніи личнаго ума и личнаго пониманія и источникомъ плодотворной силы внутренняго содержанія личности:

только въ живомъ общеніи съ народомъ, говорилъ Хомяковъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живаго организма, только при немъ можетъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность. Частное мышленіе, писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть сильно и плодотворно только при сильномъ развитіи мышленія общаго, мышленіе общее возможно только тогда когда высшее знаніе и люди выражающіе его связаны со всѣмъ остальнымъ организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда умственныя силы каждаго отдѣльнаго лица оживляются круговращеніемъ умственныхъ и нравственныхъ соковъ въ его народѣ...

Народность, въ глазахъ людей одного образа мыслей съ Хомяковымъ, какъ напримѣръ Кирѣевскій, имѣла значеніе главнымъ образомъ какъ благодатная почва въ которой глубоко заложено сѣмя истиннаго просвѣтительнаго начала: свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени, а почва лишь можетъ ускорить или замедлить его первое развитіе, сообщить ему здоровую или тощую пищу, дать ему свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями. „Разумное развитіе народа, по мнѣнію Хомякова, есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія" и съ этой точки зрѣнія „служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому". И пресловутое „смиреніе" упоминаемое въ балладѣ графа А. Толстаго имѣло для Хомякова цѣну не въ смыслѣ унизительнаго признанія своего собственнаго безсилія или безсилія и несостоятельности основнаго нравственнаго, духовнаго закона устраивающаго жизнь, не въ смыслѣ самоотреченія, а въ смыслѣ признанія вмѣстѣ съ святостію и высотою опредѣляющаго совѣсть нравствен-

наго начала что этотъ законъ проявленъ въ дѣйствительности жизни недостаточно или дурно, что прекрасное и святое дѣло искажено личными страстями и слабостями, признанія не унижающаго, а возвышающаго и укрѣпляющаго духъ на пути къ совершенствованію и полнотѣ развитія... Изъ сказаннаго ясно что шутливые намеки на „уваженіе" къ народу оказывающіеся въ баладѣ графа А. Толстаго могутъ имѣть прямое отношеніе къ направленію представителемъ котораго былъ въ литературѣ и общественной жизни Хомяковъ въ такой же мѣрѣ, въ какой слова Потока:

Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю...

могутъ быть понимаемы какъ прямое выраженіе личнаго взгляда на предметъ поэта называвшаго себя „пѣвцомъ державшимъ стягъ во имя красоты" и осуждавшаго направленіе общественной мысли, по которому признавалось „только то и дѣйствительно что̀ для нашего тѣла чувствительно"... Въ связи съ указаніемъ на шумъ и крикъ которые поднялись среди присутствовавшихъ въ собраніи по поводу „феодальныхъ" сужденій Потока о мужикѣ и въ которыхъ то и дѣло слышались такія слова какъ „почва, гуманность, комуна, прогресъ, кто-то заѣденъ средою", рѣчь въ баладѣ идетъ не о славянофильскихъ воззрѣніяхъ на народъ, а о народничествѣ и опрощеніи, зарожденіе и первые шаги котораго изображены напримѣръ въ „Нови" Тургенева; съ народничествомъ этого рода, хотя и оно имѣло своимъ источникомъ доброе чувство, такъ-называемые славянофилы мало имѣли общаго, такъ какъ оно имѣло въ своей основѣ стремленіе не къ общенію съ народомъ на почвѣ признанія безусловной правды коренныхъ народныхъ убѣжденій, въ интересахъ воспитанія воли для общаго дѣла народнаго просвѣщенія, а къ общенію съ нимъ съ цѣлью простой услуги, по своему собственному разумѣнію, „темной" народной массѣ въ ея нуждахъ понятыхъ въ отвлеченіи отъ народнаго міросозерцанія и средствами чуждыми народному духу на почвѣ соціализма и экономическаго матеріализма. „Я не славянофилъ, писалъ Неждановъ Силину въ романѣ Тургенева, я не изъ тѣхъ которые *лечатся* народомъ, соприкосновеніемъ съ нимъ; я не приклады... его къ своей больной утробѣ какъ фланелевый набрюшникъ... *...хочу самъ дѣйствовать на него*". Въ этихъ словахъ не одна язви...льная насмѣшка надъ отношеніемъ славянофиловъ къ народу, но ...цѣльная характеристика по существу того направленія представ...телемъ котораго были люди въ родѣ Нежданова. Изображенное въ ...ладѣ графа Толстаго собраніе на которомъ „патріоты" допрашивали ...тока о его чувствахъ къ мужику, угрожая богатырю бѣдою, очень

напоминаетъ то „столпотвореніе вавилонское" которое происходило на обѣдѣ у Голушкина въ романѣ Тургенева и въ которомъ принимали участіе народники „Нови": Неждановъ, Маркеловъ, Паклинъ, Соломинъ. Въ пониманіи и оцѣнкѣ значенія этого рода народничества графъ А. Толстой не расходился съ Хомяковымъ и славянофилами. Любопытно что въ письмахъ своихъ къ женѣ, дѣлясь не разъ удовольствіемъ какое доставляли ему устныя и письменныя похвалы его стихотвореніямъ со стороны Хомякова, К. Аксакова и др., графъ Толстой заявляетъ между прочимъ что ему было бы непріятно, еслибы жена его познакомилась съ Некрасовымъ: „наши пути", поясняетъ онъ, „разные".

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. Князевъ.

ЗИМОВКА ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Сраженіе при Инкерманѣ лишило союзниковъ всякой илюзіи. Никто болѣе и не думалъ объ осадѣ города. Укрѣпиться въ своемъ лагерѣ, жить въ немъ насколько возможно удобнѣе, обезопасить себя отъ дождей, отъ холодовъ, отъ ураrановъ и другихъ атмосферическихъ явленій, сохранить войско въ цѣлости, получить подкрѣпленіе и усилить работы по части осады, чтобы быть готовыми попытаться весной сдѣлать новыя нападенія открытою силою, вотъ въ чемъ состояла задача начальствующихъ и солдатъ.

Значеніе обѣихъ гаваней Балаклавской и Камышской сразу выросло и закипѣла въ нихъ чуждая имъ дотолѣ дѣятельность. Балаклава имѣла набережныя, ихъ увеличили и укрѣпили. Дома ея были приспособлены для помѣщенія въ нихъ англійскаго войска, для госпиталей, арестантовъ, складовъ, доковъ, магазиновъ: у гавани толпились конвоиры, выгрузчики или носильщики изъ Мальтійцевъ, Италіянцевъ, Испанцевъ, Татаръ, подонковъ всѣхъ гаваней Востока. Позже весною появились котэджи, виллы, въ которыхъ семьи офицеровъ и чиновниковъ поселились на дачѣ какъ-бы на Ривьерѣ или на озерахъ Швейцаріи или Италіи.

Камышъ представлялъ собою обнаженный морской берегъ; его гавань и городъ соорудились изъ всякой всячины: изъ досокъ, глины и соломы, изъ морскихъ выкидокъ послѣ бурь и изъ старыхъ матеріаловъ сосѣднихъ селеній. Кромѣ доковъ, интендантскихъ и морскихъ сооруженій появилось множество бараковъ, импровизованныхъ магазиновъ въ которыхъ мелочные торговцы, маркитанты, всевозможные поставщики занимались самыми разнообразными промыслами: тутъ были и колбасники, и бакалейщики, и портные, и аптекари, парфюмёры, трактирщики и кабатчики которые продавали и сбывали подержанныя вещи и мелкія необходимыя бездѣлушки. Благо-

даря своимъ обитателямъ это столпотвореніе Вавилонское получило отъ остроумнаго солдата кличку Плутограда или Борополиса.

Въ Камышѣ, какъ и въ Балаклавѣ, можно было вообразить себя среди базара на Востокѣ. Татары съ выдающимися скулами, Греки и Армяне въ длиннополыхъ сюртукахъ, по виду ростовщики, приносили сюда различные припасы, или же предлагали свои услуги въ качествѣ носильщиковъ или рабочихъ; среди нихъ встрѣчались и солдаты различнаго оружія, главнымъ образомъ праздношатающіеся; между ними было много солдатъ иностраннаго легіона.

Какъ-то къ главнокомандующему явилась полная дама прибывшая на кораблѣ изъ Константинополя. Явилась она съ цѣлью испросить разрѣшеніе на устройство театра; у нея былъ кордебалетъ состоящій изъ 17 женщинъ, очаровательныхъ, какъ она говорила. „Ну, что же", спрашивалъ г. Кроэсъ у генерала Пелисье, „дали вы ей разрѣшеніе?" „Только бы этого недоставало, при 200,000 находящихся здѣсь мущинъ что сталось бы съ 17 хорошенькими женщинами и ихъ полновѣсной начальницей?" отвѣчалъ генералъ.

На Херсонесскомъ плато лагери преобразились: они приняли видъ постоянныхъ жилищъ и рѣзко отличались другъ отъ друга, съ перваго же взгляда выдавая характеръ своей національности.

У Англичанъ уже съ самаго начала ноября виднѣлись большія конусообразныя палатки, тогда какъ у насъ были пока только маленькія палатки, островерхія и до того низкія что проникали въ нихъ не иначе, какъ ползкомъ, отсюда и ихъ названіе: собачья конура. Безмолвіе царило въ англійскомъ лагерѣ, гдѣ бо̀льшею частію не было никакого движенія. Проходя по тамошнимъ улицамъ и встрѣчая лишь немногихъ гуляющихъ, можно было подумать что находишься въ покинутомъ городѣ. Не было слышно ни барабаннаго боя, ни игры въ рожокъ; сборъ, вооруженіе, тяжелыя работы, все происходило въ тишинѣ. Равно не слышно было и музыки, бо̀льшая часть музыкантовъ умерли, остальные же были отправлены въ походные госпитали въ качествѣ больничныхъ служителей, между тѣмъ какъ инструменты ихъ покоились гдѣ-нибудь въ запасныхъ магазинахъ.

У насъ же, наоборотъ, безпрерывная сутолка, словно муравейникъ гдѣ все въ движеніи; рожки и барабаны не перестаютъ сзывать однихъ на дежурство, другихъ въ караулъ и на множество работъ по осадѣ. Вотъ тянется эшелонъ солдатъ съ ружьями на перевязи, это рабочіе направляющіеся къ депо въ траншеѣ за лопатами и кирками; всю ночь безъ отдыха они станутъ подкапывать скалу.

А тѣмъ невооруженнымъ назначено отправляться за припасами. Далѣе идутъ еще нѣсколько человѣкъ поднимаясь къ плато изъ Ка-

мыша: у всѣхъ на плечахъ тяжело нагруженный ранецъ, а въ каждомъ карманѣ по ядру. Вслѣдъ за ними идутъ солдаты по-двое, одинъ за другимъ, и несутъ бомбу висящую на серединѣ палки: они направляются къ артилерійскому парку чтобы тамъ сложить свою тяжелую ношу. Ежедневно послѣ полудня передъ знаменной линіею каждаго полка играетъ музыка въ назначенные часы чтобы доставить отдохновеніе, перемѣнить направленіе мыслей, развеселить, дать людямъ случай собраться внѣ службы.

Въ началѣ осады Англичане находились въ очень затруднительномъ положеніи. Въ Скутари и въ Варнѣ жены ихъ въ своихъ шелковыхъ мантильяхъ и въ шляпахъ съ перьями готовили имъ ѣду, мыли имъ бѣлье и берегли ихъ вещи, но онѣ всѣ почти перемерли отъ холеры еще до прибытія въ Севастополь. Поэтому Англичанамъ пришлось прибѣгнуть къ настоящимъ поварамъ; для нихъ были поставлены гигантскія кухни въ которыхъ они и приготовляли пищу для цѣлаго полка. Такимъ образомъ не было въ англійскомъ лагерѣ тѣхъ безчисленныхъ небольшихъ очажковъ устраиваемыхъ между двухъ камней которые горятъ передъ линіею французскихъ палатокъ и вокругъ которыхъ сходятся солдаты погрѣться и поболтать, помогая при этомъ кухонному артисту въ его высокой миссіи изготовленія похлебки.

Главныя квартиры обѣихъ армій отстояли довольно близко одна отъ другой, но точно также различались и по виду, и по обычаямъ въ нихъ соблюдаемымъ.

Французская главная квартира состояла изъ палатокъ. Палатка главнокомандующаго занимала отнюдь не болѣе 4 квадратныхъ метровъ, она была четырехугольная и обтянутая бѣлымъ полотномъ съ синими полосами. Главнокомандующій купилъ ее передъ отъѣздомъ за 170 франковъ; въ ней были: походная кровать, столъ, два стула и два погребца. Рядомъ находилась большая палатка изъ пестраго краснаго бархата украшенная серебряной бахромой: настоящее покрывало въ манежѣ на деревянныхъ лошадяхъ во время праздника въ Нейли. Палатка эта имѣла свою исторію: захваченная во время сраженія при Исли у Мулея-Измаила, Марокскаго султана, маршаломъ Бюжо, она была подарена послѣднимъ маршалу де Сентъ-Арно который и увезъ ее съ собою на Востокъ для того чтобъ она служила канцеляріей и столовой для его главнаго штаба. Она появилась съ перваго же дня высадки на берегъ въ Олдфортѣ и съ того времени красовалась своими кричащими цвѣтами рядомъ съ неказистымъ жилищемъ генерала Канробера. По лѣвую и по правую сторону отъ ея пышныхъ складокъ тянулись прямой линіей палатки офицеровъ главнаго штаба.

Въ декабрѣ генералъ Трошю приказалъ инженерамъ построить

баракъ изъ досокъ вмѣсто палатки Мулей-Измаила представлявшей одни лохмотья неопредѣленнаго, жалкаго цвѣта.

Генералъ Канроберъ кромѣ случайныхъ гостей приглашалъ ежедневно къ обѣду своихъ офицеровъ, англійскихъ комисаровъ состоявшихъ при генеральномъ штабѣ и адъютантовъ императора, когда они находились въ арміи по порученію.

Столъ былъ овальный, его покрывали скатертями, а сервизъ былъ металическій. Генералъ будучи плохимъ гастрономомъ не обращалъ никакого вниманія на столъ, и вина были отвратительныя. Обѣдали поздно вечеромъ, когда дневная работа бывала совсѣмъ закончена, и обѣдъ проходилъ въ нескончаемыхъ разговорахъ. Въ числѣ этого разнокалибернаго по составу общества было много выдающихся людей, и бесѣда отличалась разнообразіемъ и интересомъ.

Тѣмъ немногимъ изъ состава этого генеральнаго штаба которые еще живы до сихъ поръ памятны слышанныя ими въ ту пору изъ устъ главнокомандующаго его дѣтскія и юношескія воспоминанія и его разказы о старыхъ солдатахъ Великой Арміи.

Англійскій главный штабъ помѣщался въ единственномъ уцѣлѣвшемъ на всемъ плато домѣ. Это былъ дачный домикъ принадлежавшій вѣроятно зажиточному помѣщику. Къ дому прилегали многочисленныя службы, и весь участокъ былъ обнесенъ стѣной. Издали это единственное каменное жилище съ красною черепичною кровлей и купой густыхъ деревьевъ казалось какъ бы призракомъ цивилизаціи затерявшейся среди варварства, служа символомъ спокойствія, тишины и семейственности въ этой пустынѣ болѣе населенной чѣмъ городъ. Лордъ Рагланъ занималъ здѣсь въ первомъ этажѣ одну комнату, рядомъ была комната генерала Эрея, затѣмъ зала гдѣ собирался военный совѣтъ, она же служила и столовой. Все помѣщеніе было прилично меблировано. Въ rez-de-chaussée находились три комнаты: одна для французскаго аташе, подполковника Вико, другая для сэръ Джона Бэргойна и третья, самая просторная, для офицеровъ генеральнаго штаба.

Домъ оказался въ невѣроятно грязномъ видѣ и немало стоило трудовъ его вычистить. Но этотъ трудъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ который пришлось положить на приведеніе въ порядокъ службъ гдѣ кишмя кишѣли насѣкомыя. Только окуривъ, выбѣливъ ихъ заново и выливъ на нихъ нѣсколько бочекъ жидкости для истребленія насѣкомыхъ оказалось возможнымъ превратить эти помѣщені въ канцелярію, гдѣ разложили планы, карты и чертежи сдѣланны генеральнымъ штабомъ и инженерами.

Въ своей комнатѣ французскій военный аташе Вико, искусны рисовальщикъ, начертилъ углемъ на заново выбѣленныхъ стѣнах

наброски въ видѣ сценокъ то изъ свѣтской жизни, то изъ военной, то изображающихъ историческіе или миѳологическіе сюжеты. Это была удачная выдумка. Она придала веселый видъ комнатѣ куда офицеры главнаго штаба обѣихъ армій собирались поболтать во время засѣданія военнаго совѣта. Офицеры англійскаго генеральнаго штаба помѣщались сначала въ палаткахъ которыя вскорѣ были замѣнены тесовыми бараками прислоненными къ стѣнамъ службъ. Передъ главнымъ корпусомъ гдѣ помѣщался главнокомандующій былъ фруктовый садъ съ виноградниками, перерѣзанный алеями перекрещивающимися подъ прямымъ угломъ. Вдоль стѣны которою онъ былъ обнесенъ росли крупныя деревья составлявшія единственное зеленое пятно на Херсонесскомъ плато. Само же оно представлялось тѣмъ кто на немъ жилъ грязно-желтымъ съ сѣроватымъ оттѣнкомъ. Въ своемъ обнесенномъ стѣнами котэджѣ англійскій главнокомандующій зажилъ жизнью деревенскаго лорда. Въ началѣ осады онъ часто выходилъ изъ дома отправляясь туда гдѣ требовалось его присутствіе, но съ наступленіемъ ноября заперся у себя въ домѣ для котораго было выписано цѣлое множество печей и больше не показывался. Онъ даже не надѣвалъ мундира, а носилъ, какъ впрочемъ дѣлаютъ и всѣ Англичане, когда они не на службѣ, охотничій костюмъ или платье которое надѣваютъ туристы отправляясь на Монбланъ или на Юнгфрау. У Англичанъ это называется одѣваться en mufti, такъ же какъ у насъ en pékin. Лордъ Лайонсъ выговаривалъ однажды лорду Раглану за то что онъ держится вдали отъ арміи постоянно пребывая одинъ въ своей главной квартирѣ и уговаривалъ его бывать въ лагерѣ и бесѣдовать иногда съ солдатами. Лордъ Рагланъ, говорятъ, отвѣчалъ ему на это что воздерживается отъ посѣщенія войска потому что оно и безъ того имѣетъ отдыхъ только на пятыя сутки послѣ четырехдневнаго труда и что онъ не хочетъ утомлять своихъ солдатъ еще болѣе заставляя ихъ лишній разъ браться за оружіе.

Разказываютъ также что позже сэръ Джорджъ Браунъ въ бесѣдѣ на ту же тему хвастался тѣмъ что постоянно ходитъ по лагерю и разговариваетъ съ солдатами и что поэтому они всѣ его знаютъ.

— Васъ знаютъ всѣ солдаты вашей дивизіи? съ сомнѣніемъ спросилъ его лордъ Рагланъ.

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ пройдемтесь по вашему лагерю и спросите пе имя у перваго попавшагося стрѣлка. Держу пари на гинею, ръ Джорджъ, что онъ не сумѣетъ отвѣтить.

Пари состоялось.

Они обратились къ первому встрѣтившемуся имъ на пути солдату. ордъ Рагланъ спросилъ его указывая на сэръ Джорджа Брауна,

красиваго старика съ великолѣпными сѣдыми волосами: „Знаешь ты этого господина?“ „Да, это мой генералъ...“ Больше ничего не удалось отъ него добиться, и сэръ Джоржъ вынужденъ былъ уплатить проигранную гинею лорду Раглану.

Правдивъ этотъ разказъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ забавенъ, и кромѣ того любопытенъ потому что служитъ нагляднымъ доказательствомъ того что съ самаго начала зимы лордъ Рагланъ проникся убѣжденіемъ что его роль и роль его арміи чисто „пасивная“. Удерживать свои позиціи, это все что̀ онъ могъ дѣлать, такъ какъ Французы взяли на себя самую трудную часть задачи: атаку Малахова.

Съ какими противниками намъ приходилось имѣть дѣло?

Сорокъ лѣтъ спустя маршалъ Канроберъ, привскочивъ на креслѣ при этомъ вопросѣ и глядя на собесѣдника своими сверкающими глазами, говорилъ: „Чтобы понять что̀ такое были наши противники вспомните 16.000 моряковъ которые съ плачемъ потопили свои корабли чтобы загородить входъ въ гавань и заперлись потомъ въ казематахъ-бастіонахъ со своими пушками подъ командою адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина.

„Подъ конецъ осады ихъ осталось всего 800, остальные же и всѣ три адмирала пали при своихъ орудіяхъ.

„Корниловъ чертами лица, очень красивыми, напоминалъ, говорятъ, Бонапарта, перваго консула. Это былъ герой умѣвшій воспламенять сердца своихъ моряковъ.

„Объѣзжая верхомъ бастіоны онъ собиралъ вокругъ себя солдатъ и говорилъ имъ: „ребята, умремъ, а не сдадимъ Севастополя!“ И всѣ они, неспособные говорить фразы и обладающіе въ области умственнаго развитія единственно чувствомъ любви къ отечеству, отвѣчали: „умремъ, ура!“ И они сдержали слово.

„Въ первый день бомбардировки Корниловъ передъ уходомъ изъ дома писалъ женѣ своей, посылая ей карманные часы которыми очень дорожилъ: „здѣсь они могутъ быть разбиты ядромъ“. Онъ сѣлъ на лошадь и объѣхалъ подъ непріятельскимъ огнемъ всѣ укрѣпленія. Когда онъ подъѣхалъ къ мачтовому бастіону служившему мишенью для бомбъ, офицеры ухватились за его лошадь чтобы не дать ему подняться къ орудіямъ. „Ваша жизнь слишкомъ необходима для Севастополя, будьте увѣрены что мы исполнимъ свой долгъ“, говорили они. „Я знаю, но въ этотъ торжественный день“, отвѣчалъ онъ, „видѣть нашихъ героевъ на мѣстѣ ихъ подвиговъ стало потребностью моей души“.

„У Малахова кургана тѣ же просьбы, тотъ же отказъ. Въ то время какъ онъ стоялъ на площадкѣ, бомбой у него отняло часть тѣла, онъ упалъ, принесены были носилки, онъ могъ еще держаться

на нетронутомъ боку прежде, чѣмъ впасть въ обморокъ, и сказалъ тѣмъ кто толпился вокругъ него: „скажите всѣмъ что сладко умирать когда совѣсть чиста... Спасите Севастополь, не сдавайте его..." И онъ впалъ въ безсознательное состояніе отъ котораго уже не очнулся. Я сильно сожалѣлъ о его смерти, я такъ же радъ былъ бы поздравить его, какъ радъ былъ впослѣдствіи встрѣтивъ Тотлебена выразить ему мое восторженное удивленіе.

„Генералъ Тотлебенъ былъ посланъ послѣ осады Силистріи княземъ Михаиломъ Горчаковымъ къ князю Меньшикову съ письмомъ въ которомъ онъ рекомендовалъ его какъ самаго искуснаго инженера въ русской арміи могущаго быть болѣе полезнымъ въ Севастополѣ нежели въ Бесарабіи.

„Корниловъ поручилъ ему въ ночь послѣдовавшую за сраженіемъ при Альмѣ техническія работы по защитѣ позиціи. Съ самаго начала осады мы постоянно видали изъ нашего лагеря на дорогѣ между различными пунктами непріятельской позиціи всадника на маленькой вороной лошадкѣ съ густымъ хвостомъ: это былъ Тотлебенъ. Около 8 мѣсяцевъ онъ оставался невредимымъ и былъ раненъ только подъ конецъ осады, когда уже свершилъ порученное ему дѣло. Чтобы дать понятіе о свойствѣ его ума привожу довольно любопытный фактъ. Какъ только были переданы ему работы по укрѣпленію, онъ пересталъ распечатывать получавшіяся на его имя письма и пакеты. Всѣ они складывались въ ящикъ. Онъ познакомился съ ихъ содержаніемъ только по заключеніи мира и тогда убѣдился что тамъ не было ни одной важной бумаги".

Онъ не хотѣлъ чтобы кто-либо и что-либо могли помѣшать ему или повліять на него. Выработавъ планъ и принявъ мѣры онъ рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не уклоняться отъ намѣченной цѣли: къ чему же было отвлекаться вопросами которые могли бы отклонить его съ пути?

Особенностью характера Тотлебена была практичность и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ и къ мѣсту не заботясь о правилахъ и незыблемыхъ теоріяхъ осадной войны. Выбравъ самый узкій фронтъ позиціи онъ вооружилъ всѣ главные пункты его артилеріей, а промежутки между ними стрѣлками. Такимъ образомъ ему удалось сосредоточить на всѣхъ путяхъ къ городу перекрестный артилерійскій и ружейный огонь съ флангов и съ фаса, что́ рѣшительно препятствовало подступленію непріятельскихъ колоннъ.

Для своихъ работъ по укрѣпленію генералъ Тотлебенъ нашелъ самое преданное содѣйствіе со стороны севастопольскаго населенія всецѣло состоящаго изъ рабочихъ на верфяхъ и въ арсеналахъ. Жен-

щины и дѣти наравнѣ съ мущинами принялись неустанно копать землю подъ непріятельскимъ огнемъ.

На ряду съ этими рабочими и моряками слѣдуетъ поставить русскаго солдата, особенно пѣхотинца: онъ явился здѣсь такимъ же какимъ мы знали его раньше подъ Эйлау и подъ Москвой, такимъ какимъ его описалъ еще Жомини генералу Канроберу наканунѣ отъѣзда этого послѣдняго въ Крымъ: допустимъ даже что его настраиваютъ, фанатизуютъ обращеніями къ нему, но какъ бы то ни было онъ не двинется со своего поста. Ветеранъ кавказскихъ войнъ и новобранецъ оторванный отъ сохи равно исполняли свой долгъ и умирали на полѣ битвы. Они шли на приступъ нашихъ позицій при Инкерманѣ и Траккирѣ безъ колебанія и защищались въ своихъ ложементахъ и редутахъ пока не падали мертвыми.

Подобные противники были страшны для союзниковъ, но не такъ страшны были люди какъ климатъ. „Если царь не будетъ доволенъ Меньщиковымъ", говорили солдаты, „то пришлетъ на насъ генераловъ Декабрикова да Январикова, тѣ уничтожатъ насъ лучше бомбъ и ядеръ." Зима дала о себѣ знать 14 ноября. Утромъ около 5 часовъ поднялся такой сильный вѣтеръ что въ лагеряхъ всѣ сразу проснулись вслѣдствіе того что палатки подъ которыми спали опрокинулись и сломились спящимъ на голову. Въ одно мгновеніе палатки были превращены въ лоскутья и унесены вѣтромъ. У нѣсколькихъ большихъ генеральскихъ палатокъ главнаго штаба сломались штанги; всѣ были ошеломлены и не сознавали, гдѣ находятся, талый густой снѣгъ леденилъ члены и мѣшалъ что̀-либо видѣть. По временамъ вѣтеръ уносилъ всѣ вещи и опрокидывалъ съ ногъ людей. Тамъ гдѣ были стѣны или встрѣчалось какое-либо препятствіе сбивались вмѣстѣ самые разнообразные предметы: оружіе, остатки отъ палатокъ, чугунные котлы и мѣдные музыкальные инструменты или барабаны, охапки сѣна, сбруя, полѣнья, стулья, столы, все это поломанное, вымоченное. Несчастные солдаты ползали на-четверенькахъ за своими вещами: невозможно было развести огня и приготовить пищу. Офицеры старались ободрить своихъ солдатъ, не давали имъ присаживаться на-корточки или прикурнуть за какой-либо случайной защитой, а заставляли двигаться. Палатка генерала Боскета была повалена одною изъ первыхъ, и шестъ сломанъ, его замѣняли два раза дышломъ отъ ф[illegible] и два раза онъ ломался отъ порывовъ вѣтра. Три раза солд[illegible] ставили палатку генерала Канробера и нѣсколько человѣкъ расп[illegible]лось до смерти при паденіи. Молніи сверкали и земля дрожала [illegible] грома, градъ смѣнялся талымъ снѣгомъ и градины какъ каме[illegible] подпрыгивая катились по землѣ. Лошади тащились съ великими [illegible]ліями, многія спаслись, другія же искавшія укрыть голову свя[illegible]

лись въ овраги, гдѣ и тонули. Походные госпитали находились въ ужасномъ положеніи. Самые главные были расположены въ оврагахъ и покрыты парусиной и досками. Эти крыши плохо прикрѣпленныя сорвались и свалились на больныхъ: многіе были убиты подъ обломками, явились и новыя раны. Безсильные, обезумѣвшіе рабочіе, несмотря на все желаніе оказать помощь своимъ товарищамъ, не могли ничего сдѣлать. Постели, матрацы плавали въ водѣ и въ грязи: больные лежали почти неприкрытыми на холоду, подъ дождемъ, снѣгомъ и градомъ.

Близь главной квартиры находился большой досчатый баракъ съ 500 больныхъ и раненыхъ. Пытались укрѣпить эту постройку, но вотъ послѣ полудня послышался зловѣщій трескъ сопровождаемый криками. Баракъ частію обрушился. Принялись спасать.... Сколько было убитыхъ или умирающихъ! На мѣстѣ осады траншеи превратились въ потоки грязи, и солдаты плохо прикрытые, а въ особенности плохо обутые, плавали по этому зараженному болоту. Въ 4 часа вѣтеръ слегка спалъ и къ ночи прекратился. Если буря разразилась въ такой степени на сушѣ, то въ какой же степени она должна была разбушеваться на морѣ?.. Облака спустились надъ самой землею и туманъ не давалъ возможности различить что-либо на водѣ.

Въ продолженіе всего дня съ различныхъ пунктовъ слышны были среди рокота волнъ и порывовъ вѣтра непрерывные залпы сторожевой пушки призывавшей на помощь.

Въ лагерѣ вечеромъ по наступленіи тишины, когда несчастные промокшіе и окоченѣвшіе отъ холода пытались снова укрѣпить свои палатки и отыскать свои вещи, всѣхъ не мало тревожили заботы о флотѣ. Собственное ихъ бѣдственное положеніе менѣе пугало ихъ, нежели неизвѣстность окружавшая нашихъ моряковъ, участь которыхъ была еще тяжелѣе. Не ждетъ ли насъ извѣстіе о полнѣйшей гибели нашихъ кораблей и ихъ экипажа?

Никто не утѣшался илюзіями; начиная отъ главнокомандующаго и до солдата, всѣ сознавали что, погибни флотъ, погибнетъ и армія. Ей пришлось бы въ такомъ случаѣ умереть съ голода прежде чѣмъ новые корабли изъ Франціи или Англіи подоспѣютъ къ ней со съѣстными припасами.

На другой день съ зарею словно по уговору поднялось движеніе: отъ дивизій, бригадъ, полковъ и батарей стекались со всѣхъ сторонъ и пунктовъ къ главной квартирѣ посланные съ цѣлью получить извѣстіе о флотѣ.

Потери были значительны, нѣсколько кораблей выкинуты на берегъ, всѣ остальные потерпѣли аваріи, но въ общемъ, хотя и пострадавшій, флотъ еще существовалъ. Невозможно себѣ и представить,

какова была всеобщая радость, когда на зарѣ верховой вѣстовой везшій это извѣстіе отъ адмирала Гамелина прискакалъ во всю прыть въ главную квартиру.

Англійскій флотъ пострадалъ сильнѣе: 8 транспортныхъ судовъ нагруженныхъ теплой одеждой погибли и невозможно было возмѣстить эту потерю.

Балаклавская гавань вся была запружена обломками изрубленными, истолченными какъ начинка для пирога.

Надлежало исправить попорченное и поднять духъ арміи. На другой день генералъ Канроберъ объѣхалъ лагери, траншеи, амбулаторіи, вступая съ каждымъ въ разговоръ, освѣдомляясь о страданіяхъ и ободряя. Повсюду сбѣгались при его проѣздѣ чтобъ привѣтствовать его. Въ усердіи солдатъ чуялось чувство признательности къ начальнику не покидавшему ихъ и спѣшившему освѣдомиться объ нихъ и раздѣлить ихъ испытанія, хотя и собственныя раны его еще не закрылись.

Ни ропота, ни сожалѣній, ни замѣчаній не послышалось изъ рядовъ, хотя въ подобныя минуты іерархія болѣе не существуетъ, ранги исчезаютъ передъ причиненными природой бѣдствіями, а остаются налицо только люди страдающіе сообща отъ одной и той же причины, люди съ ихъ недостатками, съ ихъ качествами, а главнымъ образомъ съ ихъ инстинктами.

Эта Крымская армія была поразительна по своей преданности дому, самоотреченію и выносливости, несмотря на жестокія лишенія.

Получила она теплую одежду не ранѣе конца осенняго сезона; овчины затребованныя въ іюнѣ были выгружены съ кораблей въ декабрѣ, почти въ одно время съ крымчатками, плащами съ суконнымъ капюшономъ (изобрѣтеніе г. Аригаса, чиновника при главныхъ складахъ арміи); штиблеты были разосланы чуть не наканунѣ Рождества, а башлыки къ Новому году. Къ несчастію, носки и деревянные башмаки въ которыхъ всѣ наиболѣе нуждались прибыли только въ концѣ января и въ февралѣ.

Въ огромномъ красномъ башлыкѣ (головной уборъ зуавовъ) надѣтомъ на затылокъ и на уши, въ курткѣ подбитой овчиной, въ сабо прикрѣпленныхъ къ штиблетамъ шнурами и бичевками, офицеры не могли отличаться отъ солдатъ, вслѣдствіе чего и было предписано чтобъ офицеры носили на лѣвомъ рукавѣ галуны указывающіе на ихъ чинъ, какъ это въ ходу у моряковъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ дожди шли почти безпрерывно и по временамъ продолжались по двое сутокъ сплошь. Траншеи походили на рѣки, глинистая почва размякшая отъ воды превратилась въ жидкую грязь. Насосы были не въ состояніи откачивать это клейкое и

густое вещество прилипавшее къ ногамъ и къ одеждѣ. А между тѣмъ солдаты оставались по 24 часа сряду въ этой грязи обязанные въ видѣ единственнаго развлеченія отстрѣливаться отъ непріятельскаго огня. А между тѣмъ на батареяхъ и на окопахъ копали, насыпали землю, устанавливали пушки не смотря ни на что.

За декабрьскими дождями послѣдовали январьскіе морозы и снѣга: на траншеи все продолжали ходить, тамъ грязь обратилась въ твердую кочковатую массу: и копать ее, и ходить по ней было тяжело. Случаи отмораживанія участились; они были серіозны, такъ какъ большая половина ихъ имѣла слѣдствіемъ или смерть или утрату какого-либо члена. Всего чаще подвергались отмораживанію нижнія конечности, потому что солдаты были обуты въ башмаки, на которыхъ кожа отъ мокроты въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ссѣлась и отъ мороза потрескалась. Солдатскія шинели также намокшія отъ дождя не высыхали болѣе, и солдаты наши спали и проводили весь день въ одеждѣ промокшей насквозь какъ губка. Слѣдствіемъ этого явилось множество случаевъ воспаленія легкихъ.

Послѣ вылазокъ и стычекъ съ мертвыхъ въ одно мгновеніе ока снимали сапоги и шинели. Дѣлали солдаты и лучше или вѣрнѣе хуже: въ концѣ ноября до получки теплой одежды они отправлялись по ночамъ втроемъ или вчетверомъ откапывать мертвецовъ павшихъ подъ Инкерманомъ, какъ настоящіе вампиры срывали съ полусгнившихъ труповъ шинели или куртки и какъ драгоцѣнность приносили эти лоскуты матеріи для того чтобы сдѣлать подкладку къ своей одеждѣ или зачинить полотно своихъ палатокъ.

Правительство не доставляло предметовъ первой необходимости какъ, напримѣръ, освѣщенія, и въ лагеряхъ начиная съ 4 и до 7 часовъ вечера сидѣли въ темнотѣ, мелочные же торговцы въ Камышѣ брали по одному франку за сальную свѣчку.

Недостатокъ освѣщенія и неимѣніе книгъ въ теченіе зимы ощущались въ особенности офицерами: они буквально вырывали другъ у друга остатки старыхъ газетъ, засаленные романы или ветхіе нумера журнала „Revue des deux Mondes". Непонятно какимъ образомъ военная администрація не позаботилась устроить библіотеку для офицеровъ и солдатъ на время осады.

Пища была отвратительна: соленое свиное сало и отсутствіе вѣжей говядины породили эпидемію скорбута унесшую болѣе 20.000 іеловѣкъ; сухари часто были всѣ источены червями, и лишь изрѣдка давался провіантскій хлѣбъ. Довольно часто отпускались порціи вина ли водки, да и то вино бывало нерѣдко подмѣшано. Главный профосъ и аптекарь были вынуждены вмѣшаться въ дѣло и подать главнокомандующему рапортъ съ просьбой чтобы онъ воспретилъ

интендантству раздачу завѣдомо вреднаго провіанта. Порція свинаго сала (и всегда свинаго, никогда свѣжаго мяса) была такъ ничтожна что стòило забрести на балаклавскую равнину какой-нибудь лошади, какъ тотчасъ начиналась охота за ней. Ежедневно составлялись компаніи охотниковъ за блуждавшими лошадьми оставшимися безъ хозяевъ за смертью ихъ владѣльцевъ и съ такой охоты привозились куски мяса которые поѣдались съ наслажденіемъ къ величайшему удивленію и отвращенію Англичанъ: они получали ежедневно по $1^1/_4$ ф. говядины на человѣка.

Не смотря на эти невзгоды веселье насъ не покидало. Какъ въ былыя времена, въ гарнизонѣ артилеристы отпраздновали день св. Варвары, своей покровительницы: въ обсерваціонномъ корпусѣ устроили для пиршества залу, стѣны которой состояли изъ вязанокъ сѣна положенныхъ другъ на друга. Скатертями служили простыни.

Самымъ большимъ лишеніемъ, отъ котораго не мало терпѣли войска, былъ недостатокъ топлива: интендантство не доставило даже количества дровъ необходимаго для кухни. Въ самые жестокіе холода, въ самые проливные дожди бѣдные солдаты наши не имѣли пня чтобъ согрѣться и обсушиться, а между тѣмъ одному Богу извѣстно, до чего экономили топливо. Однажды въ январѣ мороза было до 16° ниже нуля. Адмиралъ Брюа пріѣхавъ на вельботѣ высадился на берегъ. Толпа зуавовъ увидавъ его пріѣздъ задумала овладѣть вельботомъ чтобъ вырубить изъ него полѣньевъ. Они пригласили моряковъ вельбота выпить по чаркѣ, и тѣ вернувшись назадъ не нашли больше своего судна. Въ одну минуту оно было разрублено на мелкіе куски, отнесено въ лагерь, и солдатскій супъ уже варили на этихъ обломкахъ. Адмиралъ Брюа не принялъ дѣла въ шутку, но генералъ Канроберъ добродушнѣе отнесся къ происшествію и уговорилъ адмирала не сердиться.

Въ другой разъ когда выпалъ глубокій снѣгъ, шаги по побѣлѣвшей землѣ не были слышны и все было безмолвно, и даже крѣпостная пушка случайно молчала, генералъ Канроберъ вознамѣрился посѣтить лагерь полка только-что прибывшаго изъ Франціи. Никого въ алеяхъ нѣтъ, палатки закрыты, всѣ спятъ, окоченѣвшіе отъ холода и измученные отъ физическаго и нравственнаго гнета, отъ лишеній и страданій. Можно было принять лагерь за кладбище. Генералъ подходитъ къ одной изъ палатокъ, открываетъ ее, зоветъ солдата который и выходитъ. „Отчего ты не встаешь?“ „Слишкомъ холодно“. „Ну, такъ разведи огонь“. „Да топлива нѣтъ“. „Позови своихъ товарищей, возьми заступъ и слѣдуй за мной, я тебѣ укажу топливо“. Привлеченные его рѣчами всѣ выходятъ изъ палатокъ, и генералъ шествуетъ впередъ въ сопровожденіи этой толпы людей которыхъ онъ какъ бы разлакомилъ:

словно толпа людоѣдовъ, „quaerens quem devoret". Придя на пустое мѣсто, генералъ остановившись показываетъ концомъ своей палки на маленькіе почернѣвшіе прутья: „Смотрите, вотъ дрова". Солдаты принимаются хохотать. „Вотъ такъ шутка", они ничего не понимаютъ, подталкиваютъ другъ друга, переглядываясь, покачивая головой съ видомъ сомнѣнія. Ужь не смѣется ли надъ ними генералъ? Тогда генералъ Канроберъ говоритъ: „ну, покопайте-ка тутъ". Раскопавъ землю вокругъ сухихъ прутьевъ, они находятъ огромный пень. „Вездѣ, гдѣ вы ни увидите эти отростки, копните разъ-другой и вы найдете себѣ дрова". Тогда всѣ принялись за работу, отогрѣлись и сразу полкъ пріободрился и развеселился. Херсонесское плато содержало въ своей почвѣ массу пней, солдаты живо повыкопали ихъ, а къ концу декабря они окончательно свалили или, лучше сказать, откопали подземный лѣсъ, какъ они его называли.

Въ то время какъ солдатъ боролся со стихіями, главнокомандующій боролся письменно съ интендантствами какъ Крымскимъ, такъ и Парижскимъ чтобы отстоять безопасность и жизнь своихъ солдатъ.

Онъ самъ часто разказывалъ мнѣ, въ какомъ страхѣ онъ находился боясь какъ бы армія не умерла съ голода.

„Нѣсколько дней спустя послѣ того какъ мы расположились подъ Севастополемъ, намъ оставалось съѣстныхъ припасовъ только на три дня. Я же благодаря адмиралу Гамелину получалъ два дня свиное сало изъ запасовъ флота. Тѣмъ временемъ прибывшая изъ Варны съ провизіей дивизія Лавайана спасла насъ отъ голода, но я испытавъ сильный страхъ далъ себѣ обѣщаніе слѣдить ближе за интендантствомъ до конца похода. Но въ концѣ декабря случилось очень важное происшествіе которое хотѣли отъ меня скрыть. Однажды въ субботу мнѣ доставили вполнѣ правильный отчетъ о состояніи запасовъ находившихся въ то время въ Крыму; я былъ убѣжденъ что ихъ хватитъ на 13 дней и мнѣ казалось что я могъ быть покоенъ съ этой стороны, какъ вдругъ, по счастливой случайности, узнаю я въ тотъ же вечеръ что отчеты поддѣланы. Извѣщенный объ этомъ, я поспѣшилъ предотвратить одно изъ самыхъ критическихъ положеній.

„Между моими офицерами-ординарцами находился храбрый старикъ, гендарный герой африканской арміи по своимъ блестящимъ дѣ-ламъ; онъ былъ невзраченъ собою и не всегда служилъ примѣромъ добродѣтели; онъ 15 лѣтъ былъ зуавомъ; три раза производился въ фельдфебели и три раза былъ разжалованъ, хотя имѣлъ уже и орденъ; произведенный, наконецъ, въ подпоручики по предложенію герцога ...альскаго, онъ бился рядомъ со мною подъ Заатчей и былъ раненъ

во время штурма. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе со мною не разставался и былъ мнѣ крайне преданъ. Но и въ Крыму онъ сохранилъ привычку посѣщать иногда питейные дома. И вотъ именно въ ту самую субботу онъ отправился въ Камышъ и встрѣтясь въ кафе съ субалтернъ-офицеромъ изъ интендантства, вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Вскорѣ этотъ офицеръ по секрету сдѣлалъ нѣсколько дружескихъ сообщеній, между прочимъ сказалъ: „получили вы сегодня утромъ продовольственные-то отчеты? Ну, такъ знай: они поддѣланы... Запасовъ-то только на 3 дня всего на всего, а патронъ [1]) вашъ ничего и не подозрѣваетъ." Дешаръ не теряется, разспрашиваетъ, помогаетъ своему собесѣднику проболтаться и спѣшитъ сообщить мнѣ о слышанномъ. Я вызываю къ себѣ главнаго интенданта Бланшо который и является въ мою палатку. Это былъ крупный, красивый господинъ, онъ служилъ ранѣе капитаномъ въ зуавахъ при маршалѣ Валлэ, его дядѣ и покровителѣ. Сперва онъ не хотѣлъ ясно высказаться, но я такъ его поприжалъ и самъ, конечно, при этомъ такъ взбѣсился что онъ сознался въ истинѣ. Я стараюсь выискать средство какъ выйти изъ этого положенія. Къ счастію, на другой же день прибыло судно съ припасами, но я написалъ императору письмо съ тѣмъ чтобъ изложить наиточнѣйшимъ образомъ опасности которымъ мы подвергались. Впрочемъ, все время мнѣ приходилось бороться съ министерствомъ чтобы добиться самыхъ необходимыхъ вещей. Такъ вы уже знаете что мы прибыли въ Крымъ съ небольшими палатками которыя по своей формѣ, по тѣснотѣ могутъ служить не иначе какъ при краткихъ стоянкахъ, но ихъ невозможно допустить для продолжительнаго пребыванія, особливо при такомъ суровомъ климатѣ. Въ короткое время дождь, грязь и вѣтеръ превратили ихъ въ лоскутья и ихъ необходимо было исправлять; точно также солдаты безусловно должны были имѣть носки и деревянные башмаки. И вотъ сталъ я требовать палатокъ и сабо, начиная съ сентября, но и въ январѣ я еще ничего не получалъ, а между тѣмъ дѣло стояло не отъ недостатка понуканій. Почитайте-ка", и старый маршалъ, взявъ изъ своей библіотеки одно изъ своихъ зарегистрованныхъ писемъ, показалъ мнѣ письмо отъ 27 октября:

„Я не могу себѣ представить чтобы палатки, носки и сабо затребованные еще въ сентябрѣ были до сихъ поръ не высланы".

„Отъ 8 декабря та же пѣсня: я замѣтилъ что у солдатъ развивается кашель. Еслибы по возвращеніи въ лагерь они имѣли сносное

---

[1]) Выраженіе употребляемое адъютантами и ординарцами для обозначенія генерала при которомъ они состоятъ.

жилище, шерстяные носки и сабо, то имъ и не требовалось бы ничего лучше. Носки и сабо одно изъ самыхъ необходимыхъ условій для сбереженія солдатъ въ эту войну, очень жаль что сначала въ нихъ было отказано и что войска не могли ими воспользоваться ранѣе начала января.

„Въ одной депешѣ отъ 19 декабря я прибавилъ: я не напоминаю вамъ болѣе о палаткахъ и сабо, это лишенія печальныя и необъяснимыя. А въ письмѣ своемъ отъ того же числа: большія палатки, несмотря на всѣ мои старанія, не получены; тоже самое и съ сабо и наконецъ съ одѣялами. Люди живутъ въ мокротѣ, отъ этого происходятъ лихорадки и чахотка, кромѣ того съ началомъ холодовъ стали обмерзать ноги. Наконецъ, 26 декабря я обратился съ этой послѣдней просьбой къ генералу Ларшэ въ Константинополь: „Не могу вамъ выразить, до какой степени меня заботитъ неполученіе предметовъ въ которыхъ особенно нуждается армія. Триста французскихъ палатокъ сейчасъ прибыли, но вы можете судить, до чего мнѣ жаль и обидно, когда узнаете что съ ними нѣтъ ни подпорокъ, ни болтовъ. Можете ли вы себѣ представить чтобъ войска прибывающія изъ Франціи имѣли палатки безъ подпорокъ: невозможно себѣ и вообразить что-либо болѣе неосмотрительное.“

Факты эти были до того извѣстны что лордъ Рагланъ, указывая на это своему правительству, просилъ поступать съ его войсками иначе.

Между тѣмъ какъ беззаботность и безпечность царили въ канцеляріяхъ, генералъ Канроберъ, напротивъ, хлопоталъ и всячески старался ободрить солдата, помочь и доставить ему нѣкоторое довольство. За все время своего командованія онъ не удержалъ для себя ни одного сантима изъ своего жалованья, бо̀льшая часть его расходовалась на общія нужды арміи. Въ сильные холода онъ приказалъ закупить на свой счетъ мѣстныхъ муловъ. Эти мулы и сильнѣе нашихъ лошадей, и лучше выносили климатъ, и, наконецъ, могли перевезти изъ Камышской гавани въ лагерь съѣстные припасы и вещи которые иначе долго оставались бы на мѣстѣ за неимѣніемъ возможности переправить ихъ, въ то время какъ солдаты съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ. Но самая бо̀льшая часть жалованья генерала шла на больныхъ и раненыхъ. По крайней мѣрѣ часъ уходилъ у него ежедневно на посѣщеніе амбулаторій и госпиталей. Бо̀льшая часть ихъ, какъ мы уже говорили, находилась въ прикрытыхъ рвахъ образовавшихъ подземныя галереи. Во всю длину ихъ лежали рядами тѣла которыя можно было принять за трупы. Воздухъ освѣжался въ этихъ подобіяхъ погребовъ рѣдко, атмосфера была тяжелая, пропитанная лихорадочнымъ дыханіемъ, неслось зловоніе отъ разлагающейся крови, а по временамъ сюда проникалъ рѣзкій вѣтеръ, хо-

лодъ, снѣгъ, градъ и дождь и охватывали больныхъ. Оба конца этой галереи освѣщались дневнымъ свѣтомъ. Входившій оказывался въ полутьмѣ къ которой привыкалъ постепенно. Повязки на раненыхъ были въ крови, но и раненые не представляли до такой степени подавляющаго зрѣлища, какъ больные въ исхудалыхъ чертахъ которыхъ выражались особенная грусть, покорность хватающая за душу. Не разъ генералъ Канроберъ повторялъ мнѣ что у него сердце во сто кратъ разрывалось сильнѣе при видѣ страданій чахоточныхъ, скорбутиковъ, тифозныхъ или другихъ больныхъ, чѣмъ даже при видѣ ранъ или изуродованныхъ тѣлъ.

Несчастные эти умираютъ тысячами и необходимо скрывать эту страшную истину отъ войскъ которыя могли бы пасть духомъ, поэтому-то мертвецовъ и хоронятъ ночью. Выкапываютъ громадныя могилы при свѣтѣ зловѣщихъ факеловъ, Арабы и фуражиры накладываютъ въ амбулаторіяхъ трупы, священникъ и интендантскій чиновникъ замыкаютъ шествіе и сопровождаютъ ихъ. Чиновникъ ведетъ записи, а полковой священникъ окропляетъ святой водой и прочитываетъ молитву надъ этими безыменными жертвами военнаго долга и почти всегда административнаго нерадѣнія. Вотъ и все. Ежедневно тѣ же фуры привозятъ новыхъ мертвецовъ которыхъ ночные дежурные быстро засыпаютъ известкой и землей при мерцающемъ свѣтѣ жалкаго огарка. Такъ какъ мы говоримъ объ амбулаторіяхъ, надо упомянуть что, несмотря на значительное число раненыхъ и больныхъ, въ Крыму не существовало ни одной прачешной для стирки бѣлья. Можно себѣ представить въ какомъ гнойномъ смрадѣ пребывали больные кровавымъ поносомъ, холериной и страдающіе внутренними разстройствами кишекъ. Они лежали въ своихъ нечистотахъ, испаренія отъ которыхъ распространяли и развивали заразу. Въ средѣ медицинскаго персонала самоотверженность шла рука объ руку съ знаніемъ. Все было предусмотрѣно инспекторами, и предупредительныя мѣры были указаны въ рапортахъ до начала зимы. Министерскіе бюрократы тщательно уложили эти рапорты въ зеленые картоны, и историки находятъ ихъ теперь покрытыми почтенной пылью, какъ доказательство предусмотрительности и преданности дѣлу однихъ и безпечности и небрежности другихъ.

Ежедневныя посѣщенія генераломъ Канроберомъ больныхъ и раненыхъ отнюдь не мѣшали ему отправляться и на траншеи. Не проходило дня чтобъ онъ тамъ не появлялся. Иногда онъ шелъ туда ночью, въ сильнѣйшіе холода и въ проливные дожди. Это служило доказательствомъ и знакомъ сочувствія которое онъ желалъ выразить своимъ солдатамъ, приходя повидать ихъ въ самую трудную, въ самую опасную минуту ихъ службы. Генералъ ѣхалъ

верхомъ до дома съ колоколенкой, откуда начинались траншеи. Это былъ цѣлый городъ, громадный городъ съ безконечными улицами, гдѣ жители находились въ постоянномъ движеніи. Немного городовъ на свѣтѣ обладаютъ столь развитою сѣтью путей какая была при осадѣ Севастополя. Когда городъ палъ, прочно выстроенныя траншеи прикрытыя турами и фашинами тянулись на пространствѣ цѣлыхъ 80 километровъ!

Сойдя съ лошади, генералъ проникалъ въ этотъ лабиринтъ; когда осада подвинулась немного впередъ и паралели оказались только въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ крѣпостныхъ бастіоновъ, ближайшія къ лагерю траншеи совсѣмъ опустѣли. Онѣ производили впечатлѣніе предмѣстья при большомъ городѣ, движеніе еще незначительно, шуму мало, центръ дѣятельности находится дальше, всѣ встрѣчные направляются туда, или же возвращаются оттуда, идешь туда самъ и чѣмъ больше подвигаешься впередъ, тѣмъ движеніе усиливается: вскорѣ достигаешь до мѣстъ, гдѣ находится резервное войско, добираешься до паралелей, гдѣ помѣщаются подкрѣпленія. Тамъ войска почти неподвижны и насколько возможно прикрыты; затѣмъ подходишь къ линіямъ сраженія: солдаты ведутъ перестрѣлку съ Русскими; половина изъ нихъ отдыхаетъ, другіе скрытые за турами стрѣляютъ въ отверстіе которое они себѣ приспособили. Впереди есть и еще мѣста засады болѣе близкія къ непріятелю, гдѣ „отчаянные ребята" и волонтеры-лазутчики изъ числа самыхъ искусныхъ стрѣлковъ, сидя насторожѣ въ ямѣ, подкарауливаютъ, не покажется ли непріятельская голова или рука и готовы тотчасъ забить тревогу въ случаѣ, если движеніе на противоположной сторонѣ покажется сколько-нибудь подозрительнымъ. Повременамъ Русскіе осыпали этотъ земляной городъ бомбами или ядрами, что же касается до пуль, то онѣ сыпались безпрерывно, но никто о нихъ не заботился.

Въ этихъ траншеяхъ живутъ какъ бы внѣ опасности, въ назначенный часъ обѣдаютъ, а ночью одна половина караула не спитъ и перекликается чтобъ не заснуть; другая половина пытается улечься насколько возможно безопаснѣе и старается отдохнуть. Въ углу всѣ покрытыя кровяными пятнами стоятъ носилки въ ожиданіи, когда ранятъ солдатика. Товарищи отнесутъ его тогда въ амбулаторію при Колономакѣ по безконечнымъ улицамъ; когда встрѣчаютъ носилки, имъ отдаютъ честь и продолжаютъ свой путь.

Генералъ Канроберъ разговаривалъ съ солдатами, подавалъ имъ совѣты, смотрѣлъ на ихъ стрѣльбу, обращался къ нимъ съ тѣми горячими увѣщаніями тайной которыхъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Если общій голосъ указывалъ ему на какого-нибудь солдата

какъ на необыкновеннаго храбреца или какъ на совершившаго блестящій подвигъ, онъ давалъ ему или военную медаль, или же крестъ. Русскія ядра или даже бомбы ударяли о парапеты и разрывались взрывая вокругъ землю. Однажды, когда генералъ Канроберъ находился въ траншеяхъ, одинъ офицеръ представилъ ему совсѣмъ еще молодаго солдата который былъ раненъ наканунѣ въ то время, когда велъ своего капитана раненаго нѣсколькими выстрѣлами и рисковавшаго попасть въ руки Русскихъ сдѣлавшихъ вылазку. Генералъ повѣсилъ ему на грудь военную медаль и сказалъ показывая на свою: „Ну, мы теперь товарищи!" „О, нѣтъ, нѣтъ, генералъ, вы главнокомандующій, а я неважная сошка". Въ ту же минуту огромное морское ядро падаетъ на верхушку парапета, сбрасываетъ его въ траншею и пролетаетъ вровень съ головой генерала и солдата, но между ними. Всѣ попадали осыпанные землей, зашибленные камнями и осколками дерева отъ тура; затѣмъ всѣ поднимаются, и генералъ снова оказывается передъ солдатомъ: „А какъ ты думаешь, передъ ядромъ-то мы развѣ не товарищи? Еслибы оно убило насъ обоихъ, развѣ оно различило бы генерала отъ солдата? Нѣтъ, такъ значитъ мы равны передъ ядромъ."

Добровольцы-лазутчики и вольные стрѣлки до того привыкли къ траншеямъ и засадамъ что когда они не шли туда, у нихъ появлялась какъ бы тоска по родинѣ, какъ у рудокопа когда тотъ не опускается больше въ свой рудникъ. Въ своихъ ложементахъ имъ удавалось заводить знакомство съ русскими стрѣлками, и когда въ сильные холода ощущалась обоюдная потребность выйти изъ своего тайника и размять ноги, то подавался условный сигналъ и начинался отдыхъ до новаго сигнала, когда каждый возвращался на свой постъ и перестрѣлка снова возобновлялась. Въ хорошую погоду лагери предавались забавамъ. Русскіе выставляли бутылку, и тотчасъ наши охотники цѣлились въ нее. Когда пуля разбивала бутылку на тысячу кусковъ, поднимался смѣхъ или аплодисменты съ обѣихъ сторонъ. Наряду съ этими невинными забавами продолжалась борьба каждый день, а въ особенности каждую ночь.

Генералъ Тотлебенъ съ цѣлію остановить увеличеніе нашихъ траншей которыя подобно вѣтвямъ плюща безчисленными отростками цѣплялись по всѣмъ направленіямъ за стѣны города, изобрѣлъ новый способъ защиты названный имъ ложементами. Это были короткія, шахматовидныя траншеи за которыми помѣщались русскіе стрѣлки. Каждую ночь цѣлыя сотни ихъ въ сопровожденіи ихъ ретивыхъ офицеровъ выходили безмолвно и пытались безшумно добраться ползкомъ, чтобы не быть открытыми, къ одной изъ нашихъ батарей чтобы опрокинуть ее или забить пушки и мор-

тиры. Тогда у насъ трубили въ рожокъ. Въ воздухъ пускались ракеты для указанія резервамъ атакованнаго пункта, и тогда бóльшею частію сражались въ темнотѣ безъ огнестрѣльнаго оружія, а въ рукопашную, или же стрѣляли почти въ упоръ изъ ружей, при чемъ загорѣвшіеся пыжи воспламеняли одежду. Время отъ времени и наши пытались овладѣть ложементами, удержаться въ нихъ и присоединить ихъ къ нашимъ траншеямъ. За время своихъ неоднократныхъ вылазокъ Русскіе разъ или два захватывали нашихъ врасплохъ. Однажды паника овладѣла нарядомъ въ 1500 человѣкъ рабочихъ которые не видя офицеровъ распоряжавшихся ими, укрылись въ траншеяхъ, откуда невозможно ихъ было удалить въ продолженіе всей ночи. Иногда офицеры и солдаты изнуренные отъ усталости и еще болѣе отъ дождей и цѣлаго моря грязи въ которой они жили располагались насколько возможно удобнѣе на ночь и засыпали.

Генералъ Форей командовавшій осадой, генералъ энергичный и знавшій свое дѣло, старательно наблюдалъ за всѣмъ; онъ былъ строгъ и дѣлалъ выговоры за каждое упущеніе. Однажды, когда командовалъ траншеей генералъ Баденъ, командующій осадой замѣтилъ что вмѣсто того чтобъ оставаться на мѣстѣ и ночью, какъ этого требовала его обязанность, дежурный генералъ вернулся къ себѣ, покинувъ и свой постъ, и своихъ солдатъ, съ тѣмъ чтобы провести ночь съ женой находившейся въ лагерѣ.

Онъ написалъ объ этомъ рапортъ генералу Канроберу, но послѣдній, будучи добръ какъ всегда и не любя наказывать, имѣлъ неосторожность оставить дѣло безъ послѣдствій. Благодаря генералу Форею и маіору при траншеѣ Рау наши траншеи были великолѣпно оберегаемы, чтò позднѣе подтверждено было и самимъ генераломъ Тотлебеномъ. „Мнѣ пришлось говорить съ нимъ около 1860 г.,“ передавалъ мнѣ маршалъ Канроберъ, „и я высказалъ ему свое удивленіе по поводу того какъ онъ велъ защиту; онъ же отвѣтилъ мнѣ на это: „Да, все говорятъ обо мнѣ, а вѣдь у васъ есть замѣчательный, чрезвычайно замѣчательный офицеръ о которомъ и не упоминаютъ, но которому слѣдуетъ приписать бóльшую часть вашихъ успѣховъ, это вашъ маіоръ при траншеяхъ, полковникъ Рау.“ Генералъ Тотлебенъ умѣлъ отдавать справедливость своимъ противникамъ и подобная похвала изъ его устъ стòитъ всѣхъ другихъ. Полковникъ, впослѣдствіи генералъ Рау, командуя дивизіей корпуса маршала Макъ-Магона, былъ убитъ при Рейсгофенѣ.

Русскіе грѣшили, быть-можетъ, излишнею бдительностію. Зная насъ за людей предпріимчивыхъ, они были настороже въ особенности ночью и не разъ во время шкваловъ, или въ лунныя ночи придающія предметамъ фантастическій видъ, они испытывали галю-

цинаціи, имъ слышался то шумъ шаговъ, то бряцаніе оружія; имъ чудилось что они видятъ цѣлыя колонны идущія на приступъ подъ покровомъ ночи: тогда раздавались призывные сигналы и укрѣпленія наполнялись семью, восемью рядами пѣхотинцевъ которые принимались стрѣлять безостановочно по всей линіи, батареи имъ вторили, бомбы сыпались тысячами со своими ракетами съ золотымъ хвостомъ, гранаты разсыпались повсюду въ видѣ красноватыхъ искръ, затѣмъ мало-по-малу этотъ невообразимый шумъ затихалъ, и на другое утро какъ съ той, такъ и съ другой стороны оказывалось что то была фальшивая тревога, изъ-за которой не малое количество добрыхъ людей лишалось успокоительнаго и вполнѣ заслуженнаго сна.

Тамъ изъ своихъ грязныхъ бастіоновъ, гдѣ разрываются бомбы и градомъ сыплются ядра, Русскіе смотрятъ на безконечные зигзаги траншей въ которыхъ живутъ враги ихъ; а тѣ изъ-за своихъ туровъ созерцаютъ большой, мрачный городъ, подобный безднѣ, откуда поднимаются облака бѣлаго дыма какъ лава изъ вулкана. И нѣтъ мѣста враждѣ между этими двумя арміями борящимися съ такимъ остервенѣніемъ, но онѣ обладаютъ въ одинаковой степени самоотверженіемъ, презрѣніемъ къ смерти, сознаніемъ долга и любовію къ отечеству.

Germain Bapst.

М. П. МУСОРГСКІЙ ВЪ ОЦѢНКѢ ФРАНЦУЗСКАГО КРИТИКА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1896 г.) нѣкій Французъ Пьеръ Далэмъ въ сотрудничествѣ съ нашей соотечественницею, пѣвицею г-жей Олениной (ставшей потомъ его женой), открыли Французамъ Мусоргскаго. Они дали рядъ конференцій, на которыхъ были исполнены многія вокальныя произведенія Мусоргскаго, при чемъ Пьеръ Далэмъ явился и въ роли акомпаніатора, и въ роли лектора, сообщивъ нѣкоторыя данныя о жизни и произведеніяхъ русскаго композитора. Послѣ этихъ концертовъ-лекцій имѣвшихъ большой успѣхъ Пьеръ Далэмъ выпустилъ цѣлую книжку о Мусоргскомъ съ довольно удачными переводами текстовъ многихъ романсовъ его на французскій языкъ. Книжка не лишена была, правда, промаховъ и куріозовъ, особенно когда рѣчь шла о русской жизни, бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ. Но простимъ это Французу очевидно писавшему съ чужихъ словъ. Важно самое появленіе такой книги обратившей вниманіе Французовъ на одну изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ въ области русскаго искусства. Что интересъ къ Мусоргскому дѣйствительно былъ возбужденъ во Франціи, показываетъ недавнее появленіе пространной статьи о немъ въ *Revue des Deux Mondes* (15 Avril, 1901) Камиля Беллэга, постояннаго сотрудника этого журнала по музыкальной части, писавшаго между прочимъ и прежде о русской музыкѣ (15 Nov., 1899, статья о „Снѣгурочкѣ", оперѣ Н. А. Римскаго-Корсакова). Заглавіе настоящей статьи „Un grand musicien réaliste" сразу показываетъ правильный взглядъ французкаго критика на нашего композитора и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему Французы имъ такъ заинтересовались.

Дѣло въ томъ что въ послѣднее время реалистическія тенденціи во французской музыкѣ, а именно въ оперѣ, въ большомъ ходу. Достаточно назвать двухъ композиторовъ этого направленія: Шарпантье и Брюно. Опера перваго изъ нихъ „Луиза" названная самимъ композиторомъ музыкальнымъ романомъ (roman musical) воспроизводящимъ на сценѣ современную парижскую жизнь мелкой буржуазіи и низшаго класса, швей, продавцевъ, съ одной стороны, и веселую жизнь художниковъ на Монмартрѣ, съ другой, пользовалась большимъ успѣхомъ два послѣдніе сезона. Оперы Брюно съ либретто Зола тоже не сходятъ съ Парижскихъ сценъ. Въ послѣднее время поставлена

новая опера этого композитора „Ураганъ“ опять-таки съ текстомъ Зола. Оба эти композитора мало талантливы. Бѣдность музыкальнаго изобрѣтенія, жидковатость музыки хотя и хорошо оркестрованной, а у Брюно нерѣдко и неблагозвучіе, слишкомъ бросаются въ глаза. Тѣмъ не менѣе ихъ оперы являются показателями нарождающагося у Французовъ новаго взгляда на оперу. Прежняя большая опера (grand opera) съ ея чисто-внѣшними эфектами, обязательнымъ балетомъ, показными ансамблями и аріями часто не вызываемыми логикой драматическаго дѣйствія, все больше и больше отходитъ на задній планъ. Нарождается повидимому опера болѣе близкая къ жизни, стремящаяся дать психологическую картину характеровъ обусловливающихъ дѣйствіе. Новая опера уже гнушается прежняго либрето съ его несообразностями и приглашаетъ въ сотрудничество такихъ корифеевъ литературы какъ Зола.

Намъ кажется, есть связь этого реализма въ оперѣ съ успѣхомъ Мусоргскаго у Французовъ.

Съ самаго же начала статьи Беллэгъ объявляетъ Мусоргскаго аналогичнымъ Достоевскому рекомендованному Французамъ Мельхіоромъ-де-Вогюэ, называетъ его какъ Достоевскаго ужаснымъ (terrible) и приглашаетъ послѣдовать за нимъ на прогулку „неизмѣнно печальную, часто страшную, иногда погребальную“.

На біографическихъ данныхъ о Мусоргскомъ мы останавливаться не будемъ. Переданы онѣ вѣрно. Мусоргскій реалистъ, но кого же можно назвать реалистомъ въ музыкѣ? спрашиваетъ Беллэгъ и отвѣчаетъ: „того кто въ музыкѣ предпочтетъ всегда таинственному раскрытію идеала истолкованіе или воспроизведеніе дѣйствительности“. Музыку Мусоргскаго дѣлаютъ реальной самые сюжеты которые онъ выбираетъ, историческіе и національные. „Это предпочтеніе начиная съ Глинки, прибавляетъ Беллэгъ, сдѣлалось общей чертой композиторовъ его школы. Въ операхъ *Борисъ Годуновъ* и *Хованщина* Мусоргскій воспѣлъ прошедшее своей странной, мистической и дикой Россіи“. Въ *Борисъ Годуновъ* Беллэгъ удивляется живому воспроизведенію исторіи не только съ ея внѣшней стороны (костюмы, бытовыя особенности), но и съ внутренней. „Музыкальная фигура Бориса это удивительный портретъ. Въ двухъ или трехъ сценахъ, въ особенности въ сценѣ смерти, съ несравненной силой воображенія Мусоргскій возстановляетъ предъ нами не только образъ или внѣшнія условія, но самую душу и характеръ царя-убійцы. Весьма понятно что на первомъ представленіи *Бориса* кто-то воскликнулъ: „Вотъ возстановленная исторія! Вотъ истинная и живая исторія!“ Прибавимъ отъ себя что этотъ кто-то былъ, по свидѣтельству В. В. Стасова, нашъ извѣстный историкъ Костомаровъ.

Реализмъ и жизненность въ произведеніяхъ Мусоргскаго даютъ поводъ Беллэгу на оригинальное сопоставленіе ихъ съ деревянными рѣзными издѣліями и фигурами русскихъ кустарей видѣнными имъ въ прошломъ году на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ импровизованной русской деревнѣ въ Трокадеро. „Музыка о которой я веду рѣчь, говоритъ онъ, отмѣчена красотой этихъ формъ, цвѣтовъ и самаго матеріала. Я знаю пѣсни Мусоргскаго: это сцены какъ будто вырѣзанныя ножемъ, какъ будто обтесанныя ударами

топора. Вотъ въ гулкомъ лѣсу раздаются удары сѣкиры: это страшный дровосѣкъ наносить свои мрачные удары. Потомъ онъ овладѣваетъ срубленными стволами, обдѣлываетъ ихъ, долбитъ, окрашиваетъ ихъ въ алый и лазоревый цвѣта, золотитъ ихъ и когда примитивныя и грандіозныя фигуры выходятъ изъ его рукъ, они сохраняютъ свѣжій запахъ дерева, этого русскаго матеріала по преимуществу, сохраняютъ этотъ запахъ природы который не издаютъ ни мраморъ, ни бронза, болѣе драгоцѣнныя и менѣе жизненныя". Реализмъ, близость къ природѣ, любовь къ свободному творчеству, къ первобытнымъ формамъ, сказываются у Мусоргскаго въ мелодіи и ритмикѣ. По словамъ Беллэга: „его мелодія, какъ и излюбленные имъ герои, запечатлѣны народнымъ духомъ. Она не столько дѣло размышленія или воли, сколько продуктъ самороднаго, свободнаго творчества. У нея нѣтъ ничего общаго съ класической мелодіей: ни размѣровъ, ни симетріи послѣдней. Она всегда пѣвуча, но рѣдко имѣетъ форму куплетовъ". Беллэгъ отмѣчаетъ ея своеобразный складъ не поддающійся разчлененію и ея неожиданные кадансы. „Она дѣйствительно первобытная форма, дѣвственная форма (forme vièrge). Когда она приводитъ въ колебаніе воздухъ, кажется что раньше воздухъ никогда такъ не колебался!" Здѣсь же совершенно правильно французскій критикъ указываетъ на одну особенность музыки Мусоргскаго общую съ другими композиторами той же школы: стремленіе къ античнымъ ладамъ чтобы „расширить рамки въ которыхъ такъ долго держатъ насъ мажоръ и миноръ". Также свободна у Мусоргскаго и ритмика не имѣющая той правильной системы какая есть у класиковъ. „Онъ охотно пользуется пятидольнымъ размѣромъ (*Свѣтикъ Савишна*, *свѣтъ Ивановна*), его не устрашаетъ и семидольный размѣръ (грандіозное и дикое *Обращеніе къ Днѣпру*). Въ одной піесѣ изъ *Дѣтской* (*Съ няней*) въ которой только пятьдесятъ три такта ритмъ мѣняется 23 раза. Какъ и всегда, это затѣмъ чтобъ музыка не только передавала наши страсти, но и самый нашъ разговоръ". Беллэгъ прекрасно видитъ не рѣдкія у Мусоргскаго жестокости въ гармоніи грубо оскорбляющія ухо, но охотно прощаетъ ихъ ему за воплощеніе въ музыкѣ „этого чуда называемаго жизнію" (по приводимому имъ выраженію Шербюлье изъ книги послѣдняго *Искусство и природа*). Однако, всѣ эти грубости зависятъ прямо отъ недостаточной технической подготовки Мусоргскаго, что̀ признано между прочимъ его другомъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ въ его предисловіи къ переизданному имъ *Борису Годунову* много выигравшему въ новой редакціи врядъ ли основательно извѣстной Беллэгу, хотя повидимому онъ намекаетъ на эту редакцію, когда, восхищаясь народной сценой съ юродивымъ (бывшей послѣднею въ первоначальной редакціи оперы), выражаетъ сожалѣніе что впослѣдствіи порядокъ сценъ былъ, „къ несчастію", измѣненъ. Замѣтимъ что въ новой редакціи опера завершается великолѣпной сценой смерти царя Бориса, какъ и хотѣлъ сначала самъ Мусоргскій. Отмѣчая полное равнодушіе, можетъ-быть, и антипатію Мусоргскаго къ симфонической музыкѣ требующей „генія для разчета и развитія", чего у него не было, а также его несклонность къ полифоніи („онъ больше массируетъ, чѣмъ раздѣляетъ голоса") Беллэгъ и въ этомъ пренебреженіи или

неспособности къ чистой музыкѣ видитъ характерную черту музыканта реалиста. Переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнію произведеній Мусоргскаго, Беллэгъ замѣчаетъ что предметомъ ихъ является человѣкъ и главнымъ образомъ то „что есть въ немъ наиболѣе примитивнаго“. „Солдаты и монахи, особенно крестьяне, дѣти съ няньками, бродяги, даже идіоты. Наконецъ, гдѣ бы это ни было, въ городѣ или въ поляхъ, передъ Кремлемъ или по дорогамъ, эти безчисленныя, безыменныя существа называемыя толпой или народомъ, вотъ человѣчество которое живетъ по мановенію великаго реалиста“. Беллэгъ восхищается народными сценами въ операхъ Мусоргскаго и указываетъ какъ на образцовую жанровую картинку на сцену въ корчмѣ въ *Борисѣ Годуновѣ*. „Жизнь здѣсь рвется и бьетъ чрезъ край во всемъ: въ благообразной и игривой пѣснѣ хозяйки; еще болѣе въ грубой и необузданной пѣснѣ которую ревутъ во все горло двое монаховъ навеселѣ: съ неистовымъ акомпанементомъ оркестра“. По словамъ Беллэга, въ *Борисѣ Годуновѣ* да и во всѣхъ произведеніяхъ Мусоргскаго „сказалась сила“, сила возмущавшаяся противъ всѣхъ формулъ и условій (артистическихъ и музыкальныхъ, соціальныхъ и свѣтскихъ). Въ „женскихъ, крестьянскихъ пѣсняхъ *Гопакъ* и *По грибы* есть сразу и любовь и ненависть, ненависть къ мужу, къ старому, любовь къ другому, можетъ-быть, даже къ другимъ, къ молодымъ“. Пѣсни эти Беллэгъ называетъ „дикими“. *Гопакъ*, по его мнѣнію, „шедевръ по ироніи и наглости и настроенію адюльтерному и циническому“. *O, animal grazioso e benigno*, говоритъ Данте самой нѣжной своей героинѣ. Совсѣмъ иначе, хотя въ той же сферѣ любви понялъ и воспѣлъ женщину-животное авторъ *Гопака*. Ко всѣмъ „униженнымъ“ у Мусоргскаго была особая симпатія. „Онъ прислушивается, говоритъ Беллэгъ, къ самой презрѣнной, къ самой жалкой бѣдности. „Нищій, разъ сказалъ онъ, прекрасно можетъ пѣть мою музыку“. Скорбными кантиленами онъ убаюкивалъ сонъ крестьянина и бѣдняка. Жалоба сироты или идіота сдѣлана у него раздирающей, трагической. „Пѣсня юродиваго (*Свѣтикъ Савишна, свѣтъ Ивановна*), по замѣчанію Беллэга, является въ одно и то же время серенадой и причитаніемъ, мольбой и ругательствомъ“. „Пятидольный размѣръ въ этой пѣснѣ, по мнѣнію Беллэга, не идетъ къ дѣлу, расхолаживаетъ и портитъ мелодію“. Но дѣло въ томъ что этотъ ритмъ при французскомъ текстѣ просто теряетъ свой raison d'être. Очень долго Беллэгъ останавливается на серіи семи романсовъ подъ названіемъ „Дѣтская“ дѣйствительно стоющихъ вниманія по своей оригинальности. На тотъ же сюжетъ писали еще Бизе и ранѣе его Шуманъ свои *Сцены изъ дѣтской жизни* для фортепіано. Они имѣютъ „характеръ“ и достоинство чистой музыки. Милыя картинки французскаго мастера обладаютъ старинными французскими качествами: точностію, изяществомъ, умомъ. Онѣ, по словамъ Беллэга, „сдѣланы“ и хорошо сдѣланы, безъ сомнѣнія гораздо лучше чѣмъ сцены Мусоргскаго, фактура которыхъ болѣе низкаго достоинства“. Но эта музыка Бизе не болѣе какъ „музыкальная дѣтская забава, весьма остроумная“. Въ *Дѣтскихъ сценахъ* Шумана „при той же естественности и живости какъ у Бизе больше поэзіи“. Онѣ, говоритъ Беллэгъ, „превосходятъ свой сюжетъ. Пылкая фраза

Rêverie подымается очень высоко, а тема *Enfant s'endort* (Дитя засыпаетъ) такъ чиста и благородна что въ одинъ прекрасный день Вагнеръ не нашелъ ее недостойною убаюкивать свою Валкирію засыпающую среди охраняющаго ее огня. Шуманъ одинъ изъ мастеровъ въ области мечты и его звуковое царство не отъ міра сего". Если у Шумана въ *Дѣтскихъ сценахъ* больше виденъ самъ поэтъ-музыкантъ, то „Мусоргскій, напротивъ, изображаетъ ребенка и только ребенка. У него вмѣстѣ и говоръ и чувство ребенка, такъ что объектъ музыкальнаго воспроизведенія двойной". „Сравните, говоритъ Беллэгъ, *Колыбельную куклы* Бизе съ піесой Мусоргскаго того же названія и вы тотчасъ почувствуете что общаго у нихъ одно лишь названіе. Въ славянской музыкѣ больше глубины и русское дитя, странно серіозное, баюкаетъ какъ-будто не столько сонъ куклы, сколько сонъ человѣка, его забвеніе, увы! очень короткое". При своемъ довольно подробномъ критическомъ анализѣ *Дѣтской* Беллэгъ оцѣнилъ по достоинству и оригинальность замысла, и самое его выполненіе. Онъ много разъ подчеркиваетъ правду выраженія и чудеса декламаціи, свободу и подвижность, часто неожиданность гармоніи. Про первый нумеръ *Дѣтской*, *Съ няней*, онъ говоритъ: „Поистинѣ это не постся. Но какъ это сказано! Сколько правды проистекающей именно изъ несвязности, которую музыкантъ-реалистъ вмѣсто того чтобъ подчинить ее правиламъ, желалъ только воспроизвести. „Реалистъ", этого мало. „Импресіонистъ", „пуантилистъ", вотъ какъ можно назвать на языкѣ живописцевъ нашего музыканта". Піесу *Майскій жукъ* Беллэгъ называетъ „маленькой героическо-комической поэмой". Въ ней, по его словамъ, Майскій жукъ играетъ для ребенка роль дракона Фафнера. „И музыка, уравнивая ихъ какъ двухъ чудовищъ, только подчиняется и сообразуется лишній разъ съ дѣйствительностію". Но особенно восторгается Беллэгъ пьесой *На сонъ грядущій*, этой своеобразной молитвой ребенка. Здѣсь онъ видитъ бо́льшую обдуманность и больше мастерства, чѣмъ въ остальныхъ піесахъ этой серіи. Онъ правильно подмѣтилъ явное намѣреніе автора молитву ребенка за родныхъ (съ перечисленіемъ ихъ именъ) прямой линіи сдѣлать въ нотахъ бо́льшей длительности (половинныя, четвертныя), а боковой линіи—въ нотахъ меньшей длительности (шестнадцатыя). Тоже и въ гармоніи „дѣлающейся гуще и удваивающей свой хроматизмъ чтобы вмѣстить больше именъ при перечисленіи именъ дальнихъ родственниковъ". Въ этой же пьесѣ Беллэгъ восхищается въ концѣ ея контрастомъ фразы няни подсказывающей ребенку: „Господи, помилуй и меня грѣшную" и по̀втореніемъ этой фразы въ устахъ ребенка. А между тѣмъ достигнутъ этотъ контрастъ измѣненіемъ лишь двухъ нотъ въ цѣлой фразѣ. Эта „формула раскаянія" „плоская" въ устахъ няни пріобрѣтаетъ, говоритъ Беллэгъ, въ устахъ ребенка всю дѣтскую наивность и поэзію и контрастъ этого раскаянія, даже стыда при такой незначительной грѣховности сразу вызываетъ и улыбку, и слезы".

Отъ дѣтскаго міра такъ мастерски воспроизведеннаго Мусоргскимъ въ звукахъ, Беллэгъ переходитъ къ массовымъ народнымъ сценамъ, къ міру толпы, но ранѣе останавливается на воспроизведеніи у Мусоргскаго одной стороны русскаго народнаго духа, а

именно мистицизма. „Мистицизмъ никогда не былъ несовмѣстимъ съ русскимъ реализмомъ“, замѣчаетъ онъ. Двѣ фигуры въ которыхъ Мусоргскій сосредоточилъ мистическое чувство особенно привлекаютъ вниманіе французскаго критика: это монахъ Пименъ въ *Борисѣ Годуновѣ* и старецъ-раскольникъ Дисиѳей въ *Хованщинѣ*. „И тотъ и другой, говоритъ онъ, равны по вѣрѣ, по вдумчивости, по отрѣшенности и по какому-то героизму смѣшанному съ нѣжностью“. Въ тѣхъ же операхъ проявляется и массовой мистицизмъ. Въ первомъ дѣйствіи и картинѣ *Бориса Годунова* проходятъ по сценѣ калики перехожіе, „эти странствующіе по Россіи рапсоды воспѣвающіе предковъ, героевъ и святыхъ“, поясняетъ Беллэгъ. „Они только проходятъ псалмодируя, прибавляетъ онъ, и этого какъ-разъ достаточно чтобы возгласамъ толпы придать оттѣнокъ церковнаго лиризма, чтобы голосъ народа сталъ на мгновеніе голосомъ Бога“.

Таковы же раскольники въ *Хованщинѣ*, которые „еще болѣе убоги и главное еще болѣе мистичны“. Беллэга плѣнилъ оркестровый эпилогъ 2-го дѣйствія послѣ хора раскольниковъ. Въ этомъ эпилогѣ „вспоминаются основныя ноты самаго пѣснопѣнія, но протянутыя онѣ оставляютъ позади себя какъ бы борозду и даютъ ему безконечный отзвукъ“.

Послѣднее дѣйствіе *Хованщины* съ его грандіознымъ заключительнымъ хоромъ полнымъ глубокаго мистицизма Беллэгъ находитъ сходнымъ по сюжету съ пятымъ дѣйствіемъ Гугенотовъ. „Въ немъ, говоритъ онъ, тотъ же героическій *этосъ*, но въ немъ меньше блеска, энтузіазма и горячности“.

Массовыя народныя сцены у Мусоргскаго вполнѣ оцѣнены Беллэгомъ. Начальную сцену *Бориса* въ которой народъ собравшись близъ Новодѣвичьяго монастыря умоляетъ правителя Бориса удалившагося въ монастырь съ царицей Ириной принять царство, Беллэгъ приводитъ цѣликомъ въ неизданномъ переводѣ Мельхіора де-Вогюэ. Какъ она ни хороша сама по себѣ, но „позволительно утверждать, говоритъ онъ, что музыка во сто разъ пріумножаетъ величіе и могущество этой сцены“, и далѣе: „какъ бы ни были сильны слова, они даютъ намъ только впечатлѣніе програмы содержанія; только въ звукахъ находимъ мы реальность и жизнь!“ Здѣсь же Беллэгъ высказываетъ и нѣсколько общихъ мыслей о томъ значеніи которое имѣетъ въ оперѣ хоръ. „Единственное дѣйствующее лицо, говоритъ онъ, могущее жить вполнѣ реально только въ музыкѣ и чрезъ нее одну это толпа. Когда много лицъ имѣютъ сказать что-нибудь одно или различное или противоположныя другъ другу вещи, недостаточно чтобы они говорили, нужно чтобъ они пѣли. Музыка необходимая и единственная форма для выраженія ихъ единодушія или разобщенности“. Шедевромъ „народной манеры“ Мусоргскаго считаетъ Беллэгъ послѣднюю (въ редакціи Мусоргскаго) картину оперы *Борисъ Годуновъ*: сцену подъ Кромами сочиненную Мусоргскимъ вмѣсто послѣдней сцены у Пушкина, въ которой послѣ смерти Бориса бояринъ объявляетъ безмолвствующему народу о смерти царицы Годуновой и ея сына и о воцареніи самозванца и которая, по мнѣнію Беллэга, могла бы быть великолѣпной въ музыкѣ. Но сочиненная Мусоргскимъ народная сцена съ юродивымъ, по словамъ Бел-

лэга, „болѣе соотвѣтствовала его генію“. Въ пересказѣ содержанія этой сцены Беллэгъ нѣсколько погрѣшилъ противъ либрето, измысливъ что „мальчишки волочатъ свою жертву, *юродиваго*, идіота котораго они прибили, раздѣли и который поетъ и плачетъ“. Этого въ либрето вовсе нѣтъ. Подобной „колосальной“ картины, говоритъ Беллэгъ, „я не знаю ни въ исторіи музыки, ни въ исторической музыкѣ. Ощущеніе массы доведено здѣсь до пароксизма. Оно душитъ и давитъ насъ. Предъ толпой вызванной къ жизни Мусоргскимъ всякая другая, какъ бы она ни была велика и оживленна, кажется жиденькой и мертвой“. Даже взрывъ фанатизма въ сценѣ благословенія мечей въ *Гугенотахъ* Беллэгъ считаетъ незначительнымъ и интимнымъ въ сравненіи съ „этимъ страшнымъ торжествомъ силы и жестокости, страшнымъ торжествомъ также и печали“, прибавляетъ Беллэгъ. Въ этой сценѣ онъ видитъ осуществленнымъ тотъ плачъ тотъ стонъ русскаго народа, о которомъ, какъ разказалъ Французамъ Мельхіоръ де-Вогюэ, печаловался въ своей поэзіи Некрасовъ. Послѣ шумнаго хора народа и монаховъ и проѣзда самозванца заключеніемъ этой сцены словами юродиваго: „плачь, русскій людъ, голодный людъ!“ въ которыхъ, по словамъ Беллэга, слышится сознаніе „о тщетѣ всего земнаго, о ничтожествѣ царствъ, о вѣчныхъ надеждахъ и вѣчномъ рабствѣ народа“, нашъ критикъ положительно восхищенъ. „Я сомнѣваюсь, говоритъ онъ, чтобы вагнеровская легенда или символъ могли дать болѣе великій и ужасный выводъ чѣмъ тотъ который даютъ здѣсь исторія и реальность. Во всякомъ случаѣ творецъ такой сцены былъ однимъ изъ мастеровъ изображенія массовой души. Онъ заслужилъ занять мѣсто наряду съ тѣми дѣятелями о которыхъ пророкъ сказалъ что они „воздѣйствуютъ на народы“.

Въ заключеніе своей статьи Беллэгъ обращаетъ вниманіе читателей на типичную для Мусоргскаго черту: склонность, какъ онъ выражается, „воспѣвать лишь скорбящихъ“. „Послѣдняя и, можетъ-быть, наиболѣе замѣчательная черта его реализма, говоритъ Беллэгъ, заключается въ его любви не только къ страданію, но прямо къ ужасу (horreur)“. Эта черта особенно обнаруживается въ его посмертныхъ *Пѣсняхъ и пляскахъ смерти*, рядѣ романсовъ на одноименныя стихотворенія графа Голенищева-Кутузова, изъ которыхъ Беллэгъ останавливается на трехъ: *Трепакъ*, *Полководецъ* и *Колыбельная*. Въ *Трепакѣ*, который пляшетъ пьяненькій мужичекъ сбившійся съ дороги и мало-по-малу заносимый снѣгомъ, „народная мелодія, замѣчаетъ Беллэгъ, придаетъ самой страшной печали какую-то суровую (rude) сердечность“. Грезы умирающаго крестьянина о тепломъ времени наступаютъ въ концѣ піесы и въ музыкѣ въ то же время, по словамъ Беллэга, „и только въ ней одной что-то назойливое звучитъ: воспоминаніе, или развѣ атомъ скорби достаточный чтобъ обличить равнодушіе природы, возмутить ея лишь мирное настроеніе и нарушить ея красоту“.

Романсъ *Полководецъ* (La guerre) Беллэгъ называетъ „самымъ блестящимъ шедевромъ генія, которому (прибавляетъ онъ) я далъ бы названіе могильнаго (macabre), еслибы могъ отнять отъ этого слова представленіе кривлянія и оставить въ немъ вмѣстѣ съ грандіознымъ ужасомъ „лишь смыслъ и какъ бы образъ самой смерти“. Романсъ

этотъ Беллэгъ находитъ однимъ изъ наиболѣе „сдѣланныхъ“ у Мусоргскаго. Про начало романса Беллэгъ говоритъ: „нѣсколькихъ тактовъ достаточно было чтобы покрыть равнину трупами, русскую равнину, безграничность которой русская музыка дѣлаетъ для насъ ощутительной, почти видимой“. Появляется смерть. Жестокая иронія, „презрѣніе, если не ненависть“, а затѣмъ „меланхолія и жалость“ звучатъ, по словамъ Беллэга, въ ея словахъ обращенныхъ къ жертвамъ, имена которыхъ скоро забудутся, какъ и все. „Пресѣкающаяся мелодія, разстраивающіяся гармоніи, все наконецъ, какъ и само воспоминаніе, разрушается и уничтожается. Такъ развертывается торжественная и погребальная кантата переходя по очереди отъ восторга къ презрѣнію, почти къ отвращенію и отъ славы къ ничтожеству, даже къ суетному желанію смерти“. Этотъ романсъ почему-то наводитъ мысли Беллэга на *Марсельезу*, хотя, по его же замѣчанію, общаго у нихъ только ритмъ. *Колыбельная* (смерть ребенка убаюкиваемаго матерью) произвела на Беллэга сильное впечатлѣніе. По его словамъ, „ужасъ въ ней болѣе интимный и какъ бы болѣе намъ близкій“. Мать умоляетъ вошедшую смерть пощадить дитя. Смерть неумолима и торжествуетъ. „Тріумфъ безъ славы и безъ блеска, говоритъ Беллэгъ; легкое и низкое дѣло ничуть не прославляется героической мелодіей, но описывается до конца музыкой удивительной по выразительности, по возрастающей интенсивности, по холодной жестокости и по лицемѣрной кротости. Все здѣсь реально во всѣхъ значеніяхъ этого слова“. На сходный съ этимъ Гетевскій сюжетъ *Лѣснаго Царя* Шубертъ написалъ свою геніальную баладу, въ которой такъ чудесно, и кажется, навсегда сочеталась поэзія съ музыкой. Великій музыкантъ-романтикъ трактовалъ этотъ сюжетъ иначе. Смерть ребенка въ лѣсу въ рукахъ отца окружена, по словамъ Беллэга, „волшебнымъ обаяніемъ“, ужасъ почти скрашенъ. Голосъ Лѣснаго Царя, голосъ смерти, зоветъ ребенка къ себѣ, „суля ему драгоцѣнные камни и цвѣты“, все это поэзія и мечта; этотъ идеалъ страшенъ, но тѣмъ не менѣе это идеалъ“. Такова же и музыка Шуберта: „она обобщаетъ, упрощаетъ и преображаетъ. Музыка Мусоргскаго задается лишь цѣлію воспроизведенія и уподобленія“. Ребенокъ умираетъ у Мусоргскаго „не такъ какъ въ нѣмецкой баладѣ отдаленной и фантастической смертью, но смертью обычной и гнусной, похищающей прямо изъ колыбели плоть и кровь нашу“. Беллэгъ разказываетъ что послѣ исполненія этой вещи въ концертѣ къ пѣвицѣ „приблизилась молодая дама въ траурѣ и подавленнымъ голосомъ сказала ей: „это чудно, но не слѣдовало бы пѣть публично подобныхъ вещей“. Она, можетъ-быть, была права“.

Извѣстенъ случай изъ жизни Бетховена, какъ онъ узнавъ разъ что одна мать потеряла ребенка, отправился къ ней и придя молча сѣлъ за фортепіано и долго игралъ. „Безъ сомнѣнія, говоритъ Беллэгъ, этотъ великій идеалистъ умѣлъ одухотворять скорбь, отдѣляя въ ней ея сущность и душу. Наоборотъ, Мусоргскій реализуетъ и обновляетъ конкретную форму, такъ сказать, матерію. Отсюда проистекаетъ почти невыносимая жестокость его музыки“. Романсы Мусоргскаго *Безъ солнца*, „его послѣднія рыданія, его по-

слѣдній вздохъ", запечатлѣны мрачнымъ колоритомъ. По словамъ Беллэга, ни одно изъ произведеній современной европейской музыки „не достигаетъ той разочарованности которою переполнены любые нѣсколько тактовъ этой музыки Мусоргскаго". И не только переполнены, они ею „задавлены".

Статья заключается такими словами: „музыкантъ считалъ самымъ прочнымъ въ этомъ мірѣ только слезы. Это самое реальное изъ всего существующаго и то что̀ нужно понять прежде и болѣе всего изъ осуществленнаго реализмомъ Мусоргскаго, это безутѣшное и мрачное видѣніе дѣйствительности.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
. . . .
. . . .
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,
Той музы плачущей, скорбящей и болящей
. . . .
. . . .
Она пѣвала мнѣ, и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.

Эти слова Некрасова, поэта-реалиста, можно бы было начертать на могилѣ великаго музыканта-реалиста Мусоргскаго".

Г. Н. Тимофеевъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ*.

(сцены изъ современной жизни).

Посвящается М. Г. Савиной.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная анфилада ярко освѣщенныхъ комнатъ въ домѣ Шацкихъ. Въ глубинѣ сцены открытая дверь въ залу.

Княгиня. Другъ мой, еслибы вы знали, какое странное чувство черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ очутиться на томъ же мѣстѣ, въ той же обстановкѣ, и вдругъ вспомнить то что̀, казалось, совсѣмъ позабыто... Мнѣ кажется точно я сама буду въ первый разъ танцовать въ этой залѣ. Вы знаете, сколько лѣтъ прошло съ этихъ поръ? Мнѣ не было и двадцати лѣтъ, когда мы уѣхали за границу: потомъ я вышла замужъ, овдовѣла, выросли дѣти, а здѣсь ничто не измѣнилось, ни одна люстра, ни одна картина, точно я вчера вышла отсюда семнадцатилѣтней дѣвочкой, и только это зеркало говоритъ мнѣ что это было не вчера и даже не десять лѣтъ тому назадъ.

Петръ Александровичъ. А для меня вы все такъ же прекрасны, какъ въ тотъ вечеръ, когда мы въ первый разъ танцовали съ вами мазурку.

Княгиня. Полно, Петръ Александровичъ. Пора привыкать не думать и особенно не говорить о себѣ, надо умѣть доживать свой вѣкъ и радоваться на другихъ: пора жить для дѣтей.

Петръ Александровичъ. Такъ-то такъ, только дѣти стали теперь, по крайней мѣрѣ у меня, мудреныя и не разберешь, чему сами они радуются. Маня еще ничего, туда сюда, а Володя, кто его знаетъ, и не поймешь.... (*Входитъ Нелли въ костюмѣ маркизы*).

Нелли. Мама, посмотри пожалуйста, такъ хорошо?

Петръ Александровичъ. Прелестно!

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1901 г.

Княгиня. Ничего, только вотъ тутъ подколоть надо. И розу лучше поблѣднѣе, это слишкомъ контрастно. Отчего ты такая блѣдная? Ты волнуешься?

Нелли. Нѣтъ, только голова разболѣлась.

Петръ Александровичъ (*Княгинѣ*). Ну, вотъ видите, и у васъ то же, это развѣ порядокъ? Первый балъ и голова болитъ; въ наше время этого и не бывало: тутъ какая ни на есть болѣзнь, моментально соскочитъ.

Нелли. Что́ дѣлать, Петръ Александровичъ, въ ваше время и кавалеры, говорятъ, были любезнѣе, а теперь ихъ чуть не силой тащить надо. Вотъ хоть Викторъ, едва уговорили его сегодня дома остаться.

Княгиня. Кстати, онъ взялъ на себя завѣдываніе ужиномъ и буфетомъ; но онъ еще такъ несвѣдущъ въ этомъ отношеніи, пожалуйста, по старой дружбѣ не посмотрите ли вы, все ли въ порядкѣ.

Петръ Александровичъ. Разумѣется, разумѣется. Произведу полный смотръ войскамъ и обо всемъ получите точнѣйшую реляцію. (*Уходитъ*).

Княгиня. Нелли, что̀ съ тобою? Ты нехорошо себя чувствуешь?

Нелли. Ничего, мама, пустяки, это пройдетъ.

Княгиня. У васъ съ Володей вчера что-нибудь вышло?

Нелли. Съ Володей? Съ какой стати? Отчего ты думаешь?

Княгиня. Хорошо, я тебя ни о чемъ не спрашиваю. Только постарайся быть веселѣй. Подберись немножко. (*Уходитъ*).

Нелли. Что̀ же это, неужели такъ видно? И о чемъ я волнуюсь? Если даже это и правда, какое мнѣ дѣло? Вѣдь не замужъ я за него собиралась. Еще вчера мнѣ самой въ голову не приходило.

Маня (*вбѣгаетъ, тоже въ костюмѣ маркизы, потомъ останавливается и торжественно подходитъ къ зеркалу*). Нелли, посмотри пожалуйста еще разъ, все въ порядкѣ? (*Осматривается передъ зеркаломъ*). И какія умныя были маркизы, умѣли одѣваться куда красивѣе нашего. А ты маску надѣнешь? По-моему незачѣмъ, все равно, всѣ узнаютъ, а въ маскѣ некрасиво.

Нелли. Что̀ ты сказала, узнаютъ? Отчего?

Маня. Какая ты смѣшная! (*Смѣется*). Какъ ты мушки поставила? Развѣ такъ можно?

Нелли. А что́?

Маня. Вышло двоеточіе какое-то, знакъ препинанія.

Нелли. Не все ли равно?

Маня. Какъ все равно, дай я тебѣ поправлю. А еслибъ ты ви..а Колю, просто прелесть! Точно на той картинѣ что въ красной ..тиной виситъ, настоящій пажъ. Онъ будетъ при тебѣ состоять, ..му обѣщала что ты съ нимъ что-нибудь протанцуешь, да?

Нелли. Конечно, съ удовольствіемъ.

Маня. Ты что-то грустная! Развѣ это можно сегодня? Ты только подумай, сегодня!

Нелли. Я грустная? Нисколько. Маргарита Антоновна не измѣнила своего рѣшенія? Она не пріѣдетъ?

Маня. Нѣтъ. Я такъ рада! Я начинала бояться что она передумаетъ; но послѣ обѣда она заперлась, велѣла сказать что нездорова и проситъ къ ней не входить. Просто дуется...

Нелли. А Владиміръ Петровичъ?

Маня. Володя? Представь себѣ, неузнаваемъ! Такъ былъ занятъ своимъ костюмомъ что весь ушелъ въ него Дуня поминутно бѣгаетъ, то то, то другое поправитъ, я его и оставила въ этомъ занятіи. (*Входитъ Викторъ въ смокингѣ*). Какъ, вы до сихъ поръ не одѣты?

Викторъ. Я не одѣтъ? (*дѣлаетъ видъ что испуганно смотрится въ зеркало*). Нѣтъ, кажется, все въ порядкѣ, даже галстухъ на мѣстѣ.

Нелли. Перестань пожалуйста, ты отлично понимаешь о чемъ говоритъ Маня.

Викторъ. Я вижу, ты сегодня не въ духѣ и подѣломъ тебѣ, охота была затѣвать эту возню.

Коля (*входя*). Наталія Аркадьевна, это правда? Вы со мной будете танцовать сегодня?

Маня. Какъ ты свой беретъ держишь? Вѣдь это не треуголка, и бантъ этотъ, смотри, онъ у тебя уже совсѣмъ сбился.

Коля. Оставь пожалуйста, не приставай.

Маня. Да нельзя же такъ, пойдемъ, пойдемъ, сейчасъ я тебѣ его приколю. (*Тащитъ его къ зеркалу, а потомъ уводитъ въ дверь налѣво*).

Викторъ. Ты, кажется, на меня дуешься, это за вчерашнее?

Нелли. Мнѣ противна твоя ложь! Гдѣ же твои доказательства?

Викторъ. Какія доказательства? Скажите, какъ громко! Не все ли мнѣ равно, вѣришь ты мнѣ или не вѣришь. Вчера ты не расположена была меня слушать, а сегодня я не расположенъ тебѣ доказывать.

Княгиня (*входя*). Нелли, ты бы пошла въ залу, тамъ кто-то пріѣхалъ. (*Нелли уходитъ*). Викторъ, ты сегодня никого не приглашалъ изъ своихъ знакомыхъ?

Викторъ. Нѣтъ, никого... или почти никого.

Княгиня. Что̀ значитъ почти?

Викторъ. Видишь ли, мама, я позвалъ одного моего бывшаго товарища, очень порядочный малый, но такъ застѣнчивъ что ни за что̀ не рѣшится снять маски.

Княгиня. Кто же этотъ застѣнчивый юноша?

Викторъ. Вотъ въ томъ-то и дѣло что я далъ слово не выдавать и никому не называть его.

Княгиня. Исключая меня, надѣюсь.

Викторъ. Никому, абсолютно никому! Неужели ты мнѣ не довѣряешь и думаешь что я способенъ пригласить кого-нибудь непорядочнаго?

Княгиня. Не въ этомъ дѣло. Я хочу знать, кто у меня будетъ.

Викторъ. Мама, мнѣ очень жаль, но вѣдь это невозможно; ты сама понимаешь, я далъ слово, можетъ-быть, этого не надо было; но я уже далъ его и ты не станешь требовать чтобъ я нарушилъ слово.

Княгиня. Такой глупости я отъ тебя не ожидала, пожалуйста чтобъ это не повторялось.

Викторъ. Конечно, не повторится, это совсѣмъ исключительный случай.

Княгиня. Въ какомъ костюмѣ будетъ твой пріятель?

Викторъ. Просто въ домино, въ черномъ домино.

Княгиня. Еще глупѣе, хоть бы красивое что-нибудь придумали. (*Уходитъ*).

Викторъ. Ничего, гладко вышло, вопросъ только въ томъ, пріѣдетъ ли она. Не выдержитъ и пріѣдетъ. Если не для меня, такъ захочетъ убѣдиться, вѣренъ ли ей Володя? Ловко скомбинировано, хоть и по-декадентски. Вы, господа уравновѣшенные, еще посмотримъ, кто изъ насъ сообразительнѣе!

Слуга. Тамъ маска одна васъ спрашиваетъ, а какъ доложить, не сказываетъ. (*Входитъ Володя въ костюмъ*). Здравствуй!

Викторъ (*слугѣ*). Сейчасъ, я сейчасъ приду, проведи ко мнѣ, только не залой, а коридоромъ. (*Володѣ*). Извини, я тебя оставлю. (*Викторъ уходитъ*).

Володя. Сдѣлай одолженіе. (*Подходитъ къ зеркалу и смотрится*). Какъ хорошо было бы, еслибы самому можно было превратиться вмѣстѣ съ костюмомъ. Половиной нашей пошлости мы обязаны нашему костюму, можно ли во фракѣ или въ сѣренькомъ кителѣ говорить что-нибудь ярко-увлекательное? (*Задумывается*). А какая странная сегодня Нелли. Что съ ней? Какъ она странно меня встрѣтила, точно не рѣшается спросить чего-то, чего-то не договариваетъ. (*За сценой голосъ Виктора: Филиппъ, за трельяжъ къ окну подай крюшонъ и ъ бокала*).

Володя. Надо очистить ему мѣсто. Мнѣ не до того чтобъ пода-.ть ему реплику. (*Уходитъ*). (*Викторъ входитъ подъ-руку съ домино*).

Викторъ. Если вы не хотите танцовать, здѣсь намъ будетъ удобно. *роходитъ съ ней за трельяжъ*). Здѣсь можно говорить совершенно ободно, а если сядете спиною къ трельяжу, то и маску можете нять. (*Слуга подаетъ крюшонъ и уходитъ*).

Маргарита Антоновна (*снимая маску*). Хорошо, видите, я исполнила ваше желаніе и пріѣхала. Можете вы теперь объяснить мнѣ, почему это было такъ важно и для кого именно?

Викторъ. Для чего вамъ знать это?

Маргарита Антоновна. Я, кажется, имѣю на это нѣкоторое право.

Викторъ. Прежде чѣмъ я вамъ отвѣчу, позвольте мнѣ тоже сдѣлать вопросъ. Развѣ вы для меня пріѣхали? Вы молчите? Вы можете считать меня лѣнтяемъ, шалопаемъ, безпринципнымъ декадентомъ, но только не дуракомъ. Вѣдь еслибы я вчера цѣлый часъ простоялъ передъ вами на колѣнахъ умоляя васъ пріѣхать, вы всетаки не пріѣхали бы, еслибы...

Маргарита Антоновна. Еслибы?

Викторъ. Разумѣется, если бы это не было интересно вамъ самимъ.

Маргарита Антоновна. Какой вы однако психологъ, можно подумать что вамъ не двадцать лѣтъ, а всѣ сорокъ. (*Онъ наливаетъ ей бокалъ, она отодвигаетъ его*). Благодарю, я не хочу.

Викторъ. Какъ хотите. Я и самъ неохотно пью здѣсь. Я бы предложилъ вамъ другую комбинацію, еслибы вы согласились сказать мнѣ одну вещь.

Маргарита Антоновна. Смотря по тому, какая комбинація и какая вещь?

Викторъ. Въ прошломъ году зимой, выходя изъ одного ресторана, я встрѣтилъ знакомую даму которая меня не узнала...

Маргарита Антоновна. Вы такъ догадливы что я не хочу оставаться у васъ въ долгу и напередъ скажу вамъ вашу комбинацію. Вы хотите предложить мнѣ ѣхать въ тотъ ресторанъ, разыскивать даму которая не узнала васъ въ прошломъ году?

Викторъ. Вы почти угадали. Да, я хотѣлъ бы выпить за ея здоровіе.

Маргарита Антоновна. Если это необходимо, я предпочитаю сдѣлать это здѣсь. (*Выпиваетъ бокалъ*).

Викторъ. Вотъ это я люблю. Говорить съ вами наслажденіе, вы понимаете съ-полуслова... Не то что наши глупыя дѣвочки, имъ самыя простыя вещи надо цѣлый часъ разжевывать, и онѣ же потомъ обижаются.

Маргарита Антоновна. Зачѣмъ же вы берете на себя трудъ объяснять имъ, если это и имъ и вамъ непріятно?

Викторъ. Не я ихъ выдумалъ, а безъ меня онѣ были бы еще глупѣе. (*За сценой голосъ Княгини*: *Викторъ*, *Викторъ, иди же сюда скорѣе, тебя ждетъ твоя дама*).

Викторъ. Ахъ, чтобъ ее, одну минуту! Я живо ее сплавлю и сейчасъ вернусь къ вамъ! (*Уходитъ*).

Маргарита Антоновна. Противный мальчишка! Какъ бы я его отчитала, жаль что нельзя сдѣлать этого сейчасъ. Но если онъ думаетъ что я стану его дожидаться, онъ ошибется въ разчетѣ. (*Уходитъ. Въ противоположную дверь входятъ Володя и Нелли*).

Володя. Наталія Аркадьевна, могу я вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?

Нелли. Конечно, но зачѣмъ для этого было идти такъ далеко? Развѣ нельзя разговаривать въ залѣ?

Володя. Трудно. Я хотѣлъ спросить васъ. Что̀ случилось? Вы чѣмъ-то озабочены, вы недовольны... вы такъ блѣдны.

Нелли. Нисколько. Вамъ показалось.

Володя. Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую, что-то есть. Вамъ сдѣлали предложеніе? Вы выходите замужъ?

Нелли (*нервно смѣется*). Съ чего вы взяли? Я не такъ стара чтобы бояться опоздать, и не довольно молода чтобы выйти замужъ только для того чтобы мнѣ говорили мадамъ.

Володя. Правда? Вы въ самомъ дѣлѣ довольны тѣмъ что́ есть и больше ничего не желаете? Быть спокойнымъ, не мучиться тѣмъ что̀ было, не загадывать о томъ что̀ будетъ, это и есть счастіе.

Нелли. Вы это про меня или про себя говорите?

Володя. Зачѣмъ вы спрашиваете? Еслибы я былъ свободенъ какъ вы, какъ бы я вамъ сказалъ все что̀ у меня на душѣ, что̀ каждую минуту просится на языкъ и о чемъ вы и сами вѣроятно догадываетесь.

Нелли. Не понимаю и ни о чемъ не догадываюсь.

Володя. Въ такомъ случаѣ простите, я ошибся. Значитъ, въ васъ нѣтъ уже ни капли той дружбы въ которую я такъ вѣрилъ и которая была мнѣ такъ дорога. Нѣтъ даже сочувствія или простой жалости заставляющей васъ помочь мухѣ выбиться изъ паутины.

Нелли (*вдругъ мѣняя тонъ*). Какъ вамъ не стыдно? Что̀ вы такое говорите? Но не могу же я сочувствовать, жалѣть васъ, когда я ровно ничего не знаю... Вы съ нѣкоторыхъ поръ говорите со мной какъ-то особенно, постоянно чего-то не договаривая. Я не виновата, если вы продолжаете считать меня дѣвочкой, а желаете чтобъ я понимала и жалѣла васъ.

Володя. Спасибо вамъ. (*Цѣлуетъ ея руку и удерживаетъ*).

Нелли. За что̀?

Володя. За то что на меня не сердитесь, что въ сущности меня жалѣете, хотя и не говорите этого. (*Входитъ Коля*). Что̀ тебѣ надо?

Коля. Ничего мнѣ не надо, я только пришелъ напомнить Натальѣ Аркадьевнѣ что мы сейчасъ съ ней танцуемъ. Вы не забыли?

Нелли. Нѣтъ, не забыла; но ёще есть время, а у меня къ вамъ просьба, пожалуйста, если мама будетъ меня искать, придите за мной.

Володя. И посмотри, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь?

Коля. Хорошо, хорошо, можете кончать ваши секреты, я посмотрю. (*Уходитъ и останавливается въ дверяхъ слѣдующей гостиной*).

Володя. Поневолѣ приходится не договаривать, когда... ну, да что̀ объ этомъ? Вотъ вы разсмѣялись, когда я спросилъ васъ, не выходите ли вы замужъ? А что̀ бы вы сказали, если бы услышали что я женюсь или женатъ?

Нелли. А, вотъ что̀, я понимаю.

Володя. Что̀ такое, что̀ вы понимаете?

Нелли. Я понимаю вашъ вопросъ. И вы еще спрашиваете меня?

Володя. Нѣтъ, нѣтъ, вы ничего не поняли, я совсѣмъ не то хотѣлъ спросить.

Нелли. Пойдемте въ залу, пора.

Володя. Одну минуту. Такъ нельзя. Дайте мнѣ собраться съ мыслями. (*Молчаніе. Къ дверямъ подходитъ Маргарита Антоновна. Коля хочетъ удержать ее, но она приподнимаетъ маску, отстраняетъ его и затворяетъ за собою дверь*).

Маргарита Антоновна. Зачѣмъ я это сдѣлала? Коля разболтаетъ и черезъ пять минутъ всѣ будутъ знать что я здѣсь. Не все ли мнѣ равно? И такъ скоро все будетъ кончено и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше... До чего я дошла! Даже Викторъ собирается „утѣшать меня". Пора кончить это, только прежде надо узнать навѣрное... Отчего Коля не хотѣлъ меня пропустить? Ужь не они ли?.. Подслушивать? Не все ли мнѣ равно теперь? Одной гадостью больше. (*Тихо подходитъ къ трельяжу, опускается въ кресло*).

Нелли. Пойдемте, теперь вы успокоились, пойдемте.

Володя. Нѣтъ, такъ я васъ не отпущу. Вы не имѣете права уйти, это было бы несправедливо, это было бы жестоко... Какъ, потому что вы не поняли одной фразы, мы перестанемъ быть друзьями? А когда я вошелъ сюда, мнѣ все казалось такъ ясно. Я былъ увѣренъ что если невозможно счастье, такъ есть по крайней мѣрѣ та дружба, что она все пойметъ и все угадаетъ съ-полуслова, но вы меня встрѣтили какъ-то совсѣмъ иначе, не такъ какъ обыкновенно. Мнѣ вдругъ показалось что вы ушли отъ меня далеко, такъ далеко что я сталъ для васъ чужой, а вы для меня настоящей маркизой; только здѣсь, взглянувъ на себя въ зеркало, я успокоился, я почувствовалъ что съ меня разомъ свалилось мое условное, мое студенческое *я*, и я подумалъ что вы не можете не испытывать теперь почти того же чувства, что намъ будетъ легче, чѣмъ когда-нибудь,

совсѣмъ, совсѣмъ понять другъ друга. Вѣдь и вы не можете не чувствовать что мы живемъ подъ разными формами, и какъ бы мы ни одѣлись, кого бы ни изображали, мы прежде всего живые люди имѣющіе право жить своей жизнью.

Нелли. Не забывайте однако что какъ бы мы ни одѣвались, мы все-таки живемъ не въ средніе вѣка и даже не въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Володя. Напротивъ, забудьте про это. Всѣ эти перегородки, всѣ условныя приличія, клѣтки которыя мы сами себѣ выстроили и въ которыхъ задыхаемся. Отчего не жить настоящимъ, а вѣчно искать въ прошедшемъ какихъ-то прецедентовъ для будущаго котораго никто предвидѣть не можетъ? Всю молодость мы проводимъ въ опасеніяхъ, какъ бы не сдѣлать ошибки, а потомъ, когда придетъ старость, можетъ-быть, будемъ раскаиваться что ее не сдѣлали, или будемъ оплакивать такія ошибки которыя намъ теперь и во снѣ не снятся... Не перебивайте меня... Не думайте что я хочу проповѣдывать вамъ теорію свободной любви: еслибы я хотѣлъ сдѣлать это, вы, слава Богу, меня не поняли бы. Но вѣдь нельзя же всю жизнь только замаливать прежній грѣхъ или жить для исполненія еще несуществующихъ обязанностей. Вѣдь если нѣтъ стѣны за которой можно бы навѣки укрыться отъ всѣхъ бѣдъ и опасностей, то нѣтъ и той цѣпи которая не могла бы когда-нибудь оборваться... Представьте себѣ что мы встрѣтились съ вами не теперь, не здѣсь, а гдѣ нибудь совсѣмъ на другой планетѣ, внѣ условныхъ общественныхъ клѣтокъ съ ярлыками подъ которыми разложены всѣ права, обязанности, чувства и мысли, точно въ аптекѣ ящики съ надписями: наркотика, героика, венена и т. д. Неужели же эти надписи могутъ помѣшать намъ чувствовать жизнь какъ живымъ людямъ? Вы мнѣ не вѣрите?

Нелли. Постойте, довольно...

Володя. Вы не хотите слушать, вы меня прогоняете?

Нелли. Нѣтъ, но... Не надо говорить объ этомъ по крайней мѣрѣ...

Володя. Отчего не надо?

Нелли. Постойте, тамъ кто-то есть.

Володя. Нѣтъ никого; но еслибы и весь свѣтъ услышалъ меня, сказалъ бы то же; не говорите ничего, не говорите, я пойму васъ безъ словъ. (*Входитъ Викторъ подъ-руку съ очень молоденькой барышней*).

Викторъ. Нѣтъ, вашего патрона и здѣсь нѣтъ.

Лили. А вамъ очень хотѣлось бы найти его поскорѣй?

Викторъ. Я былъ бы невѣжливъ, еслибы не спѣшилъ исполнить вашего желанія.

Лили. У васъ на все отвѣтъ сейчасъ найдется, вы думаете, я не понимаю что для такого солиднаго кавалера какъ вы я недостаточно „дама".

Викторъ. Вы такъ проницательны и такъ находчивы что большинству нашихъ дамъ десять очковъ впередъ дадите.

Лили. Какихъ очковъ? При чемъ тутъ очки? А вотъ еслибы вы знали что я уже удостоилась предложенія, вы бы относились ко мнѣ съ бо̀льшимъ почтеніемъ.

Викторъ. Смотря по тому, какого, главнаго или придаточнаго?

Лили (*отнимая у него руку*). Вы несносны съ вашими каламбурами, до свиданія!

Викторъ (*оборачиваясь и замѣчая Маргариту Антоновну*). Ушла, плакать не буду. Какова, что̀ вы на это скажете?

Маргарита Антоновна. Вполнѣ согласна съ ней. Видно что вы не успѣли еще экзаменъ зрѣлости сдать.

Викторъ. Почему, нельзя ли узнать?

Маргарита Антоновна. Во-первыхъ, потому что даже на балу думаете о граматикѣ.

Викторъ. А во-вторыхъ?

Маргарита Антоновна. Потому что хотите быть неприличны, а бываете только неблаговоспитаны.

Викторъ. Давно ли вы обо мнѣ такого высокаго мнѣнія?

Маргарита Антоновна. Съ тѣхъ поръ какъ увидала васъ на роляхъ кавалера.

Викторъ. Простите что не угодилъ, я очевидно вошелъ не во-время, у васъ было что-нибудь болѣе интересное? А, Нелли, вотъ гдѣ ты, тебя мама ищетъ.

Нелли. Сейчасъ. (*Въ-полголоса Володѣ*). Вы не знаете кто этотъ товарищъ Виктора?

Володя. Какой товарищъ?

Нелли. Да тотъ съ которымъ онъ говорилъ сейчасъ, въ домино.

Володя. Никакого понятія не имѣю.

Викторъ (*Маргаритѣ Антоновнѣ*). До свиданія. Не буду утомлять васъ своимъ присутствіемъ, тѣмъ болѣе что оставляю васъ въ интересномъ обществѣ. Володя, ты вѣдь останешься ужинать?

Маргарита Антоновна. (*Викторъ и Нелли уходятъ, Володя хочетъ пройти за ними, Маргарита Антоновна его останавливаетъ*). Одну минуту, мнѣ надо сказать вамъ два слова.

Володя. Извините, мнѣ некогда. (*Она снимаетъ маску*). Какъ, это вы! Вы были здѣсь! Давно?

Маргарита Антоновна. Не возмущайся, постарайся быть спокойнымъ, я не задержу тебя. (*Она беретъ его подъ-руку*).

Володя. Что же вы хотите?

Маргарита Антоновна. Сказать тебѣ два слова.

Володя. Только не тамъ.

Маргарита Антоновна. Ты боишься что я своимъ присутствіемъ оскверню этотъ храмъ?

Володя. Какъ, вы были здѣсь, вы слышали?

Маргарита Антоновна. Да, я была здѣсь и все знаю.

Володя. Но вѣдь это... это я не знаю какъ назвать!

Маргарита Антоновна. И не надо. (*Смѣется*). И стоитъ ли изъ-за этого волноваться? Что такое случилось, можно подумать что вы сдѣлали что-то ужасное, совершили какое-то преступленіе, а всего-на-всего... что она...

Володя. Не смѣйте говорить о ней.

Маргарита Антоновна. Отчего? Я не скажу ничего дурнаго, вѣдь она... только слушала.

Володя. Прощайте.

Маргарита Антоновна. Нѣтъ, ты обязанъ выслушать меня до конца; вѣдь ты же меня удержалъ когда я хотѣла уѣхать.

Володя. Я зналъ что вы, все равно, не уѣдете.

Маргарита Антоновна. Ты думаешь? Такъ тебѣ кажется что я думала не о тебѣ и не о твоемъ спокойствіи? Такъ о чемъ же? Неужели ты не понимаешь что и тогда... Вѣдь мнѣ нечего терять, развѣ я не вижу что все потеряно, я только думаю о тебѣ, только бы ты былъ счастливъ, какъ, съ кѣмъ,—не все ли равно? Хотя бы съ этой дѣвочкой. Я хотѣла только знать, насколько ты ее любишь и можетъ ли она тебя полюбить такъ... такъ, какъ ты ее любишь. И если теперь я не жалѣю что подслушала васъ, не дѣлай такого лица, да, подслушала, я не боюсь этого слова и не жалѣю объ этомъ, потому что могу сказать тебѣ въ послѣдній разъ: остерегайся, дай время твоимъ чувствамъ окрѣпнуть и созрѣть. Если они настоящія, они не уйдутъ, вы оба такъ молоды, еще успѣете, а пока уѣзжай отсюда, перемѣни мѣсто, обстановку, и ты увидишь, было ли это минутное увлеченіе, или настоящее чувство, вѣдь и для нея...

Володя. Маргарита Антоновна, вы забываете что я уже давно вышелъ изъ-подъ вашей опеки.

Маргарита Антоновна. Опомнись, какая тутъ опека, я говорю [т]ѣ то что сказала бы твоя мать.

Володя. Я плохо вѣрю материнскимъ наставленіямъ, особенно [к]огда они подсказаны не материнскимъ чувствомъ... Что съ вами, [в]амъ дурно?

Маргарита Антоновна. Ничего. Оставь меня, прощай!

Володя. Этого недоставало. Неужели притворяется? Нѣтъ. Пульса

почти не слышно. Эй, кто тамъ, скорѣй, надо за докторомъ послать. (*Хочетъ идти*).

Викторъ (*входя*). Чтò такое? Куда ты?

Володя. Пошли сюда скорѣй горничную, вели дать спирту или солей какихъ-нибудь.

Викторъ. Вотъ чтò! Ладно, сейчасъ. А ты самъ-то куда же?

Володя. За докторомъ.

Викторъ. Въ этомъ костюмѣ? Чтò жъ, онъ сразу пойметъ что тебѣ нужна его помощь.

Володя. Полно глупости говорить! (*Возвращается*). Такъ пошли кого-нибудь поскорѣе.

Викторъ. Сейчасъ и посылать, кажется, не придется: Михаилъ Ивановичъ только-что пріѣхалъ... Хотя я не знаю, чего ты волнуешься. Ты навѣрное не въ первый разъ видишь такіе случаи умиранія и воскресенія.

Володя. Чтò такое?

Викторъ. Знаешь пѣсенку:

Чебатухина мать
Собиралась умирать,
Умереть не умерла,
Только время провела..

Володя (*не отвѣчая, отходитъ къ Маргаритѣ Антоновнѣ около которой уже суетится горничная. Викторъ пожимаетъ плечами и уходитъ*). Хорошо, если просто обморокъ; но съ ней никогда этого не бывало. (*Входитъ Варжинъ*).

Варжинъ. Гдѣ больная? Ничего, ничего особеннаго; вотъ чтò! Перенести бы надо ее куда-нибудь, гдѣ поудобнѣе.

Нелли (*быстро входя*). Чтò случилось, кто боленъ?

Володя (*стараясь удержать ее*). Ничего, пустяки, Михаилъ Ивановичъ уже тамъ.

Нелли (*подходя ближе*). Какъ, Маргарита Антоновна? Зачѣмъ вы мнѣ не сказали?

Викторъ (*поспѣшно входя*). Какъ это глупо, зачѣмъ ты здѣсь? Вѣчно суешься, куда не спрашиваютъ! (*Всѣ уходятъ. Маргарита Антоновна и Варжинъ остаются вдвоемъ. Маргарита Антоновна открываетъ глаза*).

Варжинъ. Какъ вы себя чувствуете?

Маргарита Антоновна. Благодарю васъ, недурно. (*Начинаетъ смѣяться*).

Варжинъ. Чему вы смѣетесь?

Маргарита Антоновна. Еще бы не смѣяться? Первый человѣкъ котораго я вижу здѣсь и теперь, это вы.

Варжинъ. Что жь тутъ смѣшнаго? Успокойтесь, вамъ вредно всякое волненіе.

Маргарита Антоновна (*поднимаясь и садясь*). Оставьте пожалуйста, я цѣлыя десять лѣтъ слишкомъ хорошо слѣдовала вашимъ совѣтамъ. Или вы не видите что той „Маргариточки" которую вы учили благоразумію давно уже нѣтъ, что по вашему совѣту она благоразумно вышла замужъ, потомъ благоразумно разошлась съ мужемъ и учитъ другихъ благоразумію? Да, Михаилъ Ивановичъ, мы были съ вами благоразумны, очень благоразумны, слишкомъ благоразумны! А теперь... (*Закрываетъ лицо руками*). И этого никогда не было бы, а все вы, вы одни виноваты!

Варжинъ. Бѣдная вы моя! Да, я виноватъ, но, можетъ-быть, еще не поздно, можетъ-быть, еще можно поправить ошибку... (*Беретъ ее за руку, она молча смотритъ на него и опять неудержимо смѣется*).

Маргарита Антоновна (*сквозь смѣхъ*). Это великолѣпно! Такъ ли я васъ поняла? Теперь когда жизнь почти кончена, вы предлагаете мнѣ начать ее снова... съ вами?.. Вы безкорыстны!...

Занавѣсъ.

С. Лиговскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СМѢСЬ.

Убитые президенты. Покойный президентъ Макъ-Кинлей третій президентъ Соединенныхъ Штатовъ павшій подъ пулей злоумышленника. Но подобная же участь постигла многихъ другихъ главъ государствъ, гдѣ существуетъ демократическій режимъ. Не говоря о президентѣ Карно павшемъ отъ руки анархиста Казеріо въ Ліонѣ, можно взять для примѣра нѣсколько южно-американскихъ республикъ президенты которыхъ неоднократно кончали жизнь самымъ трагическимъ образомъ. Еще недавно президентъ республики Гаити Герто палъ подъ ножемъ убійцы.

Знаменитый Авраамъ Линкольнъ прозванный *Rail Speitter* по причинѣ его первоначальной професіи былъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ трагически кончившимъ свою жизнь. Избранный въ первый разъ президентомъ 4 марта 1861 года, Линкольнъ спустя четыре года былъ избранъ на этотъ высокій постъ вторично. Во время его президенства вспыхнула междоусобная война Сѣвера съ Югомъ, во время которой онъ выказалъ такія блестящія способности администратора. Исторія смерти этого благороднаго человѣка очень трогательна. 14-го апрѣля 1864 года президентъ Линкольнъ рѣшилъ отправиться вечеромъ въ театръ въ Вашингтонѣ, гдѣ онъ жилъ, и тамъ по немъ былъ произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера Бутомъ. Несчастный Линкольнъ былъ раненъ пулей въ голову. При первомъ же осмотрѣ ранъ врачи единогласно пришли къ заключенію что нѣтъ никакой возможности спасти жизнь президента. Раненаго перенесли въ домъ противъ театра и тамъ въ половинѣ седьмаго утра, не приходя въ сознаніе, Авраамъ Линкольнъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Спустя три дня убійца Бутъ скрывшійся съ однимъ изъ своихъ сообщниковъ на фермѣ былъ настигнутъ солдатами. Имъ предложили сдаться, но такъ какъ преступники отвѣтили отказомъ, вынуждены были поджечь ферму чтобы заставить ихъ выйти. Злодѣи встрѣтили солдатъ выстрѣлами, но въ концѣ-концовъ они были вынуждены оставить ферму и когда на вторичное предложеніе сдаться они снова отвѣчали выстрѣлами, то въ нихъ также стали стрѣлять и оба были убиты.

Второй президентъ Соединенныхъ Штатовъ также павшій подъ револьверной пулей былъ Гарфильдъ, по счету двадцатый прези-

дентъ Союза. Гарфильдъ былъ сынъ бѣднаго ремесленника и дебютировалъ очень скромно сначала въ качествѣ плотника, а впослѣдствіи въ качествѣ штурмана. Въ 1880 году Гарфильдъ которому въ то время было пятьдесятъ лѣтъ былъ избранъ федеральнымъ сенаторомъ штата Огайо, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ избранъ президентомъ Союза. Новый президентъ вступилъ во власть 4 марта 1881 года и въ скоромъ времени прославился удачными реформами, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія въ Бѣлый домъ, когда онъ возвращался изъ поѣздки въ Бѣлыя горы, на станціи Бальтимора въ него выстрѣлилъ нѣкто Карло Гито которому президентъ отказалъ въ мѣстѣ консула. Хотя президентъ былъ раненъ двумя револьверными пулями, онъ не умеръ на мѣстѣ, а скончался лишь спустя два мѣсяца отъ ранъ. Немедленно послѣ покушенія раненаго президента перенесли на виллу Франклинъ и полагали что онъ выздоровѣетъ, однако Гарфильдъ скончался скоропостижно въ ночь на 19 сентября. Въ пользу вдовы президента была открыта національная подписка давшая въ самое короткое время блестящіе результаты. Чтó касается изверга Гито, то онъ былъ судимъ и повѣшенъ въ іюлѣ 1882 года.

Теперь перейдемъ къ маленькимъ республикамъ Южной Америки, гдѣ политическія страсти очень пылки, а революціи слѣдуютъ одна за другою, и здѣсь не мало президентовъ стали жертвами покушеній на ихъ жизнь. Нѣкоторые были убиты, какъ напримѣръ, Гарсіа Морено президентъ Экуадора, выдающійся государственный дѣятель, глава консервативной партіи. Гарсіа былъ два раза президентомъ и ставилъ свою кандидатуру въ третій разъ, когда онъ былъ убитъ при выходѣ изъ президентскаго дворца въ Квито расположеннаго противъ собора, въ 1876 году. Убійцы его въ числѣ двадцати человѣкъ бросились послѣ совершенія злодѣянія на трупъ убитаго и искрошили его въ куски.

Въ 1877 году президентъ Парагвая донъ Баутиста Гиль подвергся одинаковой участи съ Гарсіа Морено. Его убили вмѣстѣ съ братомъ въ то время какъ ôба возвращались домой съ прогулки.

Одинъ изъ президентовъ республики Санъ-Сальвадоръ, Мендецъ, былъ убитъ вскорѣ послѣ своего избранія. Президенты Перу Балта и Гутьерецъ также сдѣлались жертвами покушенія на ихъ жизнь. Первый былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера, второй заколотъ кинжаломъ.

Столица сіамскаго королевства Бангкокъ. Французскій путешественникъ Этьенъ Рише посѣтившій недавно Сіамъ сообщаетъ о своемъ путешествіи много интереснаго. Въ особенности же онъ описываетъ живыми красками Бангкокъ, столицу королевства, которую нерѣдко называютъ Венеціей Востока.

Проплававъ нѣсколько дней въ Сіамскомъ заливѣ, говоритъ Рише, мы вышли въ Мейнамъ, этотъ природный водяной путь въ столицу Сіама. Миновавъ далеко выдающійся въ море молъ, мы вошли въ рѣку. Вскорѣ пароходъ *Donai* на которомъ я плавалъ прошелъ мимо Пакъ-Нама, форта который извѣстенъ тѣмъ что въ 1893 году два французскіе авизо прошли подъ огнемъ его пушекъ вверхъ по теченію рѣки.

Рукава рѣки слѣдуютъ одинъ за другимъ и весь путь отъ Пакъ-Нама до Бангкока сплошная роскошная панорама. Берега усѣяны деревушками на сваяхъ или даже плотахъ съ островерхими крышами, маленькія пагоды сверкаютъ своими золотистыми верхами, базары съ пестрой, картинной толпой туземцевъ, все это производитъ чарующее впечатлѣніе на путешественника. Наконецъ, клубы дыма пароходовъ пришедшихъ изъ Китая, Сингапура и другихъ портовъ возвѣщаютъ о близости Венеціи Востока которая вскорѣ появляется передъ нами за однимъ изъ поворотовъ рѣки. Первое впечатлѣніе — удивленіе передъ громадною дѣятельностію этого рѣчнаго порта и оригинальностію широкой своеобразной рѣки. Рядомъ съ грузовыми судами всѣхъ національностей тяжелыя джонки загромождаютъ пристань, выгружая и разгружая всевозможные товары. Далѣе пироги, самканы, паровыя шлюпки и катера на которыхъ снуютъ покупатели и продавцы, направляясь къ лавкамъ съ разнообразными товарами, расположеннымъ на плотахъ по рѣкѣ. Такимъ образомъ на Мейнамѣ находится второй плавучій городъ.

На лѣвомъ берегу возвышаются обширныя паровыя лѣсопильни на которыхъ обрабатываются цѣнныя породы дерева составляющаго одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ богатствъ страны. На правомъ берегу виднѣется самый городъ со своими дворцами и другими примѣчательными сооруженіями. Къ этой громадной артеріи праваго берега примыкаютъ безчисленные каналы по которымъ расположены отели посольствъ, великолѣпное зданіе таможни, почтовое управленіе и банки. Паралельно Мейнаму проложенъ единственный въ Бангкокѣ электрическій трамвай. Надъ всѣми этими зданіями на дальнемъ фонѣ блестятъ озаряемыя солнечными лучами безчисленныя пагоды со своими своеобразными крышами и надъ ними царитъ блестящая игла Ваченгской пагоды въ которой сохраняется ступня Будды. Бангкокъ своего рода каравансарай Востока, но одновременно онъ городъ бонзъ и пагодъ. Всѣ бонзы, которыхъ такъ много въ столицѣ Сіама, одѣты совершенно однообразно въ римскую тогу шафраннаго цвѣта. Они встрѣчаются повсюду. Грязные, лѣнивые бонзы кочуютъ изъ пагоды въ пагоду, изъ дома въ домъ, съ плота на плотъ, надоѣдая всѣмъ и каждому. Питаются они ухой съ рисомъ и лепешками которыя имъ подаютъ туземцы. Кормитесь подаяніемъ и ничего не дѣлайте, таковъ любимый принципъ этихъ паразитовъ. Въ кумирняхъ-монастыряхъ, гдѣ живутъ бонзы, всегда цѣлая масса неофитовъ принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества. На самомъ дѣлѣ въ Сіамѣ, начиная отъ королевскихъ дѣтей до сына простаго рабочаго, всѣ должны пробыть нѣкоторое время среди бонзъ въ ихъ жилищахъ. Пагодъ въ Бангкокѣ очень много, одиннадцать пагодъ насчитывается внѣ стѣнъ королевскаго дворца и двадцать двѣ внутри ихъ.

Посѣщеніе королевскаго дворца обставлено въ Бангкокѣ такими же формальностями, какъ и въ Европѣ. Но благодаря отсутствію короля и любезности его брата принца Карста и исполняющаго обязанности министра полиціи и губернатора Бангкока, мы проникли въ него безпрепятственно. Королевская пагода расположена среди обширнаго парка. Она со всѣхъ сторонъ окружена галереями съ во-

инственной, но грубой живописью по стѣнамъ. Алеи обставлены гранитными статуями изображающими самые разнообразные сюжеты; рядомъ съ молодой дѣвушкой въ костюмѣ второй имперіи стоитъ англійскій адмиралъ, далѣе слѣдуютъ туземныя божества и представители всей восточной миѳологіи. Пагода съ пола до потолка драпирована парчей съ разсѣянными по ней драгоцѣнными камнями, полъ мѣдный, покрытъ сплошь циновками съ вплетенными въ нихъ серебряными нитями. Въ глубинѣ пагодъ помѣщается возвышеніе на которомъ возсѣдаетъ фигура Будды. Кромѣ королевской еще особенно замѣчательны пагоды Ва-Чеангъ, Ва-Ксехфонъ и Ва-Ксакетъ, пагода мертвыхъ. Въ послѣдней происходитъ сожженіе труповъ, такъ какъ въ Сіамѣ не существуетъ другаго вида погребенія кромѣ кремаціи.

Французское вліяніе при дворѣ перваго прусскаго короля. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія подъ французскимъ вліяніемъ проникли въ придворныя сферы берлинскаго двора хорошій тонъ, любовь къ искусствамъ и вѣжливость впослѣдствія перешедшіе во всѣ слои прусскаго общества. Германскіе историки вполнѣ согласны съ тѣмъ что прусская цивилизація дочь цивилизаціи французской.

Миръ 1648 года былъ съ энтузіазмомъ привѣтствованъ положительно всѣми. Онъ былъ особенно пріятенъ берлинцамъ которымъ война ничего не дала, а между тѣмъ причинила много бѣдъ. Во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія населеніе Берлина почти удвоилось и онъ сталъ большимъ городомъ. Курфюрстъ сталъ жить то въ Берлинѣ, то въ Потсдамѣ и придворные стали понемногу выходить изъ рамокъ скупости и скромности которыми былъ извѣстенъ дворъ курфюрста. Буржуазія послѣдовала ихъ примѣру и одинъ изъ современныхъ хроникёровъ съ ужасомъ говоритъ о роскошныхъ привычкахъ которыми стали заражаться берлинцы. Въ прежнія времена, по его словамъ, берлинцы обладали очень скромными наклонностями. Они восторгались и наслаждались бѣлымъ пивомъ, а если иногда и пили вино, то это было вино туземное, потсдамское, бранденбургское, вердеровское. О, святая простота, восклицаетъ хроникеръ. Окончился вѣкъ потсдамскаго вина и на свадьбахъ и прочихъ торжествахъ стали лишь пить одно шампанское. Богатая буржуазія стала выписывать себѣ вино изъ Франціи. Придворныя дамы начали заказывать свои платья, мушки, вѣера и даже куколъ для своихъ дѣтей на берегахъ Сены. Однѣхъ только лентъ Берлинъ выписывалъ на нѣсколько миліоновъ изъ Парижа. Наконецъ, въ довершеніе всего французскіе учители, танцмейстеры и другіе художники занялись образованіемъ дѣтей прусской аристократіи стремившихся представиться версальскому двору. Версаль пользовался особымъ престижемъ въ глазахъ прусской аристократической молодежи. Фридрихъ I былъ отъявленнымъ партизаномъ французскаго вліянія. Однажды онъ послалъ своего лакея въ Парижъ единственно съ цѣлью ознакомиться тамъ съ производствомъ париковъ. Слава Людовика XIV не давала спокойно спать этому государю, въ то время очень скромному среди европейскихъ монарховъ. Онъ все желалъ дѣлать на большую ногу и иногда это удавалось ему. Его парадирующія войска въ ихъ мундирахъ съ иголочки представляли собою великолѣпное зрѣлище.

Каковы бы ни были достоинства Фридриха I, онъ воспринималъ отъ французской монархіи лишь одинъ ея наружный блескъ. Этотъ государь былъ одержимъ маніей величія и пышности; но имѣлъ мало понятія въ искусствахъ. Къ счастью для него и для Берлина, его вторая супруга Софія-Шарлота во многомъ превосходила его. Она боготворила поэзію и музыку. Она привлекала къ своему двору философовъ и понимала ихъ или дѣлала видъ что ихъ понимаетъ. Лейбницъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ этой государыней. Подобно мужу Софія-Шарлота не особенно долюбливала грубыхъ бранденбуржцевъ и находилась подъ очаровательнымъ вліяніемъ версальскаго двора. Она нехотя говорила по-нѣмецки и настолько хорошо писала по-французски что одинъ льстецъ, не слишкомъ вдаваясь въ преувеличеніе, могъ сравнить ея письма съ письмами госпожи де-Севинье. Впрочемъ, Софія-Шарлота заимствовала у французскаго двора не только одни парики и прически. Она ввела при берлинскомъ дворѣ моду на артистическіе праздники, балеты, оперы и комедіи. Она приказала построить вблизи столицы кокетливую виллу. Эта королевская дача была названа *Sietzenvurg* и освящена 1 іюля 1699 года. Празденства данныя по этому случаю прошли очень весело. Маскарады и костюмированные балы были при Софіи-Шарлотѣ любимыми придворными развлеченіями. Эта мода была заимствована однако не у Франціи, какъ можно было бы подумать, но у берлинскихъ жителей у которыхъ костюмированные праздники подъ именемъ *Wirschapten* пользовались большой популярностію. Лейбницъ съ восторгомъ говоритъ о подобномъ костюмированномъ праздникѣ устроенномъ Фридрихомъ I и Софіей-Шарлотой въ Литценбургѣ 12 іюля 1700 года по случаю основанія прусской академіи наукъ. Планъ этого праздника былъ составленъ самой королевой и отличался замѣчательнымъ разнообразіемъ. О немъ долго помнили при прусскомъ дворѣ. Въ Берлинѣ также большимъ уваженіемъ пользовались балеты въ которыхъ придворные являлись дѣйствующими лицами. Софія-Шарлота обожавшая музыку и даже сама сочинявшая стихи добилась того чтобы при дворѣ ставили настоящія оперы. 12 іюля 1702 года на сценѣ придворнаго театра въ первый разъ была поставлена опера съ музыкой италіянскаго композитора, а либрето на французскомъ языкѣ составлено всѣми артистами и музыкантами окружавшими королеву. Софія-Шарлота со страстію изучала въ то время латинскаго писателя Лукреція въ поднесенномъ ей переводѣ Лейбница.

Къ сожалѣнію, Софія-Шарлота скончалась преждевременно. Фридрихъ предоставленный этой смертью своимъ собственнымъ наклонностямъ, не удержался на пути предначертанномъ его супругой. Къ довершенію всего онъ снова женился въ 1708 году. Новая прусская королева обладала своенравнымъ характеромъ и была очень лицемѣрна. Она смотрѣла очень недоброжелательно на всѣ оперы, всѣ балеты и даже относилась скептически къ класическимъ твореніямъ Корнеля, Расина и Мольера. Слѣдующіе годы принесли чуму, голодъ и цѣлую серію траура въ королевской семьѣ. Фридрихъ I до того сопротивлявшійся вліянію супруги, окончательно попалъ подъ него, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастій все при дворѣ измѣнилось.

Въ 1711 году придворныя оперы были отмѣнены, театральный гардеробъ розданъ бѣднымъ, а фонды на увеселеніе пожертвованы разнымъ благотворительнымъ обществамъ.

Гаремъ турецкаго султана Журналъ *Science* сообщаетъ совершенно новыя подробности о частной жизни султана Абдулъ-Гамида.

Вопреки установившемуся о немъ мнѣнію султанъ Абдулъ-Гамидъ не женатъ законнымъ образомъ по примѣру своихъ предшественниковъ. Подобно всѣмъ поклонникамъ ислама султанъ имѣетъ право имѣть одновременно четырехъ законныхъ женъ которыхъ долженъ избрать среди невольницъ своего гарема. Традиціи и устный законъ воспрещаютъ ему вступить въ законный бракъ съ принцесой или иной дѣвушкой знатнаго происхожденія. Это имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи что, женись султанъ на дѣвушкѣ родомъ изъ турецкой аристократіи, семейство султанши могло бы имѣть вліяніе на падишаха. Съ дѣвушками-невольницами султанскаго гарема дѣло обстоитъ иначе: какъ только онѣ переступаютъ порогъ сераля, всѣ сношенія съ родными прекращаются и обыкновенно дѣвушка считается для семьи какъ бы умершею. До того времени пока повелитель правовѣрныхъ не обратитъ свое благосклонное вниманіе на одну изъ гаремныхъ невольницъ, онѣ носятъ названіе *Джарій* или *Одалисокъ*. Когда же совершится это счастливое для каждой изъ нихъ отличіе султана, то счастливица получаетъ титулъ *Икбалы*. *Икбала* остается на положеніи гаремной невольницы до тѣхъ поръ пока не сдѣлается матерью. Тогда она получаетъ званіе *Кадины*. Однако, какъ мало *Икбалъ* дѣлается матерями, можно судить по тому что хотя въ султанскомъ гаремѣ кромѣ черныхъ невольницъ насчитывается болѣе 300 женщинъ, у султана только 13 дѣтей. Всѣ эти дѣти прижиты съ разными матерями. Три кадины, матери старшихъ дѣтей султана, считаются его женами и занимаютъ выдающееся положеніе среди остальныхъ женщинъ гарема. Одинаковыми правами съ тремя *Кадинами* пользовалась еще четвертая женщина, мать любимаго сына султана Бурханъ-Эддина, но недавно падишахъ назначилъ ее *Султаншею Валиде*. Обыкновенно этотъ титулъ дается матери царствующаго султана и носящая его женщина признается первою дамою гарема и пользуется въ немъ всемогуществомъ.

Всѣхъ *Кадинъ* въ настоящее время въ султанскомъ гаремѣ тринадцать по числу дѣтей Абдулъ-Гамида. У каждой изъ нихъ опредѣленное число комнатъ и свой собственный придворный штатъ у каждой отдѣльный, тогда какъ бездѣтныя *Икбалы* живутъ въ общихъ помѣщеніяхъ и не пользуются преимуществами первыхъ. Однако, онѣ также имѣютъ свои привилегіи. Такъ, напримѣръ, имъ разрѣшается въ сопровожденіи придворныхъ дамъ или евнуховъ посѣщать базары для покупокъ и дѣлать въ городѣ визиты. Все это безусловно воспрещается *Кадинамъ* которыя сдѣлавшись матерями не имѣютъ права перешагнуть порогъ сераля. Всѣ гаремныя дамы одѣваются по послѣдней парижской модѣ. Счета которые представляются портнихами султану достигаютъ положительно баснословныхъ суммъ. Дамы низшихъ разрядовъ шьютъ платье у французскихъ портнихъ Константинополя, *Кадины* же заказываютъ свои костюмы въ луч-

шихъ парижскихъ домахъ которые ихъ считаютъ лучшими кліентками. Живописный турецкій женскій костюмъ съ широкими шароварами, роскошными шарфами и куртками вышитыми золотомъ совершенно изгнанъ изъ гарема и о немъ остались лишь одни преданія.

Хотя *Кадины* и не имѣютъ права выходить изъ гарема, онѣ могутъ принимать знакомыхъ дамъ и ихъ часто посѣщаютъ жены и дочери турецкихъ сановниковъ, семейства иностранныхъ пословъ и жены армянскихъ и греческихъ банкировъ лично извѣстныхъ султану. Для посѣщеній султанскаго гарема существуетъ особый этикетъ по которому дамы посѣщающія *Кадину* должны быть въ платьяхъ съ длинными шлейфами. Эти шлейфы должны быть обязательно бѣлаго цвѣта у дѣвушекъ и чернаго у замужнихъ женщинъ. Вуали не допускаются. Изо всѣхъ поклонниковъ пророка одинъ только султанъ пользуется правомъ смотрѣть на всѣхъ женщинъ его обширнаго царства безъ традиціоннаго вуаля или чадры мусульманокъ.

Мытарства супруги генерала Деветъ. Одинъ изъ кореспондентовъ *Paris-Nouvelles* слѣдующимъ образомъ описываетъ мытарства несчастной супруги доблестнаго бурскаго вождя генерала Деветъ:

Это маленькая женщина роста ниже средняго; у нея шестнадцать дѣтей: двѣ дочери умерли, остальныя шесть живы; изъ восьми ея сыновей одинъ взятъ въ плѣнъ Англичанами, два находятся съ отцомъ и дерутся съ самаго начала войны, а одинъ которому только семнадцать лѣтъ отправленъ наостровъ Цейлонъ.

Послѣ того какъ Англичане сожгли ея ферму, госпожа Деветъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдовала за отрядомъ ея мужа съ восемью меньшими дѣтьми.

Девять мѣсяцевъ назадъ она была взята въ плѣнъ и отправлена въ Іоганнисбургъ. Тамъ ее продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ лагерѣ, а потомъ разрѣшили нанять домъ въ городѣ, гдѣ она и жила со своими дѣтьми.

Англичане ее постоянно мучили, требуя чтобъ она подписала декларацію въ которой признаетъ что жены и дѣти буровъ содержащіяся въ лагерѣ ни въ чемъ не терпѣли недостатка, что они очень счастливы и что она въ особенности пользовалась попеченіемъ Англичанъ.

Но все что̀ отъ нея требовали была безсовѣстная ложь, и благородная женщина наотрѣзъ отказалась подписать эту декларацію.

Англичане до крайности раздраженные отказомъ ея подписать декларацію спустя немного времени приказали ей немедленно выѣхать изъ Іоганнисбурга въ Питермарицбургъ.

Уѣжая изъ Іоганнисбурга, госпожа Деветъ спросила коменданта полковника Дэвиса, будетъ ли она имѣть право нанять домъ въ Питермарицбургѣ, и получила отъ него утвердительный отвѣтъ. Ее посадили на поѣздъ вмѣстѣ съ дѣтьми, но когда она прибыла на мѣсто назначенія, ее интернировали.

Для жительства несчастной женщинѣ съ восемью дѣтьми отвел старую палатку безо всякой мебели. Всей семьѣ пришлось ожидат слѣдующій день чтобы получить нѣсколько пищи, такъ какъ раціоны выдаются Англичанами только по утрамъ.

Романтическій разбойникъ. Уже нѣсколько лѣтъ италіянское правительство тщетно пытается захватить знаменитаго бандита Музолино Разбойникъ который скрывается съ успѣхомъ отъ цѣлыхъ бригадъ солдатъ и жандармовъ посланныхъ за нимъ на поиски соблаговолилъ недавно бесѣдовать съ кореспондентомъ газеты *New-York-Herold* который пригласилъ Музолино.

Музолино ростомъ 5 футовъ 8 дюймовъ, однако онъ выглядываетъ ниже вслѣдствіе привы чкидержаться въ согнутомъ положеніи. Онъ обладаетъ маленькими, замѣчательно пронзительными и безпокойными глазами очень темнаго цвѣта. На немъ былъ костюмъ опернаго бандита: черная бархатная куртка, красная повязка на головѣ, а жилетъ его украшенъ множествомъ медалей и серебряныхъ украшеній, отнятыхъ у его жертвъ, и религіозныхъ изображеній которыя онъ очевидно пріобрѣлъ при частомъ посѣщеніи церквей. Сумка его была переполнена патронами, а между колѣнъ онъ держалъ заряженное ружье.

На лѣвомъ боку Музолино висѣлъ внушительныхъ размѣровъ кинжалъ похожій на короткій мечъ, а на правомъ торчалъ револьверъ съ золотой насѣчкой. „Вотъ этотъ признакъ, воскликнулъ Музолино указывая на большое родимое пятно на лѣвой щекѣ, служитъ полиціи и жандармамъ для установленія моей личности. Премія въ 50 тысячъ франковъ назначена тому негодяю который выдастъ меня правительству живымъ или мертвымъ“, продолжалъ бандитъ топая ногой и потрясая своимъ оружіемъ. „Я не опасаюсь ихъ солдатъ, хотя бы ихъ было 10 или 50 тысячъ, цѣлая армія не испугала бы меня, но съ этой преміей въ 50 тысячъ лиръ обстоитъ совершенно иначе. 50 тысячъ франковъ могутъ породить 100 тысячъ шпіоновъ. Надежда получить эту сумму можетъ сдѣлать самаго честнаго человѣка убійцей. Я чувствую что окончу свои дни въ этой пустынѣ отъ пули какой-нибудь неизвѣстной личности“.

Затѣмъ бандитъ принялъ горделивую осанку и воскликнулъ: „Однако, я буду защищаться до самой послѣдней крайности и не дешево продамъ свою шкуру. Горе тому кто посмѣетъ поднять руку на Музолино! Изъ этихъ горъ меня можетъ вывесть только полное прощеніе за собственноручной подписью короля. Я долженъ вамъ сказать по секрету, впрочемъ можете даже, если хотите, прокричать на весь міръ, что моими слѣдующими жертвами будутъ Цироло и тотъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ который служитъ проводникомъ у войскъ посланныхъ за мною. Молодой человѣкъ предающій своего кровнаго не заслуживаетъ ничего лучшаго“! Музолино при воспоминаніи о предательствѣ своего родственника воспламенился гнѣвомъ, бросилъ свой кинжалъ на воздухъ и поймалъ его снова зубами, поднялъ ружье и схватилъ шестиствольный револьверъ въ лѣвую руку.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская иконопись.

Современное положеніе русской народной иконописи. Н. П. Кондаковъ. 1901.

Государю Императору угодно было взять судьбы русской иконописи подъ Свое высокое покровительство и для осуществленія монаршей милости учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Эти чрезвычайныя мѣры, являясь съ одной стороны отголоскомъ исконныхъ попеченій которыми дарили и оживляли русскіе государи дѣло народной иконописи, въ то же время вызывались насущною необходимостію и тѣмъ крайнимъ положеніемъ въ которое она пришла за два послѣдніе вѣка.

Въ существѣ дѣла говоря о народной иконописи приходится говорить о стародавнемъ мастерствѣ трехъ знаменитыхъ селъ Владимірской губерніи, Мстеры, Хòлуя и Палеха. Но и о нихъ у насъ совсѣмъ-было забыли и среди такъ-называемаго образованнаго общества такъ же мало знаютъ о нихъ, какъ мало нужды видятъ въ хорошей иконѣ. Сохранили память о нихъ и знакомство съ ихъ произведеніями лишь простой народъ, купечество, старообрядцы, ревнители старины. Даже то обстоятельство что мастерство трехъ владимірскихъ селъ идетъ изъ глубокой древности и досёлѣ носитъ на себѣ печать старины служитъ вовсе не въ пользу этимъ селамъ въ глазахъ нашего современнаго общества. „Оно дѣйствуетъ какъ-то обратно, по совершенно справедливому замѣчанію Н. П. Кондакова: производя большое впечатлѣніе на народъ благоговѣйно относящійся къ старинѣ, оно видимо лишаетъ самое мастерство того интереса въ глазахъ русскаго просвѣщеннаго общества который оно имѣло бы, еслибы оно было явленіемъ новымъ". Отъ мастерства видимо ничего въ будущемъ не ожидаютъ, этому обломку старины предоста-

вляютъ покойно умирать въ забвеніи. Прозвище „суздальскихъ богомазовъ“ стало даже обозначать жалкій родъ ремесленниковъ рабски копирующихъ непритязательные оригиналы на потребу столь же неприхотливаго рынка.

Такое отношеніе къ иконописи началось у насъ уже давно. Послѣднимъ царственнымъ покровителемъ ея былъ Петръ Великій. Съ середины XVIII вѣка судьбы ея стали покрываться мракомъ и мало-по-малу изъ мастерства особо покровительствуемаго и даже опекаемаго русскими царями осталось захолустное кустарное производство. Въ прошломъ вѣкѣ даже полагали что суздальская иконопись находится въ услуженіи раскола старообрядства, хотя старообрядство только поддерживало своими заказами „подстаринный“ родъ иконописи, а также рядъ иконографическихъ сюжетовъ. Даже въ самое послѣднее время, когда начались правительственныя мѣропріятія по вопросу о поддержаніи и развитіи кустарныхъ промысловъ, иконописное мастерство осталось въ забвеніи даже въ скромномъ положеніи кустарнаго мастерства. А между тѣмъ это производство считаетъ свой оборотъ миліономъ рублей!... И если иконописаніе всетаки продолжаетъ существовать, то этимъ оно обязано исключительно тѣмъ крошкамъ которыя перепадаютъ на его долю изъ скуднаго заработка русскаго крестьянина оплачивающаго „расхожую икону“ грошами или кусками самодѣльнаго полотна.

Что же удивительнаго, если суздальское мастерство пришло въ такое печальное положеніе близкое къ окончательной гибели въ какомъ засталъ его авторъ настоящей книги посѣтившій иконописныя села въ іюнѣ 1900 года вмѣстѣ съ графомъ С. Д. Шереметевымъ.

Само собою разумѣется что миліонный оборотъ даетъ извѣстный матеріальный достатокъ населенію трехъ селъ и внѣшнее благоденствіе ихъ пріятно поражаетъ пріѣзжаго: „почти сплошь каменные дома въ два этажа съ обширными службами, тесовыми рѣзными воротами на улицу, садами и огородами позади. Всюду обиліе, вездѣ хозяйственное движеніе“. Но лишь только пріѣзжій вникаетъ въ условія иконописнаго производства, впечатлѣніе тотчасъ же мѣняется. И конечно какъ вездѣ и во всемъ у насъ, на первомъ [мѣ]стѣ стоитъ и здѣсь наше вѣковое русское бездорожіе. Улицы въ [се]лахъ широки и тянутся съ добрую версту, но... „по нашимъ по[ня]тіямъ, говоритъ Н. П. Кондаковъ, совершенно недоступны: онѣ [по]гружены въ столь глубокую вѣковую грязь что прохожіе лѣпятся [по]дъ заборами и тынами, а ѣдущіе двигаются вдоль улицы какъ бы [на] показъ съ монотонною медленностію похороннаго поѣзда. Какъ [бу]дто весь навозъ села цѣлые вѣка вывозили на дорогу“. Но, мо-

жетъ-быть, это бездорожіе есть слѣдствіе небрежности сельчанъ? Можетъ-быть, отъ селъ до города и желѣзной дороги путь устроенъ и даже проведенъ промышленный трактъ? А вотъ послушайте Н. П. Кондакова: „Но что представляла дорога изъ Хблуя въ Палехъ и изъ Палеха въ Шую, о томъ можно было бы достойно повѣствовать лишь собравъ лучшіе перлы русской литературы по отдѣлу плачей и причитаній о русскомъ бездорожьѣ и размѣстивъ ихъ въ восходящемъ порядкѣ по степени паѳоса". Какимъ же образомъ промышленный трактъ можетъ установиться между этими замѣчательными селами, когда дороги тамъ не починены, по вѣрному замѣчанію нашего автора... „съ XII вѣка"?!.

Первобытное состояніе сельскихъ улицъ и дорогъ рѣзко разногласитъ съ живою промысловою жизнію всѣхъ трехъ селъ, съ благосостояніемъ домовъ и общею домовитостію хозяевъ. Очевидно, при вниманіи къ ихъ нуждамъ и умѣніи подойти съ открытыми глазами къ ихъ потребностямъ средства скоро найдутся и первѣйшее условіе всякаго производства, дешевая доставка произведеній сырыхъ и обработанныхъ, легко будетъ достигнуто. Но пока бездорожіе ложится тяжелымъ бременемъ на производство и вмѣстѣ съ соперничествомъ Москвы и другихъ промышленныхъ центровъ заставляетъ суздальцевъ самимъ перенимать всѣ пріемы промышленнаго производства и доводить свои издѣлія до послѣдней степени дешевизны. Все искусство владимірскихъ иконописцевъ заключается въ неизмѣнномъ слѣдованіи принятому преданію и въ живомъ его руководствѣ. Самое мастерство, приспособляясь къ требованію производить все дешевле и скорѣе, вступило на путь капиталистическаго производства и раздробилось само на рядъ спеціальностей болѣе и болѣе выроставшихъ и нынѣ угрожающихъ дать всему дѣлу машинный характеръ. Мастеровъ-хозяевъ работающихъ только со своею семьею осталось мало, всѣ мастера за малыми исключеніями или превратились въ скупщиковъ, или сами работаютъ на скупщиковъ и другихъ хозяевъ. Большинство мастеровъ поступило къ большимъ промышленникамъ въ работники наряду съ массою простыхъ рабочихъ и такъ-называемыхъ учениковъ и составило „заводы", вѣрнѣе, иконныя фабрики. Заводчики расширяя дѣло ради выгоды и ради уменьшенія расходовъ производства стали въ послѣднее время производить всѣ заказы не у себя на дому, но раздавая работу на домъ по сдѣльной цѣнѣ которую можно сбивать не зная предѣловъ и сдавать мастерамъ которые вполнѣ мастерства не знаютъ. Обстановка въ мастерской владимірскаго иконописца поражаетъ простотой и убожествомъ. „Именно эти примитивныя условія, говоритъ Н. П. Кондаковъ, спасаютъ это мастерство отъ превращенія его въ фабричное, машинное,

бездушное и ненавистное дѣло по той простой причинѣ, хотя малопонятной для насъ, что на долю ученика и мастера несмотря на крайнее раздѣленіе труда все же остается очень много искусства въ самомъ приспособленіи къ работѣ при такихъ орудіяхъ... Иконнику много нужно изощряться чтобы начать писать иконы".

Весь ходъ работъ по изготовленію иконы съ начала до конца при всей простотѣ своей является въ большой степени интереснымъ даже съ точки зрѣнія обыкновеннаго любопытства.

Доски для иконъ приготовляютъ изъ сосны, ольхи и кипариса со вставными сзади брусками въ предупрежденіе трещинъ и выгиба. Выгладивъ и заклеивъ всѣ трещины въ доскѣ, ее покрываютъ левкасомъ, то-есть, жидкимъ гипсомъ съ клеемъ по самой доскѣ, а „поволоки", накладной холстины, не употребляютъ. Левкашенную поверхность гладятъ и чистятъ „клепиками" и „хвощами" и затѣмъ переводятъ на нее рисунокъ. Для этого имѣются готовые оригиналы съ которыхъ „снимается" будущій „переводъ". По одному снятому съ иконы рисунку дѣлаютъ на бумагѣ проколомъ всѣхъ контуровъ иглою до десяти тожественныхъ снимковъ. Наложивъ на мокрый еще левкасъ подобный наколотый по всѣмъ контурамъ рисунокъ, бьютъ скоро и сильно по бумагѣ мѣшечкомъ съ мелкимъ порошкомъ угля, который проходя сквозь и ложась на мокрую поверхность левкаса оставляетъ на немъ „припорохъ". Этотъ припорохъ затѣмъ закрѣпляютъ графьею, тонкою гравюрною иглою, черты которой остаются видны во все время работы. Приготовляютъ заранѣе всѣ фоны и поля, покрывая подъ чеканные фоны „чернетью", подъ письмо красками или золотыми и серебряными листиками, приклеивая ихъ клеемъ, затѣмъ фоны чеканятъ, то-есть, выбиваютъ опредѣленный орнаментъ чеканными шаблонами. Послѣ того пишется все доличное, то-есть, выписываются всѣ одежды и обстановка, при чемъ сначала проходятся краски наиболѣе употребительныя, напримѣръ: красная, сурикъ, зеленая, охра, затѣмъ сажею описывается контуръ, разцвѣчается малиновымъ баканомъ и моделируется одежда и въ заключеніе „пробѣляется" бѣлильными „пробѣлами" или „оживками" и бликами все доличное. Тогда икона поступаетъ въ руки „личника" который ту же систему постепенности и различныхъ степеней раздѣлки выполняетъ въ ликахъ. Сначала онъ „санкиритъ" лица и части тѣла, покрывая все сѣроватымъ, темно-аспиднымъ тономъ какъ общею подмалевкою, всѣ пространства, затѣмъ намѣтитъ сажею контуры, бѣлилами черты лица, вновь все покроетъ общимъ тономъ охры, съ одной стороны моделируя тѣни, съ другой „отживкою" наводя на свѣтлыя мѣста блики, черною мумiей покрывая волосы, затѣмъ сажею ихъ раздѣляя и бѣлилами „насѣкая" сѣдину, бѣлки и проч. Нако-

нецъ, икона подвергается окончательной уборкѣ: окраскѣ окладовъ и спинки, очерчиванію полей и оклада, ее „подписываютъ" и олифятъ. Хорошая икона такимъ образомъ проходитъ черезъ руки мастеровъ болѣе сотни разъ.

Изъ этого описанія производства иконъ можно было бы вывести заключеніе что вся работа иконниковъ чисто механическая и ничего общаго съ искусствомъ не имѣетъ. Н. П. Кондаковъ предостерегаетъ отъ такого поспѣшнаго вывода. Вѣрно что каждый мастеръ набиваетъ себѣ руку на одной только работѣ и только ее умѣетъ дѣлать. Вѣрно что личникъ не можетъ написать доличнаго, что всѣ они не умѣютъ рисовать и что знаніе рисунка становится большою рѣдкостью и даже особо оплачивается. Тѣмъ не менѣе самое иконное исполненіе при непосредственномъ наблюденіи показываетъ что каждый иконникъ усвоившій мастерство достигаетъ въ немъ такого навыка который граничитъ съ искусствомъ, если не переходитъ въ него.

Особый отдѣлъ составляютъ иконы „подризныя" и „подъуборныя" или „подфолежныя" въ которыхъ пишутся только лики, руки, а все прочее закрывается ризою или листьями фольги (золотой и серебряной латуни). Этого рода производства возобладали въ послѣднее время вслѣдствіе явнаго злоупотребленія самими иконниками, отсутствія всякаго контроля за ними и комерческаго отношенія къ дѣлу офеней. Этотъ родъ иконописи и заслужилъ суздальскимъ иконописцамъ прозвище богомазовъ и породилъ пренебреженіе къ ихъ произведеніямъ. Подфолежныя иконы приготовляются кое-какъ, пишутся наскоро и буквально цѣлыми возами за гроши поступаютъ въ фольго-уборную мастерскую, и всетаки иконники едва зарабатываютъ на нихъ полтора, два рубля въ недѣлю.

Вообще надо сказать что заработокъ иконописцевъ чрезвычайно понизился. Въ Палехѣ средній годовой заработокъ доходитъ до 200 рублей при 17%—30% чистаго дохода и при годовомъ оборотѣ всѣхъ палеховскихъ мастерскихъ во 120.000 рублей, не считая заработка на иконописныхъ работахъ палеховскихъ мастеровъ на сторонѣ. Средній годовой заработокъ „личника" въ мастерскихъ Хо̀луя 153 рубля и „доличника" 115 рублей, при чемъ все производство Хо̀луя достигаетъ 100.000 рублей. Средній заработокъ иконописца въ Мстерѣ доходитъ до 145 рублей, личника до 120 рублей и доличника до 106 рублей.

Естественно что при такихъ условіяхъ иконописное мастерс процвѣтать не можетъ. Какъ производство фабричнаго характ оно не можетъ соперничать съ городскими средствами и принуж но для своего сохраненія довольствоваться самыми низшими род

производства въ разчетѣ на крайнее удешевленіе своихъ рабочихъ рукъ. Паденіе въ этомъ случаѣ искусства грозитъ повести къ его гибели.

Особенно такая опасность угрожаетъ иконописному дѣлу въ наши дни, когда съ такою быстротою развивается механическое печатаніе иконъ. Въ данномъ случаѣ опасность матеріальной бѣды неразрывна съ опасностью болѣе существенною которая угрожаетъ самому дѣлу религіознаго почитанія святыхъ иконъ и потому на нее должно обратить удвоенное вниманіе.

Первымъ по времени способомъ механическаго печатанія иконъ явился литографическій способъ печатанія священныхъ изображеній на листкахъ бумаги продаваемыхъ за дешевую цѣну богомольцамъ въ монастыряхъ. „Просматривая эти печатные образки, говоритъ авторъ, съ особенно непріятнымъ чувствомъ почти во всѣхъ видишь тотъ слащаво-прикрашенный вкусъ который сложился въ живописи конфектныхъ коробокъ. Въ угоду этому вкусу передѣланы и лики святыхъ и даже снимки чудотворныхъ иконъ." Съ этимъ зломъ тоже нелегко бороться, особенно если принять во вниманіе что даже Сергіева лавра наклеиваетъ бумажные отпечатки на доски и продаетъ ихъ за иконы, пріучая къ употребленію ихъ вмѣсто иконъ. Лишь запрещеніе такого употребленія высшею духовною властію могло бы помочь дѣлу. Но высшая духовная власть тоже не подаетъ надежды на благое участіе въ этомъ дѣлѣ, косвенно поощряя продажею въ своихъ лавкахъ еще болѣе худшій и болѣе опасный видъ нынѣшняго механическаго печатанія иконъ *на жести*. Противъ него горячо возстаетъ Н. П. Кондаковъ.

Прямою фальсификаціею иконы, говоритъ онъ, настоящею подделкою „образдвъ" является нынѣ новѣйшая икона на жести производимая повидимому въ массахъ фирмами Жако и Бонакера въ Москвѣ. Фирма Жако владѣющая большимъ производствомъ коробокъ для ваксы нашла что она съ удобствомъ для себя можетъ совмѣстить выработку иконъ на потребу православнаго народа и выхлопотала себѣ разрѣшеніе печатать и обдѣлывать свои отпечатки такъ чтобы они совсѣмъ походили, „до обмана", на иконы продаваемыя въ Москвѣ. Натурально, къ этому производству приставлена и цензура въ предѣлахъ подлинника академика Солнцева и но-
ѣйшей его редакціи. Сперва фирмы надѣлали повидимому гру-
хъ промаховъ измѣнивъ даже иные чудотворные лики, но затѣмъ
явъ всю выгоду предпріятія, стали нанимать тѣхъ же самыхъ
дальскихъ иконописцевъ которыхъ уничтожить онѣ имѣютъ въ
ачѣ будущаго и стали выпускать въ продажу точныя копіи ста-
хъ русскихъ иконъ. Нашлись многочисленные пособники изъ
ъ которымъ нравится самая идея печатанія иконъ напоминаю-
я имъ книгопечатаніе и европейскую культуру вообще, которые

стали увѣрять что печатаніе даетъ лучшіе образцы въ руки народа. По современной привычкѣ они приняли внѣшнюю красивость за внутреннюю красоту и не замѣтили и какъ низко падаетъ въ этихъ машинныхъ копіяхъ выраженіе, какъ уродуется строгій и характерный типъ. Мало того, жестяныя поддѣлки получили у торговцевъ громадное преимущество передъ иконами писанными на деревѣ, потому что онѣ дешевле.

Торговые барыши этого производства поражаютъ своею громадностью. Конечно, они держатся въ секретѣ, но приблизительно опредѣлить ихъ нетрудно. Если, сообразивъ стоимость выдѣлки красивыхъ коробокъ для ваксы и конфектъ, сказать что жестяная икона стоитъ ея фабрикѣ въ десять разъ дешевле чѣмъ писанная самому иконописцу, едва ли будетъ ошибка. Стало-быть, продавая монастырю даже въ пять разъ дешевле противъ иконописной мастерской, фабрика наживаетъ громадные барыши. Спрашивается, сколько же будетъ наживать затѣмъ монастырь, когда онъ станетъ продавать богомольцамъ эти поддѣлки по цѣнѣ писанныхъ иконъ?..

Разумѣется, въ результатѣ покровительства этому производству получится то что суздальскіе иконописцы принуждены будутъ сначала сократить, а потомъ и вовсе прекратить свое иконописаніе, что самая иконопись получитъ самое нежелательное направленіе и въ традиціонномъ и въ художественномъ смыслѣ, ибо уже и теперь въ Холуѣ принуждены исполнять заказы „подъ Жако", и даже совсѣмъ потеряетъ огромное множество сюжетовъ неходовыхъ, на которые нѣтъ большаго спроса. Самымъ же опаснымъ результатомъ явится то что, „разъ будетъ данъ полный просторъ печатной иконѣ на жести или бумагѣ, молебная икона въ русскомъ народѣ исчезнетъ какъ исчезла она въ католическомъ мірѣ".

Нѣтъ сомнѣнія что этого не пожелаетъ и духовная власть и потому она должна особенно прислушаться къ тѣмъ мѣрамъ которыя Н. П. Кондаковъ предлагаетъ для возвращенія иконописанію подобающаго ему положенія:

Слѣдуетъ прежде всего прекратить немедленно производство фирмами Жако и Бонакера и другими, какія есть и окажутся, печатныхъ на жести иконъ и путемъ законодательнымъ безусловно воспретить на будущее время всякія печатныя поддѣлки подъ иконы на жести или на бумагѣ, чтобы бумажныя изображенія не были наклеиваемы на доску и выпускаемы взамѣнъ настоящихъ писанныхъ на доскѣ икон Указомъ св. Синода должно быть объявлено монастырскимъ и дух нымъ властямъ, чтобы впредь не допускалась въ обителяхъ прода подобныхъ жестяныхъ и бумажныхъ иконъ, а взамѣнъ того въ во мѣщеніе прежнихъ доходовъ желательно было бы поощрять въ п вокласныхъ обителяхъ занятія самою иконописью, а равно и всѣм мастерствами къ иконописи прикосновенными, въ селахъ же чере

священниковъ разъяснить что иконами въ православной церкви по древнему обычаю принимаются изображенія писанныя на доскахъ... Въ самыхъ суздальскихъ селахъ слѣдуетъ совершенно воспретить производство такъ-называемыхъ „бумажныхъ иконъ", то-есть, иконъ самаго дешеваго сорта и назначаемыхъ для народа, но крайне непрочныхъ и послѣ скораго разрушенія отъ сырости являющихъ видъ положительно непристойный... (Бумажныя издѣлія дошли въ послѣднее время до того что въ народѣ слагаются на ихъ счетъ поговорки въ родѣ того что: „офеня домой, а икона съ полки долой"). Выдѣлку самыхъ фолежныхъ иконъ должно привести въ нѣкоторыя границы.

Путь отъ Хòлуя на Палехъ и Шую заслуживалъ бы подъѣзднаго пути и далъ бы большіе грузы дорогѣ изъ иконописныхъ селъ и сосѣднихъ фабрикъ.

Иконописное мастерство могло бы пользоваться затѣмъ хотя какимъ-либо мелкимъ кредитомъ въ предѣлахъ стоимости имущества мастеровъ, и ради ихъ темноты иконописцы могли бы быть освобождены отъ отяготительныхъ для нихъ векселей и формальностей при кредитованіи въ банкѣ.

Наконецъ, неужели иконное дѣло не заслуживаетъ при пересылкѣ по желѣзнымъ дорогамъ быть облегчено такимъ же тарифомъ, какимъ пользуются книги?

Все это будетъ стòить государству очень мало и только на первыхъ порахъ и быстро окупится развитіемъ богатаго края, а потому было бы очень желательно хотя въ ближайшемъ будущемъ, пока производства еще въ полномъ ходу и нуждаются только въ устраненіи препятствій на ихъ пути къ развитію.

Всѣ эти мѣры нельзя не признать крайне простыми, дешевыми, удобоисполнимыми и цѣлесообразными Едва ли какое-либо еще производство, хотя бы и кустарное, просило у государства такъ мало для своей поддержки и едва ли покровительство еще въ чемъ-нибудь обходилось государству такъ дешево.

Но безъ сомнѣнія это только предохранительныя мѣры. Оградивъ ими иконописное мастерство, слѣдуетъ предоставить ему общія съ другими средства совершенствованія и развитія. Устройство художественныхъ школъ, училищъ рисованія, иконныхъ выставокъ, созданіе лицеваго подлинника и другія соотвѣтственныя мѣры помогли бы иконописанію не только стоять твердо на своихъ ногахъ, но и идти впередъ въ дѣлѣ развитія русской иконописи и созданія своего народнаго стиля. Но никто не будетъ спорить что всѣ эти мѣры цѣлесообразны лишь въ томъ случаѣ, если будутъ приведены въ исполненіе первыя, если устраненіемъ препятствій данъ будетъ просторъ для самостоятельной жизни уже имѣющагося у насъ иконописнаго мастерства, сохраненіемъ котораго мы обязаны и передъ его исторіей.

Какъ давно утвердилось въ суздальскихъ селахъ иконописаніе,

точно неизвѣстно. Въ началѣ XVII вѣка извѣстно иконописаніе въ слободѣ Холуѣ, вотчинѣ Троице-Сергіевой Лавры. Ко временамъ царя Алексѣя Михаиловича относятся свѣдѣнія о палеховскихъ мастерахъ; вѣроятно, къ тому же времени относится начало иконописи въ Мсторѣ. Но самое мастерство утвердилось въ селахъ раньше, какъ можно судить по названію размѣровъ иконъ не отвѣчающему дѣйствительной величинѣ ихъ, а бывшему въ употребленіи не позже какъ въ концѣ XVI вѣка.

Исторія свидѣтельствуетъ что иконописное мастерство всегда было наиболѣе покровительствуемымъ нашими государями. Что же касается до печатныхъ иконъ, то, оказывается, онѣ были запрещены еще грамотою святѣйшаго патріарха Іоакима которую Н. П. Кондаковъ приводитъ цѣликомъ.

Такимъ образомъ необходимость позаботиться объ иконописаніи не подлежитъ сомнѣнію, мѣры предлагаемыя въ этихъ видахъ Н. П. Кондаковымъ вполнѣ совпадаютъ съ завѣтами нашей исторіи.

Надо надѣяться что съ созданіемъ особаго комитета иконописи голосъ его будетъ услышанъ, русскій народъ не потеряетъ иконы и будетъ благодарить г. Кондакова за своевременное и подробное ознакомленіе всѣхъ интересующихся народными судьбами съ одною изъ существенныхъ и краеугольныхъ потребностей православнаго населенія Россіи.

Князья Долгорукіе.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки. Съ 12 портретами. СПБ. 1901.

Настоящій трудъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе біографическихъ очерковъ которые въ свое время были написаны Августѣйшимъ авторомъ для „Біографическаго Словаря“ издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Естественно что въ первоначальное изданіе очерковъ не могли войти многія подробности о князьяхъ Долгорукихъ не отвѣчавшія задачамъ и размѣрамъ „Словаря“. Переизданіе ихъ въ болѣе полномъ видѣ съ приложеніемъ документовъ извлеченныхъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ и снимковъ съ миніатюръ членовъ семьи Долгорукихъ Александровскаго времени является цѣннымъ и необходимымъ вкладомъ для изученія русской исторіи начала XIX вѣка.

Сподвижниками Александрова царствованія были главнымъ образомъ два брата Долгорукіе Петръ Петровичъ и Михаилъ Петровичъ,

оба люди выдающихся дарованій и исключительной судьбы. Князь Петръ Петровичъ еще въ молодыхъ годахъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе императора Павла и 20-лѣтнимъ юношей былъ уже назначенъ генералъ-адъютантомъ, но въ особо близкія отношенія онъ сталъ въ это время съ будущимъ императоромъ Александромъ I. Съ воцареніемъ его онъ сразу выдвинулся изъ ряда другихъ сотрудниковъ молодаго императора. Уже въ началѣ 1802 года князь Петръ Долгорукій былъ посланъ для обзора губерній Виленской и Гродненской, гдѣ управлялъ генералъ-лейтенантъ Бенингсенъ, а потомъ въ Берлинъ къ королю Прусскому съ секретнымъ порученіемъ подготовить скорѣйшее свиданіе государей. Оба порученія были блестяще исполнены княземъ. Въ томъ же году императоръ посылалъ его въ Финляндію, гдѣ ему удалось предотвратить разрывъ съ Швеціей изъ-за финляндскихъ границъ, а этотъ разрывъ казался тогда неизбѣжнымъ. Въ послѣдующіе два года онъ оставался въ Петербургѣ и исключительно занимался составленіемъ различныхъ предположеній по военной и политической частямъ. Изъ оставленныхъ имъ бумагъ ясно видно что у него былъ тогда вполнѣ созрѣвшій планъ дѣйствій для предполагаемой борьбы съ Наполеономъ, планъ совсѣмъ расходившійся съ соображеніями князя Адама Чарторыжскаго который тогда руководилъ нашей внѣшней политикой. Дѣлъ внутренней политики князь Долгорукій не касался, но открыто и смѣло осуждалъ дѣйствія польскаго магната который не ожидалъ встрѣтить въ князѣ такого убѣжденнаго и настойчиваго противника. Вліяніе князя Чарторыжскаго было въ эти годы очень велико, и его поддерживали Новосильцовъ, графъ П. А. Строгановъ и отчасти графъ Кочубей. Вступать въ борьбу съ такой силой было не легко, но князь этого не боялся и открыто ратовалъ противъ грознаго тріумвирата. Однажды даже за царскимъ столомъ онъ отвѣчая князю Чарторыжскому сказалъ: „Вы разсуждаете, милостивый государь, какъ польскій князь, а я разсуждаю какъ Русскій“. Несомнѣнно государь оцѣнилъ твердость Долгорукаго и именно его выбралъ для веденія переговоровъ съ Пруссіей въ виду приближавшейся борьбы съ Наполеономъ. Въ Берлинѣ князь добился разрѣшенія короля на пропускъ русскихъ войскъ черезъ королевскія владѣнія, и успѣхъ его посольства закончился свиданіемъ двухъ монарховъ. Послѣ этого императоръ Александръ замѣтно поддался вліянію князя Долгорукаго: его совѣты и указанія принимались имъ чаще всего въ соображеніе. Августѣйшій біографъ князя основательно полагаетъ что именно благодаря воздѣйствію князя Долгорукаго было избѣгнуто возможное въ это время возстановленіе польскаго королевства въ той или другой формѣ. Его вліяніе было такъ велико что, несмотря на присутствіе въ главной

квартирѣ осторожнаго и опытнаго Кутузова, государь отдавалъ предпочтеніе совѣтамъ князя. Его же онъ избралъ для веденія послѣднихъ переговоровъ съ Наполеономъ. Извѣстно какъ дерзко велъ себя молодой князь съ Наполеономъ котораго поразилъ своими смѣлыми рѣчами и гордымъ обращеніемъ съ нимъ. Легкомысленное донесеніе князя вернувшагося въ главную квартиру окончательно вызвало рѣшеніе союзниковъ атаковать Французовъ на другой день окончившійся Аустерлицкой катастрофой. На другой день послѣ этого сраженія императоръ послалъ его въ Берлинъ для передачи королю подробностей сраженія, а главное для дальнѣйшихъ переговоровъ о скрѣпленіи союза между Россіей и Пруссіей въ виду могущихъ произойти осложненій со стороны Франціи. Рядъ донесеній которыя князь Долгорукій присылалъ въ декабрѣ 1805 года и въ январѣ 1806 года свидѣтельствуютъ о его дипломатическихъ способностяхъ и отличаются большою ясностью изложенія. Въ февралѣ 1806 года онъ возвратился въ Петербургъ, но осенью того же года его послали на югъ въ армію генерала Михельсона предназначенную для дѣйствій противъ Турціи, для осмотра ввѣренныхъ Михельсону войскъ. Вернувшись изъ этой поѣздки Долгорукій прибылъ въ Петербургъ съ зародышемъ злокачественной лихорадки, слегъ въ постель и 8 декабря скончался всего 29 лѣтъ отъ роду. Эта краткая, но блестящая по успѣхамъ жизнь убѣдительно говоритъ о выдающихся дарованіяхъ князя Петра Долгорукаго которыя позволили бы ему оказать неисчислимыя заслуги отечеству, еслибы продлилась его жизнь. Отзывы современниковъ князя не оставляютъ сомнѣнія въ этомъ. Мы ограничимся характеристикой его сдѣланной его Августѣйшимъ біографомъ. „Хотя князь Чарторыжскій и глумится надъ его умомъ“, говоритъ онъ, „а другой иностранецъ графъ Ланжеронъ находитъ его кончину благомъ для Россіи, но уже этихъ двухъ сужденій достаточно чтобы понять что въ эту эпоху князь Петръ Долгорукій былъ чуть ли не единственнымъ поборникомъ чисто-русской политики. Если онъ увлекался, ошибался, дѣлалъ крупные промахи, то тому главной причиной были его молодость и неопытность. Фигура князя Петра Петровича Долгорукова останется одною изъ самыхъ оригинальныхъ среди другихъ сподвижниковъ императора Александра, и несмотря на то что его дѣятельность прошла какъ метеоръ, она несомнѣнно оставила по себѣ крупные слѣды“.

Братъ его князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій былъ не мен[ѣе] блестящимъ сподвижникомъ императора Александра I въ первые год[ы] его царствованія. Прекрасное воспитаніе и основательное образовані[е] полученныя имъ въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ выдающимися дарованіями открыли и передъ нимъ весьма рано дорогу къ заслугамъ и славѣ

Но какъ и его старшему брату, ему пришлось дѣйствовать на военномъ поприщѣ очень недолго. Три компаніи 1805, 1806 и 1807 годовъ выдвинули его какъ одного изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, но война 1808 года въ Финляндіи положила конецъ его карьерѣ и жизни. Императоръ Александръ отличалъ князя Михаила неоднократно, обративъ на него свое особое вниманіе послѣ кончины любимца своего князя Петра. Два дня послѣ кончины князя Михаила Петровича курьеръ привезъ въ Финляндію приказъ о его производствѣ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ корпуснымъ командиромъ и со знаками ордена св. Александра Невскаго. 28-лѣтнему генералъ-лейтенанту открывалась надежда на блестящее военное будущее которую онъ сумѣлъ бы оправдать. Отзывы современниковъ почти единогласно свидѣтельствуютъ о его военныхъ талантахъ, что̀ болѣе наглядно описываетъ Бенингсенъ въ своихъ запискахъ. Самъ Наполеонъ оказывалъ большое вниманіе князю Михаилу Петровичу, когда онъ былъ посланъ въ Парижъ въ 1800 году, нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ и передъ его отъѣздомъ подарилъ ему пару пистолетовъ. Впослѣдствіи на бивуакѣ подъ Аустерлицомъ Наполеонъ спросилъ у князя Петра Петровича Долгорукаго, не родственникъ ли ему тотъ Долгорукій, адъютантъ императора, который во дни его консульства жилъ въ Парижѣ, удивляя всѣхъ своимъ умомъ, своими свѣдѣніями и своей жаждой къ познаніямъ. „Скажите, гдѣ онъ теперь?“ сказалъ Наполеонъ. „Онъ мнѣ младшій братъ“, отвѣчалъ князь Петръ Петровичъ, „находится здѣсь въ арміи и надѣется въ случаѣ битвы снискать уваженіе Французовъ и на бранномъ полѣ“.

Бенингсенъ въ своихъ запискахъ даетъ слѣдующій отзывъ о братьяхъ князьяхъ Долгорукихъ: „Потеря этихъ двухъ молодыхъ офицеровъ столь отличавшихся была слишкомъ преждевременна для государства; о ней будутъ долго жалѣть въ арміи и во всей Россіи. Князья Долгорукіе обязаны были лестной о нихъ молвѣ своимъ собственнымъ большимъ достоинствамъ, своимъ прекраснымъ качествамъ и расположенію къ нимъ императора“.

Вся жизнь князей Долгорукихъ и всѣ отзывы о нихъ дѣлаютъ понятнымъ выборъ ихъ біографіи для изслѣдованія. Превосходное выполненіе этого изслѣдованія вмѣстѣ съ достоинствами изданія дѣлаютъ его драгоцѣннымъ пособіемъ для трудовъ общеисторическаго содержанія „имѣющихъ своимъ предметомъ не лица, а эпоху“.

Собраніе сочиненій И. Θ. Горбунова.

И. Θ. Горбуновъ. Сочиненія. Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Θ. Кони. Изданіе А. Ф. Маркса. 2 тома.

Гр. П. Шереметевъ. Отзвуки разказовъ И. Θ. Горбунова. С.-Петербургъ. 1901.

Творчество театральнаго артиста, этого истиннаго художника *слова*, имѣетъ свою слабую сторону въ томъ что оно не долговѣчно. Въ то время какъ произведенія великихъ художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ остаются нетлѣнными памятниками ихъ творчества, столь же понятныя и дорогія отдаленнымъ потомкамъ какъ и ихъ современникамъ, художественныя созданія артиста умираютъ вмѣстѣ съ нимъ и громкая слава его ничего не говоритъ сердцу и воображенію послѣдующихъ поколѣній. Какъ можемъ мы судить, напримѣръ, объ игрѣ Мочалова или Каратыгина? Они унесли съ собой въ могилу тайну своего обаянія и намъ приходится только довольствоваться отзывами и замѣчаніями современниковъ по которымъ нельзя себѣ составить никакого полнаго и яркаго образа. Быть-можетъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ при усовершенствованіи фонографа и кинематоскопа явится возможность уловлять и воспроизводить игру артистовъ и такимъ образомъ запечатлѣвать ихъ созданія на вѣчныя времена, но теперь во всякомъ случаѣ мы еще лишены этой возможности и современнымъ артистамъ приходится примиряться съ тѣмъ печальнымъ фактомъ что ихъ сценическія созданія умираютъ вмѣстѣ съ ними, не переходя въ потомство.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находятся тѣ артисты которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и литераторами, такъ какъ они имѣютъ возможность путемъ печатнаго слова закрѣпить свой образъ для послѣдующихъ поколѣній, воплотить свою художественную индивидуальность, хотя и это воплощеніе представляется далеко не полнымъ, такъ какъ въ холодной книгѣ исчезаетъ тотъ „трепетъ жизни" который составляетъ принадлежность законченнаго сценическаго исполненія. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, и И. Θ. Горбуновъ: изъ его сочиненій мы знакомимся съ нимъ какъ *литераторомъ*, но сочиненія эти не замѣнятъ намъ *артиста*, такъ какъ записанные имъ разказы и сцены представляютъ собой какъ бы только канву по которой онъ вышивалъ свои художественные узоры. Тѣмъ не менѣе мы должны съ искренней благодарностію отнестись къ собирателямъ и издателямъ литературнаго наслѣдія покойнаго артиста: лицамъ слышавшимъ разказы Горбунова въ его собственномъ чтеніи изданныя нынѣ сочиненія помогутъ ярче вспомнить симпатичный образъ,

разкащика-художника, а тѣ кто не слыхалъ его лично получатъ возможность познакомиться съ талантливымъ литераторомъ произведенія котораго никогда не утратятъ своего интереса.

Горбуновъ своими разказами пріобрѣлъ себѣ при жизни громкую славу вызвавшую появленіе цѣлой массы подражателей болѣе или менѣе удачно копировавшихъ его внѣшнюю манеру. Своими сценами изъ народной и купеческой жизни онъ создалъ въ русской литературѣ новый и оригинальный жанръ возбудившій также многочисленныя подражанія. Но отъ большинства своихъ послѣдователей Горбуновъ рѣзко отличается не только по таланту, но и по содержанію своего творчества: въ то время какъ они являются по большей части разкащиками-анекдотистами, увлекаясь преимущественно внѣшнимъ комизмомъ сюжета, Горбуновъ выступаетъ въ качествѣ разкащика-художника и психолога, создавая живые и законченные типы цѣликомъ выхваченные изъ дѣйствительности. Даръ тонкой наблюдательности которымъ онъ обладалъ позволялъ ему подмѣчать въ окружающей средѣ характерныя черты, а художественныя способности давали ему возможность соединить эти подмѣченныя черты въ одинъ живой образъ чуждый карикатуры и утрировки къ которымъ часто прибѣгаютъ менѣе даровитые комики. Впрочемъ, кругъ его наблюденій ограничивался преимущественно народной и купеческой жизнью, хотя нерѣдко онъ съ успѣхомъ касался и быта другихъ сословій. Происходя самъ изъ народа, онъ отлично зналъ бытъ и нравы простаго русскаго человѣка и, что̀ еще важнѣе, зналъ его *душу*, его психологію. Оттого всѣ выведенные имъ народные типы отличаются такой неподдѣльной жизненностію и цѣльностію какой никогда не достигнутъ писатели видящіе народность въ простой подделкѣ подъ народный языкъ. У Горбунова не только языкъ, но и весь строй чувствъ и мыслей характеризующій простолюдина воспроизведенъ съ удивительной яркостью и полнотою. Оттого выведенныя имъ фигуры крестьянъ, бабъ, слугъ, мастеровыхъ являются не условными манекенами, а живыми образами, каждый съ собственной мѣтко схваченной индивидуальностью. Относясь къ народу съ глубокимъ пониманіемъ и любовію, Горбуновъ однако совершенно чуждъ лубочной идеализаціи и сентиментальнаго прикрашиванія къ которому прибѣгали многіе изъ народолюбцевъ; напротивъ того, выводя своего „мужика“, онъ относился къ нему совершенно трезво и объективно, не скрывая ни хорошихъ, ни дурныхъ качествъ его: невѣжества, грубости, дикости. Но Горбуновъ умѣлъ въ то же время ярко очертить и ту историческую обстановку которая способствовала воспитанію этихъ отрицательныхъ сторонъ характера русскаго простолюдина: господство крѣпостнаго права, произволъ низшей администраціи,

отсутствіе твердыхъ понятій о правѣ и человѣческомъ достоинствѣ, такъ что всѣ эти отрицательныя черты становятся для всѣхъ понятными. Горбуновъ никогда не говоритъ о своихъ „гражданскихъ чувствахъ“, но несмотря на это всякій внимательный читатель невольно задумается надъ изображаемой имъ картиной нравовъ, надъ многими чертами русской дѣйствительности. Въ этихъ невольныхъ мысляхъ и заключается внутренній смыслъ его разказовъ отличающій ихъ отъ обычныхъ „анекдотовъ“ изъ народной жизни. Выросши и воспитавшись еще въ эпоху крѣпостнаго права, Горбуновъ преимущественно изъ этой эпохи и бралъ свои народные типы: поэтому многіе изъ его разказовъ отзываются теперь уже анахронизмомъ, хотя и являются поучительнымъ памятникомъ старины. Вообще Горбуновъ съ особенной охотой обращался мыслію къ прошлому, воскрешая всевозможные „забытые типы“. Таковы его разказы: *Дневникъ дворецкаго*, *Повѣсть о нѣкоторомъ зайцѣ*, *На рыбной ловлѣ* и др. въ которыхъ онъ рисуетъ людей „стараго порядка“. Весьма типичною фигурой является, напримѣръ, старый крѣпостной лакей доказывающій вольнонаемному слугѣ преимущество своего соціальнаго положенія: „Это вы холопъ, а я природный лакей! Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ“. Строго выдержанъ типъ стараго преданнаго слуги высоко блюдущаго честь дома и въ *Дневникѣ дворецкаго* замѣчательномъ по своей чисто-эпической простотѣ; Горбуновъ поставилъ себѣ задачею изобразить подъ угломъ зрѣнія крѣпостнаго дворецкаго разгульную барскую жизнь прежнихъ временъ со всѣмъ строемъ тогдашнихъ отношеній, и выполнилъ эту задачу съ художественнымъ совершенствомъ, мастерски выдержавъ простодушно-дѣловитый тонъ стараго слуги рабски преданнаго своему барину и въ то же время озабоченнаго его поведеніемъ.

Обширное поле для юмористическихъ наблюденій предоставляла Горбунову и купеческая жизнь прежнихъ временъ которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Бытъ и нравы московскаго захолустья ярко отразились въ его разказахъ. Вмѣстѣ съ Островскимъ онъ вывелъ на сцену героевъ „темнаго царства“, о существованіи которыхъ до тѣхъ поръ литература почти вовсе не вѣдала. Общую картину жизни купеческаго замоскворѣчья Горбуновъ нарисовалъ въ своихъ *Очеркахъ Московскаго захолустья*, хотя картина эта относится еще къ 30-мъ годамъ, къ „первой холерѣ“. Съ тѣхъ поръ условія жизни во многомъ перемѣнились, упразднилась знаменитая „Яма“, многіе типы безвозвратно исчезли, какъ напримѣръ, типъ „комисара“ исправлявшаго должность помощника квартальнаго надзирателя котораго Горбуновъ характеризуетъ эпиграфомъ взятымъ изъ одной раскольничьей руко-

писи: „Не Богъ сотвори комисара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравну, исполнену всякія скверны во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую". Всесильное время коснулось и патріархальнаго замоскворѣчья и такіе типы какіе выведены въ сценахъ: *Самодуръ*, подверглись постепенному вымиранію или видоизмѣненію. Замоскворѣцкіе жители нарядились во фраки, стали произносить патріотическіе тосты на торжественныхъ обѣдахъ, рѣчь свою уснащать иностранными словами, впрочемъ, не всегда приходившимися впопадъ; нѣкоторые изъ нихъ даже брали уроки „какъ сидѣть по діагонали въ открытой коляскѣ" и „лазили на Хеопса". Но подъ этимъ внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ попрежнему прорывается невѣжество и дикость. „Вы обвиняетесь въ томъ что въ трактирѣ „Ягодка" вымазали горчицей лицо трактирному служителю", говоритъ одному изъ нихъ мировой судья. „Бушевали мы, это точно", отвѣчаетъ купецъ и заявляетъ въ свое оправданіе что „за все это заплачено и мальчишкѣ дадено что слѣдуетъ". „Такъ вы признаете себя виновнымъ?" спрашиваетъ опять судья. Подсудимый недоумѣваетъ: „Какая же въ этомъ есть моя вина? Ежели я за свои деньги..."

Такимъ образомъ „жестокіе нравы" еще до сихъ поръ не отошли въ область преданія, хотя уже не остаются попрежнему вполнѣ безнаказанными. Очень часто Горбуновъ останавливается на описаніи купеческаго разгула, когда человѣкъ развертывается во всю ширь русскаго характера, при чемъ однако дѣло нерѣдко кончается мировою. Горбуновъ, какъ извѣстно, и самъ имѣлъ тяготѣніе къ бутылочкѣ подобно многимъ талантливымъ русскимъ людямъ и поэтому ему отлично знакома психологія пьянаго человѣка которую онъ неподражаемо воспроизводитъ въ своихъ сценахъ и монологахъ. Такъ напримѣръ, чрезвычайно удачнымъ является у него разказъ о томъ, какъ петербургское купечество чествовало американскаго капитана Фокса въ 60 годахъ, при чемъ въ концѣ пира одинъ изъ участниковъ совершенно потерявшій способность къ соображенію заплетающимся языкомъ провозгласилъ тостъ „за здоровье Пре-освя-щенна-го!" Болѣе серіозныя и печальныя явленія изъ комерческаго быта затронуты Горбуновымъ въ разказѣ „Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности". Здѣсь на обсужденіе членовъ собранія вносится цѣлый рядъ весьма характерныхъ вопросовъ: объ увеличеніи содержанія директорамъ, о сложеніи съ касира невольныхъ прочетовъ, о преданіи забвенію въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія неблаговиднаго поступка одного члена правленія и т. д. Когда же нѣкоторые изъ присутствующихъ протестуютъ, напоминаютъ о бывшихъ крахахъ, о „сиротскихъ слезахъ" потерпѣвшихъ и разоренныхъ, предсѣдатель весьма развязно прерываетъ опонента:

„Все это вѣрно, но эти слезы область поэзіи. Правленію никакаго дѣла нѣтъ до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе—стать на реальную почву“.

Особенностію творчества Горбунова является почти полное отсутствіе описательнаго элемента въ его разказахъ: онъ прямо выводитъ на сцену дѣйствующихъ лицъ, не сопровождая ихъ никакой авторской рекомендаціей, и въ то же время эти лица съ первыхъ же словъ становятся понятными читателю. Это умѣніе стушеваться за выведенными личностями доходитъ у Горбунова до настоящей виртуозности въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ отъ чужаго имени, напримѣръ, въ упомянутомъ уже „Дневникѣ дворецкаго“, въ „Исторіи о нѣкоторомъ заицѣ“ или въ его подражаніяхъ старой письменности. Онъ умѣлъ до тонкости усвоить не только внѣшнюю манеру изложенія людей стараго времени, но и всецѣло проникнуться ихъ духомъ, ихъ складомъ чувствъ и мыслей. Его подражанія грамотамъ XVII вѣка вводили въ недоумѣніе такого знатока старины какъ П. И. Савваитовъ. Въ видѣ обращика такихъ тонкихъ поддѣлокъ приводимъ отрывокъ изъ его письма изъ Эмса писаннаго отъ лица государева холопа Ивашки посланнаго для великихъ государевыхъ дѣлъ въ заморскія страны.

И по твоему государя указу мѣсяца мая въ 17 день переѣхалъ я за рубежъ московскаго государства. Направо объявилося море пространное, а на немъ корабли, а на берегу стоитъ городъ Канисбрекъ. И тотъ городъ и земля были допрежъ того подъ державою короля польскаго, а нынѣ всѣ тѣ польскіе люди поверстаны въ Нѣмцы и жить имъ велѣно нѣмецкимъ обычаемъ, а вѣру держать католицкую, какъ допрежь было. А будетъ кто похочетъ въ люторство, и тому прибавить чести. А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменныя, ростетъ на ней лѣсъ нечастый. И у котораго человѣка нутро болитъ али утинъ али порча али ина хворь и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ и ту живую воду пить велятъ и въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое государево здоровье пью ежедень. Палата построена каменная большая, а въ ней сидитъ Нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ: бѣленькій, не великъ. А кругъ того Нѣмчина народное множество, и жиды, и езовиты, и жонки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди, и кладутъ тому Нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и Нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту.

Къ сожалѣнію, менѣе всего представленъ въ изданныхъ въ настоящее время произведеніяхъ „генералъ Дитятинъ“ являвшійся излюбленнымъ героемъ Горбунова и принадлежавшій къ числу его

наиболѣе обработанныхъ типовъ. Въ изданіи Маркса приведенъ лишь его извѣстный тостъ въ честь „отставнаго колежскаго секретаря И. С. Тургенева“ сказанный на юбилейномъ обѣдѣ; въ книгѣ графа Шереметева собраны еще нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія доблестнаго воина любившаго изрекать краткія, но поучительныя сентенціи; кромѣ того графъ Шереметевъ дѣлаетъ еще общую характеристику „генерала Дитятина“ основанную преимущественно на собственныхъ воспоминаніяхъ.

Въ изданіи Маркса мы находимъ кромѣ разказовъ и сценъ Горбунова также и его воспоминанія къ сожалѣнію не оконченныя авторомъ. Въ нихъ онъ сообщаетъ много любопытнаго о своихъ первыхъ шагахъ на литературномъ и сценическомъ поприщѣ, объ А. Н. Островскомъ и П. М. Садовскомъ передъ которыми онъ благоговѣлъ всю свою жизнь, о молодой редакціи *Москвитянина* и многихъ другихъ. Кромѣ того къ изданію приложена интересная статья А. Ѳ. Кони и некрологъ Горбунова написанный Т. И. Филипповымъ теперь тоже уже покойнымъ.

Чтò касается до книги графа Шереметева, то она является весьма важнымъ дополненіемъ къ собранію сочиненій Горбунова, такъ какъ въ ней приведена масса варіантовъ къ его разказамъ, собрано много мѣткихъ словъ и замѣчаній оброненныхъ Горбуновымъ, но нигдѣ имъ не записанныхъ, напечатано нѣсколько вещей не вошедшихъ въ Марксовское изданіе (напримѣръ, *Земское собраніе*), а также сгруппированъ обширный матеріалъ для характеристики Горбунова какъ человѣка и артиста.

Кромѣ этихъ двухъ изданій Императорское Общество Любителей Древней Письменности предполагаетъ еще выпустить роскошное изданіе сочиненій Горбунова, поставивъ себѣ цѣлью собрать литературное наслѣдіе покойнаго артиста въ возможной полнотѣ. Въ виду этого предсѣдатель избранной для веденія дѣла комисіи графъ П. Шереметевъ обращается ко всѣмъ лицамъ обладающимъ матеріаломъ касающимся литературно-артистической дѣятельности Горбунова съ просьбой сообщить ихъ комисіи по адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, 34. Тамъ же принимается и подписка на это изданіе (цѣна 15 руб.) которое будетъ украшено многочисленными портретами и илюстраціями лучшихъ нашихъ художниковъ: Васнецова, Рѣпина, Маковскаго, Рябушкина и др.

Консульскія донесенія.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ четвертый. Выпускъ V. 1901. С.-Петербургъ. 1901.

Напряженное желѣзнодорожное строительство минувшаго вѣка надолго отодвинуло на второй планъ заботы о развитіи водныхъ путей. Но это одностороннее увлеченіе теперь уже въ значительной степени ослабло. Стало ясно что перевозка по рельсовымъ путямъ громоздкихъ и малоцѣнныхъ грузовъ или совсѣмъ недоступна, такъ какъ не окупается, или же убыточна для желѣзныхъ дорогъ, если имъ приходится перевозить подобные грузы по тарифамъ не покрывающимъ ихъ собственныхъ затратъ. Въ виду этого снова пришлось вспомнить о водныхъ путяхъ и позаботиться объ ихъ улучшеніи.

Это стремленіе рѣзко обнаружившееся во всѣхъ странахъ, судя по донесенію второго секретаря нашего посольства въ Вѣнѣ барона Шиллинга, менѣе всего коснулось Австріи которая до сихъ поръ располагаетъ лишь весьма незначительнымъ судоходствомъ по Дунаю и Эльбѣ. Искусственныхъ же водныхъ путей въ Австріи не имѣется вовсе, если не считать стараго канала отъ Вѣны до Wiener Neustadt на протяженіи всего 74 километровъ, канала далеко не удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ. Вполнѣ сознавая эту отсталость и стремясь сразу наверстать потерянное время, Австрія выработала планъ обширной сѣти внутреннихъ водныхъ путей.

Предполагается построить каналъ отъ Дуная близь Вѣны до Одера близь Одерберга длиною въ 274 километра. Далѣе предположено сооруженіе канала отъ Дуная до Молдавы близь Будвейса и канализація Молдавы отъ Будвейса до Праги, всего на протяженіи, если считать отъ Вѣны, 400 километровъ. Отъ канала соединяющаго Дунай съ Одеромъ близь города Прерау отдѣлится другой каналъ который направится къ Эльбѣ и выйдетъ въ нее около города Пардубицъ, при чемъ часть Эльбы будетъ канализована. Тотъ же каналъ между Дунаемъ и Одеромъ долженъ дать развѣтвленія къ Вислѣ и Днѣстру. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ работъ намѣченныхъ въ Австріи.

При выполненіи ихъ придется считаться съ очень крупными затрудненіями. Дѣло въ томъ что нигдѣ въ Европѣ при устройствѣ искусственныхъ водныхъ путей не приходилось сталкиваться съ такими высокими водораздѣлами какіе находятся въ мѣстности будущихъ австрійскихъ каналовъ. При такихъ условіяхъ сооруженіе каналовъ не можетъ стоить дешево. И дѣйствительно общая стоимость всей предполагаемой сѣти искусственныхъ водныхъ путей ис-

числяется приблизительно въ 750 мил. кронъ, изъ нихъ около $^1/_8$ части предполагается возложить на средства заинтересованныхъ областей, остальныя же $^7/_8$ покрыть путемъ займа.

Вліяніе проектируемыхъ каналовъ на развитіе міровой торговли, говоритъ баронъ Шиллингъ, породило въ Австріи различныя опасенія за будущность собственно австрійскихъ интересовъ. Опасенія эти заключаются въ нижеслѣдующемъ. Если, съ одной стороны, международный транзитъ сулитъ Австріи извѣстныя выгоды, то, съ другой, возможно ожидать что наибольшую пользу изъ него извлечетъ для себя прежде всего Германія которая не преминетъ конечно воспользоваться возможностью дешеваго и удобнаго транспорта для увеличенія своей торговли съ Балканскими государствами и съ Малой Азіей, а затѣмъ Венгрія которая окажется будто бы въ состояніи наводнить Сѣверную Австрію своимъ хлѣбомъ. Успокоенію умовъ, по словамъ барона Шиллинга, способствовало то соображеніе что правительство, оставивъ за собою право устанавливать размѣръ сбора за пользованіе австрійскими водными путями, будетъ въ состояніи настолько вліять на перевозочные тарифы что послѣдніе въ связи съ ввозными пошлинами могутъ вполнѣ оградить австрійскіе интересы.

Больше всего боятся въ Австріи наплыва русскаго хлѣба. Вотъ почему проектъ проведенія канала отъ Садова-Вишня черезъ Львовъ на Броды оставленъ безъ движенія. Соединеніе же съ Днѣстромъ, по мнѣнію австрійскихъ аграріевъ, опасности не представляетъ, такъ какъ нашимъ хлѣбнымъ грузамъ при движеніи вверхъ по этой рѣкѣ пришлось бы преодолѣвать весьма серіозныя препятствія.

Усиленныя заботы сопредѣльныхъ съ нами странъ объ улучшеніи водныхъ путей должны и съ нашей стороны вызвать подобное же стремленіе; но при этомъ мы еще можемъ воспользоваться выгодами своего равниннаго положенія при которомъ не придется считаться съ высокими водораздѣлами. Подумать объ этомъ давно пора!

Много горькихъ чувствъ въ душѣ возбуждаетъ донесеніе нашего консула въ Монреалѣ г. Струве, въ которомъ онъ сообщаетъ объ экономическомъ положеніи Канады въ минувшемъ году. По своему географическому положенію, по климату, по природнымъ богатствамъ страна эта во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ нашу Сибирь. Но какая поразительная разница между ними! Сравнительно съ 1894 годомъ съ котораго собственно началась въ Канадѣ правильная разработка горныхъ богатствъ, стоимость добычи минераловъ возрасла на цѣлыхъ 320%, достигнувъ въ 1900 году внушительной цифры

63.775.090 доларовъ. А въ Сибири? Мы слышимъ тамъ только жалобы на упадокъ золотопромышленности. Комитетъ Сибирской желѣзной дороги произвелъ весьма цѣнныя геологическія изслѣдованія на нашей восточной окраинѣ, напечаталъ труды, а сибирская печать жалуется что этихъ трудовъ въ продажѣ нѣтъ и желающіе не могутъ воспользоваться имѣющимися въ нихъ указаніями.

Немаловажную роль въ экономической жизни Канады играютъ и рыбные промыслы. Общій уловъ рыбы за послѣдній годъ оцѣнивается въ 20 миліоновъ доларовъ. А въ Сибири рыба служитъ только для мѣстнаго потребленія, или же идетъ на приготовленіе землеудобрительныхъ туковъ для японскихъ полей. Но главную роль въ экономической жизни Канады играютъ не горные и не рыбные промыслы, а земледѣліе. Съ каждымъ годомъ оно растетъ не только въ ширь, но и вглубь. Вывозъ малоцѣннаго хлѣбнаго зерна постепенно вытѣсняется вывозомъ болѣе цѣнныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ: живаго и битаго скота, птицы, яицъ и молочныхъ продуктовъ.

Въ чемъ же тайна экономическаго успѣха Канады? Здѣсь мы видимъ рядъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ земли не стѣсненныхъ никакими общинными порядками въ пользованіи ею. Это первое условіе. Второе—пути сообщенія. Желѣзнодорожная сѣть Канады эксплоатируемая 86 компаніями къ началу нынѣшняго года насчитывала 17.657 миль рельсовыхъ путей. Капиталъ затраченный на сооруженіе этой сѣти составлялъ почти миліардъ доларовъ. Валовой доходъ канадскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1900 году достигъ 70 миліоновъ доларовъ, а чистая прибыль 23 миліоновъ доларовъ. Число перевезенныхъ этими дорогами пасажировъ въ томъ же году равнялось 21½ миліонамъ человѣкъ; грузовое движеніе опредѣлялось почти въ 36 миліоновъ тоннъ. Кромѣ этихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Канадѣ считается еще 680 миль электрическихъ дорогъ.

Несмотря на такое широкое развитіе рельсовой сѣти, въ Канадѣ не пренебрегаютъ и водными путями. Послѣдними работами въ этой области, говоритъ г. Струве, обошедшимися казнѣ свыше 60 миліоновъ доларовъ является доведеніе глубины системы каналовъ отъ Монреаля до Верхняго озера до 14 футовъ, чѣмъ достигнута возможность прохожденія по этимъ каналамъ судовъ съ хлѣбнымъ грузомъ въ 80.000 бушелей. А черезъ нашъ Обь-Енисейскій каналъ и лодка съ 500 пудами груза пройти не можетъ...

Въ настоящее время, когда у насъ на Кавказѣ дѣлаются довольно удачные опыты разведенія чайныхъ кустовъ, когда въ продажѣ началъ являться уже русскій чай, донесеніе вице-консула въ Коломбо г. Шнейдера о положеніи чайнаго дѣла на островѣ Цейлонѣ несомнѣнно представляетъ значительный интересъ.

Первая попытка насажденія на Цейлонѣ чайныхъ кустовъ относится еще къ 1850 году. Кусты и сѣмена для посадки были вывезены изъ Китая, но они въ скоромъ времени частью погибли, а частью одичали и сдѣлались негодными для сбора листьевъ. Черезъ десять лѣтъ была сдѣлана попытка замѣнить китайскіе чайные кусты индійскими изъ округа Даржилингъ. Эта попытка вышла несравненно болѣе удачной, хотя развитіе чайнаго дѣла въ началѣ шло очень медленно. Въ 1873 году, напримѣръ, съ Цейлона было вывезено всего только 23 фунта чая. А въ прошломъ году вывозъ достигъ уже огромной цифры въ $148^1/_2$ миліоновъ фунтовъ.

На первыхъ порахъ все чайное дѣло находилось въ рукахъ англійскихъ капиталистовъ, но въ послѣднія 10—15 лѣтъ появились и другіе предприниматели, что повело къ тому что цейлонскій чай началъ сбываться непосредственно въ Австралію, въ Соединенные Штаты и даже въ Россію. Вывозъ его къ намъ съ 3 миліоновъ фунтовъ въ 1895 году повысился до 20 миліоновъ фунтовъ въ 1900 году.

Замѣна китайскаго чая цейлонскимъ, по мнѣнію г. Шнейдера, представляетъ нѣкоторыя выгоды для насъ.

Наиболѣе дешевый, едва годный для вывоза китайскій чай продается по 14—15 лан за пикуль, что составляетъ на русскій фунтъ вмѣстѣ съ пошлиною въ Москвѣ около 1 р. 7 к. Цѣна средняго безусловно годнаго для русскаго рынка цейлонскаго чая *Pekoї* равняется при такихъ же условіяхъ только 1 р. 2 к. Та же сравнительная дешевизна цейлонскаго чая замѣчается и въ высшихъ сортахъ. Однако, широкая замѣна китайскаго чая цейлонскимъ рекомендуемая г. Шнейдеромъ является во многихъ отношеніяхъ нежелательною. Прежде всего по политическимъ соображеніямъ нежелательно перемѣщеніе центра нашей чайной торговли изъ Китая въ Цейлонъ, затѣмъ нежелательно лишеніе Манчжурской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ наиболѣе цѣнныхъ грузовъ. Вообще, противъ этой замѣны можно привести много весьма серіозныхъ возраженій.

Географическія новости.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества издаваемыя подъ редакціей секретаря Общества. Томъ XXXVII. 1901. Выпускъ III. С.-Петербургъ. 1901.

Въ третьемъ выпускѣ *Извѣстій* наибольшаго вниманія безспорно заслуживаетъ статья г. Гулишамбарова: „Маслины и оливковое масло на всемірномъ рынкѣ.“ Родиною масличнаго дерева обыкновенно счи-

таютъ Малую Азію, преимущественно же Курдистанъ. И дѣйствительно ни въ какой части земнаго шара разведеніе масличнаго дерева не принимаетъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Малой Азіи и особенно въ Палестинѣ, Сиріи и прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ. Изъ Малой Азіи масличное дерево начало распространяться, съ одной стороны, черезъ Грецію по Южной Европѣ, а съ другой, по сѣверному побережью Африки.

Въ кольцѣ обхватывающемъ Средиземное море разведеніе масличнаго дерева составляетъ исключительный источникъ народнаго благосостоянія. Масличное дерево при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ живетъ сотни лѣтъ (нѣкоторые даже полагаютъ—болѣе 1000 лѣтъ), переживая нѣсколько поколѣній народа. И несмотря на это, дерево не нуждается ни въ какомъ уходѣ за собою: сухія и подгнившія вѣтви остаются на немъ, пока не сорветъ ихъ вѣтеръ.

Предметомъ торговли служатъ не только плоды масличнаго дерева, маслины, которыя идутъ въ пищу въ свѣжемъ или маринованномъ видѣ или подвергаются пресованію для полученія изъ нихъ масла, но и самое дерево изъ котораго приготовляются мелкія, но весьма цѣнныя бездѣлушки. Заготовка впрокъ маслинъ и производство оливкаго масла составляетъ предметъ обширнаго международнаго торговаго обмѣна.

Изъ всѣхъ продуктовъ масличнаго дерева наиболѣе важное значеніе имѣетъ масло котораго въ торговлѣ встрѣчается нѣсколько сортовъ. Масло отжатое изъ мякоти хорошихъ недозрѣлыхъ плодовъ и безъ нагрѣванія считается самымъ лучшимъ и подъ французскимъ названіемъ *huile d'olive vierge* встрѣчается повсемѣстно, хотя справедливость требуетъ сказать что его вообще добывается очень мало и оно такъ трудно сохраняется что въ свѣжемъ видѣ его можно имѣть только на мѣстѣ производства. Мязга изъ спѣлыхъ плодовъ подвергнутая пресованію даетъ обыкновенное оливковое масло употребляемое для стола, а подвергнутое дальнѣйшему болѣе сильному пресованію даетъ масло менѣе высокаго качества, такъ-называемое деревянное. Жмыхи однако заключаютъ въ себѣ еще много масла и потому ихъ вновь обработываютъ горячею водою, получая еще худшій продуктъ не употребляемый въ пищу, а идущій лишь какъ смазочный и освѣтительный матеріалъ.

Всѣ эти виды масла, а также соленыя и маринованныя маслины имѣютъ громадное значеніе въ питаніи южно-европейскихъ народовъ. Совсѣмъ иную роль продукты масличнаго дерева играютъ у насъ въ Россіи. Маринованныя маслины (оливки) употребляются у насъ только какъ приправа къ кушаніямъ людьми состоятельнаго класса. То же самое приходится сказать и объ оливковомъ (прованскомъ)

маслѣ. Соленыя маслины распространены гораздо болѣе, онѣ на югѣ Россіи составляютъ любимую пищу рабочаго населенія. Неизмѣримо бо́льшее значеніе имѣетъ для насъ деревянное масло. Положимъ, его въ пищу тоже не употребляютъ, но зато едва ли на всемъ пространствѣ Россіи найдется такая убогая лачуга въ которой подъ праздникъ это масло не лилось бы въ лампаду.

И несмотря на такое широкое употребленіе деревяннаго масла, къ намъ ввозится всѣхъ сортовъ оливковаго масла всего отъ 500 до 700 т. пудовъ, при чемъ ввозъ обнаруживаетъ замѣтное стремленіе къ сокращенію. Въ 1894 году его ввезено 704 т. пудовъ, въ 1896 г. 663 т. пудовъ, а въ 1900 г. 597 т. пудовъ. Это уменьшеніе объясняется распространеніемъ у насъ *гарнаго* масла, то-есть, масла состоящаго изъ смѣси растительныхъ и минеральныхъ маслъ съ деревяннымъ. Насколько нежелательна такая фальсификація, едва ли нужно говорить.

Другой вопросъ, какъ бороться съ нею. Наше духовное вѣдомство дѣлало попытки войти въ сношеніе съ иностранными поставщиками масла съ тѣмъ чтобы продавать его затѣмъ изъ своихъ складовъ. Но гораздо болѣе вѣрнымъ способомъ нужно признать развитіе производства деревяннаго масла въ предѣлахъ Россіи. Возможно ли однако это? Думаемъ что да.

Масличныя деревья въ дикомъ видѣ встрѣчаются у насъ и въ Крыму и на Кавказѣ, а уже это одно указываетъ на возможность разведенія ихъ. Наконецъ, нельзя не указать на вполнѣ удачныя попытки въ этомъ направленіи произведенныя на Черноморскомъ побережіи Кавказа. Первымъ въ этомъ дѣлѣ выступилъ Ново-Аѳонскій монастырь близь Сухума, который получилъ вполнѣ хорошій урожай маслинъ давшихъ нормальный выходъ масла. Къ сожалѣнію, монастырскія плантаціи имѣютъ еще слишкомъ ничтожные размѣры. Вотъ прекрасный путь для частныхъ предпринимателей.

Остальныя статьи въ послѣднемъ выпускѣ извѣстій: г. Каульбарса „Озы Скандинавскаго ледянаго періода" и г. Савельева „Географическія работы на восточномъ склонѣ Урала" представляютъ интересъ только для спеціалистовъ.

Современные вопросы.

Д. С. Тризна. Сужденія здраваго смысла. Кіевъ. 1901.

Г. Тризна выступаетъ въ защиту здраваго смысла. Это въ высшей степени характерное явленіе для нашихъ дней, когда значительная часть людей живетъ руководствуясь различными теоріями не-

провѣренными жизнью, когда подъ теоріи подгоняются всѣ факты. Здравый смыслъ не слѣдуетъ изгонять, а нужно отбросить теоріи несогласныя съ нимъ. Вотъ конечный выводъ который дѣлаетъ г-нъ Тризна. Выводъ, положимъ, далеко не новый. Но есть и старыя истины которыя не мѣшаетъ повторять какъ можно чаще, особенно во дни всеобщаго умственнаго и нравственнаго шатанія. Такихъ повтореній въ книжкѣ г. Тризны найдется не мало.

Природное назначеніе дѣвушки, говоритъ онъ напримѣръ, стать матерью и слѣдовательно образовать семью; заботъ въ семьѣ такая масса и зачастую онѣ такъ захватываютъ всю душу и всѣ помыслы что женщинѣ-матери, сердечной и разумной, нечего и думать о какой-нибудь иной роли сверхъ роли устроительницы домашняго очага; при этомъ, если мужъ вноситъ въ семью средства своимъ заработкомъ, она, женщина-мать, не можетъ считать себя въ накладѣ, такъ какъ нѣтъ дѣла болѣе необходимаго, полезнаго и близкаго сердцу какъ забота о тѣхъ кому далъ жизнь, о которыхъ къ тому же такъ сердечно какъ мать никто позаботиться не можетъ.

Это конечно старая, очень старая истина, но неужели повтореніе ея является лишнимъ теперь, когда въ обществѣ начала распространяться новомодная теорія брака графа Л. Н. Толстаго рекомендующая имѣть поменьше своихъ дѣтей и побольше отдавать силъ на воспитаніе чужихъ. Противоестественность подобной теоріи нисколько не обезпечиваетъ насъ отъ ея распространенія. Вѣдь и теорія непротивленія злу естественностію похвалиться не можетъ, а нашла же она себѣ поклонниковъ и при томъ довольно многочисленныхъ. Нѣтъ, напоминанія о здравомъ смыслѣ и о забытыхъ истинахъ не безполезны у насъ.

Въ главѣ объ обществѣ г. Тризна дѣлаетъ довольно смѣлое и характерное заявленіе о свободѣ. Принципъ свободы, говоритъ онъ, есть принципъ противообщественный и потому худшіе члены общества особенно ратуютъ за него; ростовщикъ, напримѣръ, особенно желаетъ свободы сдѣлокъ, клеветникъ свободы печати, развратница превозноситъ свободу любви и т. п.: конечно, принципъ допускающій *отрицательное, расшатывающее проявленіе воли не можетъ быть признанъ за зиждительную основу общества.*

Въ главѣ о государствѣ мы находимъ слѣдующую характеристику конституціоннаго строя правленія:

Верховная власть ограниченная народомъ (а вѣрнѣе, ничтожной частію народа вся масса котораго обыкновенно пасивна) которымъ она обязана управлять, лишается существеннаго своего предназначенія—быть авторитетной, сдерживающей силой при увлеченіяхъ того же народа и потому становится логической несообразностію; будучи ограничена, верховная власть перестаетъ быть властью и регулято-

ромъ государственной жизни и обращается въ управляющаго всѣми дѣлами съ самымъ комическимъ правомъ идти туда куда потянутъ то одни, то другіе наиболѣе шустрые изъ управляемыхъ.

Если цѣль цивилизаціи, продолжаетъ г. Тризна, заключается въ мирномъ сожительствѣ людей, то *власть вытекающая изъ борьбы* и борьбу обусловливающая—противна цивилизаціи.

Далѣе г. Тризна приходитъ къ выводу что:

только наслѣдственно-самодержавная власть по своему происхожденію есть право владѣющее силой и въ этомъ ея принципіальное превосходство надъ другими видами власти и въ особенности надъ властію парламентарной которая всегда по принципу принадлежитъ то той, то другой осилившей зачастую только интригой и подлостію партіи и, значитъ, есть случайная, кратковременная сила, а не то и подлость завладѣвшая правомъ. Кто осилилъ хотя бы подлостію, тотъ и власть! Непостижимо, какъ такой принципъ можетъ признаваться логичнымъ и гуманнымъ. Вѣдь хуже нельзя и придумать.

Тутъ тоже мало оригинальнаго и новаго, все это говорилось и даже гораздо сильнѣе, но и повтореніе въ эпоху стремленія къ „увѣнчаніямъ зданія" совершенно не лишнее.

Эти выдержки даютъ въ общихъ чертахъ понятіе о книгѣ г. Тризны. Избравъ себѣ въ руководители здравый смыслъ, онъ не ошибся и въ пониманіи вопросовъ современной жизни оказался неизмѣримо выше всевозможныхъ теоретиковъ.

Желѣзнодорожные тарифы.

К. Я. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Задачи управленія, принципы построенія и примѣчанія, формы и виды тарифовъ. С.-Петербургъ. 1901.

Съ каждымъ годомъ сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ растетъ все болѣе и болѣе, и потому вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ получаетъ громадное значеніе. Представители различныхъ отраслей промышленности безпрерывно возбуждаютъ ходатайства о пониженіи тарифовъ на тѣ или другія издѣлія или на матеріалы необходимые для ихъ изготовленія. Наши окраины добиваются тарифовъ понижающихся пропорціонально разстояніямъ, земледѣліе внутреннихъ губерній несетъ громадный ущербъ отъ существованія этихъ тарифовъ. Словомъ, въ тарифномъ дѣлѣ оказываются заинтересованными люди самыхъ различныхъ классовъ и професій. При подобныхъ условіяхъ трудъ г. Загорскаго несомнѣнно представляетъ крупный интересъ.

Возмѣщеніе и оплата основныхъ капиталовъ и эксплоатаціонныхъ

расходовъ желѣзныхъ дорогъ, говоритъ г. Загорскій, можетъ производиться или изъ доходовъ выручаемыхъ самими желѣзными дорогами, или изъ общегосударственныхъ средствъ получаемыхъ посредствомъ налоговъ со всего населенія страны. Возможно также соединеніе этихъ обоихъ источниковъ, то-есть, покрытіе одной части затратъ изъ желѣзнодорожныхъ доходовъ, а другой изъ общегосударственныхъ ресурсовъ. Чтò касается условія пользованія желѣзными дорогами, то оно можетъ быть или безвозмезднымъ для всѣхъ желающихъ, или же можетъ быть предоставляемо не иначе какъ подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ сборовъ.

Главнымъ основаніемъ для идеи безплатныхъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ служитъ, по мнѣнію автора, простая аналогія между рельсовыми и грунтовыми путями. Послѣдніе предоставляются въ безплатное пользованіе, слѣдовательно должны быть предоставлены въ него и первые. Въ дѣйствительности же здѣсь и никакой аналогіи нѣтъ. Въ безплатное пользованіе предоставляется только *самая грунтовая дорога*, а не лошадь, и не телѣга, не деготь для подмазки ея и не вощикъ. А между тѣмъ требованіе предоставленія въ безвозмездное пользованіе желѣзныхъ дорогъ именно сводится къ требованію предоставить даромъ и подвижной составъ, и топливо, и штатъ служащихъ. Съ точки зрѣнія справедливости подобный взглядъ также не выдерживаетъ критики. Платить налоги будутъ всѣ, а даровою перевозкою по желѣзнымъ дорогамъ воспользуются, во-первыхъ, не всѣ, а во-вторыхъ, далеко не въ одинаковой мѣрѣ.

Не обѣщаетъ эта мѣра никакихъ благъ и съ практической точки зрѣнія. Г. Загорскій совершенно основательно замѣчаетъ что

самыя незначительныя различія въ издержкахъ производства, качествѣ или цѣнѣ которыя при системѣ взиманія провозныхъ платъ вовсе не могутъ оправдать никакаго транспорта или развѣ достаточны для покрытія перевозки лишь на ничтожныхъ разстояніяхъ, будутъ совершенно достаточны для того чтобы эти товары привозились изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ производства, хотя бы конечно получаемыя при этомъ выгоды совершенно не соотвѣтствовали ни основнымъ, ни текущимъ затратамъ на желѣзнодорожный транспортъ необходимо вызываемый системою безвозмездности желѣзнодорожныхъ услугъ.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ было бы увеличеніе во много разъ числа отправокъ всякаго рода товаровъ безъ предварительной продажи ихъ, даже при отсутствіи какого-либо опредѣленнаго спроса на нихъ, словомъ, совершенно наудачу. Въ концѣ-концовъ кромѣ загроможденія желѣзныхъ дорогъ грузами и увеличенія государственныхъ налоговъ пришлось бы еще считаться не съ удешевленіемъ, а со вздорожаніемъ товаровъ.

Совершенно противоположнымъ этому требованію является другое стремящееся къ тому чтобы желѣзнодорожные тарифы не только покрывали стоимость сооруженія и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, но и давали бы высшую или по крайней мѣрѣ среднюю прибыль которую приносятъ въ странѣ другія торговыя или промышленныя предпріятія. Въ правѣ частныхъ акціонерныхъ обществъ стремиться къ полученію прибыли отъ желѣзнодорожныхъ предпріятій никто не сомнѣвается, но должна ли эта прибыль быть совершенно неограниченной и произвольной? Должны ли, наконецъ, и казенныя желѣзныя дороги стремиться къ этой прибыли?

Г. Загорскій даетъ на эти вопросы слѣдующіе отвѣты: „Мы высказываемся противъ всякаго ограниченія прибыли желѣзнодорожныхъ предпріятій"... А нѣсколькими строками выше говорится:

... Государственныя желѣзныя дороги въ такой же мѣрѣ какъ и частныя должны имѣть конечною цѣлью полученіе возможно высшаго дохода на затраченные капиталы, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ функціи въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства будутъ извращены.

Ни съ однимъ изъ этихъ положеній согласиться нельзя. Можно конечно сказать акціонерно - строительному обществу: сооружайте рельсовую линію и извлекайте изъ нея какіе угодно барыши въ ущербъ населенію, но къ этому необходимо будетъ прибавить: „вѣдайтесь сами и со своими убытками до которыхъ намъ дѣла нѣтъ; если же вы будете драть съ населенія шкуры, то мы сохраняемъ за собою право выдать разрѣшеніе на постройку другой паралельной линіи которая и умѣритъ ваши апетиты". Но разъ строющаяся дорога обезпечивается не только отъ убытковъ, но и отъ соперничества другихъ линій, то о неограниченной прибыли, само собою понятно, не можетъ быть и рѣчи.

Перейдемъ къ другому вопросу. Зачѣмъ нужна прибыль казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ? Если правительству необходимы денежныя средства, то оно всегда можетъ получить ихъ путемъ установленія новыхъ или увеличенія старыхъ налоговъ. Но если извлеченіе прибылей изъ желѣзнодорожнаго дѣла является для правительства безполезнымъ, то оно въ то же время является и несправедливымъ. Пояснимъ свою мысль примѣромъ. Правительство строитъ двѣ линіи: одну бездоходную вызванную какими-нибудь стратегическими или иными соображеніями, другую предназначенную для торговаго движенія. Населеніе несетъ и обязано нести извѣстныя жертвы на покрытіе расходовъ по содержанію первой линіи. Но зачѣмъ же изъ пользованія второй извлекать выгоды и тѣмъ еще разъ обременять то же населеніе? Что-нибудь одно: или желѣзныя дороги комерческое

предпріятіе, или это сооруженія государственной важности. Въ послѣднемъ случаѣ извлеченіе барышей совсѣмъ неумѣстно.

Несправедливо даже погашать капиталъ затраченный на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ опредѣленное количество лѣтъ, такъ какъ желѣзныя дороги предназначаются къ существованію на вѣчныя времена, слѣдовательно и къ оплатѣ стоимости ихъ сооруженія должно быть привлечено возможно бо́льшее количество поколѣній.

Для чего строятся желѣзныя дороги? Для одного ли только грузоваго и пасажирскаго движенія? Нѣтъ. Каждая рельсовая линія можетъ служить для цѣлей мобилизаціи войскъ, для движенія военныхъ частей и военныхъ грузовъ, для перевозки почтъ, для доставки продовольственныхъ запасовъ въ мѣстности постигнутыя неурожаемъ и для многихъ другихъ цѣлей въ которыхъ грузоотправители непосредственно не заинтересованы. За что́ же на нихъ однихъ возлагать покрытіе всѣхъ расходовъ по сооруженію, ремонту и эксплоатаціи рельсовыхъ путей? Самымъ справедливымъ порядкомъ является такой при которомъ одна часть расходовъ относится на общегосударственные ресурсы, а другая на счетъ пасажировъ и отправителей грузовъ. При такомъ порядкѣ казна не только должна отказаться отъ извлеченія прибылей изъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, но и установить такіе тарифы при которыхъ покрывалась бы только одна часть желѣзнодорожныхъ расходовъ.

Не соглашаясь съ г. Загорскимъ въ основной точкѣ зрѣнія, нельзя не признать все же большаго значенія за его трудомъ знакомящимъ со всѣми сторонами сложнаго тарифнаго дѣла. Работа эта заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія. И книга г. Загорскаго во многихъ случаяхъ можетъ оказаться незамѣнимой. Къ сожалѣнію, основная ошибка красною нитью проходитъ черезъ весь этотъ трудъ, что́ не можетъ не лишить его извѣстной цѣнности.

Рѣчи Сапѣги

Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени. Матвѣя Любавскаго. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1901.

Названная брошюра представляетъ не что иное какъ сеймовыя рѣчи Литовскаго канцлера Льва Ивановича Сапѣги сохранившіяся среди документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Польскій оригиналъ рѣчей снабженъ русскимъ переводомъ сдѣланнымъ г-мъ Любавскимъ. Переводъ правиленъ и точенъ

и вѣрно передаетъ духъ подлинника. Въ предисловіи г. Любавскій опредѣляетъ время произнесенія рѣчей. Первая рѣчь, по его мнѣнію, произнесена была на Варшавскомъ сеймѣ 1611 года, когда представляли плѣнныхъ Шуйскихъ королю. Рѣчь упоминаетъ о показаніи Димитрія Шуйскаго касательно намѣренія Лжедимитрія I воевать съ Польшей. Объ этомъ показаніи шли разговоры именно на Варшавскомъ сеймѣ. На этомъ же сеймѣ къ королю предъявлялось обвиненіе въ томъ что онъ началъ войну съ Москвою не спросясь сейма. Рѣчь Сапѣги имѣла въ виду оправдать короля отъ нареканій и доказать что не король виноватъ въ этомъ, а другіе (то-есть, Мнишекъ и его сторонники) и что король втянулся въ войну уже только по необходимости.

Вторая рѣчь сказана послѣ того какъ низложенъ былъ царь Василій Шуйскій, скорѣе всего опять-таки на сеймѣ 1611-го года. На этомъ сеймѣ Мнишекъ выступалъ съ обвиненіями противъ плѣнныхъ Шуйскихъ какъ убійцъ Димитрія и бывшихъ при немъ Поляковъ, но онъ не нашелъ себѣ сочувствія и поддержки на сеймѣ, а напротивъ, самъ подвергся обвиненіямъ въ томъ что поддерживалъ обманщиковъ. Этимъ обвиненіямъ по всей вѣроятности и предшествовала рѣчь Сапѣги съ обстоятельнымъ изложеніемъ Московскихъ событій.

Наконецъ, произнесеніе третьей рѣчи г. Любавскій относитъ на основаніи ея содержанія къ февралю 1613-го года, когда дѣло Поляковъ въ Москвѣ было проиграно, но Русскіе еще не выбрали себѣ царя.

Пирлингъ въ своей статьѣ: „Кто былъ первый Лжедимитрій“ (*Вѣстникъ Европы*, 1901 г., № 1) придаетъ большую цѣну сообщеніямъ Льва Сапѣги относительно личности перваго самозванца. Не отрицая важности этихъ сообщеній, г. Любавскій справедливо замѣчаетъ что „эти сообщенія были сдѣланы ad hoc въ разгаръ нападокъ на Мнишка и обвиненій его въ томъ что онъ поддерживалъ завѣдомыхъ обманщиковъ; а если такъ, то и относительно сообщеній можно быть разнаго мнѣнія: въ полемическомъ характерѣ ихъ можно находить гарантію особой ихъ точности и достовѣрности и, наоборотъ, усматривать возможность односторонности и пристрастія въ подборѣ слуховъ и извѣстій шедшихъ съ Московской стороны, извѣстной подтасовки фактовъ и неправильнаго ихъ освѣщенія.“

Изъ духовныхъ журналовъ.

Еврейство и талмудъ.—Мишна и гемара.—Евреи послѣ плѣна.—Пробужденіе націонализма.—Забвеніе закона Моисеева.—Толкованіе его раввинами.—Караимы.—Характеристика талмуда. — Хеттеи въ Библіи и исторіи.—Хеттеи и Египтяне и Ассиріяне.—Могущество Хеттеевъ. — Культура ихъ и вліяніе ея на греческую.— Религія Хеттеевъ.— Первыя сношенія Англичанъ съ православнымъ Востокомъ.—Письма Генриха VI объ уніи. — „Новая ученость".— „Почитатели греческой церкви". — Коледжъ для Грековъ. — Нонъюры и ихъ сношенія съ патріархами, императоромъ Петромъ и св. синодомъ.—Нонъюры и высокоцерковники.

Професоръ С.-Петербургской духовной академіи И. Г. Троицкій напечаталъ (*Христіанское Чтеніе*, іюль, августъ и сентябрь) свои два чтенія „о талмудѣ" произнесенныя имъ весной текущаго года съ благотворительной цѣлію и привлекшія къ себѣ вниманіе и многочисленныхъ слушателей, и повременной печати. Вниманіе это, и доброжелательное и злобное, вполнѣ понятно не только потому что чтенія совпали съ движеніемъ вызваннымъ положительно во всѣхъ краяхъ Россіи пресловутою піесой „Контрабандисты", но и еще болѣе потому что еврейскій вопросъ всегда остается наиболѣе жгучимъ изъ всѣхъ вопросовъ текущей жизни страны въ которую успѣли проникнуть Евреи. Професоръ подчеркиваетъ усиленіе вниманія русскаго общества къ еврейскому вопросу за послѣднія тридцать лѣтъ въ теченіе которыхъ появилось и множество спеціальныхъ изслѣдованій по этому вопросу и еще больше газетныхъ и журнальныхъ статей въ повременной печати. И тѣмъ не менѣе вопросъ и сейчасъ остается вопросомъ и весьма далекъ отъ своего разрѣшенія. Професоръ указываетъ что должная постановка его возможна не иначе какъ только послѣ полнаго и основательнаго изученія, съ одной стороны, исторіи Евреевъ, а съ другой, тѣхъ памятниковъ еврейской литературы которые имѣютъ для нихъ значеніе законоположительное, то-есть, которыми опредѣляется нравственное самосознаніе Евреевъ какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни.

Такими памятниками для Евреевъ служатъ „тенакъ" и „талмудъ". Первый имѣетъ значеніе Священнаго Писанія, второй Священнаго Преданія. Если о первомъ русское общество имѣетъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе по своему знакомству съ каноническими книгами Ветхаго Завѣта, то о второмъ среди большинства образованнаго общества господствуютъ неясныя и неточныя представленія. Професоръ задался почтенною цѣлію пролить свѣтъ въ эту область русскихъ интересовъ.

Талмудъ по словопроизводству съ еврейскаго языка значитъ изученіе, наука. Въ раввинской литературѣ слово это употребляется въ разнообразныхъ смыслахъ, но въ общепринятомъ талмудомъ называется сборникъ опредѣленій и разсужденій еврейскихъ раввиновъ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанской эры имѣющихъ своею цѣлію регламентированіе жизни и міровоззрѣнія еврейскаго народа. Онъ раздѣляется на двѣ части, мишну и гемару, изъ которыхъ первая является основною и болѣе древнею, а вторая добавочною и сравнительно болѣе позднею по своему происхожденію. Время появленія его было значительно позже времени земной жизни Христа Спасителя, но вызвавшія его происхожденіе историческія условія относятся ко времени гораздо болѣе раннему чѣмъ земная жизнь Христа Спасителя, а отчасти были современны ей.

Происхожденіе основной и болѣе древней части талмуда, мишны, обусловливалось главнымъ образомъ двумя причинами: во-первыхъ, явившеюся у Евреевъ послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго ревностію къ изученію и исполненію закона Моисеева, и во-вторыхъ, возникшими въ то же время нѣкоторыми новыми формами жизни. Пробудившаяся во время Ездры и Неемія въ народѣ іудейскомъ ревность къ исполненію закона не оставляетъ его и въ послѣдующее время. Историческимъ подтвержденіемъ этого служитъ многолѣтняя борьба Іудеевъ съ сирійскими Греками описаніе которой дано въ первой Маккавейской книгѣ. Девизомъ этой борьбы служили слова Маттаѳіи сказанныя въ началѣ возстанія Маккавеевъ: „всякій кто ревнуетъ по законѣ и стоитъ въ завѣтѣ да идетъ за мною!“ Іуда Маккавей тоже сказалъ: „мы сражаемся за души наши и законы наши.“ Это же подтвердилъ и сирійскій полководецъ Лисій, когда давалъ совѣтъ царю Антіоху относительно заключенія мира съ Іудеями: „предоставимъ имъ, сказалъ онъ, поступать по законамъ ихъ какъ прежде; ибо за свои законы которые мы отмѣнили они раздражились и сдѣлали все это“. Но нужно замѣтить что эта ревность выродилась потомъ въ ревность не по разуму полагавшую праведность человѣка въ исполненіи одного обрядоваго закона. Тѣмъ не менѣе именно стремленіе исполнять законъ во всей полнотѣ и точности было первымъ и главнымъ факторомъ обусловившимъ происхожденіе мишны. Вторымъ факторомъ были новыя политическія и экономическія условія жизни послѣ-плѣнныхъ Іудеевъ. Не смотря на возстановленіе храма и церковной организаціи, Іудеи послѣ плѣна лишь на самое продолжительное время, именно съ 142 до 64 года до Р. Хр., пользовались политической самостоятельностію. Во все же остальное время, начиная со времени построенія втораго храма (517 г. до Р. Х.) до времени разрушенія его Титомъ (70 г. по Р. Х.), они находи-

лись въ политической зависимости отъ другихъ народовъ: Персовъ (537—333), сирійскихъ Грековъ (332—143) и Римлянъ (съ 64 г.). Зависимость отъ другихъ народовъ не ограничивалась однимъ внѣшнимъ политическимъ вліяніемъ, а иногда простиралась и глубже, проникала въ складъ религіозныхъ и правовыхъ понятій народа. Особенно слѣдуетъ сказать это о времени греческаго вліянія, когда среди Іудеевъ явилось очень много отступниковъ отъ закона. Сознавая опасность для цѣлости и чистоты религіозной жизни народа вслѣдствіе возможнаго пріобщенія его къ жизни и понятіямъ окружавшаго язычества, руководители еврейскаго народа стремились возможно послѣдовательнѣе и глубже провести въ народную жизнь требованія закона и если возможно всецѣло подчинить ее закону. Но вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій политической жизни послѣ-плѣнныхъ Іудеевъ измѣнились также условія и экономической жизни. Въ основѣ экономическаго быта Евреевъ до плѣна лежало земледѣліе, такъ что Евреи того времени были почти исключительно земледѣльческимъ народомъ. Ремесла и торговля служили для нихъ лишь побочными занятіями. Послѣ же плѣна, во время котораго Евреи успѣли отвыкнуть отъ земледѣльческаго труда, ремесла и торговля являются у нихъ въ качествѣ спеціальныхъ занятій наравнѣ съ земледѣліемъ. Среди нихъ явилось много ремесленниковъ которые дѣлились на цехи, такъ что въ синагогахъ сидѣли по цехамъ, а нѣкоторые цехи имѣли свои собственныя синагоги. Обученіе какому-либо ремеслу послѣ плѣна составляло необходимую принадлежность хорошаго воспитанія: „кто не обучаетъ своего сына какому-либо ремеслу, тотъ какъ бы пріучаетъ его къ разбойничеству“, говорятъ раввины. Измѣнившіяся условія экономической жизни создавали новыя формы общественныхъ и гражданскихъ отношеній которыя не были предвидѣны Моисеевымъ законодательствомъ и нуждались въ новой регламентаціи.

Такимъ образомъ пробудившаяся послѣ плѣна у Евреевъ ревность къ исполненію закона, а также новыя условія политической и экономической жизни, побуждали руководителей послѣ-плѣннаго Іудейства заняться детальной разработкою Моисеева законодательства, примѣненіемъ его къ новымъ случаямъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и созиданіемъ новыхъ опредѣленій и новыхъ законовъ. Тѣ ученые которые занимались выполненіемъ этой задачи назывались соферами, книжниками. Выработанныя опредѣленія и заключенія соферовъ относительно отдѣльныхъ случаевъ жизни долгое время передавались изустно отъ одного поколѣнія къ другому и составляли собою „устный законъ“ въ отличіе отъ „закона письменнаго“, то-есть, пятокнижія Моисеева. Этотъ устный законъ во время

земной жизни Христа Спасителя былъ извѣстенъ подъ именемъ „преданія старцевъ“ и имѣлъ значеніе дѣйствующаго законодательства которое въ юридической и бытовой практикѣ заслоняло собою письменный законъ Моисеевъ, а иногда даже уничтожало его, въ чемъ Спаситель обличалъ фарисеевъ. Изъ евангелія же и изъ апостольскихъ посланій, а также изъ сочиненій еврейскихъ историковъ видно что постановленій устнаго закона вращалось огромное множество среди Евреевъ. Естественно что устный законъ сталъ предметомъ спеціальнаго изученія іудейскихъ ученыхъ во главѣ которыхъ стояли Гиллелъ и Шаммай, почти современники Христа Спасителя. Школа Гиллела существовала до разрушенія Іерусалима Титомъ въ 70 году по Р. Хр. Завоеваніе Іерусалима Римлянами и сожженіе храма имѣли большое значеніе въ исторіи изученія и сохраненія устнаго закона. Мѣстомъ ученыхъ собраній теперь сталъ не Іерусалимъ, а города Сепфорисъ, Тиверіада и Ямнія. Послѣ возстанія Евреевъ при Адріанѣ душой котораго былъ ученый Акиба, еврейскіе ученые подверглись гоненію со стороны Римлянъ и многіе изъ нихъ переселились въ Месопотамію. Потеря храма какъ главнаго центра около котораго вращалась большая часть обрядовыхъ постановленій, лишеніе Палестины съ которой соединялись многія преданія и примѣнительно къ которой были выработаны постановленія аграрнаго и сельскохозяйственнаго характера, наконецъ гоненіе на самихъ еврейскихъ ученыхъ, всѣ эти обстоятельства возбуждали опасеніе за цѣлость преданія и такимъ образомъ служили побужденіемъ редактировать его въ видѣ отдѣльнаго письменнаго сборника. Первый кому еврейское преданіе приписываетъ попытку издать такой сборникъ былъ вышеупомянутый Акиба. Изданный имъ сборникъ былъ извѣстенъ подъ именемъ мишны Акибы. Вторымъ издателемъ подобнаго же сборника еврейское преданіе называетъ Меира, но изданные ими сборники не дошли до нашего времени. Сборникъ „устнаго іудейскаго закона“ сохранившійся до нашего времени былъ редактированъ нѣсколько позже Акибы Іудою святымъ или иначе Іудою княземъ жившимъ въ концѣ II вѣка по Р. Хр., правнукомъ извѣстнаго въ Дѣяніяхъ апостольскихъ Гамаліила. Изданный имъ сборникъ извѣстенъ подъ именемъ мишны Іуды св. или просто мишны. Въ ней содержаніе закона расположено по предметамъ, при чемъ каждый предметъ составилъ тему для цѣлаго трактата. Всѣхъ трактатовъ 63, но всѣ они могутъ быть раздѣлены на шесть главныхъ разрядовъ, каковы: о сѣменахъ, о женахъ, о чистотѣ и т. п.

Изданная Іудою мишна сама сдѣлалась предметомъ объясненія со стороны еврейскихъ ученыхъ называвшихся аморами, изъяснителями. Такъ какъ объясненіемъ мишны занимались одновременно въ

Палестинѣ и въ Месопотаміи, то и аморы различаются на палестинскихъ и месопотамскихъ; объясненіе первыхъ составило гемару палестинскую или іерусалимскую, а вторыхъ вавилонскую.

Соединеніе гемары съ мишной и составляетъ талмудъ іерусалимскій и вавилонскій. Талмудъ іерусалимскій былъ редактированъ въ концѣ III вѣка по Р. Хр. палестинскимъ раввиномъ Іохананомъ-баръ-Наппаха, а вавилонскій въ концѣ V вѣка раввинами Рабиной и Іосе.

Талмудъ для Евреевъ имѣетъ значеніе священнаго преданія которое въ своей основной части изложенной въ мишнѣ, по вѣрованію ихъ, ведетъ свое начало съ Синая и даровано было Богомъ Моисею вмѣстѣ со скрижалями завѣта и закономъ какъ руководство для примѣненія ихъ. Противъ такого легендарнаго объясненія происхожденія талмуда среди самихъ Евреевъ слышались протесты, значительнѣйшимъ изъ которыхъ было отверженіе талмуда однимъ изъ весьма видныхъ представителей месопотамскихъ Евреевъ, организаторомъ караимства Ананомъ-бенъ-Давидомъ (VIII вѣка). Тѣмъ не менѣе талмудъ не потерялъ своего значенія для большинства еврейскаго народа который и теперь находится подъ гнетомъ выработанныхъ въ талмудѣ правилъ. Это постоянство въ исполненіи національнаго закона опредѣляющаго форму жизни еврейскаго народа во всѣхъ ея подробностяхъ, по мнѣнію професора Троицкаго, сохраняло и до послѣдняго времени сохраняетъ его отъ асимиляціи съ христіанскими народами, отъ растворенія его въ нѣдрахъ христіанскаго міра. Въ этомъ постоянствѣ еврейской націи обнаружилась сила и значеніе принципа Аристотелевой философіи особенно почитаемой творцомъ современнаго іудейскаго типа, раввиномъ Моисеемъ Маймонидомъ: forma dat rei esse.

Такъ какъ талмудъ въ своемъ непосредственномъ видѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ незаконченныхъ протоколовъ составленныхъ въ собраніяхъ ученыхъ которые въ своихъ разсужденіяхъ не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, а потому не можетъ служить опредѣленнымъ практическимъ руководствомъ, то съ цѣлію приспособить его содержаніе къ практической жизни еврейскіе ученые составляли систематическіе сборники въ которыхъ излагали правила и наставленія талмуда имѣющія непосредственное примѣненіе къ частной и общественной жизни болѣе или менѣе каждаго Іудея. Самымъ авторитетнымъ систематизаторомъ талмуда былъ еврейскій ученый XII вѣка раввинъ Моисей Маймонидъ, а послѣ него систематизаторами были раввины Іосифъ Каро и Моисей Иссерлесъ жившіе въ XVI вѣкѣ, сборниками которыхъ и пользуются Евреи въ практической жизни.

Такъ какъ талмудъ есть произведеніе многихъ поколѣній еврейскихъ ученыхъ раздѣлявшихъ разные, даже противоположные взгляды, и съ внутренней стороны представляетъ произведеніе не оконченное и не обработанное, то въ немъ нѣтъ какой-либо опредѣленной идеи которая проходила бы чрезъ все содержаніе талмуда, нѣтъ единства во взглядахъ. Въ немъ рядомъ съ возвышенными взглядами излагаются низкіе. Слѣдовать тому или другому зависитъ отъ внутренняго настроенія самого читателя, самъ же талмудъ не опредѣляетъ этого настроенія. Въ этомъ отношеніи професоръ справедливо называетъ талмудъ единственнымъ и безпримѣрнымъ литературнымъ памятникомъ. Потому же самому онъ отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Даже въ міровоззрѣніи талмудистовъ отражается нѣсколько міровоззрѣній: Іудеевъ, Персовъ, Индѣйцевъ и александрійскихъ неоплатониковъ. Неудивительно что и нравственное міровоззрѣніе талмуда, по крайней мѣрѣ въ опредѣленіи содержанія обязанностей къ ближнему, иногда приближается къ евангелію. Такъ, въ немъ приведено характерное изреченіе раввина Гиллела: „чего не желаешь себѣ, того не дѣлай и ближнему; въ этомъ весь законъ, все остальное есть только объясненіе къ нему.“ Заслуживаетъ особаго вниманія и то что въ талмудѣ много разъ упоминается о Христѣ Спасителѣ, хотя эти свидѣтельства встрѣчаются не во всѣхъ изданіяхъ талмуда и въ новѣйшихъ выпущены.

Въ сентябрьской книжкѣ *Христіанскаго Чтенія* професоръ И. Г. Троицкій въ видѣ дополненія къ чтеніямъ „О талмудѣ“ напечаталъ названія и указалъ основные пункты содержанія талмудическихъ трактатовъ.

* * *

Професоръ С. С. Глаголевъ посвятилъ интересную статью (*Богословскій Вѣстникъ*, іюнь) исторіи и религіозному міровоззрѣнію одного изъ исчезнувшихъ народовъ древности, Хеттеевъ, весьма извѣстныхъ и Библіи и исторіи Востока. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени Хеттеямъ и ихъ вѣрованіямъ отведено было очень мало вниманія со стороны ученыхъ востоковѣдовъ, и вся литература о Хеттеяхъ ограничивается лишь нѣсколькими изслѣдованіями и то не русскими. Даже и за границей Хеттеями и памятниками ихъ письменности, скульптуры и зодчества стали заниматься лишь лѣтъ тридцать тому назадъ, съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія. Письмо ихъ только теперь ученые начинаютъ разбирать. Важнѣйшими источниками изученія вопроса о Хеттеяхъ въ настоящее время остаются Библія, ассирійскіе и египетскіе памятники письменности и нѣкоторыя сообщенія класическихъ писателей, Геродота и Лукіана. Между тѣмъ

Хеттеи въ свое время составляли крупнѣйшее государство на Востокѣ, занимають весьма видное мѣсто въ исторіи древней культуры и, что̀ для насъ особенно важно, хорошо извѣстны Библіи. Отсюда понятны интересъ и значеніе статьи о нихъ г. Глаголева, почти совершенно новой для нашей литературы.

Библія представляетъ Хеттеевъ потомками Хета, потомка Хама. Они не были такимъ образомъ ни семитами, ни арійцами. Англійскій ученый Сейсъ, судя по сохранившимся изображеніямъ ихъ, усматриваетъ въ ихъ типѣ родство съ монгольскою расой. Какъ и у монголовъ у нихъ желтая кожа, черные волосы и глаза, они зачесывали свои волосы назадъ образуя изъ нихъ маленькую тонко заплетенную и вытянутую косу. По этой косѣ, равно какъ и по ихъ обуви съ острыми носками загнутыми назадъ легко узнать ихъ на памятникахъ. Въ эпоху Авраама Хеттеи жили въ южной части Палестины въ области Хеврона, и Авраамъ и его сынъ жили среди нихъ. По возвращеніи изъ Египта Евреямъ пришлось много считаться съ Хеттеями. Послѣднія извѣстія о нихъ Библіи относятся ко времени Соломона: Соломонъ сдѣлалъ оброчными сохранившіеся остатки Хеттеевъ; въ это же время купцы доставлявшіе Соломону колесницы изъ Египта доставляли ихъ и царямъ хеттейскимъ. Въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, по словамъ г. Глаголева, видѣли противорѣчіе и не знали какъ согласить ихъ. Но открытія и изслѣдованія Сейса разрѣшили недоумѣніе. Оказалось что Хеттеи Палестины представляли собою только маленькую колонію переселенцевъ съ сѣвера. Главный центръ гдѣ жили Хеттеи былъ въ области Оронта и верховьевъ Евфрата, но могущество ихъ давало чувствовать себя и въ Малой Азіи отъ Каппадокіи и Ликаоніи до Лидіи. Могущественное Хеттейское государство соперничало съ Египтомъ и Асиріею и безъ сомнѣнія своею культурою оказало значительное вліяніе, подобно Финикіи, на Европу.

Въ составѣ гиксовъ именемъ которыхъ обозначается совокупность племенъ вторгнувшихся въ Египетъ при XIV династіи Хеттеи были повидимому преобладающимъ элементомъ: ихъ главный богъ Сутехъ былъ главнымъ богомъ гиксовъ. По изгнаніи гиксовъ, когда сами Египтяне стали совершать завоевательные походы въ Азію, Тутмесу I (XVIII династія) удалось получить дань съ „царя великой зе... Кхетовъ". Его преемникамъ неоднократно приходилось воевать съ Х... теями, а объ Аменхотепѣ III сообщается что онъ заключилъ м... съ царемъ Нахарина (библейскій Арамъ въ области котораго б... поселеніе Хеттеевъ) посредствомъ брака съ принцесой Ти. О... извѣстно что она отказалась почитать египетскаго бога Амона... подъ ея вліяніемъ ея сынъ Аменхотепъ IV провозгласилъ кул...

солнечнаго диска. На хеттейскихъ памятникахъ постоянно встрѣчается изображеніе этого диска, и все заставляетъ предполагать о широкомъ распространеніи его культа среди Хеттеевъ. Когда XVIII династія смѣнилась XIX, основатель ея Рамзесъ I заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Сапалеломъ, царемъ хеттейскимъ. Рамзесъ II совершилъ блестящій походъ противъ Хеттеевъ. Его подвиги подъ стѣнами Кадеша, хеттейской столицы на Оронтѣ, воспѣты Пантуаромъ, египетскимъ Гомеромъ. Но походъ всетаки кончился почетнымъ договоромъ для обѣихъ сторонъ. Рамзесъ женился на дочери хеттейскаго царя Кхета-Сира; ея замѣчательную красоту прославляли придворные лѣтописцы. Эпоха Рамзеса II и Кхета-Сира повидимому была самою блестящею и для Египта, и для Хеттеевъ. Въ руки Хеттеевъ перешла Сирія. Ихъ владычество простиралось отъ Ефрата на востокъ и на западъ до Эгейскаго моря, на сѣверъ отъ Каппадокіи и до южныхъ границъ Палестины. Но здѣсь на югѣ ихъ положеніе вскорѣ стало измѣняться къ худшему. Въ Палестину вступили Евреи и вытѣснили Хеттеевъ, хотя послѣдніе долго сопротивлялись. Часть ихъ вступила въ составъ Израиля и растворилась въ немъ, о чемъ свидѣтельствуетъ исторія Урія Хеттеянина. Другая часть пыталась отстаивать свою независимость. Повидимому Іерусалимъ въ значительной части былъ образованъ Хеттеями. На участіе ихъ въ образованіи Іерусалима указываетъ пророкъ Іезекіиль когда говоритъ объ Іерусалимѣ: „отецъ твой Аморрей, а мать твоя Хеттеянка". Послѣ того какъ самостоятельность Хеттеевъ была уничтожена, и на сѣверѣ слава ихъ стала меркнуть. Рамзесъ III (XX династіи) нанесъ сильное пораженіе Хеттеямъ, и съ этихъ поръ Кадешъ исчезаетъ изъ исторіи и Хеттеи изъ іероглифическихъ записей. Свѣдѣнія о нихъ сохраняются въ асирійскихъ памятникахъ. Столицею Хеттеевъ съ этого времени является Кархемишъ, городъ въ области верховьевъ Евфрата въ шести часахъ пути отъ рѣки. Здѣсь они вели борьбу съ Асиріянами и Сиріянами и долго отстаивали свою самостоятельность. Сначала войны кончались данями и болѣе или менѣе почетными договорами. Ихъ сравнительному благополучію помогала неустойчивость сосѣдей: то Сирія одолѣвала Асирію, то, наоборотъ, Асирія Сирію. Однако, въ VIII вѣкѣ могущество Асиріи оказалась роковымъ для Хеттеевъ. Въ 717 г. Кархемишъ былъ взятъ арміею Саргона, и послѣдній царь Кархемиша Пизири сталъ асирійскимъ плѣнникомъ. Такимъ образомъ здѣсь Хеттейское царство погибло почти одновременно съ Израильскимъ. Но часть Хеттеевъ еще въ теченіе двухъ столѣтій послѣ этого сохраняла свою самостоятельность въ Малой Азіи. Судьбу ихъ здѣсь можно прослѣдить по Геродоту и Страбону. Конецъ самостоятельнаго существованія

ихъ положилъ Крезъ, царь лидійскій, самъ вскорѣ послѣ этого потерявшій царство въ борьбѣ съ Киромъ. Съ этого времени исчезають всѣ слѣды существованія Хеттеевъ.

Вѣрованія Хеттеевъ мѣнялись не только по эпохамъ, но и по мѣстамъ ихъ жительства. Важнымъ документомъ для сужденія объ ихъ религіи служитъ договоръ Кхета-Сира съ Рамзесомъ II начертанный на серебряныхъ доскахъ. Главнымъ божествомъ Хеттеевъ былъ Сутехъ носившій многія имена и дробившійся на множество боговъ отдѣльныхъ городовъ. Весьма вѣроятно что Сутехъ былъ у Хеттеевъ богомъ солнца. Были у нихъ и женскія божества и могущественныя богини, города убѣжища, жрецы и жрицы. У Хеттеевъ было много городовъ посвященныхъ „великой богинѣ", и есть предположеніе что греческая легенда объ амазонкахъ имѣетъ свое происхожденіе въ хеттейскомъ культѣ. Амазонки были жрицами великой богини. При храмѣ который посвящали богинѣ создавали обширный институтъ вооруженныхъ жрицъ и жрецовъ-евнуховъ. Такъ было въ Команѣ и Ефесѣ, построеніе которыхъ приписывалось амазонкамъ. Когда Ефесъ попалъ въ руки Грековъ, богиню отожествили съ Артемидой, и верховный жрецъ занялъ мѣсто главной жрицы, но жрица Артемиды продолжала носить хеттейское имя пчелы и богиню продолжали представлять подъ тою формою которую усвоили ей Хеттеи. Имя богини Антараты, Астарты, Ахтарати, Греки преобразовали въ Атаргатисъ и Деркето. Были у Хеттеевъ другіе боги и между прочимъ Касіу, изъ котораго явился потомъ греческій Зевсъ Касіосъ. Всѣ области, стихіи имѣли своихъ боговъ. Какъ и у другихъ народовъ у Хеттеевъ была вѣра въ духовъ которые посылали бури и облака, жили въ моряхъ, рѣкахъ и источникахъ, на горахъ и въ лѣсахъ. Почитались небесныя свѣтила, животныя и птицы. Есть основаніе думать что въ Кархемишѣ существовалъ культъ орла и у Хеттеевъ были изображенія двухглаваго орла. Любопытно что на монетахъ турецкихъ князей владычествовавшихъ на среднемъ Евфратѣ и въ Сиріи изображался Хамса, двухглавый орелъ, и по свидѣтельству путешественниковъ онъ былъ ихъ гербомъ. Были у Хеттеевъ храмы, праздники и жертвы.

Есть основаніе утверждать что Хеттеи близко соприкасались съ Евреями и на почвѣ религіозной, но вліяніе ихъ на Евреевъ было всегда вреднымъ. Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство что вліяніе ихъ простиралось даже на европейскую Грецію: раскопки Шлимана въ Микенахъ подтверждаютъ это нагляднымъ образомъ, и для объясненія происхожденія микенской культуры теперь приходится обращаться не только къ Египтянамъ и Финикіянамъ, но и къ Хеттеямъ.

* * *

Англиканская церковь въ послѣдніе годы много разъ привлекала къ себѣ вниманіе представителей и богослововъ Православной церкви, и вопросъ о соединеніи христіанскихъ церквей возникалъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Естественно, чтобы не начинать всякій разъ рѣчь о соединеніи „съ начала“, весьма важно знать, не было ли въ прошломъ разговоровъ о томъ же, не возникало ли попытокъ къ соединенію и къ какимъ результатамъ онѣ привели. Любопытную справку въ исторіи по этимъ вопросамъ дѣлаетъ г. В. Соколовъ въ своей статьѣ: „Англиканскія попытки къ сближенію съ православной греко-русской церковью“ (*Странникъ*, май и іюль).

Въ исторіи англиканской церкви существуетъ преданіе о восточномъ происхожденіи ея даже отъ апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ. Вѣрно и то что первой твердой организаціей своей и благоустройствомъ англиканская церковь обязана Греку, архіепископу кэнтербюрійскому Ѳеодору. Но несомнѣнно и то что Римъ весьма скоро сумѣлъ поработить себѣ своею искусною и хитрою политикой только еще разцвѣтавшую жизнь англиканской церкви. Немудрено поэтому что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не было никакихъ сношеній между восточной и англиканской церквами. Даже въ эпоху борьбы между Востокомъ и Западомъ окончившейся великимъ расколомъ англиканская церковь не заявила возраженій противъ притязаній Рима и въ спорномъ пунктѣ, ученіи объ исхожденіи Св. Духа, осталась и доселѣ остается вѣрной Риму.

Тѣмъ не менѣе послѣдующія событія показали что печальный фактъ отдѣленія западной церкви отъ вселенской произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Англію. Когда пронеслась вѣсть о флорентійской уніи, Англія высказала живое участіе къ предполагавшемуся соединенію. 30 іюня 1438 года король Генрихъ VI писалъ греческому императору Іоанну Палеологу, выражая чувства радости по поводу предстоящей уніи между Востокомъ и Западомъ. Эта унія, по его словамъ, была предметомъ постоянныхъ и долгихъ желаній и только теперь наступаетъ время выразить благодарность Богу за близящееся выполненіе этихъ желаній. Генрихъ послалъ своихъ пословъ которые должны были встрѣтить и сопровождать императора въ опасномъ пути и просилъ Палеолога оказать свое содѣйствіе дѣлу уніи которая навсегда прекратитъ нежелательное раздѣленіе. Подобное же письмо Генрихъ отправилъ и патріарху константинопольскому Іосифу. Когда до Лондона донесся преждевременный слухъ о состоявшемся будто бы уже соединеніи церквей, онъ поздравилъ папу Евгенія IV въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ и обратилъ будничный день въ Лондонѣ въ пышный и торжественный праздникъ. По особо-установленному церемоніалу епископы и духовенство отпраздновали это событіе

совершивъ благодарственныя молебствія во всѣхъ соборахъ и церквахъ. Однако, радость эта оказалась преждевременной и сношенія англиканской церкви съ греческой снова замираютъ на долгое время.

Паденіе Константинополя и завоеваніе Византіи Турками заставили многихъ ученыхъ Грековъ оставить отечество и искать убѣжища въ другихъ странахъ. Слѣдствіемъ этого было то что греческій языкъ занялъ подобающее мѣсто въ западныхъ школахъ. Въ концѣ XV вѣка и въ Оксфордѣ введено было основательное изученіе греческаго языка, издана была греческая Библія и отцы Востока сдѣлались предметомъ серіознаго вниманія и изученія. Народилась, какъ выражаются англійскіе историки, „новая ученость“ которая въ последовательномъ своемъ развитіи привела къ реформаціи въ Англіи. Слѣдовало бы ожидать что реформаторы, стремясь возстановить истинное ученіе и церковную дисциплину каѳолической церкви и отвергнуть заблужденія Рима, обратятъ свой взоръ къ Востоку, именно къ той церкви которая неизмѣнно сохранила это ученіе и апостольскія преданія и традиціи. Но этого не случилось, и сношенія Англіи съ Востокомъ начались вновь подъ вліяніемъ симпатіи которую возбуждало въ Англичанахъ тяжелое положеніе греческой церкви подъ турецкимъ владычествомъ, съ цѣлію придти на помощь несчастнымъ Грекамъ. Выраженіемъ взаимныхъ симпатій служила переписка между кэнтербюрійскимъ архіепископомъ Абботомъ и знаменитымъ Кирилломъ Лукарисомъ въ началѣ XVII вѣка. Въ концѣ XVII вѣка въ Англіи даже появился кружокъ „почитателей греческой церкви“. Въ составъ членовъ этого кружка вошли многіе изъ лучшихъ богослововъ и ученыхъ того времени. Особенный интересъ къ знакомству съ ученіемъ греческой церкви возникъ благодаря спорамъ объ Евхаристіи поднятымъ во Франціи Арнольдомъ и Клодомъ. Арнольдъ отстаивая пресуществленіе въ таинствѣ Евхаристіи, ссылался въ своихъ доказательствахъ на греческую церковь и восточныхъ христіанъ какъ сохранившихъ подобное же ученіе путемъ непрерывнаго преданія отъ самихъ апостоловъ. Участіе къ этому спору высказалось въ Англіи. Естественно что для лучшаго изученія предмета требовалось войти въ болѣе близкія сношенія съ представителями греческой церкви и ознакомиться со спорнымъ ученіемъ, такъ сказать, на мѣстѣ. Отсюда центръ изученія переносится въ Костантинополь. Лицами занявшимися разрѣшеніемъ вопроса были англиканскіе священники при англійскомъ посольствѣ въ Портѣ. Плодомъ этихъ занятій было почти одновременное появленіе трехъ сочиненій о греческой церкви Ѳомы Смита, Ковеля и Павла Рикаута. Не безъ вліянія того же кружка „почитателей греческой церкви“ былъ принятъ и осуществленъ въ Англіи проектъ устройства коледжа для

образованія и воспитанія юныхъ Грековъ въ концѣ XVII столѣтія. Коледжъ открытъ былъ въ Оксфордѣ въ 1694 году. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала самимъ Грекамъ, хотя мысль посылать Грековъ для полученія образованія въ англійскіе университеты была не новой и высказана впервые въ перепискѣ Кирилла Лукариса съ Абботомъ. Съ этимъ событіемъ почти совпало посѣщеніе Англіи Неофитомъ митрополитомъ филипопольскимъ и экзархомъ всей Ѳракіи, явившимся въ Англію въ 1701 году. Въ обоихъ университетахъ Оксфордскомъ и Кэмбриджскомъ ему поднесена была высшая ученая степень доктора богословія, а лицамъ его свиты магистра богословія.

Понятно что такіе факты какъ открытіе коледжа въ Оксфордѣ, устройство особаго храма для совершенія греческаго богослуженія въ Лондонѣ, посѣщеніе Англіи греческими іерархами, не могли остаться незамѣченными и если они пробуждали чувство радости въ лицахъ искавшихъ взаимнаго общенія между греческой и англиканской церквами, то они не могли не пробуждать противоположныхъ чувствъ въ лицахъ противной партіи. Тревогу забили прежде всего въ Римѣ. Католики прекрасно понимали, какимъ важнымъ средствомъ къ общенію церквей могъ служить вновь открытый коледжъ и потому іезуиты прежде всего позаботились чтобы всѣми средствами отстранить Грековъ и такъ или иначе помѣшать имъ поступать въ оксфордскій коледжъ. Ихъ стремленіе увѣнчалось успѣхомъ: коледжъ не просуществовалъ и десяти лѣтъ. Въ 1705 году начальникъ его получилъ письмо изъ Константинополя въ которомъ высказана была глубокая благодарность англиканской церкви за ея заботы о Грекахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердое рѣшеніе патріарха не посылать болѣе юныхъ Грековъ въ Оксфордъ. Причиною этого запрещенія Грекамъ ѣздить въ Оксфордъ была безпорядочная жизнь ихъ въ Англіи. Всетаки въ Англіи не потеряли надежду на близкую возможность общенія съ греческою церковію. Къ сожалѣнію, въ то время въ самой англиканской церкви успѣлъ образоваться расколъ который оторвалъ отъ нея не мало видныхъ дѣятелей и внесъ неурядицу и смуту въ общую церковную жизнь. Это были нонъюры которые сами скоро раскололись на двѣ партіи, и вотъ одна изъ нихъ вступила въ дѣятельныя сношенія съ восточными патріархами и святѣйшимъ синодомъ русскимъ, добиваясь войти въ общеніе съ греко-русскою церковію. Эта партія получила названіе „обрядниковъ“, такъ какъ она стояла за возстановленіе смѣшенія воды съ виномъ въ Евхаристіи, за молитву за церковь воинствующую и за умершихъ, а также доказывала необходимость молитвы призыванія Св. Духа въ Евхаристіи и нѣкоторые другіе обряды первобытной церкви. Есте-

ственно что у нѣкоторыхъ „обрядниковъ“ явилась мысль войти въ общеніе и добиться признанія со стороны церкви греческой и русской. Благопріятнымъ случаемъ къ этому послужилъ пріѣздъ въ Англію архіепископа ѳиваидскаго Арсенія въ 1713 году за сборомъ пожертвованій. Составлено было посланіе патріархамъ въ которомъ излагался и проектъ соглашенія. 8 октября 1717 года нонъюры послали письмо о томъ же и русскому императору Петру. Въ 1721 году пришелъ достойный отвѣтъ восточныхъ патріарховъ въ которомъ изложено было православное ученіе. Въ слѣдующемъ году нонъюры отправили отвѣтъ патріархамъ съ новою защитою своихъ разногласій съ православною церковію, а также и письмо въ Петербургъ „достопочтенному совѣту церковныхъ дѣлъ въ Его Императорскаго Величества дворцѣ въ Петербургѣ“. Въ Россіи благопріятно отнеслись къ нонъюрамъ и, по мысли императора, предложили имъ предварительно собрать конференцію изъ двухъ англиканъ и двухъ православныхъ для выработки условій соглашенія. Между тѣмъ восточные патріархи повторили прежнее предложеніе, чтобы нонъюры согласились съ ученіемъ православной церкви во всей его полнотѣ и высказались за свободу въ обрядахъ и дисциплинѣ на основаніи единства въ вѣрѣ и ученіи. Однако, мысли Петра не суждено было осуществиться за его смертію. Но въ это время, а именно въ 1725 году, архіепископъ кэнтербюрійскій случайно узнавшій о попыткахъ нонъюровъ, выяснилъ патріарху Іерусалимскому ихъ истинное положеніе въ Англіи, и попытка ихъ осталась безрезультатной. Тѣмъ не менѣе, по взгляду г. Соколова, попытка нонъюровъ имѣетъ свое значеніе и для настоящаго времени. Дѣло въ томъ что здѣсь наглядно выразилась вся разница во взглядахъ между англиканскою и православною церквами какъ въ догматическихъ вопросахъ, такъ и въ обрядовыхъ. Кромѣ того нонъюры стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ настоящею высокоцерковническою партіей и могутъ считаться выразителями послѣдней. Слѣдовательно, и при возобновленіи сношеній англиканъ съ православнымъ Востокомъ въ XIX вѣкѣ всего естественнѣе было бы высокоцерковникамъ обратиться къ готовой уже програмѣ выработанной перепиской нонъюровъ съ патріархами и св. синодомъ. Однако, какъ видно изъ донесенія комитета который назначенъ былъ въ 1888 году „для разсмотрѣнія отношенія англиканскаго вѣроисповѣданія къ восточнымъ церквамъ“, разности въ вѣроученіи и дисциплинѣ между православнымъ Востокомъ и англиканствомъ остались неизмѣнно тѣ же которыя выставлялись нонъюрами полтораста лѣтъ тому назадъ. Здѣсь то же filioque, тотъ же догматъ объ иконопочитаніи и призываніи святыхъ и почитанія Пресвятой Дѣвы, какъ и там-

Одно несомнѣнно съ тѣхъ поръ подвинулось впередъ, это сознаніе возможности сближенія, но средства едва ли упростились.

Новости иностранной литературы.

Георгъ Брандесъ объ Андерсенѣ.

H. C. Andersen als Mensch und Märchendichter. Von Georg Brandes. (*Deutsche Rundschau*, October 1901).

Георгъ Брандесъ съ удивительнымъ мастерствомъ возсоздаетъ въ своемъ очеркѣ своеобразную фигуру одного изъ самыхъ популярныхъ европейскихъ писателей прошлаго вѣка, датскаго сказочника Андерсена. „Трудно найти другое лицо которое было бы такимъ оживленнымъ и переимчивымъ въ своихъ выраженіяхъ, какъ лицо Ганса Христіана Андерсена“, такъ начинаетъ Брандесъ свой очеркъ. „Вся воспріимчивость и чуткость его натуры сказывалась въ этой вѣчной тревогѣ, этомъ постоянномъ нервномъ подниманіи и опусканіи вѣкъ. Творческая работа мысли отражалась въ безчисленныхъ гримаскахъ его подвижныхъ чертъ, въ юморѣ освѣщавшемъ мгновенно и скрашивавшемъ все его лицо, въ измѣнчивыхъ, но всегда ясныхъ интонаціяхъ голоса въ которыхъ суровость смѣнялась шуткою. Онъ говорилъ много, но разказывалъ еще охотнѣе нежели говорилъ и еще охотнѣе читалъ свои произведенія.

Андерсенъ былъ съ дѣтства (и остался до самой смерти) бѣднымъ, беззащитнымъ, приниженнымъ сыномъ народа, возращеннымъ по милости добрыхъ людей и съ раннихъ лѣтъ привыкшимъ прибѣгать къ благодѣтелямъ, путемъ протекціи пробивая себѣ дорогу. Соотвѣтственною этому была и его манера держать себя даже въ ту пору когда онъ достигъ всемірной извѣстности и отлично выучился поддерживать свою репутацію „великаго человѣка“ заграницею, тамъ гдѣ его особенно чествовали.

Ему дѣйствительно удалось стать великимъ человѣкомъ, но человѣкомъ онъ такъ и не сдѣлался. Въ душѣ этого сына народа не было ни малѣйшаго зародыша силы духа. Съ годами ему удалось пріобрѣсти увѣренность въ себѣ главнымъ образомъ благодаря по-..ламъ расточавшимся ему заграницей, но силы воли, гражданскаго ..кества онъ былъ лишенъ окончательно. Природа не надѣлила его ..собностью къ нападенію. Никогда въ жизни не приходило ему ..мысль хотя бы на мгновеніе осмѣлиться выступить противъ силь..о за правое дѣло. Слишкомъ уже долго пришлось ему самому ..ъ бѣднякомъ нуждающимся въ любви, ласкѣ, привѣтѣ. Если онъ ..полчался противъ кого-либо, атака всегда бывала оборонитель-

нюю, при чемъ единственнымъ орудіемъ борьбы была сатира: кончикъ рапиры всегда оказывался у него притупленнымъ.

Онъ былъ мягокъ и кротокъ, легко впадалъ въ элегическое настроеніе переходившее порою въ беззавѣтное веселіе, легко поддавался обману и падокъ былъ на всякое вниманіе. Его можно было назвать человѣкомъ настроенія за его доброту и отзывчивость и человѣкомъ разсудка за его крайнюю осторожность. Много потребовалось бы времени на то чтобы разобраться во всѣхъ свойствахъ его сложной натуры. Самою выдающеюся, бросающеюся въ глаза чертою его характера было ненасытное, всепожирающее, всепоглощающее честолюбіе не измѣнявшее ему ни на минуту въ теченіе долгой его жизни и служившее источникомъ радостей и скорбей во всю эту долгую жизнь.

Брандесъ подробно останавливается на разборѣ этой коренной черты въ характерѣ Андерсена. Честолюбіе датскаго сказочника было, по словамъ его біографа, совершенно особаго рода. Стремленіе къ тому чтобы провести какія-либо свои идеи или добиться власти въ какой бы то ни было области было совершенно ему чуждымъ. Онъ стремился только къ тому чтобы его признали, или, по его собственному своеобразному выраженію, „узнали". Самъ онъ наивно признавался въ этомъ. „Я могу быть счастливымъ только при всеобщемъ поклоненіи", пишетъ онъ какъ-то. „Но стóитъ самому ничтожному человѣку отказать мнѣ въ поклоненіи, мой душевный покой тотчасъ же этимъ нарушается". Тѣмъ кто его зналъ и понималъ его самопоклоненіе не мѣшало цѣнить его хорошія качества, но людей мало знакомыхъ съ нимъ оно нерѣдко приводило въ искреннее негодованіе. Зато и смѣшно и подчасъ трогательно было видѣть, какой искренній восторгъ возбуждалъ въ немъ каждый, даже малѣйшій, успѣхъ его произведеній.

Всего дольше отказывала ему въ признаніи его собственная родина. Даже тогда, когда сказки его получили здѣсь самое широкое распространеніе, личность его продолжала оставаться предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Онъ былъ слишкомъ робокъ чтобы отвѣчать въ печати на всѣ неблагопріятные отзывы критики о немъ самомъ и его произведеніяхъ, но въ частныхъ письмахъ онъ горько жалуется на несправедливость своихъ соотечественниковъ. Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо написанное имъ въ 1843 году изъ Парижа одной изъ его знакомыхъ: „я не вижу того кто меня ненавидитъ и проклинаю того кто меня признаетъ. Изъ Даніи постоянно доходитъ сюда тотъ холодный вѣтер который леденитъ меня тамъ. Они плюютъ на меня, втаптывая меня въ грязь. Все же я художникъ такой какихъ имъ немного да

Богомъ котораго я буду просить на смертномъ одрѣ никогда больше не давать этому народу художниковъ... И хотя бы я былъ проклятъ послѣ смерти такъ же какъ теперь въ жизни, я всетаки буду повторять: въ Датчанахъ есть что-то холодное, злое, сатанинское. Это народъ нарочно созданный для сырыхъ, покрытыхъ зелеными пятнами луговъ, народъ который изгналъ Тихо-де-Браге, заключилъ въ темницу Элеонору Ульфельдъ, страна гдѣ помѣщики признали за сумашедшаго Амброзія Штуба и гдѣ многіе еще будутъ подвергаться поруганію до тѣхъ поръ пока самое имя народа не сдѣлается посмѣшищемъ для человѣчества и не войдетъ въ пословицу".

Эти взрывы досады должны были бы, казалось, заглушить въ душѣ Андерсена всякое патріотическое чувство. Ничуть не бывало! Наоборотъ, никто не воспѣвалъ Даніи такъ восторженно въ стихахъ и такъ увлекательно не умѣлъ описывать ея красоты въ прозѣ какъ именно Андерсенъ. Онъ гордился тѣмъ что онъ Датчанинъ и не менѣе того гордился тѣмъ что онъ прославилъ имя Даніи въ самыхъ отдаленныхъ странахъ.

Стремленіе Андерсена привлечь къ себѣ общее участіе и вниманіе имѣло также и свои хорошія стороны. Онъ отличался крайнею простотою въ обращеніи и съ сердечною теплотою относился ко всякому, съ кѣмъ сталкивала его судьба, будучи одинаково предупредителенъ какъ съ высшими себя, такъ и съ низшими. Брандесъ съ благодарностію вспоминаетъ о томъ какъ еще очень молодымъ, начинающимъ писателемъ онъ не разъ видѣлъ отъ Андерсена самое теплое, безкорыстное участіе. Будучи уже знаменитостію, Андерсенъ часто приходилъ къ Брандесу въ его тѣсную комнату на верхнемъ этажѣ высокаго дома, садился на единственный имѣвшійся налицо обитый кожею табуретъ и заводилъ бесѣду о занимавшихъ ихъ обоихъ литературныхъ вопросахъ. Однажды случилось что Брандесъ въ одной изъ своихъ статей упрекнулъ его за то что онъ враждебно относится ко всякой критикѣ и ко всѣмъ критикамъ, никогда не желая отдать должной справедливости тѣмъ изъ нихъ которые добросовѣстно относились къ своимъ задачамъ. Андерсенъ послѣ этой статьи пришелъ къ нему и съ трогательнымъ простодушіемъ принялся разспрашивать его объ его мнѣніи относительно своихъ произведеній. П..и этомъ онъ скромно замѣтилъ: „Вы навѣрно не особенно вы..ко цѣните мои стихи. Да я и самъ знаю что лирическая поэзія .. сущности не моя область. А всетаки неужели вы не найдете .. меня хотя нѣсколько хорошихъ стихотвореній". Затѣмъ онъ при..лся убѣждать Брандеса что онъ недостаточно оцѣнилъ нѣкоторыя ..листическія достоинства его разказовъ.

Часто бывало что онъ приходилъ къ молодому критику прямо

съ намѣреніемъ прочесть свое новое произведеніе. Въ такихъ случаяхъ онъ, усѣвшись на табуретѣ по возможности дальше отъ окна чтобы не дуло, вынималъ изъ кармана тетрадку и вмѣсто предисловія объявлялъ слушателю что уже читалъ эту вещь двумъ, тремъ знатокамъ которые пришли въ восторгъ отъ нея. Потомъ онъ принимался читать и дѣлалъ это съ такимъ непомѣрнымъ усердіемъ, такъ заботился ужимками и жестами дополнить выразительность чтенія, такъ хлопоталъ о впечатлѣніи производимомъ на одинокаго слушателя, какъ будто бы отъ мнѣнія этого послѣдняго зависѣла вполнѣ судьба читаемаго произведенія.

Склонность Андерсена придавать чрезмѣрное значеніе чужому мнѣнію особенно хорошо характеризуется однимъ эпизодомъ изъ его жизни разказаннымъ имъ самимъ въ его воспоминаніяхъ. Изъ числа униженій испытанныхъ имъ въ ранней юности особенно памятнымъ ему осталось то что священникъ ихъ мѣстечка поставилъ его въ день конфирмаціи вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми позади дѣтей мѣстной аристократіи и заставилъ его причащаться у капелана вмѣсто того чтобы причастить его самому. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и въ 1844 году, будучи гостемъ датской королевской семьи во время пребыванія ея на островѣ Фэръ, Андерсенъ случайно узнаетъ что священникъ такъ обидѣвшій его когда-то живетъ неподалеку отъ королевской резиденціи. „Я сейчасъ же просилъ короля", разказываетъ Андерсенъ, „позволить мнѣ въ видѣ исключенія поѣхать разъ съ визитомъ въ королевской каретѣ съ кучеромъ и лакеями въ красныхъ ливреяхъ. Король милостиво далъ свое согласіе, и я отправился съ визитомъ къ своему прежнему священнику въ королевскомъ экипажѣ съ кучеромъ и лакеемъ на запяткахъ и съ перьями на головахъ у лошадей. Пока я сидѣлъ у священника, экипажъ дожидался меня у подъѣзда. Вотъ какъ я отомстилъ за старую обиду".

Оцѣнка Брандесомъ литературнаго значенія Андерсена сводится къ слѣдующему.

Если принимать терминъ „духовная жизнь народа" въ узкомъ его значеніи, то будетъ казаться что Андерсенъ не имѣлъ вліянія на духовную жизнь ни своего народа, ни чужихъ. Другіе скандинавскіе писатели той же эпохи, какъ Эйленшлегеръ, Грундтвигъ, Киркегоръ, Хейбергъ, имѣли на своихъ современниковъ огромное вліяніе, тогда какъ никому не придетъ даже въ голову называть себя послѣдователемъ Андерсена. И если все же изъ только что упомянутой плеяды писателей онъ оказывается единственнымъ стяжавшимъ себѣ всемірную славу, то это зависитъ не столько отъ глубины его духа, сколько отъ силы и своеобразности его художественнаго дарованія.

Сказки его отличаются дѣтскою, примитивною простотою и задушевностію. Это было первое условіе ихъ всемірнаго распространенія. Вторымъ же была первоначально безсознательная, а затѣмъ и сознательная художественность ихъ.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ геніальности служитъ не только сила, но и постоянное напряженіе творческой способности. Большинство геніальныхъ писателей были плодовиты. Но количество созданныхъ произведеній, хотя бы и выдающихся, далеко недостаточно для того чтобы обезпечить человѣку безсмертіе. Съ тяжелою ношей почти невозможно пройти сквозь игольное ушко ведущее къ безсмертію. Гораздо прочнѣе слава хотя бы небольшихъ, но зато безусловно законченныхъ по идеѣ и по формѣ произведеній, какъ напримѣръ, *Робинзонъ Крузо*, *Манонъ Леско*. Къ числу такихъ безсмертныхъ произведеній міровой литературы принадлежитъ и сборникъ лучшихъ сказокъ Андерсена.

Андерсенъ случайно напалъ на ту форму художественнаго творчества на которой ему пришлось стяжать себѣ безсмертіе. Ему приходилось въ Копенгагенѣ посѣщать семью гдѣ были маленькія дѣти. Онъ разказывалъ имъ сказки изъ которыхъ однѣ придумывалъ самъ, другія заимствовалъ откуда-нибудь и только обрабатывалъ въ подходящей формѣ. Всего своеобразнѣе въ этихъ разказахъ была самая манера разкащика: онъ въ лицахъ изображалъ все дѣйствіе, обыкновенно вызывая этимъ въ слушателяхъ взрывы самаго шумнаго восторга. Подобно древнимъ рапсодамъ Андерсенъ устно слагалъ свои сказки и этимъ путемъ выработалъ ихъ единственный въ своемъ родѣ слогъ въ которомъ какъ на сценѣ живутъ, смѣются, плачутъ, бѣгаютъ и прыгаютъ его маленькіе герои. Слогъ этотъ получилъ права гражданства въ датской литературѣ: прямыми наслѣдниками Андерсена въ данномъ случаѣ являются Якобсенъ и Бьернстерне-Бьернсонъ.

На литературномъ поприщѣ Андерсенъ выступилъ впервые съ двумя тоненькими тетрадками сказокъ. Критика враждебно встрѣтила этотъ первый опытъ. Автора осуждали за то что „его сказки не сообщаютъ дѣтямъ полезныхъ свѣдѣній о природѣ и человѣкѣ, указывая имъ лишь нравственныя правила“. „Да и тутъ еще вопросъ“, добавлялъ критикъ, „не уравновѣшивается ли эта польза съ избыткомъ тѣмъ вредомъ который причиняется дѣтямъ переполненіемъ ихъ воображенія нелѣпыми образами“.

Другой критикъ указывалъ на то что авторъ развращаетъ воображеніе дѣтей разказывая имъ о королевской дочери которая ѣдетъ во снѣ ночью на собакѣ къ солдату, или о крестьянкѣ обѣдающей въ отсутствіе мужа вдвоемъ съ церковнымъ сторожемъ. *При-*

цеса на горошинѣ тоже признана была за вредную сказку на томъ основаніи что она внушаетъ дѣтямъ ложныя понятія, будто всѣ высокопоставленныя дамы недотроги.

Самый слогъ Андерсена составляющій одно изъ главныхъ достоинствъ его сказокъ подвергался осмѣянію и осужденію.

Въ 1862 году появились въ печати краткія замѣтки самого Андерсена о томъ, какъ складывались у него въ головѣ его сказки. Тутъ можно найти много любопытныхъ указаній. Такъ напримѣръ, основою сказки *Старый домъ* послужило то обстоятельство что маленькій сынъ поэта Юліуса Мозена подарилъ Андерсену, чтобъ онъ не чувствовалъ себя одинокимъ при своемъ отъѣздѣ, одного изъ своихъ оловянныхъ солдатиковъ. Сказка *Прыгунчикъ* обязана своимъ происхожденіемъ тому что одна дѣвочка показала Андерсену игрушку, заводнаго гуся, спросивъ его при этомъ, какъ думаетъ, можетъ ли этотъ гусь скакать такъ же высоко какъ блоха. Въ тотъ же самый день у Андерсена была уже готова сказка о *Прыгунчикѣ*.

Андерсеновскія сказки являются чисто датскими во всемъ что̀ касается картинъ природы, обстановки, характеровъ и даже міровоззрѣнія героевъ, но въ томъ что̀ касается тонкой психологіи и поэтической красоты описанія, онѣ имѣютъ общечеловѣческій характеръ. Какъ примѣръ высокаго полета художественной фантазіи сто̀итъ только вспомнить хотя бы описаніе того, какъ въ сказкѣ *Соловей* маленькая поющая подъ окномъ птичка борется съ призракомъ смерти за жизнь императора.

Но каковы бы ни были достоинства остальныхъ сказокъ Андерсена, шедевромъ его будетъ и навсегда останется его *Гадкій утенокъ*, гдѣ имъ раскрыта въ чудной поэтической формѣ вся душевная драма его собственной жизни. Онъ самъ пережилъ всѣ страданія „гадкаго утенка“, всѣ мелкіе и крупные уколы самолюбія доставшіеся на долю его маленькому герою и самъ испыталъ блаженство неожиданнаго пробужденія къ счастію, славѣ и сознанію своей мощи. Даже прозаическій конецъ сказки который такъ коробитъ читателя своимъ прославленіемъ матеріальнаго, сытаго благополучія, характеренъ для міровоззрѣнія Андерсена и, по мѣткому выраженію Брандеса, такъ же не можетъ портить общаго впечатлѣнія сказки, какъ не портитъ картины великаго мастера скромно ютящаяся въ углу ея подпись художника.

Художественный вкусъ и генiальность.

Le goût, par Victor Hugo. (*Revue de Paris*, 10 Octobre 1901).

Въ Парижѣ долженъ появиться въ самомъ непродолжительномъ времени сборникъ посмертныхъ произведенiй Виктора Гюго подъ общимъ заглавiемъ *Post-Scriptum de ma Vie*. Одна изъ имѣющихъ войти въ этотъ сборникъ статей помѣщена въ первой октябрьской книжкѣ журнала *Revue de Paris*. Она носитъ заглавiе: *Le Goût* и представляетъ попытку выяснить взаимоотношенiе между генiальностiю и художественною чуткостью.

Гюго горячо возстаетъ противъ тѣхъ теоретиковъ искусства которые утверждаютъ, будто генiальность и художественный вкусъ находятся во взаимной враждѣ или спорятъ между собою. По его мнѣнiю существуетъ особый видъ высшаго абсолютнаго художественнаго чутья, не входящiй въ узкiя рамки какой-либо формулы, но составляющiй непреложную основу искусства. Это и есть единственно вѣрный художественный вкусъ, но его зачастую лишены тѣ кто считаетъ себя спецiально призванными обучать ему другихъ.

Настоящее художественное чутье обладаетъ таинственною, волшебною силою. Имъ руководился строитель Пароенона когда придавалъ неравную толщину колоннамъ составляющимъ колонаду и намѣчалъ неравные промежутки между ними; во всякомъ другомъ случаѣ это была бы ошибка, а здѣсь это красота.

Его же указанiю слѣдуютъ: пѣвецъ Иллiады когда, вопреки закону о соблюденiи мѣры въ искусствѣ, то и дѣло посвящаетъ по шести, восьми, десяти стиховъ описанiю раны, Ювеналъ когда обнажаетъ Месалину, Рубенсъ когда въ ущербъ правдоподобности пишетъ тритоновъ и наядъ на картинѣ изображающей высадку на берегъ Марiи Медичи, Микель-Анджело когда придаетъ своимъ фигурамъ невозможный въ натурѣ изгибъ которому онѣ обязаны тѣмъ не менѣе своимъ впечатлѣнiемъ мощи, и многiе другiе.

Этимъ же высшимъ художественнымъ вкусомъ оправдываются: каламбуръ у Эсхила, гримаса у Гойа, горбъ у Эзопа, вошь у Мурильо, блоха у Вольтера, ослиная челюсть у Самсона, выколотый ...зъ у Эдипа и вырванный у Глостера, лай Гекубы, хрипъ Эвмедъ, грубости у Гомера, дикости у Шекспира, палочные удары расчаемые Скапеномъ и т. д.

Тѣ кто составляютъ правила риторики зачастую не отдаютъ ...бѣ отчета въ дѣйствительномъ значенiи употребляемыхъ им... въ: *атическая соль, класическiй вкусъ*. А попробуйте поискать ...ическую соль у Аристофана или класическiй вкусъ у Гомера.

Въ первой же изъ пѣсенъ Иліады сыплются бранныя слова: „Псоглазый, съ сердцемъ оленя!“ Это Ахилесъ обращается къ Агамемнону. Что же касается Аристофана, то стоитъ только открыть его *Lysistrata*. Значитъ ли это что у Аристофана и Гомера нѣтъ художественнаго вкуса? Наоборотъ, у нихъ все исполнено вкуса, но вкуса высокаго, неподкупнаго, проявляющагося въ красотѣ. Художественный вкусъ есть здѣсь даже въ томъ что̀ возмущаетъ, раздражаетъ насъ: онъ сохраняетъ свою неприкосновенность даже при грубыхъ, неприличныхъ выраженіяхъ. Прочтите Плавта, прочтите Горація. Необходимо чтобы была красота, въ этомъ все дѣло. Въ зависимости отъ того, есть или нѣтъ красота, этотъ свѣтъ, одни и тѣ же слова дѣлаютъ Вадэ гнуснымъ, а Аристофана великолѣпнымъ.

Несмотря на очевидность этой истины, зрители и слушатели зачастую несправедливо нападаютъ на художниковъ. Демосѳену и Аристофану не разъ шикали за иныя ихъ выраженія. Шекспиръ, Мольеръ и Бомарше бывали освистаны за свои остроты которыя признавались за безвкусицу. Таково уже свойство всякаго сборища людей независимо отъ того гдѣ оно собирается: въ сенатѣ ли, или въ театрѣ. Всякая толпа повидимому лишена дара воображенія. Этотъ великій даръ дается человѣку только въ одиночествѣ.

Иные критики, да и одни ли критики, принимаютъ способности въ которыхъ имъ отказано за добродѣтели коихъ лишенъ ближній. Такъ напримѣръ, Стэндаль, когда смѣется надъ Шатобріаномъ за его выраженіе: „la cime indéterminée des forêts“, не сознаетъ что самому ему недостаетъ пониманія красотъ природы и что онъ походитъ на глухаго который видя что пѣвица раскрыла ротъ чтобы запѣть спрашиваетъ, почему она гримасничаетъ?

Высшій художественный вкусъ который можно охарактеризовать въ общихъ чертахъ, но невозможно опредѣлить точно, является основной принадлежностію генія и недоступенъ простымъ смертнымъ.

Существуетъ высокій и низменный вкусъ. Любопытно что съ теченіемъ времени риторика извратила понятіе о прекрасномъ до того что стала называть первый плохимъ, а второй хорошимъ вкусомъ.

Высокій вкусъ есть не что иное какъ воспріятіе всякаго феномена матеріальнаго или нравственнаго съ условіемъ оставить за собою право прибавлять къ нему то что̀ воспринимающій найдетъ нужнымъ; это неподдающаяся точному опредѣленію смѣсь чрезмѣрнаго и пропорціональнаго остающаяся вѣрной истинѣ въ самыхъ крайнихъ своихъ преувеличеніяхъ; это строгое требованіе правды сохраняющее инфузоріи весь ея ничтожный и кондору весь его крупный размѣръ; это безусловность требующая отъ каждаго пред-

мета ярко выраженной реальности, прежде нежели возведетъ его въ идеалъ.

Если изъ великаго произведенія искусства изъять то что̀ можетъ въ немъ покоробить дюжиннаго человѣка, неизбѣжно будетъ чувствоваться пустота, худшій изъ всѣхъ недостатковъ. Такимъ путемъ можно Гомеровскаго Ахилеса низвести до степени Расиновскаго. Настоящій художественный вкусъ не поддается ни правиламъ, ни системѣ, но тѣмъ не менѣе съ нимъ необходимо считаться. Онъ имѣетъ всѣ права, такъ какъ могущество его безгранично.

Сознавая что надо творить вѣчно, художественный вкусъ сотворивъ боговъ творитъ чудовищъ. Онъ же будучи всемогущимъ какъ геній основу котораго онъ составляетъ, раздѣляетъ Востокъ на двѣ половины, причемъ Кавказской половинѣ даетъ точкою отправленія идеалъ, а Тибетской химеру. Отсюда два крупныя теченія въ поэзіи: представителемъ одного является Аполлонъ, представителемъ другаго драконъ. Отсюда два міровоззрѣнія въ искусствѣ противоположныя между собою какъ два полюса. На одномъ полюсѣ мы видимъ Грецію, на другомъ Китай.

При оцѣнкѣ произведеній искусства необходимо считаться съ особенностями міровоззрѣнія и темперамента каждаго отдѣльнаго художника, климата и вѣка вліявшихъ на его творчество. Надо остерегаться опрометчиво принимать за недостатокъ то что̀ нерѣдко является признакомъ своеобразной силы. Есть виды красоты не сразу доступные и поражающіе зрителя который съ перваго взгляда видитъ въ нихъ лишь темную сторону. Но вѣдь и туча можетъ быть иногда красивою. Настоящій мыслитель, когда изучаетъ генія, не болѣе смущается отдѣльными странными или случайными подробностями, нежели плывущимъ по ясному небу облакомъ.

„Когда же поймутъ,“ спрашиваетъ Гюго, „что изъ поэтовъ каждый представляетъ собою единичное цѣлое, что способности ихъ скомбинированы по особому логариѳму для каждаго ума въ отдѣльности, имѣютъ между собою внутреннюю связь, что въ глубинѣ всѣхъ этихъ существъ таится одно и то же великое невѣдомое, что въ этихъ людяхъ таится стихійная сила, что то что̀ они дѣлаютъ, они дѣлаютъ неизбѣжно помимо себя самихъ—Bien rugi, lion!—что они необходимы, что въ ихъ творчествѣ вѣетъ вѣтеръ, льетъ дождь и гремитъ громъ, такъ же какъ и въ природѣ, и что порою земля содрогается въ ихъ геніи.“

Гюго говоритъ что бываютъ произведенія которыя можно назвать излишествами красоты. Они не только освѣщаютъ, но поражаютъ подобно свѣту молніи.

При лѣни и трусости свойственныхъ человѣческой природѣ,

молнія эта можетъ быть благодѣтельна. Эти принципы настоящаго, свободнаго творчества усвоила себѣ въ литературѣ, по мнѣнію Гюго, романтическая школа состоящая поэтому въ гораздо болѣе близкомъ сродствѣ съ литературою древнею, нежели такъ-называемая ложно-класическая школа. Поэтъ разказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ:

Однажды Беранже, этотъ полу-французъ, полу-галлъ не знающій ни латыни, ни греческаго, этотъ литераторъ не имѣющій понятія о литературѣ, увидалъ на столѣ у Жуфруа Гомера; это было въ самый разгаръ политическаго движенія 1830 года. Французскій поэтъ-пѣсенникъ заинтересовался своимъ греческимъ собратомъ и попросилъ Жуфруа почитать ему изъ этой книги. Тотъ открылъ наудачу Иліаду и принялся читать вслухъ переводя подстрочно каждый стихъ. Беранже нѣкоторое время слушалъ, потомъ сразу прервалъ чтеніе: „Да вѣдь этого нѣтъ въ книгѣ,“ вскричалъ онъ. „Нѣтъ, есть,“ отвѣчалъ Жуфруа, „я перевожу буквально.“ Это было какъ разъ то мѣсто гдѣ Ахилесъ поноситъ Агамемнона. Когда чтеніе кончилось, Беранже замѣтилъ съ неопредѣленною улыбкой: „Гомеръ романтикъ.“ Приведя этотъ расказъ, Гюго замѣчаетъ:

Беранже хотѣлъ посмѣяться, посмѣяться надо всѣми и особенно надъ Гомеромъ, и безсознательно для себя изрекъ истину. Поэтъ-романтикъ и поэтъ первобытныхъ временъ—одно и то же.

То что̀ Беранже сказалъ о Гомерѣ можно сказать о Іезекіилѣ, о Плавтѣ, о Тертуліанѣ, о *Романсеро*, о *Нибелунгахъ*.

При этомъ необходима оговорка. Первобытный геній вовсе не есть принадлежность того что̀ ошибочно принято называть *первобытною эпохою*. Это геній который независимо отъ вѣка и цивилизаціи, гдѣ ему приходится вращаться, имѣетъ свой источникъ непосредственно въ природѣ и въ сердцѣ человѣческомъ. Всякій у кого есть душа и кто умѣетъ передать ее другимъ первобытенъ. Бомарше столь же первобытенъ какъ Аристофанъ. Дидро столь же первобытенъ какъ Гезіодъ. Фигаро и племянникъ Рамо прямо и непосредственно исходятъ изъ обширныхъ нѣдръ человѣчества. Тутъ нѣтъ никакого отраженія, это непосредственное творчество: жизнь взятая прямо изъ жизни.

Гюго особенно настаиваетъ на томъ что творчество можетъ быть первобытнымъ независимо отъ источника, откуда оно черпаетъ свое вдохновеніе. По его мнѣнію, Донъ-Кихотъ не менѣе примитивенъ нежели Аяксъ: одинъ бросаетъ вызовъ богамъ, другой мельницамъ, но въ нихъ обоихъ независимо отъ ихъ эпохи сказывается человѣческая природа.

Слово первобытный похоже по значенію на слово *оригинальный*,

но только имѣетъ еще свой особый оттѣнокъ. Первобытный поэтъ состоя съ человѣкомъ и природою въ непосредственномъ общеніи, никогда не прибѣгаетъ къ подражанію. „Да и къ чему“, замѣчаетъ по этому поводу Гюго, „подражать чужимъ книгамъ, другимъ поэтамъ или чему-либо созданному раньше, когда обладаешь всѣмъ что̀ можетъ создать воображеніе, когда имѣешь передъ собою весь безконечный хаосъ типовъ и чувствуешь что внутри тебя живетъ голосъ могущій повелѣть: *Fiat lux*“. Оригинальный поэтъ тѣмъ отличается отъ самобытнаго что иногда является подражателемъ. Первобытный поэтъ никогда и никому не подражаетъ. Для того чтобы быть оригинальнымъ, достаточно извѣстнаго своеобразія въ слогѣ, первобытность же коренится въ самомъ міровоззрѣніи писателя. Лафонтенъ оригиналенъ, Сервантесъ первобытенъ. Гамильтонъ оригиналенъ, Апулей первобытенъ. Всѣ первобытные умы оригинальны, оригинальные же умы не всѣ первобытны. Одинъ и тотъ же поэтъ можетъ быть въ однихъ произведеніяхъ своихъ оригинальнымъ, а въ другихъ первобытнымъ. Такъ напримѣръ. Мольеръ въ *Мизантропѣ* первобытенъ, а въ *Амфитріонѣ* только оригиналенъ. Изъ того что самобытность художника зависитъ отъ непосредственности его вдохновенія не слѣдуетъ однако заключать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что забота о формѣ должна быть исключена изъ числа задачъ истиннаго искусства. Наоборотъ, съ понятіемъ о формѣ, какъ указываетъ этимологическое происхожденіе этого слова, неразрывно связано понятіе о красотѣ.

Когда красота считается за недостатокъ, это признакъ господства мѣщанскихъ идей, и когда величіе вмѣняется въ преступленіе, это признакъ что царствуетъ мелочность. Находились люди которые утверждали что забота о слогѣ парализуетъ мысль, что форма убиваетъ идею и что красота неизбѣжно должна быть безплодною. Это грубая ошибка. Красота будучи гармоничною не можетъ быть безплодной. Форма и содержаніе такъ же нераздѣльны какъ плоть и кровь. Красота является разцвѣтомъ истины. Между формою и содержаніемъ въ дѣйствительно прекрасномъ произведеніи совпаденіе должно быть безусловно, такъ какъ первая является выраженіемъ втораго. Нагляднымъ доказательствомъ справедливости этого положенія могутъ служить: творенія Гомера, Эсхила, Данте, Шекспира и многихъ другихъ.

Геніальность есть всеобъемлющая способность воспріятія и выраженія. Геній все знаетъ, а чего не знаетъ, то отгадываетъ; чего не отгадаетъ, то выдумываетъ; чего не выдумаетъ, то создаетъ. И выдуманное имъ истинно, а созданное жизнеспособно. Ему дано великое чувство мѣры, великій методъ и способность имъ пользоваться.

Вся эта мудрость въ сочетаніи съ особаго рода безуміемъ и составляетъ геніальность. Разсужденія о несправедливости нападокъ направляемыхъ противъ генія приводятъ Гюго къ размышленіямъ объ истинномъ значеніи критики. „Критика“, говоритъ онъ, „есть вещь глубокая, недоступная людямъ посредственнымъ. Великій критикъ есть въ то же время великій философъ. Разумное поклоненіе искусству доступно лишь умамъ выдающимся; въ томъ чтобы умѣть поклоняться прекрасному заключается уже великая сила“.

Тотъ кого занимаютъ литературные вопросы, самые неисчерпаемые изъ всѣхъ потому что они касаются живаго слова, тотъ кто изслѣдуетъ метафизику искусства, кто живетъ въ близкомъ общеніи съ умственными феноменами, неизбѣжно долженъ задавать себѣ вопросъ связанный съ глубочайшею тайною творчества. Каково мѣрило совершенства для того чтобы быть великимъ поэтомъ? И онъ неизбѣжно приходитъ къ заключенію что совершенства на землѣ нѣтъ и что недостатки составляютъ принадлежность геніальности.

Въ заключеніе статьи Гюго даетъ опредѣленіе взаимнаго соотношенія между художественнымъ вкусомъ и геніальностью.

„Между художественнымъ вкусомъ и геніальностью“, говоритъ онъ, „не можетъ быть вражды. Нельзя себѣ представить выдумки болѣе дикой нежели эта борьба одной музы съ другою. Въ искусствѣ нѣтъ ничего подобнаго. Въ немъ все гармонія, даже дисонансы.

„Художественный вкусъ подобно геніальности имѣетъ божественное происхожденіе. Геніальность это захватъ, вкусъ это выборъ. Мощная длань захватываетъ свою добычу цѣликомъ и лишь затѣмъ зоркое око дѣлаетъ разцѣнку захваченнаго. Въ этой разцѣнкѣ добычи и сказывается вкусъ. Всякій изъ геніевъ производитъ эту работу по-своему. Даже эпическіе поэты не всегда сходятся другъ съ другомъ въ этой области. Разцѣнка Гомера разнится отъ разцѣнки Раблэ. Иногда случается что то что̀ отброшено однимъ тщательно сохраняется другимъ. Каждый изъ нихъ знаетъ что̀ дѣлаетъ, но поручиться за свои дѣйствія впредь ни одинъ изъ нихъ не можетъ... Искусство подобно пламени имѣетъ свойство очищать то къ чему прикасается. Бросьте въ искусство какъ въ огонь яды, нечистоты, ржавчину, кислоты, мышьякъ, мѣдную окись, пропустите лучи отъ этого сплава сквозь призму или сквозь поэзію, и вы получите дивной красоты спектры, и уродливое станетъ великимъ, и зло обратится въ красоту. Что̀ всего удивительнѣе и чудеснѣе, зло войдетъ въ красоту и преобразится въ ней, ибо красота есть не что̀ иное какъ тотъ священный свѣтъ которымъ свѣтится добро.

„Въ художественномъ вкусѣ, такъ же какъ въ геніальности, есть

частица безконечнаго. Художественный вкусъ, эта вторая совѣсть дающаяся въ удѣлъ только поэтамъ и являющаяся такимъ же свѣтлымъ даромъ какъ интуитивное чувство мѣры, исходитъ наряду съ вдохновеніемъ отъ грозной, невѣдомой силы.

„Геніальность и художественный вкусъ обладаютъ единствомъ въ абсолютности и точкою ихъ соприкосновенія служитъ красота“.

Выработка слога у учениковъ въ средней школѣ.

Verdirbt die Schule den Stil, von Professor Dr. H. Schiller. (*Deutsche Revue*, Oktober 1901).

Статья професора Шиллера является отвѣтомъ на часто раздающіяся за послѣднее время въ Германіи нареканія на среднюю школу за то что она портитъ слогъ своихъ воспитанниковъ вмѣсто того чтобы вырабатывать его. Признавая вполнѣ справедливость этихъ нареканій, авторъ статьи старается доказать что въ указанномъ недостаткѣ виноваты не столько сами учащіе или учащіеся, сколько учебная система преобразованной на новый ладъ школы.

По его мнѣнію, нынѣшняя педагогія дѣлаетъ большую ошибку, когда старается выработать у учениковъ слогъ тѣмъ что заставляетъ ихъ читать какъ можно больше на разныхъ языкахъ. Въ юномъ возрастѣ излишнее обиліе чтенія, даже тогда когда читаются исключительно хорошія произведенія, только вредитъ слогу. Тутъ должно быть обращено вниманіе не на то, сколько прочтутъ, а на то, какъ читаютъ. Учениковъ слѣдуетъ пріучать къ медленному, вдумчивому и сознательному чтенію. Именно эта забота совершенно чужда нынѣшней средней школѣ въ Германіи.

Порчѣ слога, какъ ни страннымъ это можетъ показаться сначала, безспорно много способствуетъ преподаваніе древнихъ и новыхъ языковъ по принятому за послѣднее время практическому методу. Новымъ языкамъ ученики обучаются главнымъ образомъ со словъ, причемъ на граматику, синтаксисъ и сознательную заботу о правильности оборотовъ рѣчи не обращается никакого вниманія. Тутъ исключительно работа памяти. Еще хуже обстоитъ дѣло съ древними языками. Вся цѣль школы направлена здѣсь къ тому чтобы научить воспитанниковъ читать и понимать прочитанное. Въ прежнее время, когда требовались переводы съ роднаго языка на латинскій, учащимся приходилось постоянно работать надъ слогомъ чужаго языка, и эта работа незамѣтно для нихъ самихъ пріучала ихъ къ умѣлому обращенію и со своей собственною живою рѣчью. Теперь же тре-

буется только возможно точная передача латинскаго или греческаго текста на нѣмецкій языкъ, при чемъ достоинство перевода ставится въ прямую зависимость отъ близости къ подлиннику. Большинство учениковъ не даютъ себѣ даже труда продѣлать эту работу, предпочитая въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ помощи подстрочника. Но даже и наиболѣе добросовѣстные юноши много ли выносятъ пользы отъ этого занятія! Инымъ оно прямо приноситъ зачастую болѣе вредъ нежели пользу въ томъ смыслѣ что отучаетъ ихъ отъ умѣнія правильно выражаться на родномъ языкѣ. Предоставленные самимъ себѣ, не пріученные ни къ какой работѣ надъ слогомъ, они нанизываютъ одно на другое нѣмецкія слова служащія для буквальнаго перевода латинскаго текста, заимствуя у него также и его конструкцію независимо отъ того, пригодна она или нѣтъ. Результатомъ такой работы является непониманіе духа чужаго языка и систематическая отвычка правильно выражаться на собственномъ.

Всѣ эти недостатки и пробѣлы приходится восполнять на урокахъ роднаго языка, но это далеко не всегда удается. Педагоги обыкновенно впадаютъ здѣсь въ одну изъ двухъ крайностей одинаково нежелательныхъ. Болѣе даровитые учителя пренебрегаютъ письменными изложеніями прочитаннаго или объясненнаго въ классѣ и стараются задавать ученикамъ такія темы которыя бы заставили ихъ мыслить самостоятельно. Темы эти бо̀льшею частію имѣютъ отвлеченный характеръ и либо касаются области эстетики (напримѣръ: философскіе элементы въ поэзіи Шиллера), либо облечены въ форму изреченія заимствованнаго у кого-либо изъ извѣстныхъ авторовъ. И подобныя темы даются юношамъ не привыкшимъ къ правильному мышленію и зачастую не имѣющимъ даже понятія о томъ предметѣ по которому должны высказать свое мнѣніе. Что̀ же имъ остается инаго кромѣ того чтобы за недостаткомъ мыслей пытаться замѣнить таковыя словами? Такимъ образомъ выходитъ что школа сама пріучаетъ воспитанниковъ ко фразерству, пустословію и лжи. Не болѣе удаченъ пріемъ другихъ болѣе скромныхъ педагоговъ довольствующихся тѣмъ чтобы заставлять учениковъ писать сочиненія по заранѣе данному плану съ точнымъ указаніемъ того, какъ слѣдуетъ разработать каждый изъ пунктовъ упомянутыхъ въ этомъ планѣ. Эта работа по шаблону дѣлается почти [illegible] чески и опять не можетъ никоимъ образомъ способствовать выр[illegible] слога.

Такимъ образомъ выходитъ что школа, какъ бы ни был[illegible] чены методы преподаванія, какъ бы ни старались вдохнуть [illegible] живую душу, остается мертва если въ ней нѣтъ дѣйствител[illegible] ваго начала настоящаго труда, нѣтъ гимнастики ума необ[illegible]

для равномѣрнаго развитія и укрѣпленія всѣхъ умственныхъ силъ въ юномъ возрастѣ.

Японская женщина.

La femme japonaise, par J. Hitomi. (*La Revue,* 15 Octobre 1901).

Японскій публицистъ Хитоми предпринимаетъ цѣлый рядъ очерковъ объ эволюціи современной Японіи которые будутъ помѣщены въ ближайшихъ книжкахъ французскаго журнала *La Revue* (прежней *Revue des revues*). Первый изъ этихъ очерковъ, посвященный характеристикѣ современной японской женщины, появился во второй октябрьской книжкѣ этого журнала, откуда и заимствуемъ его содержаніе.

Японки почти всѣ маленькаго роста. Онѣ рѣдко бываютъ выше четырехъ съ половиною футовъ, а ростъ выше пяти футовъ считается среди нихъ даже за недостатокъ. Къ старости онѣ почти не полнѣютъ и на всю жизнь сохраняютъ полудѣтскую хрупкость формъ и ребяческое выраженіе лица. Растутъ же онѣ бо̀льшею частію до восемнадцати или девятнадцати лѣтъ.

Въ Японіи не рѣдкость встрѣтить женщинъ съ очень бѣлымъ цвѣтомъ лица слегка окрашеннымъ румянцемъ. Такой цвѣтъ лица очень цѣнится. Есть даже японская пословица: „Бѣлая кожа скроетъ семь бѣдъ“. Къ сожалѣнію, красота эта непрочна и скоро вянетъ. Большинство Японокъ замѣняетъ въ данномъ случаѣ искусствомъ то, чего лишаетъ ихъ природа. Бѣлила и румяна здѣсь въ большомъ ходу даже среди самыхъ молоденькихъ дѣвушекъ. Искусство это доведено до высокой степени совершенства. Умѣніе бѣлиться и румяниться такъ чтобы цвѣтъ лица казался естественнымъ входитъ въ програму хорошаго воспитанія въ высшихъ классахъ народа. „Тонко набѣленная“ является лестнымъ эпитетомъ для всякой дѣвушки.

За очень рѣдкими исключеніями всѣ Японки брюнетки, и чѣмъ чернѣе цвѣтъ волосъ, тѣмъ онъ больше цѣнится. Посѣдѣть считается большимъ несчастіемъ. Зубы у Японокъ великолѣпны. Прежде существовалъ обычай красить ихъ у замужнихъ женщинъ въ черный цвѣтъ, но теперь это почти вышло изъ употребленія, такъ же какъ бритье бровей бывшее прежде обязательнымъ для каждой женщины когда она становилась матерью.

Японки не носятъ корсета, а держаться прямо у нихъ считается за признакъ высокомѣрія, такъ что онѣ съ дѣтства пріучаются хо-

дить и сидѣть согнувшись, нарушая элементарныя съ точки зрѣнія Европейцевъ правила красоты и гигіены. Походка у нихъ медленная и лѣнивая, чему много способствуетъ необычайно длинная одежда и неудобная деревянная обувь. Впрочемъ, медленность походки вызывается также и требованіями этикета согласно которымъ женщина должна имѣть спокойныя, тихія манеры и избѣгать всякихъ быстрыхъ движеній.

Все воспитаніе Японки направлено къ тому чтобы выработать у нея спокойный, кроткій нравъ. Въ дѣтствѣ она обыкновенно довольно жива и очень плаксива. Это отличительная черта маленькихъ японскихъ дѣвочекъ. Годамъ къ 13—14 онѣ отучаются плакать и привыкаютъ смѣяться радостно и звонко изъ-за всякаго хотя бы самаго пустяшнаго повода. Разцвѣтъ ихъ красоты и веселія наступаетъ къ 16 или 17 годамъ: въ этомъ возрастѣ онѣ особенно очаровательны. Съ годами онѣ становятся сдержаннѣе, но нравъ ихъ остается до старости открытымъ и уживчивымъ.

Женщина средняго класса обязана по обычаю сама служить мужу, складывать его платье, чистить шляпу и подавать ему саке (японское вино) за обѣдомъ. Когда мужъ уходитъ изъ дома, жена обязана проводить его до двери и встрѣтить при возвращеніи. По улицѣ, если они идутъ вмѣстѣ, мужъ шествуетъ впереди, жена слѣдуетъ за нимъ. Теперь входитъ мало-по-малу въ обычай идти рядомъ, но подъ-руку никто почти не ходитъ, такъ какъ это возбуждаетъ насмѣшки.

Японки вообще очень вѣрныя жены и хорошія матери. Ровный характеръ дѣлаетъ ихъ отличными воспитательницами. Если Японкѣ случается овдовѣть, она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выходитъ замужъ, предпочитая посвятить себя всецѣло воспитанію дѣтей.

По закону замужняя женщина лишена въ Японіи всякихъ правъ, но на практикѣ она въ рабочемъ классѣ занимаетъ положеніе совершенно равное положенію мущины, такъ какъ зачастую зарабатываетъ вмѣстѣ съ нимъ своимъ трудомъ хлѣбъ для семьи. Къ труду Японки вообще очень способны. Среди нихъ есть уже въ настоящее время много выдающихся преподавательницъ, романистокъ и художницъ. Изящныя рукодѣлія также даются имъ легко. Кромѣ того въ настоящее время въ Японіи есть уже много женщинъ занимающихъ мѣста конторщицъ, телефонистокъ и служащихъ въ почтовыхъ конторахъ, гдѣ ихъ акуратность и усердіе цѣнятся очень высоко.

Президентъ Рузвельтъ какъ публицистъ.

Le Président Roosevelt, d'après son oeuvre littéraire, par Edouard Rod. (*Correspondant*, 25 octobre 1901).

Нынѣшній президентъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ является типичнымъ представителемъ идеи имперіализма въ томъ видѣ какъ понимаютъ ее его соотечественники. Съ этой стороны особенно интересна статья Эдуарда Рода посвященная характеристикѣ публицистической дѣятельности нынѣшняго главы Сѣвероамериканской республики. Президенту Рузвельту въ настоящее время сорокъ три года. Жизнь его богата всевозможными перемѣнами и приключеніями. По окончаніи курса наукъ въ Гарвардскомъ университетѣ онъ былъ сначала депутатомъ Альбани, затѣмъ послѣдовательно: ранчманомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ 1886 году кандидатомъ въ мэры города Нью-Іорка, членомъ комисіи Civil Service, начальникомъ департамента полиціи въ Нью-Іоркѣ, помощникомъ статсъ-секретаря въ морскомъ министерствѣ, командиромъ полка Rough-Riders имъ самимъ сформированнаго во время Кубинской войны, губернаторомъ штата Нью-Іоркъ по заключеніи мира, вице-президентомъ въ прошломъ году и наконецъ сталъ случайно президентомъ въ нынѣшнемъ.

При всѣхъ своихъ разнообразныхъ занятіяхъ онъ находилъ время заниматься публицистикой и сочиненія его представляютъ нѣсколько томовъ самаго разнообразнаго содержанія въ которыхъ ярко отразились личность и міровоззрѣніе ихъ автора. По своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежитъ къ прогресивной партіи „людей Запада", какъ ихъ называютъ въ Америкѣ, гдѣ съ каждымъ годомъ вліяніе ихъ становится значительнѣе. Рузвельтъ является краснорѣчивымъ поборникомъ американизма сущность котораго отлично опредѣляется фразою сказанною другимъ виднымъ приверженцемъ той же партіи Хилемъ: „*Жизнь есть динамизмъ*".

Произведенія Рузвельта Родъ дѣлитъ на три категоріи. Къ первой принадлежатъ описанія охотъ и жизни въ ранчѣ. Нынѣшній президентъ страстный охотникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его охотничьихъ казахъ виденъ любитель красотъ природы и тонкій знатокъ нравъ тѣхъ животныхъ съ которыми ему приходилось встрѣчаться степи и въ лѣсу. У него можно найти также превосходное бражевіе типовъ cowboys и ranchmen съ ихъ безконечною удалью, агою, рѣшимостью и прямотой. Они пользуются полнымъ сочувіемъ Рузвельта за эти качества которыя очевидно цѣнятся имъ пе всего, и онъ охотно снисходитъ къ ихъ маленькимъ погрѣш-

ностямъ въ видѣ угона чужаго скота или какого-нибудь нечаяннаго убійства. Къ тому же разряду смѣльчаковъ принадлежатъ и находившіеся подъ его командою во время Кубинской войны Rough-Riders. Войну эту, по его собственному признанію, онъ предвидѣлъ задолго и желалъ ея, находя что необходимо „изгнать Испанцевъ изъ западнаго полушарія". Ему принадлежитъ дѣятельное участіе въ агитаціи за войну, и когда война началась, онъ вопреки совѣтамъ всѣхъ окружающихъ оставилъ занимаемую дотолѣ должность и вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, военнымъ врачемъ Леонардомъ Вудомъ, принялся набирать полки, обучаясь въ то же время самъ военному ремеслу. Эти приготовленія къ войнѣ и самая война увлекательно описаны имъ въ его книгѣ: *Rough-Riders*. Рузвельтъ и Вудъ сформировали свой полкъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Тутъ можно было встрѣтить и студентовъ которые ѣдучи на войну спорили о филологическихъ вопросахъ или цитовали въ пылу битвы стихи Уитмана, и членовъ людныхъ Бостонскихъ и Нью-Іоркскихъ клубовъ, и агентовъ Нью-Іоркской полиціи, и чемпіоновъ игры въ тенисъ и въ foot ball, и протестанскихъ пасторовъ, и особенно много cowboys, охотниковъ и бывшихъ искателей золота, и наконецъ просто бандитовъ. Надо было много энергіи чтобы въ короткое время обучить дисциплинѣ эту пеструю толпу, но начальники удачно справились съ этимъ дѣломъ и по пути на островъ Кубу Рузвельтъ могъ уже спокойно сидѣть и читать книгу Демолена *La supériorité des Anglo-Saxons* не боясь что чтенію его помѣшаютъ безпорядки въ полку. Вся исторія похода день-за-день подробно и точно разказана Рузвельтомъ, который даетъ также рядъ блестящихъ и мѣткихъ характеристикъ отдѣльныхъ личностей заявившихъ себя выдающимися подвигами личной храбрости. Для характеристики политическихъ убѣжденій самого автора особенно важна заключительная глава книги, гдѣ говорится о настроеніи американскаго народа въ періодъ времени тотчасъ по окончаніи войны. Тутъ республика Соединенныхъ Штатовъ впервые почувствовала себя военною державою, и патріотизмъ сыновъ ея принялъ сразу воинственный оттѣнокъ. Настроеніе это очень ярко отразилось въ заключительныхъ страницахъ книги Рузвельта. Имъ же проникнуты всѣ историческіе труды его составляющіе вторую категорію его произведеній. Въ своей Исторіи морской войны 1812 года написанной тогда когда автору не было еще двадцати-пяти лѣтъ, Рузвельтъ мечтаетъ уже о коренномъ преобразованіи морскихъ и военныхъ силъ своей родины и ищетъ „практическихъ уроковъ военнаго дѣла". Что это не были только юношескія мечты, доказывается хотя бы тѣмъ что пятнадцать лѣтъ спустя, служа въ морскомъ ми-

нистерствѣ, Рузвельтъ высказываетъ точь-въ-точь тѣ же мысли какія были имъ положены въ основу давно написанной имъ книги. „Миръ можетъ явиться въ образѣ богини лишь при томъ условіи, если богиня будетъ имѣть при себѣ мечъ“, говорилъ онъ въ своей рѣчи произнесенной имъ въ іюнѣ 1897 года. „Трусъ не могущій сражаться, и близорукій эгоистъ, и безумецъ не желающій принять мѣры чтобы быть въ состояніи бороться должны быть поставлены на одну доску... Нѣтъ сомнѣнія въ томъ что намъ нуженъ первоклассный флотъ. Также несомнѣнно то что флотъ этотъ долженъ служить не для одной защиты“...

Ту же мысль о необходимости упрочивать могущество государствъ путемъ войнъ онъ проводитъ въ своемъ историческомъ очеркѣ о завоеваніи Западной Америки и вытѣсненіи оттуда Индѣйцевъ и въ своей біографіи Кромвеля являющагося въ его глазахъ образцомъ государственнаго человѣка который не долженъ останавливаться ни передъ какими требованіями нравственнаго закона въ стремленіи къ благу своей родины.

Упомянутыя книги даютъ въ общихъ чертахъ понятіе о политическихъ убѣжденіяхъ нынѣшняго президента Соединенныхъ Штатовъ. Но въ нихъ эти убѣжденія высказываются лишь теоретически.

О примѣненіи же на практикѣ своихъ идей Рузвельтъ подробно говоритъ въ двухъ сборникахъ статей озаглавленныхъ: *American ideals—Administration-Civil-service*, гдѣ вполнѣ выказывается его темпераментъ бойца.

„Замѣчено уже не разъ“, говоритъ Родъ, „что люди дѣла суть не тѣ кто обладаютъ многочисленными и сложными идеями, а тѣ у кого идеи немногочисленны и просты. Вотъ почему на практикѣ вліяніе философовъ сводится почти къ нулю, тогда какъ вліяніе реформаторовъ, нерѣдко невѣжественныхъ, бываетъ огромно. Даже въ области чисто-умственной люди которыхъ слушаютъ больше всего, къ добру или нѣтъ безразлично, повторяютъ всего одну или двѣ мысли и внушаютъ ихъ окружающимъ силою своего краснорѣчія или убѣжденности“.

Къ числу этихъ-то людей дѣла принадлежитъ Рузвельтъ. Онъ обладаетъ необходимымъ для успѣха оптимистическимъ взглядомъ на будущность своего народа, увѣренностію въ его силѣ и мощи и убѣжденіемъ что Америка, выступая на поприще міровой исторіи съ совершенно свѣжими, нетронутыми еще силами, тѣмъ самымъ заранѣе обезпечиваетъ себѣ побѣду надъ народами истомившимися въ долгой борьбѣ за существованіе. Даже идея отечества имѣетъ у него въ данномъ случаѣ совершенно особый жестокій оттѣнокъ. Онъ считаетъ за сентиментальность всякую привязанность человѣка къ

родному дому, къ родной странѣ, видитъ патріотизмъ исключительно въ готовности принести въ жертву себя и все свое и чужое настоящему и будущему величію родины. И такъ же какъ настоящими героями онъ считаетъ только героевъ-завоевателей отличившихся на полѣ брани, онъ признаетъ настоящимъ патріотомъ лишь того кто принесъ или готовъ принести въ жертву родинѣ все до нравственныхъ убѣжденій включительно. Оправдываетъ его въ данномъ случаѣ одно то что самъ онъ, хотя является патріотомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, до сихъ поръ на практикѣ не сдѣлалъ никакого поступка, гдѣ политическія убѣжденія требовали бы отрицанія элементарныхъ правилъ этики. Случайность это или нѣтъ, покажетъ будущее.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Земство и народное образованіе*.

I.

Есть старые и вѣчно юные вопросы. Къ числу ихъ безспорно принадлежитъ и вопросъ чтó нужно раньше странѣ: поднятіе экономическаго благосостоянія, или народное образованіе? Многіе готовы склониться въ пользу образованія и говорятъ что безъ него невозможно экономическое развитіе страны. Мысль повидимому совершенно справедливая. Въ самомъ дѣлѣ лишенный необходимыхъ знаній, даже безграмотный человѣкъ, какія въ состояніи онъ придумать средства для расширенія источниковъ своего дохода? Итакъ образованіе должно предшествовать улучшенію экономическихъ условій существованія. Другой вопросъ: осуществимо ли это на практикѣ?

Для того чтобы учиться нужно прежде всего обладать необходимымъ для этого досугомъ, нужно чтобы ребенокъ школьнаго возраста не являлся въ домашнемъ быту необходимою рабочей силой безъ которой нельзя обойтись. Разъ этого необходимаго условія не существуетъ, все школьное дѣло оказывается воздвигнутымъ на нескѣ, не имѣющимъ подъ собою никакого прочнаго фундамента. И нужно сознаться что неумолимая дѣйствительность самымъ безпощаднымъ образомъ подтверждаетъ этотъ выводъ. По статистическимъ даннымъ собраннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1898 году въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ было 1.928.042 учащихся изъ которыхъ 9,9% окончили курсъ, а 22,2% выбыли изъ школъ до окончанія курса, говоря болѣе простымъ языкомъ, это значитъ что только одна треть поступающихъ оканчиваетъ курсъ, а двѣ трети бросаютъ училище до окончанія его. Фактъ въ высшей степени поучительный. Онъ съ безспорною ясностію доказываетъ

*) Министерство Народнаго Просвѣщенія. Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи. Выпускъ II. Спб. 1900. стр. XXI.

что еслибы нашимъ земствамъ удалось осуществить свое намѣреніе и ввести въ Россіи всеобщее обученіе, то двѣ трети поступающихъ въ сельскія одноклассныя училища все же бросали бы ихъ до окончанія курса, и Россія попрежнему осталась бы одною изъ самыхъ безграмотныхъ странъ въ мірѣ. Выводъ нѣсколько неожиданный, заставляющій глубоко задуматься.

Интересно прослѣдить какая судьба постигаетъ и эту одну треть учениковъ оканчивающихъ курсъ начальной народной школы. Стоитъ взять любой нумеръ газеты и въ немъ навѣрно натолкнешься на статью доказывающую необходимость у насъ широкаго развитія внѣшкольнаго образованія въ формѣ устройства земскихъ книжныхъ складовъ, библіотекъ, читаленъ и т. д. Спросите, зачѣмъ это нужно? и вы получите слѣдующій отвѣтъ: вынесенная изъ школы грамотность скоро забывается, люди разучиваются читать и писать. И это дѣйствительно не фраза, не вымыселъ. Каждый призывъ новобранцевъ на военную службу обнаруживаетъ подобныхъ людей въ весьма значительномъ количествѣ и поднимаетъ вопросъ *о рецидивахъ безграмотности*. Что это очень печальное явленіе, никто конечно оспаривать не будетъ. Но чѣмъ же оно вызывается? Пора уже смѣло и прямо посмотрѣть на это дѣло и безпристрастно отвѣтить на поставленный нами вопросъ.

Нѣтъ библіотекъ, читалень и книжныхъ складовъ. Да развѣ это отвѣтъ? Развѣ существуютъ у насъ какія-нибудь учебныя мастерскія, гдѣ бы слесаря, сапожники или кузнецы практиковались отъ времени до времени въ своемъ ремеслѣ? Такихъ мастерскихъ нѣтъ, а ремесла всетаки не забываются, да и не могутъ забыться, потому что человѣкъ каждый день примѣняетъ къ дѣлу пріобрѣтенныя ранѣе знанія. Почему же впадаютъ въ рецидивы безграмотности? Только потому что при нынѣшнихъ условіяхъ деревенской жизни примѣнить ее рѣшительно не къ чему. Отсюда прямой выводъ что для очень многихъ людей она не является до сихъ поръ необходимостію. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ учить человѣка только для того чтобы онъ читалъ книжки изъ земской библіотеки или земскаго склада, нужна же для ученія какая-нибудь болѣе серіозная, болѣе глубокая побудительная причина. Такою причиною у насъ и выставляется поднятіе экономическаго уровня путемъ образованія. Но средство оказывается совершенно несоотвѣтствующимъ цѣли, отнюдь не помогающимъ достиженію ея.

Да, какъ оно приведетъ къ этому? Правда, грамотный крестьянинъ можетъ вырваться изъ своей среды, пойти въ прикащики, въ писаря или еще куда-нибудь. Но неужели это и есть желательный исходъ?

Нѣтъ, на него всѣ привыкли указывать какъ на печальное, въ высшей степени нежелательное явленіе. Чтó же можетъ сдѣлать еще грамотный крестьянинъ? Заняться какимъ-нибудь мастерствомъ дающимъ подспорный заработокъ? Но для этого нужны спеціальныя знанія, нужно умѣніе, нуженъ навыкъ котораго начальная школа не даетъ и дать не можетъ? Улучшить свое хозяйство, усовершенствовать пріемы земледѣлія? Но и для этого необходимы, во-первыхъ, спеціальныя же знанія, а во-вторыхъ, хозяйственная свобода которой не можетъ быть при существующемъ у насъ общинномъ землепользованіи, когда грамотный долженъ вести свое хозяйство такъ же какъ неграмотный, когда онъ никакихъ хозяйственныхъ нововведеній дѣлать не можетъ безъ согласія большинства своихъ односельчанъ.

Что уровень народнаго образованія имѣетъ вліяніе на степень экономическаго благосостоянія населенія, никто никогда не отрицалъ и отрицать не думаетъ. Но брать этотъ одинъ факторъ забывая о всѣхъ другихъ нельзя. Нельзя потому что кромѣ безплодной затраты милліоновъ народныхъ денегъ это рѣшительно ни къ чему повести не можетъ.

Къ сожалѣнію, этой простой истины наши земства до сихъ поръ понять не могутъ и съ упорствомъ достойнымъ лучшей участи продолжаютъ свою одностороннюю дѣятельность. Къ какимъ она приводитъ результатамъ, наглядно могутъ показать цифры приводимыя въ слѣдующей главѣ.

II.

Департаментъ Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ, по даннымъ подлинныхъ земскихъ смѣтъ и приложеній къ нимъ, недавно разработалъ сводъ земскихъ бюджетовъ на 1900 годъ по 34 губерніямъ въ которыхъ введены земскія учрежденія. Главнѣйшіе выводы изъ этихъ данныхъ о современномъ положеніи земскаго хозяйства приведены въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, откуда мы и воспользуемся нѣкоторыми свѣдѣніями.

Общій по 34 губерніямъ сводъ земскихъ бюджетовъ по смѣтнымъ балансамъ на 1900 годъ, читаемъ мы въ указанномъ изданіи, выразился въ суммѣ свыше 96 мил. рублей: по доходамъ 96,05 и по расходамъ 96,18 м. р. Но такъ какъ въ этихъ суммахъ заключаются цифры 7,404 т. р. по доходамъ и 8,085 по расходамъ разныхъ „переходящихъ“ статей (то-есть, такихъ которыя, не имѣя прямаго назначенія для удовлетворенія какой-либо дѣйствительной потребности извѣстнаго земства, служатъ лишь цѣлямъ бухгалтерскаго счета и сохраненія баланса въ земскомъ бюджетѣ), то общую

совокупность дѣйствительныхъ земскихъ потребностей даннаго года слѣдуетъ считать опредѣлившейся по смѣтамъ собственно въ размѣрѣ свыше 88 мил. руб., 88,642 т. р. по доходамъ и 88,095 т. р. по расходамъ.

Сопоставляя земскіе бюджеты на 1900 годъ съ бюджетами на 1895 годъ, *Вѣстникъ Финансовъ* приходитъ къ выводу что за послѣднее пятилѣтіе земскіе бюджеты возрасли свыше чѣмъ на 22 мил. рублей, увеличиваясь ежегодно на сумму около $4^1/_2$ м. р. или почти на 7%. Изъ 88 миліоновъ рублей на народное образованіе земствами тратится 15.358 т. р. или $17^1/_2$% общаго по 34 губерніямъ бюджета. Въ 1895 году расходы эти занимали третье мѣсто и выражались цифрою въ 9.327 т. р. (14,2% общаго бюджета). Теперь эти расходы занимаютъ уже второе мѣсто и вѣроятно не далеко уже то время, когда они займутъ первое. По крайней мѣрѣ судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, Московское уѣздное земство уже и сдѣлало это, назначивъ 208 т. р. на народное образованіе, 173 т. р. на медицинскую часть, 58 т. р. на содержаніе земскаго управленія, 40 т. р. на дорожное дѣло.

Но возвратимся къ земскимъ бюджетамъ. За пятилѣтіе земскіе расходы на народное образованіе возрасли на 6.032 т. р., что составляетъ въ среднемъ увеличеніе на 1.206 т. р. въ годъ. Говоря другими словами, расходы на народное образованіе растутъ вдвое скорѣе общихъ земскихъ расходовъ.

Ростъ этихъ расходовъ, говоритъ *Вѣстникъ Финансовъ*, происходилъ усиленно по всѣмъ районамъ, нѣсколько отставая только въ губерніяхъ малороссійскихъ, гдѣ ежегодныя издержки на народное образованіе увеличивались лишь на 10%; особенно же усиленно производились онѣ въ южномъ (16%) и среднепромышленномъ (15%) районахъ. Ближе всего къ указаннымъ районамъ подходитъ по размѣру роста (13%) районъ восточный, однако по долѣ которую издержки на образованіе занимаютъ въ общемъ бюджетѣ, районъ этотъ выступаетъ теперь противъ всѣхъ остальныхъ даже еще болѣе чѣмъ въ 1895 году, затрачивая 21,2%, то-есть, болѣе одной пятой части всего своего бюджета.

Нѣкоторыя изъ земскихъ губерній развили свою дѣятельность по народному образованію съ особымъ напряженіемъ; такъ напримѣръ, Екатеринославская губернія увеличивала свои расходы ежегодно на 32% сравнительно съ затратами въ 1895 году, Курская на 25%, Владимірская и Вятская на 19%, Московская и Олонецкая на 18%. Медленнѣе всего росли эти расходы въ губерніяхъ: Тульской и Новгородской на 8%, Пензенской и Казанской на 6%, Рязанской и Калужской на 5%.

По величинѣ абсолютныхъ издержекъ на дѣло народнаго образованія, читаемъ мы далѣе, выдѣляются губерніи: Вятская 1168 т. р., Пермская 1028 т. р., Московская 886 т. р. и Полтавская 778 т. р. Совокупность расходовъ этихъ четырехъ губерній составляетъ *четвертую часть всѣхъ земскихъ расходовъ на народное образованіе.* Съ другой стороны, мы видимъ что губернія Тульская тратитъ на народное образованіе 200 т. р., Пензенская 185 т. р., Симбирская 176 т. р. и Калужская 168 т. р. Эти четыре губерніи въ общей сложности тратятъ только 729 т. р., то-есть $5^0/_0$.

Уже одного бѣглаго взгляда на эти цифры достаточно чтобы понять всю несообразность земской дѣятельности въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ можетъ быть оправдано ежегодное увеличеніе расходовъ на народное образованіе въ Екатеринославской губерніи на $32^0/_0$, а въ Курской на $25^0/_0$? Какія такія особыя условія представляютъ собою эти губерніи, почему въ нихъ особенно нужна грамотность? А вѣдь Курская губернія еще на-дняхъ возбуждала ходатайство передъ правительствомъ объ увеличеніи въ предѣлахъ этой губерніи акциза на вино и о передачѣ полученныхъ избытковъ въ распоряженіе земства на усиленіе народнаго образованія. Курская губернія принадлежитъ къ числу губерній чисто земледѣльческихъ, какъ и Пензенская, обработывающая промышленность въ обѣихъ развита очень слабо, отхожіе промыслы, можно-сказать, совершенно отсутствуютъ. Почему же одна увеличиваетъ расходы на $25^0/_0$, а другая только на $6^0/_0$? Почему народное образованіе оказывается у насъ всего болѣе необходимымъ въ сѣверо-восточномъ углу Россіи на границахъ Сибири? Почему одна Вятская губернія тратитъ на народное образованіе въ полтора раза больше чѣмъ губерніи Тульская, Пензенская, Симбирская и Калужская взятыя вмѣстѣ? На эти вопросы можно дать только одинъ отвѣтъ: народообразовательная манія не въ одинаковой степени охватила еще всѣ губерніи, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще сохранился настолько здравый смыслъ что онъ мѣшаетъ идти по стопамъ Вятской губерніи, гдѣ тратится 1.168.000 р. въ годъ на народное образованіе, и чтобы крестьяне не разучивались читать, для нихъ недавно устроено три тысячи библіотекъ!

Если народное образованіе въ самомъ дѣлѣ ведетъ къ поднятію уровня благосостоянія населенія, то такія огромныя затраты земствъ должны были бы уже сказаться въ чемъ-нибудь. Какого же благосостоянія достигла, напримѣръ, Вятская губернія? Чѣмъ лучше положеніе земледѣлія въ Курской губерніи чѣмъ въ Тульской? Рѣшительно ничѣмъ. Съ этой точки зрѣнія земскіе расходы на народное образованіе не имѣютъ никакого оправданія.

III.

Далеко не безынтереснымъ является вопросъ на что̀ именно тратятся земствами суммы асигнуемыя на нужды народнаго образованія? Къ сожалѣнію, *Вѣстникъ Финансовъ* въ этомъ отношеніи даетъ лишь самыя общія указанія. Расходы идущіе на содержаніе начальныхъ и професіональныхъ земскихъ школъ для всѣхъ земствъ составляютъ 11.559 т. р., то-есть, 75% или три четверти всей суммы земскихъ расходовъ на народное образованіе. Расходы эти больше всего выдаются въ губерніяхъ: Тверской, Московской, Петербургской и Орловской, гдѣ они составляютъ 90% общаго народообразовательнаго бюджета. Цифра эта сама по себѣ довольно характерна.

Земства наши, какъ извѣстно, являются, по крайней мѣрѣ въ теоріи, учрежденіями всесословными. Да иными они и быть не могутъ, такъ какъ въ платежѣ земскихъ налоговъ участвуютъ лица самыхъ разнообразныхъ званій и состояній. Платитъ ихъ и крестьянинъ-земледѣлецъ, и владѣлецъ земли, преимущественно дворянинъ, и фабрикантъ, и торговецъ. Наконецъ, въ земскихъ доходахъ довольно видную статью составляютъ налоги съ недвижимыхъ имуществъ находящихся въ городахъ, а слѣдовательно и уплачиваемые горожанами. Каждая изъ этихъ группъ населенія конечно нуждается въ образованіи своихъ дѣтей. Но каждая изъ нихъ нуждается въ образованіи особаго рода. Ни одинъ не только крупный, но даже и средній землевладѣлецъ дѣтей своихъ въ сельскую начальную школу не отдастъ, онъ ихъ будетъ учить въ школѣ другаго типа, то же самое приходится сказать о фабрикантѣ, о сколько-нибудь крупномъ торговцѣ, даже о мало зажиточномъ горожанинѣ. Разъ земство приняло на себя заботы о народномъ образованіи, оно что-нибудь обязано дѣлать и для этихъ людей. Что̀ же оно дѣлаетъ? Оно даетъ въ помощь учебнымъ заведеніямъ содержимымъ казною всего только 10% своего образовательнаго бюджета! Да развѣ 10% получаетъ оно отъ этихъ лицъ? Нѣтъ, они покрываютъ большую часть земскаго бюджета и несомнѣнно имѣютъ право на большее вниманіе къ себѣ. А между тѣмъ мы безпрерывно видимъ что земства отказываютъ даже въ самыхъ ничтожныхъ пособіяхъ прогимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ. Полагаемъ что подобный образъ дѣйствій не имѣетъ рѣшительно никакихъ оправданій.

Нельзя не отмѣтить въ народообразовательной дѣятельности земствъ еще одной въ высшей степени странной черты. Всякому извѣстно чт въ русской деревнѣ трудно найти сколько-нибудь сноснаго мастера Сельская ремесленная промышленность находится у насъ въ самом

печальномъ положеніи. За каждой починкой, за каждой поправкой приходится обращаться въ городъ, да еще въ губернскій. Что же дѣлаетъ земство? Изъ 15 миліоновъ затрачиваемыхъ на народное образованіе оно удѣляетъ на образованіе професіональное всего только 622 т. р., что составляетъ лишь 4% общеобразовательнаго бюджета. Цифра до крайности мизерная. А между тѣмъ широкое распространеніе въ народѣ техническаго и ремесленнаго образованія скорѣе всего привело бы къ увеличенію его благосостоянія. Но мы этой простой истины понять не можемъ или, вѣрнѣе, не хотимъ и продолжаемъ носиться съ проектами устройства высшихъ народныхъ училищъ лишенныхъ професіональнаго характера, но зато съ преподаваніемъ въ нихъ и естествознанія, и политической экономіи. Кажется, до большаго непониманія дѣйствительности трудно и дойти!

IV.

Если планъ поднятія народнаго благосостоянія путемъ распространенія общаго образованія оказывается во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ что опытъ всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и народовъ съ поразительною ясностію показалъ что повышеніе уровня народнаго благосостоянія всегда ведетъ и къ развитію образованія въ населеніи. И это совершенно понятно. Съ развитіемъ благосостоянія является прежде всего возможность освободить дѣтей отъ работы дома или внѣ дома. Создается извѣстный досугъ, и здѣсь даже родители не признающіе никакой пользы за образованіемъ отдаютъ дѣтей въ школу. Если школа потребуетъ платы за ученіе, то и передъ расходомъ крестьяне не останавливаются. При такихъ условіяхъ ребенка до окончанія ученія изъ школы не возьмутъ, конечно въ томъ случаѣ если школа, по мнѣнію родителей, учитъ дѣйствительно тому чему надо учить. Окончившаго курсъ начальной школы родитель поведетъ дальше, отдастъ его въ школу двухклассную, въ земледѣльческую, въ какую-нибудь спеціальную, словомъ, будетъ учить тому что нужно въ его быту. Тутъ уже ни о какихъ рецидивахъ безграмотности рѣчи быть не можетъ. Вотъ естественный и нормальный путь для развитія начальнаго образованія, путь по которому шли въ другихъ странахъ.

Что же дѣлаетъ у насъ земство для улучшенія экономическаго положенія населенія? Первымъ и самымъ главнымъ условіемъ для достиженія этой цѣли является улучшеніе существующихъ путей сообщенія и созданіе новыхъ. Это абзучная истина, простая аксіома доказывать которую рѣшительно нѣтъ никакой надобности. А въ какомъ положеніи находится у насъ дорожное дѣло?

Дорожная повинность, читаемъ мы въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, составляющая четвертую по значенію въ земскихъ бюджетахъ группу расходовъ поглощаетъ всего по 34 губерніямъ 9.471 т. р., если же присоединить сюда 342 т. р. на составленіе дорожнаго капитала кои не проведены, но надлежало бы провести, по общимъ губернскимъ смѣтамъ Бесарабской и Новгородской губерній, то весь расходъ на эту повинность опредѣлится въ суммѣ 9.813 т. р. или 11,2% всѣхъ земскихъ расходовъ. Но въ этой суммѣ заключается 5.970 т. р. соотвѣтствующихъ статьѣ 1895 года назначавшейся на издержки снятыя съ земства по закону 1 іюня 1895 года и назначаемыя въ настоящее время на составленіе дорожнаго капитала. Собственно же на устройство и содержаніе дорогъ въ исправности (то-есть, на устройство и содержаніе дорожнаго полотна и сооруженій, техническаго персонала, перевозовъ, заставныхъ домовъ и т. п.) слѣдуетъ отнести для 1900 г. лишь разницу между упомянутыми двумя суммами, то-есть, 3.843 тыс. руб.

Такимъ образомъ за пять послѣднихъ лѣтъ, когда общій земскій бюджетъ возрасталъ ежегодно на 7%, асигнованія на дорожное дѣло не только не увеличились, а даже понизились съ 5,9% до 3,4%.

Въ среднемъ на одну губернію по отдѣльнымъ районамъ дорожные расходы опредѣлялись въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Районы:	1895 г. (Тысячи рублей)	1900 г. (Тысячи рублей)
Сѣверный	84	135
Восточный	101	97
Средне-промышленный	125	145
Средне-черноземный	93	77
Малороссійскій	238	145
Южный	103	100
Въ среднемъ на одну губернію	124	117

Вотъ отношеніе земствъ къ наиболѣе важному, къ наиболѣе жизненному дѣлу! Повидимому у насъ совершенно серіозно укоренилось мнѣніе что грамотный крестьянинъ отлично можетъ обойтись и безъ путей сообщенія.

Наиболѣе важнымъ достояніемъ для крестьянина является скотъ.

Вѣдь безъ него въ сущности невозможно земледѣліе, такъ какъ онъ нуженъ и для обработки земли, и для унавоженія ея. Что же дѣлаетъ земство для охраны скота? На ветеринарную часть оно расходуетъ всего только 2% своего общаго бюджета. И то слава Богу, такъ какъ этотъ расходъ въ 1895 году составлялъ только 1%. Зато

у насъ и сейчасъ есть губерніи тратящія на ветеринарную часть по 7 т. руб. въ годъ (Бесарабская)!

Земства очень любятъ гордиться своею дѣятельностію по части поднятія экономическаго благосостоянія. Оказывается что съ этою цѣлью тратится только 2,6% общаго бюджета, при чемъ одна ***пятая часть*** асигнованій по этой статьѣ идетъ на помощь кустарной промышленности. А сколько кричали объ этой помощи! Земская агрономія поглощаетъ 13% по этой статьѣ. Впрочемъ, на скудость асигнованій здѣсь жаловаться не приходится, такъ какъ эта агрономія до сихъ поръ еще никакой пользы населенію не принесла.

Законъ о фиксаціи земскихъ расходовъ, несомнѣнно, имѣлъ хорошую сторону, такъ какъ онъ защитилъ плательщиковъ земскихъ налоговъ отъ непомѣрныхъ поборовъ. Но этого мало, нужно не только чтобы земства брали соразмѣряясь съ платежными силами населенія, но нужно также чтобы они не гнались за призраками, а давали бы населенію то что̀ нужно ему и что̀ они обязаны дать. Мириться дальше съ погоней за введеніемъ всеобщаго обученія нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ жертву этой химерѣ приносятся насущные интересы. На народное образованіе и безъ всякой пользы для народа мы тратимъ бѣшеныя деньги и тратимъ ихъ исключительно ради модныхъ принциповъ.

Очевидно давно пора уже установить такой порядокъ при которомъ такая расточительность не могла бы имѣть мѣста.

Н. Емельяновъ.

Nil admirari!

Заботы о просвѣщеніи продолжаютъ волновать наше общество и печать. И не удивительно: средняя школа сдвинута съ своего фундамента, университетамъ сулятъ парламентскій режимъ съ широко развитымъ выборнымъ началомъ для замѣщенія всѣхъ должностей, съ самоуправленіемъ студенческой корпораціи, съ свободой професоровъ отъ преподаванія, а студентовъ отъ ученія. Не удивительно что отъ этихъ плановъ голова пойдетъ кругомъ.

Да, вообще въ наше время, время всяческихъ головокружительныхъ проектовъ, по вопросамъ просвѣщенія всего лучше ничему не удивляться. Не слѣдуетъ удивляться и тому что, по сообщенію Россійскаго телеграфнаго агентства, совѣтъ Харьковскаго университета *единогласно* высказался за допущеніе въ университетскія аудиторіи женщинъ; не слѣдуетъ удивляться этому факту потому что, по сооб-

щенію газетъ, и въ Кіевскомъ университетѣ нашлось два десятка професоровъ которые выступили съ предложеніемъ допустить въ университетъ слушательницъ. Видно, въ воздухѣ носится разрѣшеніе „женскаго вопроса"; и дѣйствительно по всей линіи нашей печати раздались голоса въ пользу допущенія въ университетъ женщинъ.

Вопросъ куда какъ не новъ. Но дѣло не въ новизнѣ вопроса. Недоумѣніе рождается у посторонняго наблюдателя при вопросѣ о томъ, какой поводъ имѣли харьковскіе и кіевскіе професора обсуждать допущеніе женщинъ въ университеты? Много писалось и говорилось объ университетахъ по поводу сдѣланнаго университетскимъ совѣтамъ предложенія заняться выработкой университетской конституціи. Отдѣльные пункты будущей charta libertatum были оповѣщены газетами которыя въ свое время пропечатали и текстъ 18 вопросовъ предложенныхъ на обсужденіе университетамъ. Среди этихъ 18 вопросовъ ни одинъ не касается женщинъ и потому пристегнуть прекрасный полъ къ университету было, казалось бы, мудрено. Но вопросъ поднятъ, и такъ какъ ареопагъ ученыхъ, слѣдуетъ думать, пришелъ къ своему рѣшенію все же въ предѣлахъ слишкомъ только широко понятой задачи, то единственнымъ вопросомъ съ которымъ можно было бы связать обсужденіе женскаго вопроса, является вопросъ о томъ, какими мѣрами возможно было бы поднять научные интересы студентовъ. Если съ этимъ именно вопросомъ связано рѣшеніе о допущеніи въ университетъ женщинъ,—а съ другими вопросами это рѣшеніе связать нѣтъ никакой возможности,—то сомнительною представится цѣлесообразность этого рѣшенія, да и не говоритъ это рѣшеніе въ пользу дальновидности ученой корпораціи. Въ самомъ дѣлѣ, теперь аудиторіи пусты, но развѣ только потому что у студентовъ нѣтъ научныхъ интересовъ? Не придется ли въ ближайшемъ будущемъ услыхать о комисіи по вопросу о поднятіи научныхъ интересовъ професоровъ? Допущеніемъ въ аудиторіи женскаго элемента думаютъ помочь бѣдѣ: присутствіе женщинъ привлечетъ въ аудиторіи студентовъ. Что̀ это, серіозная мысль ученой корпораціи, или мотивъ изъ оперетки? Университеты не умѣющіе или не желающіе справиться со студентами широко хотятъ раскрыть двери своихъ аудиторій предъ новымъ контингентомъ слушателей въ женскихъ костюмахъ. Развѣ женщины придутъ въ университетъ для того только чтобы учиться? Безъ сомнѣнія, результаты единогласнаго рѣшенія харьковскаго университета, еслибы это рѣшеніе приведено было въ исполненіе, показали бы что студенческіе безпорядки устраиваемые сильнымъ поломъ ничто въ сравненіи съ тѣми безобразіями какія недавно еще устраивались на улицахъ при благосклонномъ участіи и содѣйствіи „прекраснаго" пола.

Професора хотятъ видѣть въ своихъ аудиторіяхъ женщинъ. Пусть благодаря присутствію женскаго элемента аудиторія наполнится студентами. Но развѣ переполненіе аудиторіи смѣшаннымъ составомъ слушателей будетъ говорить о подъемѣ научныхъ интересовъ у студентовъ?

Любопытная черта проектовъ университетской конституціи: професоровъ спрашиваютъ, какъ улучшить университетское преподаваніе, а професора отвѣчаютъ требованіемъ имъ помощниковъ которые несли бы на себѣ все бремя преподаванія, между тѣмъ какъ ихъ принципалы занимались бы балотировками; професорамъ предлагаютъ вопросъ, какъ поднять уровень научныхъ интересовъ у студентовъ, а професора усматриваютъ въ этомъ случаѣ единственный способъ въ видѣ допущенія въ университетъ женщинъ. Учить должны помощники, привлекать женщины: что̀ же будутъ дѣлать професора? Они балотируютъ, судятъ, занимаются соображеніями высшей политики, они создаютъ направленія, они дѣлаютъ, однимъ словомъ, все кромѣ своего прямаго дѣла.

Какъ ни страненъ на первый взглядъ харьковскій проектъ основанный на единогласномъ рѣшеніи университетскаго совѣта, но удивляться ему не слѣдуетъ въ силу мудраго правила непризнаваемаго теперь, правда, класическаго міра: nil admirari! Это мудрое правило пригодится и при оцѣнкѣ результатовъ будущей „единой школы“. Быть-можетъ, къ тому времени еще не будутъ истреблены всѣ латинскіе словари, и поколѣніе долженствующее выйти изъ этой школы, зная французскій шрифтъ, найдетъ въ словаряхъ объясненіе этого изреченія. Ничему не слѣдуетъ удивляться, даже и тому что̀ творится теперь съ нашимъ просвѣщеніемъ.

Городская реформа.

Совершенно неожиданно какъ громовый ударъ съ безоблачнаго неба разнеслась по Петербургу вѣсть о томъ что выборы въ городскую думу отложены, что гласные и члены управы сохраняютъ свои полномочія на неопредѣленное время впредь до пересмотра городоваго положенія. Правда, наша повременная печать въ послѣднее время усиленно занималась вопросами устройства городскаго управленія. Съ трогательнымъ единодушіемъ достойнымъ лучшей участи нѣкоторыя столичныя и почти всѣ провинціальныя газеты толковали о необходимости обновленія и демократизаціи состава думъ. Предлагали передать квартирный налогъ въ пользу городовъ и всѣмъ плательщикамъ его предоставить избирательныя права независимо отъ

того, какія суммы они уплачиваютъ. Получилось бы нѣчто совершенно невообразимое. Жильцы мелкихъ квартиръ и, пожалуй, угловъ и коекъ составляющіе во всѣхъ городахъ подавляющее число жителей, явились бы полновластными вершителями всѣхъ городскихъ дѣлъ, такъ какъ на всѣхъ выборахъ они располагали бы огромнымъ количествомъ голосовъ.

Но даже и при такихъ условіяхъ цѣль демократизаціи городскихъ управленій была бы не вполнѣ достигнута, такъ какъ количество гласныхъ въ городскихъ думахъ ограниченное и всѣмъ „интелигентамъ“ принять участіе въ дѣлахъ не удалось бы. И вотъ явился, съ одной стороны, проектъ устройства мелкихъ самоуправляющихся городскихъ единицъ. Городъ долженъ быть разбитъ на извѣстныя части и каждая изъ такихъ частей должна имѣть свою *поддуму* которая и вѣдала бы хозяйственныя дѣла своей части, главная же дума должна завѣдывать общегородскими дѣлами. Поддумы должны находиться къ думѣ приблизительно въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ уѣздныя земства находятся къ губернскому.

Въ смыслѣ демократизаціи городскаго управленія проектъ этотъ несомнѣнно имѣлъ крупныя достоинства: вмѣсто одной городской говорильни Москва, напримѣръ, завела бы ихъ цѣлыхъ 19. Но проектъ имѣетъ и отрицательныя стороны. Вѣдь для того чтобы попасть даже въ гласные поддумы, все же нужно имѣть какой-нибудь цензъ, а всякіе цензы намъ рѣшительно ненавистны. И вотъ тотъ же самый проектъ является въ упрощенномъ видѣ. Поддумы замѣняются простыми совѣщаніями. Гласные живущіе въ районѣ извѣстной части города собираются въ извѣстные дни и выслушиваютъ заявленія, жалобы и проекты предлагаемые жителями ихъ участка. Жители могутъ говорить пространныя рѣчи и въ нихъ защищать свои предложенія, но никакимъ рѣшающимъ голосомъ въ подобныхъ собраніяхъ они не пользуются, да и сами собранія ничего рѣшать не могутъ.

Проектъ повидимому совершенно безвредный сводящійся только къ тому чтобы ознакомить гласныхъ съ нуждами, потребностями и желаніями населенія. Но, право, не нужно быть пророкомъ чтобы предсказать что подобная скромная роль собраній продержалась бы очень недолго. Гласные думы утратили бы рѣшительно всякую самостоятельность, имъ пришлось бы высказывать въ думскихъ засѣданіяхъ не свои взгляды и убѣжденія, а навязанныя имъ участковыми собраніями, дѣйствовать по ихъ инструкціямъ и въ случаѣ отступленія отъ нихъ подвергаться терору со стороны тѣхъ же собраній. Это была бы дѣйствительная „демократизація“, такъ какъ отъ людей лишь „скромно“ выражающихъ свои желанія требовать какого-нибудь ценза нѣтъ основанія.

Въ первую минуту извѣстіе о пріостановленіи выборовъ въ петербургскую думу даже обрадовало нѣкоторыхъ оптимистовъ вообразившихъ что пересмотръ городоваго положенія будетъ произведенъ въ желательномъ для нихъ направленіи. Но проникшіе въ печать слухи скоро разсѣяли эти мечты. Судя по этимъ слухамъ, предполагаемыя измѣненія въ устройствѣ городскихъ управленій въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ.

Вмѣсто городской думы совѣщательнымъ органомъ городскаго управленія явится городской совѣтъ. Должность городскаго головы будетъ замѣщаться не по выборамъ, а по назначенію, исполнительнымъ же органомъ попрежнему будетъ городская управа въ увеличенномъ составѣ изъ членовъ назначаемыхъ правительствомъ. Всякія исполнительныя и подготовительныя комисіи будутъ упразднены. Городской голова будетъ непосредственно подчиненъ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Городу предполагается назначить субсидію изъ государственнаго казначейства, такъ какъ средства петербургскаго городскаго управленія недостаточны не только для приведенія столицы въ положеніе соотвѣтствующее достоинству Императорской резиденціи, но и на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ по благоустройству и санитарной части.

Эти первоначальныя свѣдѣнія вскорѣ были дополнены нѣкоторыми подробностями. Говорятъ что количество гласныхъ будетъ уменьшено со 160 до 80 и что отъ нихъ кромѣ повышеннаго имущественнаго ценза будетъ требоваться еще цензъ образовательный. Далѣе сообщается что городской голова будетъ пользоваться правомъ непосредственнаго доклада министру Внутреннихъ Дѣлъ который будетъ замѣщать и наиболѣе отвѣтственныя должности по городскому управленію. Служащіе въ немъ получатъ права государственной службы, а пріемъ на службу женщинъ будетъ прекращенъ. Къ этому еще прибавляютъ что реформа не ограничится однимъ петербургскимъ городскимъ управленіемъ и что она будетъ распространена и на другіе крупные города.

II.

Какъ ни различны между собою оба эти проекты, между ними все же есть много общаго. Въ обоихъ проектахъ просвѣчиваетъ одна и та же мысль: надо перемѣнить людей, и все пойдетъ хорошо. Разница только въ томъ что одинъ предлагаетъ насадить въ думы „интелигентовъ“, а другой чиновниковъ, то-есть, тѣхъ же самыхъ „интелигентовъ“, но только въ форменныхъ тужуркахъ, а не въ пиджакахъ. Одни хотятъ послѣ-

довательнаго развитія городоваго положенія 1870 года, другіе хотятъ развитія положенія 1892 года. Но въ томъ-то и бѣда что оба эти положенія оказались совершенно непригодными. Собственно въ положеніи 1870 года нашу печать особенно привлекаетъ участіе въ выборахъ избирателей третьяго разряда, то-есть, людей платившихъ въ городскую кассу самые ничтожные налоги. Но эти избиратели далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: они или совершенно не пользовались своимъ избирательнымъ правомъ, или же пользовались имъ въ интересахъ лицъ у которыхъ состояли на службѣ.

Городовое положеніе съ поправками внесенными въ него въ 1892 году уничтожило этотъ разрядъ избирателей и передало городское хозяйство въ руки людей со сравнительно крупнымъ имущественнымъ цензомъ. Однако пользы для дѣла никакой отъ этого не произошло. Самыя элементарныя потребности городскаго благоустройства остались неудовлетворенными, а между тѣмъ думы продолжали витать въ сферѣ всевозможныхъ фантазій. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, возьмемъ Московскую думу. Въ цѣломъ громадномъ городѣ есть всего только одна улица которая освѣщается электричествомъ, есть еще нѣсколько другихъ улицъ освѣщаемыхъ фонарями съ ауэровскими горѣлками, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ столицы царитъ непроглядная темнота. Мостовыхъ сколько-нибудь сносныхъ нигдѣ нѣтъ, зато многіе переулки совсѣмъ даже на неотдаленныхъ окраинахъ города остаются до сихъ поръ незамощенными. Водопроводъ шалитъ и населеніе по цѣлымъ днямъ остается безъ воды. А городская управа самымъ серіознымъ образомъ увѣряетъ что „расходы на содержаніе мировыхъ судей не могутъ быть тягостными для населенія, такъ какъ эти судьи выборные". Въ думѣ идутъ безконечные толки объ организованной благотворительности, создаются проекты одинъ другаго страннѣе и невозможнѣй. Съ рабочаго населенія столицы взимается больничный сборъ, а для больныхъ въ городскихъ больницахъ нѣтъ мѣста и они бываютъ принуждены прибѣгать къ протекціи городовыхъ и дворниковъ для отправки въ больницу въ качествѣ поднятыхъ на улицѣ. А между тѣмъ для этого же рабочаго населенія устраиваются народные дома, театры и еще Богъ знаетъ что̀. Въ какомъ же частномъ хозяйствѣ ведущемся сколько-нибудь осмысленно будутъ тратить деньги на увеселенія когда ихъ нѣтъ на леченіе? И подобныхъ образцовъ городскаго хозяйства, говоря вѣрнѣе, городской безхозяйственности можно насчитать безчисленное множество.

Итакъ, замѣна въ думахъ, какъ и въ земствахъ, гласныхъ менѣе состоятельныхъ болѣе состоятельными ни къ какимъ улучшеніямъ въ дѣятельности земствъ и думъ не повела. Нельзя, повторяемъ,

ожидать такой пользы и теперь, по крайней мѣрѣ за это говорить весь опытъ предшествующихъ лѣтъ. Ошибокъ нужно искать совсѣмъ въ другомъ, въ самой постановкѣ городскихъ управленій.

III.

Прежде всего наши городскія управленія, какъ и земскія, получили совершенно не свойственныя имъ права самообложенія и самоконтроля, права рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыя. Быстрый ростъ земскихъ расходовъ въ связи съ фантастическими тратами земствъ привелъ къ закону о фиксаціи земскихъ расходовъ. Для городовъ даже нѣтъ и такого законодательнаго ограниченія, а между тѣмъ городскіе расходы ростутъ еще быстрѣе расходовъ земскихъ и городскіе налоги даютъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. У насъ не прекращаются жалобы на квартирный кризисъ. Въ чемъ собственно состоитъ этотъ кризисъ? Въ недостаткѣ квартиръ? Вовсе нѣтъ. Пройдитесь по улицамъ Москвы и вы на воротахъ домовъ увидите массу объявленій объ отдающихся квартирахъ, просмотрите московскія газеты и въ нихъ вы увидите такія же объявленія. Квартиры есть, но онѣ дороги и недоступны по своимъ цѣнамъ для населенія. Вотъ сущность нашего довольно своеобразнаго квартирнаго кризиса.

Спросите каждаго домовладѣльца о причинѣ поднятія цѣнъ на квартиры, и онъ вамъ несомнѣнно отвѣтитъ что вызывается она быстрымъ ростомъ городскихъ налоговъ. Дороговизна ростетъ, жизнь становится невозможной, а деньги швыряются самымъ безалабернымъ образомъ.

Не менѣе вредно дѣйствуетъ и отсутствіе серіознаго контроля. Тридцать лѣтъ существуетъ у насъ преобразованное городовое положеніе, а мы еще только на-дняхъ додумались до вопроса: могутъ ли гласные быть городскими подрядчиками? Вопросъ этотъ въ упрощенной формѣ ставится такъ: можетъ ли подрядчикъ города, то-есть, лицо лично и своекорыстно заинтересованное въ веденіи городскаго хозяйства участвовать въ выборѣ членовъ городской управы которые будутъ принимать отъ него этотъ подрядъ? Можетъ ли этотъ гласный-подрядчикъ явиться судьею тѣхъ же членовъ управы отъ которыхъ зависитъ принять или не принять этотъ подрядъ? Уже самая постановка подобнаго вопроса кажется чѣмъ-то совершенно невозможнымъ. А между тѣмъ городскіе подрядчики до сихъ поръ мирно пользуются правами гласныхъ внося въ городскія дѣла невообразимую путаницу отношеній.

Присутствіе подобныхъ гласныхъ еще сравнительно небольшое зло, есть и болѣе крупное. Городъ строитъ больницы, школы, богадѣльни и массу другихъ общественныхъ зданій. Если общая смѣта на постройку этихъ учрежденій и получаетъ правительственную санкцію, то въ подробности дѣла правительство не мѣшается, а потому часто все строится дорого и плохо требуя безпрерывнаго ремонта. А какъ выдаются концесіи на сооруженія водопроводовъ, конныхъ и электрическихъ дорогъ и т. п.? Тутъ часто допускались такія злоупотребленія, заключались настолько невыгодныя сдѣлки для городовъ что правительство не разъ вынуждено было обращать серіозное вниманіе на эту сторону. Когда все обходится дорого и выходитъ плохо, то денегъ обыкновенно ни на что̀ не хватаетъ. Приходится или прибѣгать къ займамъ, или измышлять новые источники доходовъ.

Противъ городскихъ займовъ въ принципѣ ничего возразить нельзя, но не слѣдуетъ забывать что займы эти ложатся тяжелымъ бременемъ не только на настоящее, но и на будущее населеніе городовъ, и это требуетъ особенно сильнаго контроля за расходомъ полученныхъ суммъ. Зато противъ измышленія новыхъ источниковъ доходовъ можно возразить очень многое. Какъ намъ не разъ уже приходилось говорить, эти источники сводятся обыкновенно къ установленію косвенныхъ налоговъ на населеніе путемъ установленія различныхъ монополій, напримѣръ, на убой скота на городскихъ бойняхъ, на осмотръ привозимыхъ въ городъ мясныхъ тушъ, на вывѣшиваніе объявленій и т. д. Эти налоги являются очень тяжелыми для населенія, такъ какъ падаютъ на предметы первой необходимости. Здѣсь цѣнность оказываемыхъ жителямъ услугъ никогда не совпадаетъ съ непомѣрно высокою платою за нихъ.

Непомѣрность обложенія городскихъ недвижимыхъ имуществъ и только-что указанные поборы должны быть уничтожены, безъ этого основнаго условія всѣ городовыя положенія окажутся неудовлетворительными. Какое бы то ни было право обложенія должно быть отнято отъ городскихъ думъ. На благоустройство города необходимыя средства онѣ должны получать изъ рукъ правительства. Какимъ образомъ достанетъ оно эти средства, конечно въ предѣлахъ города, установитъ ли оно прямые или косвенные налоги, будет[illegible] оно брать подушную или подымную подать съ населенія, это во[illegible] городскихъ думъ совершенно не касающійся, вся ихъ обязан[illegible] должна быть сведена только къ указаніямъ на нужды и потребн[illegible] города, къ указаніямъ конечно строго обоснованнымъ и со[illegible]вождающимся необходимыми смѣтами расходовъ на эти улучше[illegible] Дѣло правительства принять, отвергнуть или отложить выработ[illegible]

городскимъ управленіемъ проектъ. Въ первомъ случаѣ оно дастъ для осуществленія его необходимыя средства, въ остальныхъ случаяхъ откажетъ въ нихъ. Правительство же опредѣлитъ и относительную важность предлагаемыхъ улучшеній, установивъ порядокъ въ которомъ они должны быть осуществлены.

Отпущенныя правительствомъ суммы должны поступить въ распоряженіе городскаго управленія которое и можетъ тратить ихъ на тѣхъ же основаніяхъ на которыхъ тратятъ ихъ всѣ правительственныя учрежденія. Контроль для расходованія городскихъ суммъ долженъ быть такой же какой существуетъ и для правительственныхъ установленій. Вотъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе правильная основа для городской реформы.

Всѣ остальные вопросы имѣютъ второстепенное значеніе. Будетъ ли въ думѣ больше или меньше гласныхъ, будутъ ли они обладать бо́льшимъ или меньшимъ имущественнымъ цензомъ, это особенной разницы не произведетъ. Если дума будетъ дѣльная, правительство чаще будетъ удовлетворять ея ходатайства объ отпускѣ средствъ; если дума окажется бездѣльной, если она будетъ витать въ области фантастическихъ затѣй, правительству придется чаще отклонять ходатайства объ асигнованіи денежныхъ средствъ.

Городская реформа произведенная на такихъ основаніяхъ вѣроятно въ самое короткое время подняла бы благоустройство нашихъ городовъ на такую высоту о которой теперь и думать нельзя.

Н. Н.

Письмо изъ Лондона.

Тори и Виги.—Лондонскіе романы.—Англійская фабрикація живаго мяса.

I.

Недавно мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ передовыхъ дѣятелей такъ-называемой „либеральной“ партіи и бесѣда зашла о системѣ англійскаго парламентаризма и о различіи во взглядахъ между обѣими борющимися въ Англіи партіями „консерваторовъ“ и „либераловъ“, наслѣдницъ старинныхъ партій „Тори“ и „Виговъ“.

Я откровенно сознался что до сихъ поръ не могу выяснить себѣ принципіальнаго различія между взглядами тѣхъ и другихъ.

— Обычно принято думать, сказалъ я,—что англійскіе либералы хлопочутъ о благосостояніи меньшой братіи, а англійскіе консерваторы эгоистически поддерживаютъ въ ущербъ ей интересы крупныхъ соб-

ственниковъ и промышленниковъ, между тѣмъ у васъ въ избирательную програму консерваторовъ включенъ между прочимъ вопросъ о пенсіяхъ для престарѣлыхъ рабочихъ, а на знамени либераловъ написано: „поддержка заграничной торговли Англіи“. Какъ тутъ разобраться: кто изъ васъ за меньшую братію и кто отстаиваетъ интересы капиталистовъ?

Въ отвѣтъ мой собесѣдникъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію.

— Прежде всего забудьте о старыхъ Тори и Вигахъ, сказалъ онъ.—Ихъ уже нѣтъ больше, они давно погребены и забыты, а съ ними погребена и наша двупартійная система управленія страной. Смертельный ударъ нанесло этой системѣ совершившееся въ 1801 году сліяніе ирландскаго парламента съ англійскимъ и включеніе ирландскихъ депутатовъ въ составъ Палаты Общинъ. Эти восемьдесятъ Ирландцевъ составляющіе восьмую часть Палаты образовали третью самостоятельную и сплоченную партію которая склоняла вѣсы побѣды то на сторону либераловъ, то на сторону консерваторовъ, смотря потому кто изъ нихъ вступалъ съ ней въ союзъ.

Съ этихъ поръ борьбѣ двухъ строго разграниченныхъ партій былъ положенъ конецъ и въ англійскую парламентскую систему вкрался разъѣдающій и деморализующій элементъ націонализма. До того времени въ спорѣ Тори и Виговъ между собой этотъ элементъ не игралъ никакой роли, національный антагонизмъ между Англичанами и Шотландцами давно пересталъ играть политическую роль и въ обѣихъ основныхъ партіяхъ англійскаго парламента Шотландцы перемѣшались съ Англичанами въ пропорціи совершенно соотвѣтствующей отношенію между населеніемъ Англіи и Шотландіи. Изъ Шотландцевъ выходили такіе же упрямые Тори и такіе же добрые Виги, какъ и изъ Англичанъ. Изъ Ирландцевъ же не вышло ни Тори, ни Виговъ, они остались просто Ирландцами, узкими націоналистами добивающимися лишь одного: освобожденія своей родины отъ иноземнаго гнета, и не интересующимися никакими изъ вопросовъ раздѣляющихъ англійское общество на двѣ половины. Не намъ, Англичанамъ, ихъ осуждать за это, но нельзя не признать что своимъ появленіемъ въ Палатѣ Общинъ они нарушили вѣковые порядки нашего самоуправленія. Виноваты въ этомъ конечно не они, а тѣ кто ихъ туда привелъ, но фактъ остается фактомъ.

Для обезпеченія побѣды за собой одна или другая парламентск[illegible] партія должна была временно привлекать къ себѣ Ирландцевъ выра[illegible] женіемъ сочувствія ихъ національной идеѣ, что въ свою очере[illegible] привело къ разногласіямъ и недоразумѣніямъ внутри самихъ парт[illegible] Особенно прочно сошлись съ Ирландцами либералы при Гладстон[illegible] который сознавалъ ошибку сдѣланную привлеченіемъ ирландскихъ

депутатовъ въ Палату Общинъ, почему и настаивалъ на гомъ-рулѣ, то-есть, на полномъ самоуправленіи для Ирландіи. Но многіе близорукіе послѣдователи Гладстона не понимали всей важности и всей необходимости гомъ-руля въ интересахъ самой Англіи и неохотно шли за своимъ лидеромъ. Чисто изъ джингоизма, изъ желанія властвовать надъ другою народностію, изъ нелѣпаго пристрастія къ кулачному праву, къ праву сильнѣйшаго, они настаивали на подчиненіи Ирландіи Англо-Шотландцамъ. Вліяло на нихъ тоже и неправильное пониманіе интересовъ собственнаго отечества. По извинительному, быть-можетъ, эгоизму они считали „выгодною" для Англіи эксплоатацію Ирландіи, не разсуждая о томъ что такой эгоистическій взглядъ усиливаетъ отчужденіе Ирландцевъ отъ метрополіи, эксплоатація же ведетъ къ обѣдненію Ирландіи и къ обезлюденію этой страны, такъ какъ Ирландцы не только эмигрируютъ сотнями тысячъ ежегодно, но и процентъ рождаемости у нихъ уменьшается, а смертность растетъ. Какъ показала послѣдняя перепись 31 марта текущаго года, населеніе Ирландіи въ послѣднее десятилѣтіе уменьшилось на очень значительную цифру, почти на полъ-миліона. Скоро и эксплоатировать будетъ некого.

Всѣ эти соображенія не удержали, однако, извѣстную часть либераловъ отъ разногласія съ Гладстономъ, отъ осужденія его политики, и еще при жизни его въ либеральномъ лагерѣ произошелъ крупный расколъ. Отъ старой партіи отдѣлилась значительная группа принявшая названіе либераловъ-уніонистовъ. Создалась новая партія, уже четвертая по счету, и коренной причиной этого нарожденія на свѣтъ новой четвертой партіи въ англійскомъ парламентѣ было конечно не что иное какъ уничтоженіе отдѣльнаго ирландскаго самоуправленія.

Злосчастное вліяніе этого корня всѣхъ злоключеній современнаго англійскаго парламентаризма этимъ однако не ограничилось: подъ впечатлѣніемъ раскола вызвавшаго отдѣленіе отъ партіи крайней правой группы реагировала и крайняя лѣвая. Ей показалось необходимымъ выяснить свое отношеніе къ центру партіи, строже опредѣлить свою програму и обособиться. Не разрывая своей связи съ партіей, она выдѣлилась въ соціально-демократическую фракцію и на своемъ знамени начертала девизъ: „интересы рабочихъ". Это въ свою очередь привело къ реакціи въ центрѣ среди людей допускавшихъ что въ Англіи существуютъ и другіе интересы кромѣ интересовъ рабочихъ на фабрикахъ и на рудникахъ. При жизни Гладстона эти внутреннія несогласія среди оставшихся ему вѣрными сторонниковъ его сдерживались его личнымъ авторитетомъ, но послѣ его кончины и особенно со времени этой несчастной трансваальской

войны разногласія все усиливались, для партіи не нашлось достаточно авторитетнаго вождя, и теперь соціально-демократическая фракція хотя юридически еще не порвала съ центромъ, но уже совершенно обособилась и даже имѣетъ свое отдѣльное бюро въ лицѣ комитета такъ-называемой демократической конвенціи. Съ другой стороны, часть центра возмущенная симпатіями соціалъ-демократовъ къ врагамъ Англіи въ этой войнѣ, къ Бурамъ, и бездѣйствіемъ либеральныхъ лидеровъ тоже обособилась въ фракціи либераловъ-имперіалистовъ съ отдѣльнымъ бюро въ лицѣ комитета либерально-имперіалистской лиги. Обезсиленный же немногочисленный центръ состоящій изъ либераловъ стараго закала допускающихъ различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ и ставящихъ своею главною задачей охрану конституціонныхъ вольностей и завоеванной вѣками парламентской свободы, не имѣетъ вліятельныхъ руководителей и конечно волей-неволей долженъ идти на компромисы съ обособившимися осколками партіи чтобы поддержать хотя бы тѣнь парламентской опозиціи.

Такимъ образомъ вмѣсто двухъ основныхъ партій Тори и Виговъ превратившихся въ консерваторовъ и либераловъ, въ Англіи теперь цѣлыхъ шесть партій: 1) консерваторы, самые многочисленные, 2) либералы-уніонисты, 3) либералы-имперіалисты, 4) либеральный центръ или старо-либеральная партія, 5) соціалъ-демократы, самые малочисленные, но усиливающіеся съ каждымъ годомъ и 6) Ирландцы-націоналисты, самые сплоченные. Это раздѣленіе на группы, разумѣется, повліяло и на политическія програмы партій. Консерваторы конечно послѣ своего союза съ либералами-уніонистами должны были значительно смягчить свое непримиримое отношеніе къ трудящимся классамъ и ограничить эгоистическую защиту капиталистическихъ интересовъ. Что же касается старо-либераловъ, то для того чтобы поддержать фиктивное существованіе своей партіи они пошли на самые невозможные компромисы и рядомъ съ соціально-демократическими принципами поставили поддержку имперіалистскаго престижа и упроченіе чисто монархической связи между колоніями и метрополіей поддерживаемой исключительно военнымъ владычествомъ, то-есть, иными словами, провозгласили культъ милитаризма. Одни Ирландцы остались вѣрными своему принципу освобожденія родины отъ иностраннаго владычества. Эта эволюція въ англійскомъ парламентаризмѣ начавшаяся со времени сліянія съ Ирландіей привела, какъ и слѣдовало ожидать, къ ослабленію англійскихъ политическихъ партій и къ усиленію партіи ирландской сплоченной святою борьбой за свободу родины; вмѣстѣ съ тѣмъ развился ирландскій патріотизмъ.

Теперешнее правительство повидимому собирается бороться съ этимъ и намѣревается прибѣгнуть къ репресивнымъ мѣрамъ. Въ результатѣ получится вѣроятно новая революція въ Ирландіи, такъ какъ логическаго хода исторіи нельзя остановить. Первымъ шагомъ на этомъ пути будетъ, какъ предполагаютъ, сокращеніе числа ирландскихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ, но это мало поможетъ дѣлу. Восемьдесятъ ли, шестьдесятъ или даже сорокъ ирландскихъ депутатовъ останется въ Палатѣ, они все же своей сплоченностію будутъ представлять внушительную силу и ихъ разлагающее вліяніе на остальныя парламентскія партіи ничуть не ослабнетъ. Быть-можетъ, правильнѣе было бы, съ точки зрѣнія современнаго англійскаго правительства, совершенно исключить ирландское представительство изъ Палаты Общинъ, но на это едва ли рѣшится какое-либо самое ретроградное англійское правительство, такъ какъ это было бы явнымъ нарушеніемъ англійской конституціи, послѣ котораго весь ирландскій народъ имѣлъ бы полное и вполнѣ согласное съ закономъ право отказаться отъ уплаты налоговъ въ силу кореннаго правила обязывающаго народъ платить налоги только въ томъ случаѣ, если они вотированы его представителями. И проектированное сокращеніе числа представителей Ирландіи въ Палатѣ тоже незаконно, потому что это число опредѣлено разъ навсегда актомъ соглашенія (Union-Act) съ Ирландіей въ 1801 году и не подлежитъ уменьшенію. Для того чтобы придать хотя малый оттѣнокъ законности этому сокращенію, правительству придется добиться пересмотра закона о распредѣленіи всего соединеннаго королевства на избирательные округа и распредѣлить эти округа вновь согласно измѣненіямъ въ населенности различныхъ мѣстностей происшедшимъ въ послѣднее время. Но на такую коренную реформу очень трудно рѣшиться, потому что она поведетъ не только къ сокращенію числа представителей Ирландіи, но и къ сокращенію представительства малонаселенныхъ провинціальныхъ округовъ въ самой Англіи и Шотландіи; а такъ какъ эти округа посылаютъ въ Палату главнымъ образомъ консерваторовъ, то въ результатѣ можетъ получиться значительное ослабленіе консервативной партіи, что̀ конечно нежелательно правительству.

Поэтому правительство хотя и объявило устами своихъ ораторовъ: Бальфура, Чемберлэна, Лонга и Гэнбэри, что рѣшило сократить число Ирландцевъ въ парламентѣ, но собирается отложить эту операцію на нѣкоторое время. По крайней мѣрѣ въ своей эдинбургской рѣчи Чемберлэнъ объявилъ что министерство не спѣшитъ съ этимъ проектомъ, изъ чего слѣдуетъ что въ ближайшую сесію парламента онъ едва ли будетъ внесенъ въ палату.

Впрочемъ, какъ это сказано, онъ бы и не помогъ дѣлу. Пока

Ирландцы не будутъ совсѣмъ удалены изъ Палаты законнымъ ли путемъ, то-есть, возвращеніемъ Ирландіи самоуправленія, или незаконнымъ насиліемъ надъ конституціей, ихъ партія останется въ Палатѣ самою вліятельною и съ ней придется вступать въ компромисъ всѣмъ остальнымъ. Этого вліянія не избѣгнуть даже и соглашеніемъ между уніонистами и либералами-имперіалистами, о чемъ усиленно хлопочутъ многіе, главнымъ образомъ уніонисты. Это создало бы довольно сильную группу которая, можетъ-быть, привела бы къ измѣненію двухпартійной парламентской системы въ трехпартійную, къ чему повидимому и должна привести совершающаяся на нашихъ глазахъ парламентская эволюція. Но и тогда Ирландцы, примыкая то къ крайнимъ консерваторамъ, то къ крайнимъ либераламъ, мѣшали бы правильному ходу парламентской работы.

Для того чтобъ англійскій парламентъ сталъ опять правильно функціонировать, необходимо передѣлать то что̀ сдѣлано въ 1801 г. и вернуть Ирландіи самоуправленіе. Но и тогда конечно онъ самъ не вернется къ своей традиціонной борьбѣ двухъ чередующихся у власти партій. Это чередованіе отошло въ область преданія, старинную парламентскую систему Англіи сокрушили Ирландцы не по своей волѣ конечно, а въ силу политической ошибки самихъ же Англичанъ.

II.

Въ такомъ громадномъ городѣ какъ Лондонъ съ его четырехмиліоннымъ населеніемъ романтическія приключенія конечно случаются ежедневно и проходятъ незамѣченными, оставляя лишь мимолетный слѣдъ въ газетныхъ отчетахъ о полицейскихъ приключеніяхъ, но рѣдко выдается такой мѣсяцъ какъ текущій октябрь, когда Лондонъ, а за нимъ и вся Англія, съ напряженіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ разыгрывались три житейскіе романа совершенно различныхъ стилей и съ различнымъ содержаніемъ.

Первый, романъ приключеній, прервалъ, можетъ-быть, на время, а вѣроятнѣе навсегда, военную карьеру генерала Буллера только-что было назначеннаго командиромъ перваго армейскаго корпуса. Второй романъ, сентиментальный, лейтенанта Сэсиля и его невѣсты миссъ Бэйнъ, закончился пораженіемъ злокозненнаго опекуна въ лицѣ канцлерскаго суда (Chamery-Court), торжествомъ „любящихъ сердецъ“ и законнымъ хотя и шотландскимъ бракомъ. Третій романъ, ultra-натуралистическій, или, вѣрнѣе, порнографическій во вкусѣ Золя еще не закончился, но вѣроятно приведетъ своихъ героевъ, жреца и жрицу новой религіи Ѳеократическаго Единства или Восходящей

Зари, сначала на судъ присяжныхъ, а затѣмъ въ каторжную тюрьму. Послѣдній романъ, впрочемъ, неудобенъ для печати, упоминаю же я о немъ только потому что приключенія г. и г-жи Хоросъ, alias Джексонъ, американскихъ жрецовъ изобрѣтеннаго ими кощунственнаго культа, свидѣтельствуетъ о неустойчивости Англичанъ въ религіозномъ отношеніи, объ отсутствіи у нихъ духовно-нравственной почвы заставляющемъ ихъ алчно бросаться на всякую духовную пищу, хотя бы и недоброкачественную и предлагаемую ловкими обманщиками. Вина за это лежитъ конечно на протестантскомъ раціонализмѣ развивающемъ умъ въ ущербъ сердцу. Спасаясь отъ его изсушающихъ доктринъ, люди бѣгутъ къ шарлатанамъ злоупотребляющимъ проповѣдію братской любви. Не смотря на то что въ культѣ Ѳеократическаго Единства братская любовь на практикѣ превращалась въ незаконное сожительство главнаго жреца со всѣми неофитками и въ ограбленіи всѣхъ адептовъ главною жрицей, послѣдователей и послѣдовательницъ этого культа насчитывалось очень много, а на поученія четы Джексонъ слушатели стекались цѣлыми сотнями. Только случайность (между пострадавшими неофитками оказалась одна моложе шестнадцати лѣтъ) привела шарлатановъ на скамью подсудимыхъ, но пока еще только въ полицейскомъ судѣ. Дальнѣйшій ходъ дѣла еще не выяснился, такъ какъ слѣдствіе временно пріостановлено. Возможно что обвиняемые еще и отвертятся отъ суда присяжныхъ благодаря хваленой терпимости англійскаго законодательства ко всякимъ лжеученіямъ на quasi-религіозной подкладкѣ.

Первый романъ, генерала Буллера, полонъ всевозможныхъ приключеній, герой хотя и неудачный военачальникъ, но обладаетъ несомнѣнно рыцарскимъ характеромъ. Начинается романъ въ отдаленныя времена еще при министерствѣ Гладстона, когда сэръ Рэдверсъ Буллеръ въ качествѣ товарища статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ отказался послать войска на помощь полиціи для выселенія изъ своихъ усадебъ непокорныхъ фермеровъ въ ирландскомъ имѣніи лорда Лэнсдауна, зятя лорда Солсбери и теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ, а годъ тому назадъ бывшаго военнымъ министромъ. Съ этого злополучнаго отказа начинается вражда между лордомъ Лэнсдауномъ и Буллеромъ, какъ гласитъ лондонская хроника.

Въ 1895 г. кабинетъ Гладстона палъ не успѣвъ назначить Буллера главнокомандующимъ, какъ предполагалось, но все же наслѣдникъ Гладстона Солсбери унаслѣдовалъ и Буллера занимавшаго въ то время немаловажный постъ генералъ-адъютанта при военномъ министерствѣ. Между нимъ и Лэнсдауномъ немедленно же начались непріятности. Въ 1897 году состоялся пресловутый Джемсоновскій набѣгъ на Трансвааль организованный Родсомъ съ согласія министра

колоній Чемберлэна; Буллеръ имѣлъ неосторожность публично высказать неодобреніе этому предпріятію, при чемъ по адресу англійскихъ офицеровъ въ немъ участвовавшихъ онъ выразился такъ: „арміи ея величества приходится краснѣть за этотъ позоръ". Въ 1899 году воспользовались первымъ случаемъ чтобъ отъ него избавиться и послали его командовать южно-африканскою арміей. Ему дали всего тридцать тысячъ солдатъ разбросанныхъ по Капской колоніи и по Наталю и приказали воевать съ Бурами. Результатъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался плачевнымъ: съ упорствомъ достойнымъ лучшей участи Буллеръ семь разъ переходилъ Тугелу стремясь освободить осажденный Лэдисмитъ, и семь разъ его отбивали. Онъ съ рыцарскимъ прямодушіемъ телеграфически описывалъ свои неудачи и, когда военное министерство предлагало ему измѣнять редакцію депешъ подлежавшихъ опубликованію, онъ съ негодованіемъ отъ этого отказывался, не желая „морочить довѣрчивыхъ людей", какъ онъ выразился въ отвѣтъ на это предложеніе.

Тогда у Буллера отняли главное командованіе и послали въ Южную Африку лорда Робертса, подчинивъ ему Буллера и собравъ для него двухсотъ-тысячную армію, съ чего собственно и слѣдовало бы начать. Перевѣсъ въ численности не замедлилъ сказаться: Робертсъ побѣдоносно прошелъ черезъ Оранжевую Республику и Трансвааль и очутился въ Преторіи, но тутъ ему плохо бы пришлось, еслибы Буллеръ не очистилъ Восточный Трансвааль отъ Буровъ и не откинулъ ихъ за Преторію на сѣверъ. Вообще во время этой войны больше всего активной борьбы выпало на долю Буллера. Онъ находился постоянно въ огнѣ и не переставалъ биться съ врагами съ самаго начала кампаніи и вплоть до отъѣзда въ Англію, куда Робертсъ поспѣшилъ его отправить тотчасъ послѣ того какъ Буллеръ освободилъ его отъ опаснаго сосѣдства Буровъ въ Восточномъ Трансваалѣ.

Когда Буллеръ вернулся въ Лондонъ и занялъ постъ командира Альдершатскаго лагеря, гдѣ обучаются новобранцы и йомены, противъ него немедленно началась газетная травля на основаніи распускавшихся подъ рукой изъ военнаго министерства слуховъ о какихъ-то компрометировавшихъ генерала приказахъ сдать Бурамъ Лэдисмитъ которые онъ будто бы посылалъ генералу Уайту въ неудачную пору своихъ переходовъ черезъ Тугелу. Въ дѣйствительности же подобныхъ приказовъ онъ не давалъ, но въ одной депешѣ переданной Уайту геліографически оповѣстилъ его о своихъ неудачахъ и, какъ главнокомандующій, разрѣшилъ ему сдать городъ, если онъ не найдетъ возможности держаться. Давая ему свое разрѣшеніе на капитуляцію, Буллеръ хотѣлъ дать Уайту возможность оправдаться впослѣдствіи

передъ военнымъ судомъ, еслибы капитуляція состоялась, такъ какъ разрѣшеніе главнокомандующаго избавляло подчиненнаго генерала отъ отвѣтственности.

Газетною травлей начинается таинственная часть этого сенсаціоннаго романа. Какъ-разъ въ началѣ травли къ Буллеру является нѣкій „незнакомецъ", „подозрительная личность", какъ охарактеризовалъ его впослѣдствіи герой романа въ своей вестминстерской рѣчи. Благоразумнѣе всего было бы не принимать этого незнакомца и не вступать съ нимъ въ переговоры, но легкомысленный генералъ занимающій одинъ изъ отвѣтственныхъ военныхъ постовъ и бывшій кандидатъ на высшій постъ во всей англійской арміи, на постъ главнокомандующаго всѣми войсками, принимаетъ „подозрительнаго" незнакомца, чуть ли не всесвѣтнаго шпіона, и вступаетъ съ нимъ въ интимную бесѣду въ теченіе которой выслушиваетъ отъ него совѣтъ выйти въ отставку. Ему, какъ богатому человѣку, служба ненужна, говоритъ незнакомецъ, и лучше удалиться самому прежде чѣмъ козни враговъ удалятъ его со службы помимо его воли. По объясненіямъ сочувствующихъ Буллеру газетъ, этотъ визитъ незнакомца сдѣланъ былъ съ цѣлію вывести прямодушнаго генерала изъ терпѣнія и вызвать на какой-нибудь необдуманный шагъ послѣ котораго продолженіе военной службы героя стало бы невозможнымъ.

Подобныя хитроумныя козни и подвохи государственныхъ дѣятелей другъ противъ друга встрѣчаются обыкновенно въ бульварныхъ романахъ на quasi-исторической подкладкѣ въ родѣ *Тайнъ Мадридскаго двора* или романовъ Вс. Соловьева, и можно было предполагать что вся исторія съ таинственнымъ незнакомцемъ не что̀ иное какъ выдумка досужаго фельетониста, но нѣтъ, къ общему удивленію, Буллеръ подтвердилъ все это самъ лично и даже попалъ въ ловушку произнеся свою не менѣе удивительную вестминстерскую рѣчь.

Въ этой рѣчи произнесенной на завтракѣ который ему давало вестминстерское общинное управленіе послѣ торжественной раздачи волонтерамъ южно-африканскихъ медалей, генералъ Буллеръ не только разказалъ всю исторію съ таинственнымъ незнакомцемъ, но добавилъ что считаетъ его посланцемъ какихъ-то не менѣе таинственныхъ враждебныхъ сферъ и объяснилъ что онъ отвѣтилъ отказомъ на совѣтъ выйти въ отставку, а теперь бросаетъ вызовъ всѣмъ своимъ врагамъ какъ въ печати, такъ и въ другихъ областяхъ, требуя чтобы они доказали свои направленныя противъ него обвиненія. Затѣмъ онъ разказалъ обстоятельства при которыхъ отправлена была инкриминированная депеша генералу Уайту, коменданту Лэдисмита, якобы заключавшая въ себѣ приказъ о сдачѣ города, и изложилъ мотивы

побудившіе его дать разрѣшеніе на эту сдачу чтобы прикрыть Уайта своимъ авторитетомъ.

На другой день послѣ этой рѣчи газеты, разумѣется, подняли новый шумъ, причемъ почти единогласно признали такія объясненія неумѣстными со стороны генерала состоящаго на дѣйствительной службѣ. Вмѣсто таинственнаго незнакомца къ Буллеру явился теперь офиціальный курьеръ военнаго министерства съ предложеніемъ выйти въ отставку, но Буллеръ попрежнему упорствовалъ, и тогда послѣдовало его отчисленіе въ запасъ королевскимъ приказомъ, причемъ единственнымъ поводомъ къ такому увольненію была поставлена его рѣчь какъ проступокъ противъ дисциплины.

Тогда начался эпилогъ: либеральныя газеты немедленно приняли Буллера подъ свое покровительство и подняли страшный шумъ, опозиція собираетъ митинги для выраженія довѣрія уволенному генералу, устроена подписка для поднесенія ему почетной сабли и нѣсколько избирательныхъ округовъ предлагаютъ ему кандидатуру въ члены парламента. Буллеръ сталъ героемъ дня и толпы которая въ лондонскихъ Music-halls, кафе-шантанахъ, требуетъ воспроизведенія его портретовъ кинематографами, кричитъ *ура* при ихъ появленіи и шикаетъ и свиститъ при появленіи портретовъ лорда Робертса, своего прежняго и столь недавняго любимца. Готовятся запросы правительству въ парламентѣ какъ только-что откроется сесія, и общество раздѣлилось на двѣ неравныя половины, причемъ бóльшая половина на сторонѣ Буллера, а меньшая на сторонѣ лорда Робертса и его противниковъ. Еслибы дѣло происходило во Франціи, я бы сказалъ что нарождается новое „дѣло Буланже“, но такъ какъ все это происходитъ въ Англіи, то ничего похожаго на буланжизмъ здѣсь не можетъ развиться и о возможности буллеровской диктатуры нечего и говорить, однако меня сегодня совершенно серіозные и знающіе люди увѣряли что, будь теперь назначены общіе выборы, правительство навѣрно потерпѣло бы полное пораженіе. Но и безъ общихъ выборовъ положеніе правительства сильно поколеблено, и буллеровскій инцидентъ причинилъ ему больше вреда, чѣмъ вся неудачная трансваальская война.

Дѣло въ томъ что Англичане живо чувствуютъ всякую несправедливость. Если они допускаютъ несправедливость относительно другихъ народовъ не Англичанъ, то не надо думать что они не чувствуютъ; нѣтъ, они прекрасно сознаютъ что право не на ı сторонѣ, но молчатъ удерживаемые эгоистическими соображені. о томъ что это дѣлается для ихъ блага, для блага „самаго своб(наго“ и „самаго либеральнаго“ народа во всемъ мірѣ, народа кот' рый очень быстро вознаградитъ затѣмъ человѣчество вообще

несправедливость причиненную одному народу въ частности. Конечно такой взглядъ находится въ прямой зависимости отъ феноменальнаго англійскаго самомнѣнія, но этотъ взглядъ существуетъ и съ нимъ приходится считаться. Но сознательно допуская несправедливости относительно другихъ народовъ не имѣющихъ чести состоять британскими гражданами, civis britannicus, Англичанинъ, сейчасъ же вспылаетъ благороднымъ негодованіемъ, какъ только узнаетъ о несправедливости по отношеніи къ согражданину, Англичанину же. Жертвой такой несправедливости сдѣлался Буллеръ. Англичане разсуждаютъ такъ: Буллеръ былъ несчастливъ въ войнѣ съ Бурами, но у него не было достаточно войска и съ тѣмъ числомъ солдатъ которымъ онъ командовалъ, онъ сдѣлалъ все что могъ, слѣдовательно за неудачу его винить нечего. Эта неудача и не помѣшала его назначенію сначала командиромъ альдершотскаго лагеря, а затѣмъ командиромъ перваго аршебскаго корпуса, отчислили же его въ запасъ не за это, а за то что онъ въ публичной рѣчи послалъ своимъ врагамъ открытый вызовъ. Быть-можетъ, это и составляло проступокъ противъ дисциплины, но проступокъ не злокозненный, а напротивъ, прямодушный и смѣлый (straitford and plucky), а за подобный проступокъ несправедливо подвергать заслуженнаго генерала позорному отчисленію отъ службы. И этихъ соображеній достаточно чтобы толпа стала на сторону несправедливо обиженнаго генерала.

Правительству не легко будетъ оправдаться передъ парламентомъ, и если буллеровскій инцидентъ не вызоветъ его паденія, то достаточно будетъ малѣйшаго повода, который иначе прошелъ бы незамѣченнымъ, для отставки кабинета, и буллеровскій инцидентъ въ этой отставкѣ будетъ играть выдающуюся роль.

Приключенія лейтенанта Сэсиля и миссъ Бэйнъ напоминаютъ времена самаго пылкаго романтизма, новелы XVIII столѣтія, когда влюбленные юноши и дѣвицы бѣгали вѣнчаться въ келіи къ отшельникамъ и истинная любовь преодолѣвала козни хитрыхъ опекуновъ и несговорчивыхъ родителей. Юные Англичане и Англичанки обыкновенно въ такихъ случаяхъ отправлялись въ Шотландію къ легендарному кузнецу въ Бетналъ-Гринъ, который по древней дарованной ему привилегіи вѣнчалъ бѣглыя парочки, обводя ихъ вокругъ своей наковальни. Впрочемъ, Шотландія не нуждалась даже и въ услугахъ этого кузнеца для того чтобы соединять влюбленныхъ неразрывнымъ бракомъ, для этого достаточно было въ любой гостиницѣ при двухъ свидѣтеляхъ кавалеру назвать привезенную имъ даму своей женой, а дамѣ признать кавалера своимъ мужемъ, чтобы бракъ считался совершеннымъ. Когда съ развитіемъ законодательства древнія привилегіи Шотландіи были уничтожены и тамъ, такъ же какъ и въ Англіи,

для совершенія брака стало требоваться участіе священника или чиновника, при чемъ стали соблюдаться нѣкоторыя формальности: оглашеніе брака, брачный обыскъ и т. п., то бѣглыя англійскія парочки начали вѣнчаться не выѣзжая изъ Лондона у священниковъ заключенныхъ за долги въ долговую тюрьму на Флитъ-Стритѣ. Попадая въ эту тюрьму, священники не лишались права на совершеніе требъ, и браки бѣглыхъ парочекъ стали главною ихъ доходною статьей. Эти браки обезсмертилъ Диккенсъ и они несомнѣнно еще въ первой половинѣ XIX столѣтія составляли главный промыселъ заключенныхъ священниковъ. Агенты этихъ священнослужителей рыскали вокругъ тюрьмы, высматривая парочки явившіяся на поиски за священникомъ, сосѣднія съ тюрьмой гостиницы отводили особыя помѣщенія для совершенія браковъ и выставляли у себя въ окнахъ соотвѣтствующія объявленія.

Наконецъ, этотъ скандальный промыселъ привлекъ вниманіе законодателей, и парламентъ лишилъ заключенныхъ священниковъ права совершать браки. Вскорѣ была уничтожена и Флитъ-Стритская тюрьма. Положеніе бѣглыхъ парочекъ стало значительно труднѣе чѣмъ прежде, но все же и теперь возможны браки уходомъ, какъ это блистательно доказали лейтенантъ Сэсиль и миссъ Бэйнъ.

Новые Ромео и Джульета тѣмъ только отличаются отъ шекспировскихъ героевъ что несовершеннолѣтнимъ, а пожалуй, и предметомъ похищенія оказался Ромео. Лейтенанту Сэсилю всего девятнадцать лѣтъ, онъ принадлежитъ къ многочисленному и старинному дворянскому роду Сэсилей изъ котораго происходитъ и лордъ Солсбери, его двоюродный дядя. Мать лейтенанта вдовствующая лэди Францисъ Сэсиль состоитъ его опекуншей, но по англійскимъ законамъ подчинена въ этомъ отношеніи опекунскому управленію которое для всей Англіи сосредоточено въ канцлерскомъ судѣ, судебномъ учрежденіи предсѣдателемъ котораго состоитъ лордъ-канцлеръ. Джультеѣ, то-есть, миссъ Бэйнъ, по ея собственному признанію, 23 года, но злые языки говорятъ что ей 26 лѣтъ. Это обстоятельство, то-есть, рѣзкая разница въ возрастѣ, и побудило опекуншу противиться браку своего сына который какъ несовершеннолѣтній не имѣлъ права по англійскимъ законамъ вѣнчаться безъ ея согласія. Вѣроятно несогласіе лэди Францисъ Сэсиль на бракъ ея сына вызвано было также и тѣмъ что она мечтала для него о болѣе выгодной партіи, се[illegible] Бэйновъ не принадлежитъ ни къ богатымъ финансовымъ кр[illegible] ни къ старинному дворянству.

Когда лейтенантъ Сэсиль объявилъ матери что онъ всетак[illegible] частся вопреки ея волѣ, она обратилась за содѣйствіемъ къ ка[illegible] скому суду который немедленно издалъ приказъ всѣмъ свя[illegible]

камъ и чиновникамъ-регистраторамъ королевства не совершать этого брака, а лейтенанту Сэсилю и миссъ Бэйнъ офиціально особыми повѣстками подъ опасеніемъ немедленнаго ареста воспретилъ видѣться другъ съ другомъ и переписываться.

Казалось бы, тутъ и конецъ роману, но на повѣрку вышло что куріозное законодательство соединеннаго королевства приготовило лазейку черезъ которую влюбленные и улизнули. Дѣло въ томъ что приказы канцлерскаго суда обязательны только въ предѣлахъ собственно Англіи, за предѣлами же ея они не имѣютъ никакой силы, и Джульета увезла своего Ромео опять-таки въ Шотландію, въ эту класическую страну свободнаго брака.

Въ Эдинбургѣ, гдѣ они временно поселились, влюбленнымъ пришлось прожить двѣ недѣли чтобы получить всѣ права обычныхъ шотландскихъ обывателей, затѣмъ они обратились къ первому попавшемуся священнику который наизаконнѣйшимъ образомъ и повѣнчалъ ихъ послѣ двукратнаго оглашенія и обыска. Хотя при обыскѣ лейтенантъ Сэсиль и не могъ представить удостовѣренія о родительскомъ согласіи, но оказалось что по шотландскимъ законамъ это не можетъ служить препятствіемъ для брака, когда жениху болѣе восемнадцати лѣтъ отъ роду.

Конечно, и опекунша, и канцлерскій судъ всѣми путями старались помѣшать браку, въ Эдинбургъ отправлены были полицейскіе агенты съ приказами канцлерскаго суда объ арестѣ жениха и невѣсты, но шотландская полиція и шотландскіе судьи отказали въ своемъ содѣйствіи исполненію этого приказа, а англійскіе полицейскіе агенты не имѣютъ права лично производить аресты и обыски въ Шотландіи безъ санкціи мѣстныхъ властей. Пробовали обманомъ увезти Ромео на англійскую территорію, но это не удалось благодаря зоркости Джульеты.

За этой борьбой влюбленной парочки съ канцлерскимъ судомъ напряженно слѣдила вся англійская и шотландская печать, и когда наконецъ вѣнчаніе состоялось, то дюжина присутствовавшихъ въ церкви репортеровъ немедленно оповѣстила всѣ газеты объ этомъ событіи. Въ Лондонѣ вечернія газеты объявили объ этомъ событіи изданіями въ которыхъ помѣстили привѣтствія побѣдителямъ. Вечеромъ послѣ вѣнца новобрачные получили тысячи поздравительныхъ телеграмъ отъ совершенно незнакомыхъ имъ лицъ, а когда они выѣзжали изъ Эдинбурга, то на вокзалѣ громадная толпа провожала ихъ привѣтственными кликами. То же самое произошло и на лондонскомъ вокзалѣ, когда они прибыли въ Лондонъ на другой день послѣ вѣнца. Илюстрированныя изданія воспроизвели ихъ портреты и, судя по этимъ портретамъ, выдающаяся красота новой лэди Сэсиль въ

значительной степени объясняетъ увлеченіе ея теперешняго супруга.

Теперь Лондонъ заинтересованъ тѣмъ, какъ дальше будетъ поступать канцлерскій судъ. Бракъ вполнѣ законный и нѣтъ возможности его расторгнуть, но новобрачные несомнѣнно подлежатъ отвѣтственности за contempt of court, въ буквальномъ переводѣ, за презрѣніе къ суду, то-есть, за неисполненіе его законныхъ требованій. Пока лейтенантъ Сэсиль обязанъ подпиской о невыѣздѣ изъ Англіи, противъ жены же его не принято никакихъ мѣръ. Неизвѣстно чѣмъ кончится дѣло, хотя въ виду того что сочувствіе общества всецѣло на сторонѣ новобрачныхъ, надо думать что и канцлерскій судъ отнесется къ нимъ снисходительно.

III.

Хороша и красива англійская деревня. Подстриженныя изумрудныя лужайки, превосходно воздѣланныя поля, вѣковые парки прекрасно содержимые, обиліе плодовыхъ и другихъ деревьевъ разбросанныхъ повсюду, и по полямъ и по лужайкамъ, великолѣпные проселки, шосированные, гладко укатаные и обсаженные живыми изгородями, прелестныя фермы повитыя плющемъ, глицинами и дикимъ виноградомъ, красивые дома деревенскихъ сквайровъ въ старинномъ Елисаветинскомъ стилѣ съ тщательно подобранными цвѣтниками, съ оранжереями и фруктовами садами, все это придаетъ мѣстности оживленный видъ и свидѣтельствуетъ о довольствѣ и цвѣтущемъ состояніи сельскаго хозяйства.

Немудрено что эта красота, оживленіе и тщательная обработка земли прежде всего бросились въ глаза русскимъ сельскимъ хозяевамъ, осматривавшимъ англійскія хозяйства. Впечатлѣніе было поражающее особенно для тѣхъ изъ нихъ которые никогда не видали заграничной деревни и пріѣхали въ Англію прямо изъ выжженыхъ солнцемъ южно-русскихъ степей. Но нѣкоторое разочарованіе произвели безконечно-пересѣкающіяся изгороди которыми англійскія деревенскія угодья разбиты на крошечные участки. Эти изгороди большею частью изъ желѣзныхъ прутьевъ или изъ проволоки усаженныя гвоздями и колючками, каменныя стѣны усыпанныя битымъ стекломъ свидѣтельствуютъ о взаимномъ недовѣріи сосѣдей ревниво охраняющихъ свою собственность другъ отъ друга и о страшной дороговизнѣ земли. Дѣйствительно земля такъ дорога что шестьсотъ рублей за десятину болотистой луговины считается дешевою платой, а тридцать рублей арендной платы за ту же десятину не возьметъ владѣлецъ даже сѣвернаго шотландскаго имѣнія. Среднею же цѣной

средней по качеству земли считается сто гиней, то-есть, тысячу рублей за акръ или около 2800 р. за десятину. Понятно что при такихъ цѣнахъ владѣть землей въ Англіи не могутъ бѣдняки, и крестьянъ-землевладѣльцовъ въ Англіи нѣтъ. Землепашецъ не только не владѣетъ землей которую онъ обрабатываетъ какъ собственникъ, но не владѣетъ ею и какъ арендаторъ (кромѣ Ирландіи, гдѣ еще сохранились мелкіе фермеры-землепашцы). Во всей Англіи и Шотландіи всѣ фермеры-арендаторы, о собственникахъ же и говорить нечего, это предприниматели обрабатывающіе землю наемнымъ трудомъ, и трудъ земледѣльческій очень плохо оплачивается, онъ цѣнится дешевле всякаго инаго труда. Рабочій получающій 15, 16 шилинговъ (отъ 7 до 7 р. 50 к.) въ недѣлю, это рѣдкость, онъ долженъ быть уже спеціалистомъ по какой-либо отрасли, по уходу ли за скотомъ или по управленію жнейками, а обыкновенный рабочій: землекопъ, косецъ, подручный на скотномъ дворѣ получаютъ отъ 8 до 10 шилинговъ (отъ 3 р. 80 к. до 4 р. 75 к.) въ недѣлю. Стóитъ только сравнить эти цѣны съ заработною платой фабричныхъ рабочихъ которая очень часто превышаетъ гинею (10 р.) въ недѣлю, или съ заработкомъ кучеровъ на омнибусахъ или на конкахъ, двѣ гинеи (20 р.) въ недѣлю, чтобы понять что положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ далеко не блестящее.

Въ одномъ изъ имѣній которыя осматривали русскіе сельскіе хозяева, именно въ Шенстонъ-Кортѣ, имѣніи г. Купера, въ Шропшайрскомъ графствѣ, имъ показывали жилища рабочихъ и наши обозрѣватели были поражены чистотой и сравнительными удобствами этихъ жилищъ.

Конечно англійскіе рабочіе живутъ чище нашихъ русскихъ рабочихъ и дома ихъ снабжены такими удобствами о которыхъ наши рабочіе и не мечтаютъ, но за все это имъ приходится платить, и квартирная плата, даже значительно пониженая, какъ въ имѣніи г. Купера, составляетъ всетаки около третьей части заработка.

За двухъэтажные котэджи съ кухней и гостиной въ нижнемъ этажѣ и двумя спальнями въ верхнемъ, съ ванной и маленькою прачечной около кухни рабочій уплачиваетъ еженедѣльно три шилинга (1 р. 42 к.), и если къ этому прибавить расходы на пропитаніе, на одежду, на уплату общинныхъ повинностей и на топленіе, то легко высчитать что у него ничего не останется отъ средняго десяти-шилинговаго недѣльнаго заработка. И не только не останется, но еще ему придется всю недѣлю отказываться отъ мяса, питаясь имъ только по воскресеньямъ чтобы свести концы съ концами. Немудрено что при такихъ условіяхъ деревня пустѣетъ и рабочіе бѣгутъ въ города, она бы еще больше опустѣла, еслибы не

привычка землепашца къ землѣ и не полная неспособность его къ иной болѣе прибыльной работѣ. Въ Англіи собственникъ и арендаторъ эксплоатируютъ землю, стараясь извлечь изъ нея наибольшій доходъ, а рабочій-землепашецъ продолжаетъ пахать ее прямо по какому-то трудно объяснимому пристрастію, тогда какъ ему было бы значительно выгоднѣе бросить ее и уйти въ городъ.

Экономіи съ живущими при владѣльческой усадьбѣ рабочими кормящимися на хозяйскій счетъ въ Англіи не существуютъ. Живутъ здѣсь на хозяйскихъ квартирахъ только немногіе надсмотрщики и сторожа, но и тѣ не получаютъ хозяйскихъ кормовъ, а прокармливаются на собственный счетъ.

Что же касается хозяевъ, то значительное большинство изъ нихъ смотритъ на свое занятіе только какъ на средство къ жизни и старается извлечь наибольшій доходъ изъ него. Осуждать ихъ за это конечно нельзя. Но деревня теряетъ свою привлекательность, когда знаешь что ее стараются превратить исключительно въ доходную статью. За исключеніемъ немногихъ очень крупныхъ владѣльцевъ поддерживающихъ старинные бездоходные парки исключительно по традиціи или ради собственнаго удовольствія, всѣ сельскіе хозяева ставятъ на первомъ планѣ выгодность своего промысла, увеличеніе доходности своихъ имѣній. Land must pay, земля должна оплачиваться, таковъ девизъ современнаго англійскаго сельскаго хозяина, а такъ какъ хлѣбопашество даетъ сравнительно немного барыша, то главною заботой сельскаго хозяйства здѣсь стало теперь скотоводство. И скотоводство поставлено какъ выгодный промыселъ совсѣмъ по-фабричному.

Какъ и во всякомъ иномъ фабричномъ производствѣ, вся забота сельскаго хозяина сосредоточена на быстрѣйшемъ оборотѣ капитала, на возвращеніи затратъ при скорѣйшей реализаціи барышей. Барышъ даетъ не молоко, а мясо, почему обращено вниманіе на разведеніе наивыгоднѣйшей мясной породы скота. Но и мясо даетъ хорошій доходъ только въ такомъ случаѣ если убойный скотъ не обошелся слишкомъ дорого, не откармливался слишкомъ долго. Поэтому мясная порода скота должна быть быстрорастущая и легко откармливаемая, такъ-называемая, скороспѣлая. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ что мясной скотъ долженъ жить какъ можно меньше, чтобы прокармливаніе его обходилось хозяину какъ можно дешевле. Иначе говоря, недолговѣчность оказывается синонимомъ скороспѣлости и составляетъ главное условіе выгодности современнаго скотоводства.

Чтобы скотина приносила выгоду хозяину, необходимо чтобъ она не переживала четырехлѣтній возрастъ. Всякая же скотина (я го-

ворю про крупный рогатый скотъ) прожившая дольше четырехъ лѣтъ приноситъ не выгоду, а убытокъ. Чѣмъ раньше скотина попадаетъ на рынокъ для убоя, тѣмъ больше отъ нея барышъ хозяину, поэтому англійскіе хозяева стараются выводить такой скотъ который въ возрастѣ отъ двухъ съ половиной до трехъ лѣтъ годился бы уже на убой. Идеаломъ скотовода былъ бы двухлѣтній быкъ годный на мясо и, если вообще этого идеала еще не достигли, то въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ удается доводить двухлѣтнихъ бычковъ до вѣса въ 50, 60 пудовъ. Такіе экземпляры показывали нашимъ сельскимъ хозяевамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, даже на королевской Виндзорской фермѣ, за нихъ выдаютъ на выставкахъ крупные призы, и эти уродцы со страшно раскормленными тушами на короткихъ тонкихъ ножкахъ пока еще употребляются на племя и цѣнятся очень дорого въ надеждѣ что изъ ихъ потомства выработается еще менѣе долговѣчная и еще болѣе скороспѣлая порода. Недавно королевская ферма отказалась продать такого уродца за 1600 гиней, то-есть, за шестнадцать тысячъ рублей.

Особенно успѣшною въ этомъ отношеніи оказалась комолая, безрогая, порода скота, но мало чѣмъ уступаетъ ей скотъ короткорогій, шортгорны, буропѣгій, который кромѣ того выгоденъ и тѣмъ еще что двухгодовалыя и трехгодовалыя телки даютъ много молока, тогда какъ комолая порода утратила свою молочность. Шортгорны и комолый скотъ девяти мѣсяцевъ уже спариваются, на двадцатомъ мѣсяцѣ даютъ потомство, а на тридцатомъ годятся уже въ убой; когда же они зауряд пойдутъ на убой на двадцать четвертомъ мѣсяцѣ, то идеалъ англійскихъ скотоводовъ будетъ достигнутъ.

То же самое и въ овцеводствѣ. Жизни барану или овцѣ полагается одинъ годъ, затѣмъ они должны быть убиты, иначе хозяину будетъ убытокъ. Къ году овцы достаточно раскармливаются чтобы за нихъ можно было получить хорошую цѣну на рынкѣ. И тутъ тоже требуется скороспѣлость, то-есть, иначе говоря, недолговѣчность. Шерсть считается побочнымъ доходомъ и такого рода овцеводство, по отзыву здѣшнихъ спеціалистовъ, даетъ больше прибыли чѣмъ овцеводство тонкорунное, при которомъ цѣнится одна только шерсть, а мясо почти не принимается въ разчетъ.

То же самое въ птицеводствѣ. Наши сельскіе хозяева осматривали громадное имѣніе лорда Ротшильда въ восемнадцать тысячъ акровъ (болѣе шести тысячъ десятинъ), гдѣ и парки поддерживаются, и серны ходятъ цѣлыми стадами по лужайкамъ, и фазаны и куропатки подкармливаются исключительно для охоты, но гдѣ также обращено вниманіе и на извлеченіе наибольшей доходности изъ земли. Тамъ отведенъ особый участокъ для куроводства, и этотъ отдѣлъ постав-

ленъ совершенно по-фабричному. Такъ вотъ тамъ курицѣ полагается четыре мѣсяца жизни. Три мѣсяца цыплята ходятъ на волѣ и питаются подножнымъ кормомъ. За это время они быстро обрастутъ (выводится особая, тоже „скороспѣлая" порода) и превращаются въ огромныхъ долгоногихъ куръ. Въ началѣ четвертаго мѣсяца ихъ отсаживаютъ на откормъ въ большія клѣтки, по полдюжинѣ въ каждой, и двѣ недѣли кормятъ зерномъ и поятъ водой. Послѣднія же двѣ недѣли своей жизни куры проводятъ въ одиночномъ заключеніи въ клѣткахъ, гдѣ имъ нельзя ни встать, ни повернуться. Тутъ имъ воды не даютъ, но насосомъ особаго устройства накачиваютъ имъ въ зобъ два раза въ день полужидкій мучной растворъ. Въ послѣдній день четвертаго мѣсяца имъ „свертываютъ" шеи, отчего кровь бросается въ голову и мясо бѣлѣетъ, щиплютъ и отправляютъ на рынокъ. Все это исполняется съ точностью и акуратностью машины, и еженедѣльно лордъ Ротшильдъ продаетъ въ Лондонѣ тридцать дюжинъ четырехмѣсячныхъ куриныхъ тушъ вѣсомъ каждая отъ семи до восьми фунтовъ и зарабатываетъ по шестидесяти шиллинговъ (28 р. 47 к.) за дюжину.

Фабричное изготовленіе живаго мяса доведено въ Англіи до высокой степени совершенства, зато производство молока отошло въ область спорта и поддерживается только богатыми людьми имѣющими такъ-называемое пристрастіе къ сельскому хозяйству, да еще на образцовыхъ фермахъ въ родѣ Королевской Виндзорской. Гернсейская и Джерсейская молочныя породы не годятся на мясо, онѣ не „скороспѣлыя", плохо откармливаются и отличаются невыгодною склонностію къ долголѣтію, молоко же даетъ плохой доходъ, не смотря на великолѣпные удои, почти по два пуда молока въ день, и на болѣе чѣмъ трехпроцентное содержаніе масла въ молокѣ.

Молочный спортъ повелъ къ постройкѣ великолѣпныхъ скотныхъ дворовъ и роскошныхъ молочныхъ отдѣланныхъ внутри фарфоровыми панелями и штучными изразцами, какъ у лорда Ротшильда или на Виндзорской фермѣ, но это всетаки спортъ доступный только богатымъ людямъ. Поэтому вообще въ Англіи неуклюжія, слонообразныя шортгорны и комолыя коровы много больше въ чести чѣмъ поджарыя красивыя джерсеи съ изящно-выгнутыми точеными рогами, умными глазами и породистыми головками. They do not pay, онѣ не оплачиваются.

И наши сельскіе хозяева пришли къ тому выводу что въ Россію выгоднѣе вывозить шортгорновъ чѣмъ джерсеевъ, и имъ понравилось фабричное производство живаго мяса, и они уѣхали назадъ съ мечтами о „скороспѣлости" которой можно достигнуть скрещеніемъ нашихъ туземныхъ породъ съ англійскою короткорогою.

Когда же это будетъ достигнуто, то вывозъ мяса въ Англію станетъ, по ихъ мнѣнію, вполнѣ возможнымъ, и Россія заполонитъ лондонскій мясной рынокъ, въ чемъ, по словамъ одного изъ побывавшихъ здѣсь русскихъ хозяевъ, и заключается ея „государственная“ задача.

По нынѣшнему времени, быть-можетъ, заполоненіе Лондонскаго рынка и составляетъ одну изъ государственныхъ задачъ Россіи и, быть-можетъ, и даже вѣроятно, необходимо превратить русскую деревню тоже въ фабрику живаго мяса на подобіе англійской и навѣрно это превращеніе повыситъ доходъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, но, я думаю, простительно мнѣ, не хозяину, порадоваться что это превращеніе не совершится еще довольно долго.

Слава Богу, на мой вѣкъ хватитъ еще нашего деревенскаго простора, нашей деревенской любви ко всякой живой твари которая и составляетъ прелесть нашей деревни, не смотря на отсутствіе парковъ и повитыхъ плющемъ фермъ и благодаря отсутствію колючихъ изгородей и каменныхъ стѣнъ усыпанныхъ битымъ стекломъ.

Странникъ.

17 (30) октября 1901 г.
Лондонъ.

Изъ текущей жизни.

Борьба съ послѣдствіями недорода.—Временныя правила объ общественныхъ работахъ. — Человѣчность или принципіальность? — Борьба съ повальными болѣзнями въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ.—Два дѣла: поручика Клыкова и вольноопредѣляющагося графа Головкина - Хвощинскаго. — Вопросы вызванные ими.—Военный мундиръ и пьяная толпа.

Телеграфъ все чаще начинаетъ приносить извѣстія о признаніи различныхъ уѣздовъ неблагополучными по неурожаю. Помощь пострадавшимъ оказывается необходимою въ довольно широкихъ размѣрахъ. И справедливость требуетъ сказать что на правильную организацію ея обращено серіозное вниманіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Однимъ изъ видовъ этой помощи и притомъ видовъ наиболѣе симпатичныхъ безспорно являются общественныя работы, которымъ повидимому въ нынѣшнюю продовольственную кампанію суждено получить самое широкое развитіе.

Общественныя работы предположены, а частію уже и осуществлены въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, къ ихъ устройству приглашены различныя должностныя лица, а также государственныя и общественныя учрежденія. Работы мелкія будутъ находиться въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ, болѣе крупныя будутъ вестись зем-

скими учрежденіями, ожидается въ устройствѣ ихъ дѣятельная помощь со стороны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, со стороны Общества Краснаго Креста, а также со стороны Министерства Путей Сообщенія и Земледѣлія. Подобная постановка дѣла обѣщаетъ значительную помощь пострадавшему отъ неурожая населенію.

Какъ ни желательно устроить общественныя работы для крестьянъ вблизи ихъ домовъ, но это желаніе далеко не всегда осуществимо. Такія работы, какъ напримѣръ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, неминуемо должны оторвать ихъ отъ дома и повести къ сосредоточенію рабочихъ массъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ оказывается необходимымъ не только устроить общественныя работы, но и принять мѣры къ охраненію общественнаго порядка.

Для достиженія этой цѣли Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ изданы правила объ этихъ работахъ получившія 15 сентября Высочайшее утвержденіе. Сущность этихъ правилъ въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Общее завѣдываніе общественными работами съ продовольственною цѣлью принадлежитъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, который въ необходимыхъ случаяхъ можетъ назначать для завѣдыванія ими своихъ уполномоченныхъ.

Но такъ какъ главная масса этихъ работъ должна упасть на Министерство Путей Сообщенія и Земледѣлія, то для объединенія дѣятельности всѣхъ заинтересованныхъ въ нихъ вѣдомствъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра образуется особое совѣщаніе по продовольственному дѣлу въ составъ котораго входятъ представители Государственнаго Контроля и Министерствъ: Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а также и другихъ вѣдомствъ. При невозможности для какого-нибудь изъ нихъ произвести общественныя работы за счетъ смѣтныхъ назначеній, совѣщаніе испрашиваетъ особые кредиты для нихъ и опредѣляетъ ихъ размѣръ. Далѣе ему принадлежитъ опредѣленіе размѣра вознагражденія рабочимъ, распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а также завѣдываніе ихъ передвиженіемъ на назначенныя мѣста. Когда общественныя работы будутъ производиться вблизи крестьянскихъ домовъ, то наемъ рабочихъ производится на общихъ условіяхъ, но когда тѣ же работы должны производиться въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, то изъ высылаемыхъ въ нихъ рабочихъ образуются артели. Составленіе этихъ артелей и назначеніе старостъ для нихъ возлагается на земскихъ начальниковъ. Всѣмъ членамъ артелей составляются именные списки которые, съ одной стороны, замѣняютъ для нихъ паспорта, а съ другой, договоры о наймѣ.

Въ пути рабочія артели сопровождаются представителемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ который заботится о продовольствіи рабочихъ, о предоставленіи имъ помѣщенія и объ оказаніи врачебной помощи. При наймѣ рабочимъ выдаются задатки которые и позволяютъ имъ оказать первую помощь семьямъ.

Прибывшіе на мѣсто назначенія рабочіе находятся подъ надзоромъ или особо назначенныхъ для этого лицъ, или же подъ общимъ надзоромъ земскихъ начальниковъ, чиновъ корпуса жандармовъ и полиціи. Въ случаѣ нарушенія порядка прибывшіе на мѣсто общественныхъ работъ рабочіе могутъ быть подвергнуты безъ особаго судебнаго разбирательства аресту до трехъ дней, а въ случаѣ упорнаго уклоненія отъ работъ даже и высланы домой этапнымъ порядкомъ.

Послѣднее постановленіе очень не понравилось нѣкоторымъ органамъ нашей печати упорно не желающимъ понять что чрезвычайныя обстоятельства всегда требуютъ чрезвычайныхъ мѣръ и продолжающимъ толковать о неумѣстности примѣненія уголовныхъ каръ при неисполненіи гражданскаго договора. Собственно высылка этапнымъ порядкомъ на мѣста постояннаго жительства является вполнѣ логичною. Вѣдь паспортовъ рабочіе имѣть не будутъ, такъ какъ они для нихъ замѣняются артельными списками. Разъ рабочій за лѣность и уклоненіе отъ работы исключается изъ артели, то онъ остается безъ всякаго вида на жительство, чего у насъ не допускается.

Подавленіе возникающихъ безпорядковъ также желательно производить немедленно. Когда бушуетъ толпа, когда возникшій безпорядокъ каждую минуту грозитъ принять широкіе размѣры, то писать постановленія съ соблюденіями всевозможныхъ гарантій, затѣвать сложную судебную волокиту,—по меньшей мѣрѣ совсѣмъ неумно. Допустимъ даже что арестъ будетъ примѣняться даже къ лѣнивымъ и нерадивымъ рабочимъ. Скорбѣть ли объ этомъ? Вѣдь если не примѣнять болѣе легкаго наказанія, то сразу придется прибѣгнуть къ наказанію тяжелому, къ удаленію съ общественныхъ работъ, а удаленнаго рабочаго придется и лишить казенной продовольственной помощи, такъ какъ выдача ея людямъ работать не желающимъ служила бы явнымъ поощреніемъ лѣности. Но у рабочаго есть семья, слѣдовательно и ее пришлось бы наказать голодовкою. Такъ не лучше ли наказать арестомъ рабочаго? Это нехорошо съ принципіальной точки зрѣнія, зато человѣчно.

Неурожаи на обширныхъ пространствахъ всегда ведутъ къ усиленной заболѣваемости населенія въ постигнутыхъ ими мѣстностяхъ.

Являются тифъ, цынга и другія болѣзни. Правительственная борьба съ послѣдствіями неурожая не могла бы быть полной, еслибы не было обращено вниманія и на эту сторону дѣла. Заботы о народномъ здравіи возложены у насъ на земства, за ними же онѣ остались и въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ. Но такъ какъ каждое изъ нашихъ земствъ въ своей дѣятельности не сообразуется ни съ чѣмъ кромѣ своихъ собственныхъ желаній, то Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ принять руководство этимъ дѣломъ на себя.

Земствамъ предложено въ постигнутыхъ неурожаемъ уѣздахъ имѣть такое количество врачебныхъ и фельдшерскихъ участковъ, чтобы лица медицинскаго персонала имѣли фактическую возможность слѣдить за ними. Въ случаѣ малочисленности персоналъ этотъ долженъ быть увеличенъ. На случай переполненія больницъ земства должны выдать врачамъ авансы для найма помѣщеній для больныхъ и людей для ухода за ними, о состояніи народнаго здоровія и о принятыхъ мѣрахъ для охраненія его врачи должны доносить непосредственно завѣдующему продовольственной частью въ уѣздѣ. Такимъ образомъ правительство будетъ имѣть необходимыя ему свѣдѣнія помимо земствъ, что̀ дастъ ему возможность въ нужную минуту вмѣшаться въ дѣло. Если денежныя средства земствъ не позволятъ осуществить этой програмы, то объ этомъ должно быть сообщено министру Внутреннихъ Дѣлъ который и найдетъ возможность позаботиться объ устраненіи встрѣтившихся затруденій.

Независимо отъ этого начальникамъ губерній предложено имѣть наготовѣ летучіе врачебные отряды снабженные всѣмъ необходимымъ. Эти отряды во всякую минуту должны быть готовы двинуться въ мѣстность, гдѣ земство окажется безсильнымъ подавить эпидемію собственными силами.

При невозможности составить такіе отряды мѣстными средствами, губернаторы должны обращаться за содѣйствіемъ къ Обществу Краснаго Креста которое оказывало уже широкую помощь въ борьбѣ съ болѣзнями при прежнихъ неурожаяхъ. Отрадно конечно что населенію неурожайныхъ мѣстностей будетъ обезпечена врачебная помощь, но нельзя не порадоваться и тому что правительственному невмѣшательству въ земскія дѣла повидимому наступаетъ скорый конецъ, что по крайней мѣрѣ въ постигнутыхъ хлѣбнымъ недородомъ мѣстностяхъ надъ дѣятельностію земствъ по охранѣ народнаго здравія будетъ существовать фактическій контроль правительства обезпечивающій правильную постановку борьбы съ повальными болѣзнями.

Два судебные процеса очень похожіе другъ на друга, но происходившіе въ различныхъ концахъ Россіи, привлекли къ себѣ вниманіе печати и породили безконечные споры. Оба дѣла очень просты, несложны и замѣчательно похожи одно на другое. Въ ресторанъ одного изъ южныхъ городовъ Россіи явился вольноопредѣляющійся, графъ Головкинъ-Хвощинскій, и никого ничѣмъ не задѣвая мирно принялся за истребленіе устрицъ. Но вотъ другой посѣтитель ресторана, какой-то французъ-алкоголикъ, который начинаетъ вызывающе держаться по отношенію къ нему, всѣми способами ищетъ ссоры съ нимъ, съ каждою минутою становясь все грубѣе, навязчивѣе. Графъ Головкинъ-Хвощинскій крѣпится, сдерживается, наконецъ не выдерживаетъ и ударяетъ нахала шашкою по головѣ, о чемъ немедленно и ѣдетъ доложить воинскому начальнику.

Другая такая же исторія разыгрывается въ Петербургѣ въ Зоологическомъ саду. Туда явился поручикъ Клыковъ съ дамою. И вотъ также безъ всякаго повода съ его стороны онъ дѣлается мишенью оскорбленій для какого-то подгулявшаго нахала. Здѣсь повторяется то же самое, нахалъ становится смѣлѣе, безцеремоннѣе и въ отвѣтъ на напоминаніе поручика Клыкова о необходимости держаться приличнѣе съ поднятыми кулаками бросается на него. Вѣроятно разыгралась бы возмутительнѣйшая сцена, еслибы пуля поручика Клыкова не уложила расходившагося буяна. Послѣ выстрѣла толпа бросилась на поручика Клыкова, но на помощь ему явился случайно проѣзжавшій мимо Зоологическаго сада вольноопредѣляющійся который съ обнаженнымъ тесакомъ всталъ противъ толпы и защитилъ поручика. Вотъ вся фактическая сторона этихъ двухъ дѣлъ.

Къ процесу графа Головкина-Хвощинскаго повременная печать отнеслась довольно спокойно, ограничась лишь печатаніемъ судебныхъ отчетовъ, зато процесъ поручика Клыкова вызвалъ цѣлую бурю. Были затронуты вопросы: о мундирѣ, объ офицерской чести, о правѣ офицеровъ посѣщать увеселительныя мѣста, объ отношеніи военныхъ и штатскихъ, о военнофобствѣ и т. д. безъ конца. Разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ является безусловно необходимымъ.

Часть печати говоритъ что офицеры дорожащіе честью своего мундира должны избѣгать посѣщенія такихъ мѣстъ, гдѣ скопляется масса пьяныхъ разнузданныхъ людей, гдѣ честь этого мундира каждую минуту можетъ быть оскорблена. Въ этомъ мнѣніи безспорно есть много основательнаго. Не по всѣмъ конечно мѣстамъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ можно трепать офицерскій мундиръ. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать что наше офицерство состоитъ вовсе не изъ монаховъ, не изъ аскетовъ давшихъ при поступленіи на военную службу обѣтъ отрѣшенія отъ всѣхъ земныхъ

наслажденій и удовольствій. Запрещеніе посѣщать сомнительныя мѣста и сейчасъ существуетъ для офицеровъ, но нельзя же запретить имъ, напримѣръ, посѣщеніе безусловно приличныхъ ресторановъ. А вѣдь именно въ такомъ ресторанѣ и былъ оскорбленъ графъ Головкинъ-Хвощинскій. Гдѣ же гарантія что и другіе не нарвутся на нихъ? Такихъ гарантій нѣтъ и не въ нихъ слѣдовательно нужно искать спасенія.

Другая часть нашей повременной печати предлагаетъ другое и повидимому болѣе простое рѣшеніе вопроса. Отчего бы, говоритъ она, не предоставить права офицерамъ внѣ службы носить статское платье? Тогда офицеръ отправляющійся въ Зоологическій садъ снялъ бы мундиръ который и не могъ быть бы оскорбленъ какимъ-нибудь подгулявшимъ посѣтителемъ. Въ статьѣ *Символическая одежда* газета *Новое Время* говоритъ что мундиръ является святымъ символомъ который слѣдуетъ охранять отъ выставленія въ мѣстахъ подобныхъ Зоологическому саду. Разсужденіе довольно странное. Мундиръ можно спрятать въ чужой странѣ, при развѣдкахъ у непріятеля, но не у себя на родинѣ.

Посмотримъ однако, къ какимъ бы послѣдствіямъ могло привести осуществленіе желанія газеты дозволить носить офицерамъ статское платье внѣ службы. Если подъ мундиромъ понимать сочетаніе темно-зеленаго и краснаго сукна съ галуномъ, то отдѣлить мундиръ отъ носящаго его офицера труда большаго не составитъ. Оскорбленъ офицеръ въ пиджакѣ, но мундиръ не оскорбленъ. Вышло что-нибудь у офицера въ какомъ-нибудь Зоологическомъ саду, попросили его „честію“ оттуда: мундиръ въ смыслѣ куска темно-зеленаго сукна остался не оскорбленнымъ, офицеръ возвращается въ свою часть, чувствуетъ себя какъ ни въ чемъ не бывало и жметъ руку товарищамъ. Да согласятся ли офицеры на это? Конечно, нѣтъ. И такого господина они всетаки удалятъ изъ своей среды.

Приходится считаться еще и съ другимъ соображеніемъ. Люди не родятся съ прирожденными понятіями о чести, понятія эти даются жизнію, развиваются и крѣпнутъ отъ упражненія. Кто же будетъ отрицать что мундиръ зачастую сдерживаетъ молодыхъ офицеровъ отъ тѣхъ или иныхъ проступковъ которые они легко бы совершили безъ него? Эта невольная сдержанность переходитъ въ привычку, заставляетъ офицера внимательнѣе слѣдить за своими поступками, пріучаетъ къ необходимому самообладанію, словомъ, служитъ къ нравственному воспитанію офицера. Дозвольте носить статское платье, и это воспитательное значеніе мундира сведется къ нулю.

Нельзя не считаться и съ третьимъ соображеніемъ. Къ чему сводится подготовка современнаго солдата? Къ обученію владѣть

огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ? Нѣтъ. Этому солдата можно обучить въ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ крайнемъ случаѣ въ годъ. А между тѣмъ всѣ военные авторитеты и трехлѣтній срокъ службы считаютъ короткимъ. Почему? Да потому что задачу подготовки солдата они видятъ въ укрѣпленіи въ немъ дисциплины. Выиграетъ ли дисциплина, если солдатъ будетъ брататься съ пиджачнымъ офицеромъ, если онъ привыкнетъ ни въ грошъ его не ставить? На этотъ вопросъ конечно можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Присуща ли честь мундира однимъ только офицерамъ? Нѣтъ. Мы видимъ что вольноопредѣляющійся графъ Головкинъ-Хвощинскій защищаетъ ее съ шашкою въ рукахъ, а другой вольноопредѣляющійся во имя той же чести съ тесакомъ бросается на помощь къ поручику Клыкову. Оставаясь послѣдовательными, нужно и вольноопредѣляющимся дозволить носить внѣ службы статское платье. Но вольноопредѣляющіеся—солдаты, ergo и всѣмъ солдатамъ нужно предоставить то же право. Можно вообразить себѣ во чтó бы превратилась наша армія при такихъ условіяхъ. Нѣтъ, не офицерскій мундиръ намъ нужно прятать отъ пьяныхъ людей, а этихъ людей пріучить относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ. Никакого военнофобства у насъ нѣтъ и быть не можетъ. У насъ не существуетъ замкнутой касты офицеровъ, доступъ въ которую открытъ только людямъ привилегированныхъ сословій, попасть въ нее могутъ люди всѣхъ сословій, всѣхъ имущественныхъ положеній. Наша армія не претендуетъ играть политическую роль. Представители ея отличаются скромностію, а не нахальствомъ. А при такихъ условіяхъ военнофобія является у насъ достояніемъ только пьяныхъ людей. Гдѣ же видано на свѣтѣ чтобы какія бы то ни было реформы производились въ угоду этимъ людямъ? Думается намъ что нигдѣ.

Книги поступившія въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ октябрѣ.

Труды *Я. К. Грота*. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ редакц. проф. К. Я. Грота СПБ. 1901.

Весеннія ключи. Стихотворенія. *Сергѣй Рафаловичъ*. СПБ. 1901.

Стихи. (1896—1900). *Александръ Курсинскій*. М. 1902.

Небожественная комедія. *З. Красинскій*. Переводъ и вступительная статья А. Курсинскаго. М. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. 1902.

Воспоминанія о професорѣ И. К. Айвазовскомъ *Н. Н. Кузьмина*. СПБ. 1901.

О памяти. II часть. *И. С. Проданъ*. Юрьевъ. 1901.

Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1899 годъ. М. Ю. Изданіе Главнаго Тюремнаго Управленія. СПБ. 1901.

Разъясненія перваго общаго собранія Правительствующаго Сената и Государственнаго Совѣта по дѣламъ земскимъ, городскимъ, о крестьянахъ, о службѣ гражданской, о Евреяхъ и другимъ бывшимъ въ разсмотрѣніи Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной за время съ 1 января 1894 г. по іюнь 1901 г. Составилъ баронъ *А. Нолькенъ*. СПБ. 1902.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества издаваемыя подъ редакціею секретаря общества. Томъ XXXVII. 1901. Выпускъ III. СПБ. 1901.

Ежегодникъ Колегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1900 года по 1-е октября 1901 года. Подъ редакціею директора Колегіи Павла Галагана А. І. Степовича. Годъ 6-й. Кіевъ. 1901.

Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при Новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей. 1895—1901. Профес. *П. Бучинскаго*. Одесса. 1901.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Выпуски: двадцать-восьмой, двадцать-девятый, тридцатый и тридцать-первый. Отдѣлъ физико-математическій. Выпускъ восемнадцатый. М. 1901.

Сборникъ техническихъ статей. Изданіе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1901. № 1. СПБ.